

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2025

№ 94

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

**Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»**

***Редакционная коллегия журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»***

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) –
главный редактор
И.А. Айзикова (Томск, Россия) –
зам. главного редактора
Ю.М. Ершов (Севастополь, Россия) –
зам. главного редактора
М.М. Угрюмова (Томск, Россия) –
отв. секретарь
П.П. Каминский (Томск, Россия) –
зам. отв. секретаря
К.В. Анисимов (Красноярск, Россия)
Н.В. Жилякова (Томск, Россия)
И.Е. Ким (Новосибирск, Россия)
В.С. Киселев (Томск, Россия)
А.В. Колмогорова
(Санкт-Петербург, Россия)
Н.А. Мишанкина (Томск, Россия)
Н.Е. Никонова (Томск, Россия)
Т.Л. Рыбальченко (Томск, Россия)
В.А. Суханов (Томск, Россия)
И.В. Тубалова (Томск, Россия)

***Editorial Board
of the Tomsk State University
Journal of Philology***

T.A. Demeshkina (Tomsk, Russia) –
Editor-in-Chief
I.A. Aizikova (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
Yu.M. Yershov (Sevastopol, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
M.M. Uglyumova (Tomsk, Russia) –
Executive Editor
P.P. Kaminskiy (Tomsk, Russia) –
Deputy Executive Editor
K.V. Anisimov (Krasnoyarsk, Russia)
N.V. Zhilyakova (Tomsk, Russia)
I.Ye. Kim (Novosibirsk, Russia)
V.S. Kiselev (Tomsk, Russia)
A.V. Kolmogorova
(Saint Petersburg, Russia)
N.A. Mishankina (Tomsk, Russia)
N.E. Nikonova (Tomsk, Russia)
T.L. Rybalchenko (Tomsk, Russia)
V.A. Sukhanov (Tomsk, Russia)
I.V. Tubalova (Tomsk, Russia)

***Редакционный совет журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»***

Дж.Ф. Бейлин (Стони-Брук, США)
Е.Л. Березович (Екатеринбург, Россия)
Е.Л. Вартanova (Москва, Россия)
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
Е.А. Добренко (Венеция, Италия)
М.Н. Липовецкий (Боулдер, США)
З.И. Резанова (Томск, Россия)
И.В. Силантьев (Новосибирск, Россия)
А.Н. Соболев (Санкт-Петербург, Россия)
С.Л. Фрэнкс (Блумингтон, США)
Т.В. Шмелева (Великий Новгород, Россия)

***Editorial Council
of the Tomsk State University
Journal of Philology***

J.F. Bailyn (Stony Brook, USA)
E.L. Berezovich (Yekaterinburg, Russia)
Ye.L. Vartanova (Moscow, Russia)
N.D. Golev (Kemerovo, Russia)
E.A. Dobrenko (Venice, Italy)
M.N. Lipovetsky (Boulder, USA)
Z.I. Rezanova (Tomsk, Russia)
I.V. Silantev (Novosibirsk, Russia)
A.N. Sobolev (Saint Petersburg, Russia)
S.L. Franks (Bloomington, USA)
T.V. Shmeleva (Veliky Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Вахитова Д.К. Тематические группы инвективных заимствований из русского языка в татарской художественной литературе XX в.	5
Брубель Д.Д., Паско Л.И., Студеникина К.А. «Сильные» и «слабые» факторы при частичном предикативном согласовании: метаисследование	23
Горина О.Г., Камнева Л.Э., Кучеренко С.Н., Кутанова Д.А. Формирование лексического минимума с помощью корпусных инструментов (на материале кейс-исследования по интегрированному курсу Tangible and Intangible Assets)	43
Гриднева Е.М., Здорова Н.С., Иваненко А.А., Макарова П.С., Грабовская М.А. База русских идиом (БРИ) с нормированными психолингвистическими параметрами	67
Дементьев В.В. Что можно и что нельзя выразить на метаязыке А. Вежбицкой?	92
Шеина И.М. Сопоставительный анализ концепта «колония» в дискурсивных практиках в XVIII–XIX вв. и XX–XXI вв.	108

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Alaverdyan S.K. Frame stories in contemporary Armenian prose	122
Волков И.О. И.С. Тургенев – читатель трагедии И.В. Гёте «Фауст» (по материалам помет и маргиналий на переводе М.П. Вронченко). Статья 2	140
Горбенко А.Ю. Авто(био/агио)графический нарратив как инструмент формирования персонального мифа о писателе «из народа»: случай Г.Д. Гребенникова	172
Дзапарова Е.Б. С.В. Шервинский – переводчик осетинской поэзии: к вопросу о переводческом методе	207
Дубровская С.А. «С огромным интересом читал три Ваших работы...»: М.М. Бахтин в читательском диалоге с Л.Е. Пинским (по материалам архива и личной библиотеки мыслителя)	228
Zimina E.V., Sargsyan M.S. Artistic response to ecological problems in contemporary English-language ecopoetry	243
Патракова О.Н. Первая «Спящая красавица» на балетной сцене: мифолитературные корни и нарративные трансформации	257
Шулятьева Д.В. Выбор есть всегда: повествовательные альтернативы как теоретическая проблема	270

ЖУРНАЛИСТИКА

Долгова Ю.И., Чжан И. Специфика программирования популярных провинциальных телеканалов КНР	290
---	-----

CONTENTS

LINGUISTICS

Vakhitova D.K. Thematic groups of invective borrowings from the Russian language in the Tatar fiction of the 20th century	5
Vrubel D.D., Pasko L.I., Studenikina K.A. "Strong" and "weak" factors influencing partial agreement: A meta-study	23
Gorina O.G., Kamneva L.E., Kucherenko S.N., Kuganova D.A. The compilation of a lexical minimum for the curriculum subject "Economics of Tangible and Intangible Assets"	43
Gridneva E.M., Zdorova N.S., Ivanenko A.A., Makarova P.S., Grabovskaya M.A. Database of Russian Idioms with Standardized Psycholinguistic Parameters (DoRI)	67
Dementyev V.V. What can and cannot be expressed in the metalanguage of Anna Wierzbicka?	92
Sheina I.M. A comparative analysis of the concept "colony" in discursive practices of the 18th–19th and 20th–21st centuries	108

LITERATURE STUDIES

Alaverdyan S.K. Frame stories in contemporary Armenian prose	122
Volkov I.O. Ivan Turgenev as a reader of Goethe's <i>Faust</i> (on Turgenev's personal library). Article 2	140
Gorbenko A.Yu. Auto(bio/hagio)graphic narrative as a tool of formation of a personal myth about a writer "of the people": The case of Georgii Grebenschchikov	172
Dzaparova E.B. Sergei Shervinsky as a translator of Ossetian poetry: On the translation method	207
Dubrovskaya S.A. "With great interest I read three of your works...": Mikhail Bakhtin in a reader's dialogue with Leonid Pinsky (based on the materials of the thinker's archive and personal library)	228
Zimina E.V., Sargsyan M.S. Artistic response to ecological problems in contemporary English-language ecopoetry	243
Patrakova O.N. The first "Sleeping Beauty" in the ballet world: Mytholiterary origins and narrative transformations	257
Shulyatyeva D.V. There is always a choice: alternative possible events in the narrative as a theoretical problem	270

JOURNALISM

Dolgova Yu.I., Ying Zhang. Daily and weekly dynamics of programming of Hunan TV, Zhejiang TV and Jiangsu TV channels	290
---	-----

ЛИНГВИСТИКА

Научная статья
УДК 811.512.145
doi: 10.17223/19986645/94/1

Тематические группы инвективных заимствований из русского языка в татарской художественной литературе XX в.

Диляра Касимовна Вахитова¹

¹ Казанский государственный архитектурно-строительный университет,
Казань, Россия, dilik15@yandex.ru

Аннотация. Исследуются инвективные заимствования из русского языка в произведениях татарской литературы XX столетия. В ходе анализа выделяются семь основных тематических групп инвектив, сравнивается частота их использования в работах татарских писателей на протяжении всего исторического периода. Полученный состав инвектив анализируется с функциональной точки зрения. Материал, рассматриваемый в статье, может быть использован для последующих исследований в области татарского языка и литературы.

Ключевые слова: татарский язык, русский язык, инвектичная лексика, заимствование, татарская литература, тематическая группа, функция

Для цитирования: Вахитова Д.К. Тематические группы инвективных заимствований из русского языка в татарской художественной литературе XX в. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 94. С. 5–22. doi: 10.17223/19986645/94/1

Original article
doi: 10.17223/19986645/94/1

Thematic groups of invective borrowings from the Russian language in the Tatar fiction of the 20th century

Dilyara K. Vakhitova¹

¹ Kazan State University of Architecture and Engineering,
Kazan, Russian Federation, dilik15@yandex.ru

Abstract. The article aims to identify invective borrowings from the Russian language in Tatar fiction, to form and analyze thematic groups of invective borrowings. The material base of the study was the works of Tatar writers of the 20th century. The study was conducted using a comparative, interpretative and contextual analyses, and other methods. As a result, more than 160 cases of using invective vocabulary borrowed from the Russian language in the Tatar literary text were identified. This number is explained by the fact of close interaction of the two languages on the territory of the Republic of Tatarstan. The following thematic groups of invective borrowings from the Russian language were formed (in order of their frequency of use in the text): (1) gen-

eral invective borrowings; (2) negative traits of character and behavior; (3) socially disadvantaged groups; (4) age characteristics; (5) social status, origin; (6) sending somebody to the devil/hell, etc. (7) nationality. The results of the analysis indicate that literary characters most often use invective borrowings from the Russian language primarily to express a negative attitude towards another person and criticize their character or behavioral traits, which is the main purpose of invectives in speech. The topic of nationality is represented least of all, which is due to the predisposition of the Tatar people to use not the borrowed vocabulary, but invective units from the vocabulary of their native language. The results of the study allowed drawing a number of conclusions. 1. In each analyzed literary work, invective borrowings from the Russian language are presented in various amounts. The results of the comparative analysis show that the number of borrowings used in Tatar literature has not changed over the course of the century. 2. The analyzed invective borrowings are distinguished by a wide range of functions. 3. It is important to emphasize the special role of the context, due to which any word can acquire a negative connotation and be used in an invective function. In conclusion, it should be noted that statements containing invective borrowings make the speech of the characters more emotional and contribute to a more accurate and understandable expression of feelings for the reader.

Keywords: Tatar language, Russian language, invective vocabulary, borrowing, Tatar literature, thematic group, function

For citation: Vakhitova, D.K. (2025) Thematic groups of invective borrowings from the Russian language in the Tatar fiction of the 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 94. pp. 5–22. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/94/1

Введение

Инвектичная лексика представляет собой значительный пласт словаря, имеющийся в каждой языковой культуре. Это обусловлено тем фактом, что человек, как представитель любой национальной культуры, имеет потребность в выражении своих отрицательных эмоций, чувств и мыслей в отношении другого человека или какой-либо ситуации. Инвектичная лексика способствует достижению материализации эмоций. Ввиду того, что инвектива реализует важную функцию выражения отрицательного отношения к инвектуму, прослеживается возросший интерес к данному пласту лексической системы со стороны ученых. На сегодняшний день языковеды исследуют инвективу с позиции различных отраслей лингвистики, охватывая при этом множество аспектов. Так, в лексикографическом аспекте исследование и анализ инвектической лексики и фразеологии представлены в работах таких зарубежных ученых, как C. Ruiz García [1], J. de Dios Luque, A. Pamies, F.J. Manjón [2], H. Pfeiffer [3], H. Rawson [4] и др. Инвектичная лексика в лингвокультурологическом плане широко рассматривается в научных трудах отечественных лингвистов Н.С. Заворотищевой [5], А.Ю. Позолотина [6] и др. Инвектива с точки зрения pragматического и функционального подхода анализируется в работах О.П. Королевой [7], Е.В. Михальковой [8] и др. Таким образом, многоаспектность изучения данного слоя лексики, а также многочисленность исследований в этой области позволили выделиться инвектологии как направлению языкознания, которое занимается проблемой инвектической лексики и фразеологии.

Данная сфера является актуальной не только для языковедов, занимающихся исследованиями в рамках русского и иностранных языков, но и для ученых, изучающих проблемы языков народов Российской Федерации. На современном этапе инвективная лексика подвергается научному рассмотрению во многих языках народов, проживающих на территории Российской Федерации, к примеру, эмоционально-оценочная лексика в чувашском языкоzнании раскрывается в трудах Ю.Н. Исаева [9], коммуникативное поведение удмуртов рассматривается в научном исследовании Т.Н. Русских [10] и др.

В татарском языкоzнании инвективная и эмоциональная лексика также подвергается многоаспектному научному исследованию такими учеными, как Г.Р. Галиуллина [11], Ф.И. Тагирова [12] и др.

Объектом настоящего исследования являются тематические группы инвективной лексики, заимствованной из русского языка, которые были выявлены в ходе анализа произведений татарской литературы XX столетия. Выбор заимствований только из русского языка они представлены в наибольшем количестве в татарском художественном тексте.

Заимствования тесно связаны с темой переключения кодов, обусловлен тем, что актуальной в таком смешанном этноязыковом регионе, как Республика Татарстан. Отметим, что переключение кода часто зависит от контекста.

Материалы и методы

В процессе исследования материальной базой послужили эмоциональные высказывания литературных героев в художественных трудах таких татарских писателей XX столетия, как Х. Такташ, Г. Камал, Ф. Бурнаш, Г. Исхакый, М. Магдеев, Ф. Амирхан, Г. Ахунов, Н. Гыйматдинова, Г. Тукай, Т. Айди, Т. Галиуллин, А. Гилязов, Ф. Садриев, М. Гафури.

Исследование проводилось с использованием таких основных лингвистических методов, как сравнительно-сопоставительный анализ, интерпретативный анализ, контекстуальный анализ. Данные методы применялись для выявления специфики использования инвективной лексики в рассматриваемых произведениях XX в. Таксономическое описание использовалось для выделения тематических групп инвективных заимствований из русского языка. На основе количественного анализа был определен наиболее употребимый состав инвектив в речи героев татарских произведений.

Результаты

В ходе исследования количественный анализ позволил выявить более 160 случаев использования инвективной лексики, заимствованной из русского языка в татарском художественном тексте, и сформировать основные тематические группы.

Мы придерживаемся точки зрения татарского языковеда Э.М. Ахунзянова, согласно которой под тематической группой понимается «объединение слов, обозначающих определенные группы самих реалий, например названия частей тела и т.д.» [13. С. 248–249].

Выделяется ряд тематических классификаций, разработанных такими исследователями в области инвектологии, как В.И. Жельвис, А.Ю. Позолотин и др. Тематическая классификация, выдвинутая В.И. Жельвисом, применима для инвективной лексики большинства языков. Он различает такие тематические группы, как богохульства, зоосравнения, ругательства на тему крови и др. [14. С. 221].

Инвектолог А.Ю. Позолотин разработал собственную классификацию инвектив, основанную на выделении определенных понятийных сфер, связанных с полом, возрастом, социальным положением индивида. Ученый предлагает выделять инвективы, характеризующие человека с позиции национальной и расовой принадлежности, профессии, принадлежности к какой-либо социальной группе, места рождения, материального благосостояния, возраста, гендера и др. [6. С. 10–11].

Классификация инвективных заимствований, разработанная в рамках данного исследования, основывается на результатах исследований отечественных лингвистов А.Ю. Позолотина и В.И. Жельвиса. Однако было установлено, что не все инвективные единицы, выявленные в татарском художественном тексте, относятся к тем понятийным сферам, которые были выдвинуты учеными. В связи с этим подобные инвективы были объединены в дополнительные тематические группы, установленные в ходе анализа литературных произведений татарских писателей XX в. К примеру, были добавлены отсылания, а также общие инвективные заимствования. Данные группы отражают специфику инвективной лексики татарского языка. Отметим, что не было выявлено инвективной лексики, относящейся к ругательствам на тему крови, расовой принадлежности, профессии, места рождения, а также богохульства, которые присутствуют в классификациях А.Ю. Позолотина и В.И. Жельвиса.

Таблица 1
Частотность использования инвективных заимствований общего характера
в произведениях татарской литературы XX в.

Инвектива	Частотность, %
Черт	29
Подлец	20
Сволочь	20
Сукин сын	12
Каналья	5
Падла	5
Мерзавец	4
Подонок	3
Гад	1
Негодай	1

Темы, в рамках которых используется инвективная лексика, многообразны. Кроме того, они обладают субъективным оценочным значением. В ходе исследования были выявлены следующие тематические группы инвективных заимствований из русского языка:

I. Самую разнообразную по составу группу составляют инвективные заимствования общего характера, которые не нацелены на критику конкретных черт характера или поведенческих моделей (45%). Данная группа инвектив способствует передаче негативных эмоций по отношению к человеку или ситуации в целом.

Как видно из табл. 1, самой частотной является инвектива *черт*, которая встречается в каждом анализируемом литературном произведении:

Тұғу, чортлар! Ахмаклар! [15. С. 46] // Тыфу, черти! Тупицы!

Следует отметить авторское написание данной инвективы, нами были выявлены такие случаи написания инвективы как «чорт», «чурт»:

Ә, чуртым! Белемне аны белергә теләгән кешеләргә генә бирәссе [16. С. 22] // А, черт (букв. мой черт)! Знания нужно давать только тем, кто их хочет получить.

Среди других инвектив данной тематической группы выделяются следующие: *падла, подонок, гад, каналья, сволочь, прохиндей, мерзавец* и др. Даные заимствования отличаются особой грубоостью:

Падла, изәм мин сине! [17. С. 110] // Падла, я тебя размажу!

Син, нәрса, падла! [18. С. 82] // Ты, чего, падла!

Бу подоноклар безнең яңа адресны белергә тиеш түгелләр [18. С. 82] // Эти подонки не должны знать наш новый адрес.

Сволочьлар [18. С. 82] // Сволочи.

Ну, гад, мин сине ниишләтәсен белермен алдагы дүшәмбөдә, йөрәгемнә боздың... [16. С. 11] // Ну, гад, я узнаю, что ты будешь делать в следующий понедельник, попортил мне сердце...

Aх, каналия, Фәтхи дә качкан [19. С. 100] // Ах, каналья, и Фатхи сбежал.

Aх, каналия, ә, ничек эләктергән икән дигән идем [19. С. 119] // Ах, каналья, а, я все задавался вопросом, как его схватил.

Каналия, син утергәнсөң! [20. С. 560] // Каналья, ты убил!

Син, сволочь, һаман язылығыңың дәвам иттең [21. С. 191] // Ты, сволочь, все время продолжал свои злодеяния.

Тыныңыңы чыгарма, сволочь! [22. С. 308] // Не смей подавать голос, сволочь!

«Сволочь» дип безнең заман халкы начар кешеләрне йөрттеләр... [23. С. 144] // Сволочью народ нашего времени называет плохих людей...

Ну и сволочь бу Сабитов! [24. С. 106] // Ну и сволочь этот Сабитов!

Ох, сволочь! Мин синең мондый икәненең белгән булсам, мин бит сине инженер итеп тә эшиләтми идем [24. С. 306] // Ох, сволочь! Если бы я знал, что ты такой, я бы не дал тебе поработать даже инженером.

Интеллигент сволочь! [24. С. 318]

Килмә артық миңа, суккин сын! [23. С. 139] // Не подходи слишком близко ко мне, сукин сын!

Чынлап та мерзавецлар! [22. С. 261] // Действительно мерзавцы!

Димәк, качканнар, мерзавецлар! [22. С. 274] // Значит, сбежали, мерзавцы!

Мә, подлең! [22. С. 276] // Возьми, подлең!

В ряде татарских литературных произведений инвективные заимствования *черт* и *каналья* используются в междометной функции. Междометная функция предполагает не оскорбление и унижение человеческого достоинства, а эмоциональное восклицание из-за невозможности изменить ситуацию:

К черту! Төкөрәм мин сезнәң логикагызга! [25. С. 107] // К черту! Плевать я хотел на вашу логику!

Каналия, бик таза икән, тукта, мин балта алып керим [19. С. 40] // Каналья, очень толстая оказывается, подожди, я принесу топор.

Тфу, черт! [20. С. 535]

Черт, ул түгел, менә бу! [20. С. 561] // Черт, не то, вот это!

Фу... черт возьми... [22. С. 141]

Ах, чорт, баян оча икән! – дип, монсу гына көлемсерәп күйды. [21. С. 198] // Ах, черт, баян летит! – сказал он и грустно улыбнулся.

Тфу, чурт! [19. С. 78] // Тьфу, черт!

Шундыйларны уйласаң, чорт вәэми, йөрәк алла нишләп китә! [26. С. 399] // Когда думаешь о таком, черт возьми, с сердцем что-то происходит!

II. Обширной является группа отрицательных номинаций человека с позиции его негативных черт характера, поведенческих особенностей (25%). В татарской литературе инвективные заимствования активно используются в речи героев с целью выражения пренебрежительного отношения и критики различных человеческих пороков:

1. Эгоизм (4,7% от общего числа инвектив данной тематической группы): *Их, син, эгоист.... Эгоист бит син* [25. С. 131] // Эх, ты, эгоист... Ты же эгоист.

2. Наглость и нахальство (9,5% от общего числа инвектив данной тематической группы): *Нахал, подлец!* [19. С. 99].

Укымышлырак кызлар моны әйткәч безне: “*И, оятызыз нахал!*” дип матур, назлы итеп сүгәләр иде. [16. С. 30] // Сказав это, более образованные девушки ругали нас красиво и ласково словами «бессовестный нахал».

Син, нахальный бэндә, ىә хәзәр үк минем белән кирпечка китәсөң, ىә мин сине грузчик егетләремә ике яртыны биреп, сөягене көл иттереп машлыйм! [21. С. 33] // Ты, нахальный человечишка, либо ты сейчас идешь со мной за кирпичом, либо я даю литр водки своим друзьям-грузчикам и стираю твои кости в порошок!

3. Отсутствие совести (7,1% от общего числа инвектив данной тематической группы): *Нәрсә, томылдыңмы, бессовестный!* [27. С. 54] // Что, попался, бессовестный!

4. Интеллектуальные недостатки (59,5% от общего числа инвектив данной тематической группы). С целью отражения данной характеристики татарские писатели используют целый набор заимствований, к примеру *дурак, бесполковый, болван, идиот* и т.д.: «*Вәйт карт дурак!*» дип каргады ул узен [24. С. 66] // «Вот старый дурак!» – ругал он себя.

Дурак! Надан! Дөнья наданы бит син! Бар, куземнән югал! [17. С. 229] // Дурак! Тупица! Ты самый тупой в мире! Иди, скройся с глаз моих!

Парикмахер узенең соңғы монологын: – *Болван!* – дип бетерде [23. С. 252] // Парикмахер закончил свой последний монолог словом «болван».

Ярың булса бистолкауай

Талкавайлар гатаяй. [17. С. 107] // Если твоя половинка бестолковая, есть готовые толковые.

В ходе анализа было выявлено более 20 случаев употребления инвективы *дурак* в произведениях татарской литературы. Таким образом, данное инвективное заимствование является самым частотным во всех рассматриваемых произведениях. Как видно из табл. 2, частотность применения данной инвективы одинакова в татарской литературе начала и конца XX столетия.

Таблица 2
Частотность употребления инвективы *дурак* в произведениях
татарской литературы

Автор	Частотность, %
М. Магдеев	11
Г. Камал	16
Х. Такташ	9
Т. Галиуллин	8
М. Гафури	19
Ф. Садриев	13
Г. Исхакый	2
Н. Гыйматдинова	9
Т. Айди	10
А Гилязов	3

Инвектива *идиот* была обнаружена только в работах писателей второй половины XX в. Т. Айди, М. Магдеева:

Беренчедән, син – ахмак.... Икенчедән, син – мәгънәсез, идиот! [16. С. 70] // Во-первых, ты – глупец... Во-вторых, ты – бестолковый, идиот!

Совет офицерын игътибар белән күзәтергә әә онымаган майор шунда тылмачына: «Идиот!» – дип сүгенде [28. С. 154] // Не забывая внимательно наблюдать за офицером совета, майор тут же начал браниться, называя его идиотом.

5. Безответственность и лень (2,4% от общего числа инвектив данной тематической группы): ...*тиз генә Иванны монда чакырырга, чтобы өр-яңа гимнастерка-чалбардан, ялтыраган итекләрдән булсын... такую-то майть, разгильдяй...* [16. С. 241] // ...быстро позовите сюда Ивана, чтобы он был в гимнастерке и брюках, начищенных сапогах... такую-то мать, разгильдяй...

Неужели сез, vakытығызын әрәм итеп, шуши бездельник, маразматиклар янына барып йөрисез? [16. С. 370] // Неужели вы будете тратить на это свое время и пойдете к этим бездельникам и маразматикам?

6. Болтливость (3,4% от общего числа инвектив данной тематической группы): *Aх, Гриша, болтун, қычыткан чыпчығы.* [18. С. 81] // Ах, Гриша, болтун, зяблик (перен. очень живая женщина невысокого роста).

7. Скандалный характер (4,7% от общего числа инвектив данной тематической группы): *Эх, син, стерва!* [22. С. 295] // Эх, ты, стерва!

8. Предательство (3,7% от общего числа инвектив данной тематической группы): *Aх, ты, сволочь, изменник!..* [26. С. 140] // Ах, ты, сволочь, изменник!

9. Распутство (4,7% от общего числа инвектив данной тематической группы): *Бар, олак, проститутка несчастная!* [24. С. 183] // Уходи, пропади ты пропадом, проститутка несчастная!

Әнә бу карт проституттан сора безнең хәлне, – дип миңа курсәтте дә,
Шәриф абзыйның ябык күкәгенә башын салып шашының елый башлады. [16. С. 212] // Вот спроси у этого старого проститута, как наши дела, – указав на меня, положила голову на худощавую грудь дяди Шарифа и неистово начала плакать.

Данное заимствование было выявлено в более поздних работах XX в., в произведениях начала столетия писатели прибегают к использованию татарских инвективных выражений для осуждения распутства, например: *оятын саткан* (букв. продавшая совесть), *урам кызы* (букв. уличная девка), *идән мунчаласы* (букв. половая тряпка), *урам тастымалы* (букв. уличное полотенце), *урам себеркесе* (букв. уличная метла) и др. Было установлено, что в анализируемой татарской литературе распутство осуждается как в отношении мужчин (50% от общего количества инвективных заимствований данной подгруппы), так и женщин (50% от общего количества инвективных заимствований данной подгруппы).

III. Инвективные заимствования, характеризующие представителей социально неблагополучных групп населения (19%). Особое внимание в татарской культуре и литературе уделяется негативной характеристике воров, мошенников и других представителей социально опасных слоев общества. К примеру, жульничество и мошенничество являются наиболее осуждаемыми видами деятельности в анализируемых произведениях татарских писателей как начала, так и конца XX столетия:

Чистый жулик бит! [17. С. 87] // Он же чистый жулик!

Жулик, билетсыз кергәнсең! [25. С. 60] // Жулик, ты зашел без билета!

Беренче очрашуда ук сезнең вак жулик, шулер, прохиндей икәнегезне аңладым. [29. С. 237] // С самой первой встречи я понял, что вы мелкий жулик, шулер, прохиндей.

Шүл жуликкамы? [20. С. 403] // Этому жулику?

Син бәзә шүл хәзмәтәмезә карши, сезнең бәтен нәсленәзне туйдырып торуымызга карши эллә нинди жуликлар сүзенә карап йөрисең! [20. С. 407] // Ты слушаешь каких-то жуликов, которые против нашей работы, против тех, кто кормит весь род!

Молчать, мошенник! [22. С. 106]

Не сметь, мошенниклар! [22. С. 107] // Не сметь, мошенники!

Базар корольләре! Шарлатаннар! [23. С. 52] // Базарные короли! Шарлатаны!

Мин синең шикелле шулер түгел. [19. С. 196] // Я не такой шулер как ты.

Наибольшее количество случаев употребления данных инвективных единиц выявлено в драматических произведениях Г. Камала «Бәхетсез егет» («Несчастный юноша»), «Уйнаш» («Распутство»):

Ай, Казан жулигы! [19. С. 36] // Ай, казанский жулик!

Их, брат! Какуй син жулик! [19. С. 37] // Эх, брат! Какой ты жулик!

Какуй син жулик, тотабыз да ватабыз. [19. С. 40] // Какой ты жулик, возьмем да разобьем!

Мин синең шикелле жуликларны бик күп күргэн! [19. С. 50] // Я видел много таких жуликов, как ты!

Кая гына күйган соң бу нәгъләт жулик? [19. С. 55] // Куда положил этот проклятый жулик?

Aх, жулик, Фәтхи, а! [19. С. 100] // Ах, жулик, Фатхи, а!

В татарском художественном тексте негативной оценке также подвергаются представители преступных групп, к примеру человек неодобрительно может называться *бандитом, шпаной, хулиганом, разбойником* и т.д.:

Тукта дим, хулиганка. [29. С. 206] // Стой, говорю, хулиганка.

Aх, разбуйник! [30. С. 86] // Ах, разбойник!

Aх, бәдбәхет, але һаман тилигәрәм дип, мәсәлән, алдамакчы буласың бит, ах, разбуйник! Разбуйник булмасаң син, мәсәлән, мөслеман белән урысча да сөйләшеп ятмас идең! [30. С. 87] // Ах, злосчастный, говоря, к примеру, телеграмма, хочешь нас обмануть, ах, разбойник! Если бы ты не был разбойником, ты бы не говорил с мусульманином на русском языке!

Вәт шпана! [31. С. 33] // Вот шпана!

Бетле бандитлар! Башыгыз бетсен! [16. С. 38] // Вшивые бандиты! Чтобы голову себе свернули!

Особую группу инвективных заимствований составляют негативные номинации человека как члена фашистской группы. Отметим, что такие заимствования, как *агент гестапо, фашист* и др., отличаются особой резкостью и презрением со стороны героев литературных произведений:

Фашистлар, канәчкечләр, сезгә барыбер бирелмим! [24. С. 175] // Фашисты, кровопийцы, все равно вам не сдамся!

Высказывания, содержащие рассматриваемые инвективные заимствования, выделяются особым накалом в мемуаре М. Магдеева «Ачы тәжрибә» («Горький опыт»):

Изэм, бетерәм бит мин сине, гестапо агенты! Шпион бит син... майть! Б... буду, сине атын үтмермәсәм... [16. С. 12] // Размажу, уничтожу я тебя, агент гестапо! Ты же шпион... мать! Б... буду, если тебя не застрели...

Башыгыз бетсен, фашистлары, бандитлар, тамагызыга аркылы кильсен минем алмаларым – ул русчаны шактый ватса да, кирәген иркен әйтә иде, – муеныйгыз сынсын, дөмегез, фашистлар! [16. С. 38] // Чтобы голову свернули, фашисты, бандиты, чтобы мои яблоки вам поперек горла встали – несмотря на то, что он говорил на ломаном русском, он мог выразить все, что хотел сказать, – чтобы шею свернули, сдохли, фашисты!

Куясыңмы құлыңны, юкмы, фашист ялчысы, мулла қалдығы, фәлән-фәлән итәм бит! [16. С. 10] // Поставишь свою подпись или нет, слуга фашиста, охвостье муллы, сделаю то и то!

Вышеуказанные примеры инвектив придают описываемой ситуации резкость, категоричность и напряженность.

IV. Инвектичная лексика, направленная на отрицательную характеристику человека с точки зрения его возраста (5%). В ходе анализа не было выявлено ни одного случая использования инвектических заимствований из русского языка в отношении старости как объекта осуждения. Основным объектом осуждения является молодость, следовательно, неопытность человека в различных жизненных аспектах. Наиболее употребимыми инвектиками в художественной литературе являются *мальчишка*, *молокосос*, *салага* и др.:

Син салага... майть! [16. С. 118] // Ты салага... мать!

В драме классика татарской литературы Г. Камала «Бэхетсез еget» («Несчастный юноша»), а также в комедиях «Безнең шәһәрнең серләре» («Тайны нашего города»), «Көндәш» («Соперница») критике подвергается неопытность героя: *Aх ты, мальчишка!* [18. С. 35]

Мальчишка, күтләк артыннан ияреп, ата-анасын ташлап, байлыкларының кадерен белмичә, монда килеп йөри. [19. С. 58] // Мальчишка, увязлся за тем подхалимом, бросил своих родителей, и вместо того, чтобы наслаждаться своим богатством, приходит постоянно сюда.

Бер малакасус, кызыл авызлы нәрсә шунда, ейләнергә килгән. [19. С. 189] // Один молокосос красноротый (букв. нечто с красным ртом) жениться пришел.

Тукта әле, мин ул малакасус малайга кыз сөюнең ни икәнен курсатим әле [19. С. 278] // Подожди-ка, я покажу этому молокососу, что значит любить девушку.

Согласно проведенному анализу в произведениях Г. Камала и Ф. Амирхана отмечено одинаковое написание слова *молокосос* – *малакасус*. Данный вариант написания отражает произношение указанного слова татарами:

Ахмак, малакасус, симеруең жәсткән икән! [19. С. 286] // Тупица, молокосос, совсем разжирел!

...Голәмага әдәпсезлек иткән малакасуларны, шулай итергә кирәк! [20. С. 104] // Так нужно поступать с молокососами, проявившими невоспитанность по отношению к ученым!

Рассмотренные выше примеры иллюстрируют то, что во всех анализируемых произведениях татарской литературы инвектические заимствования используются для отражения неопытности юноши, так как традиционно в татарской этнической культуре молодость и неопытность считаются недостатками для юноши, а не для девушки.

V. Инвективы, характеризующие человека с точки зрения его социального статуса, происхождения, а также его положения в обществе: *аристократ*, *буржуй* и др. (3%). Данная тематическая группа инвектических заимствований не является многочисленной. Отметим, что большая часть инвектических заимствований из русского языка (75% от общего числа инвектив данной тематической группы) была обнаружена в татарском художественном тексте в отношении привилегированных слоев общества:

Тик бер генә тапкыр күтәрелеп карасын иде халыкка, аристократ! [25. С. 11] // Хоть раз бы он поднялся со своего места и взглянул на народ,

аристократ! (Перевод текстовых фрагментов здесь и далее выполнен автором статьи.)

Aх, буржуй!.. – дип берсен-берсе контролыкта гаепләштеләр [23. С. 254] // Ах, буржуй!.. – так обвиняли они друг друга в контрреволюционных действиях.

Осуждению могут подвергаться не только представители высшего класса общества, но и люди деревенского происхождения (25% от общего числа инвектив данной тематической группы). К примеру, в произведении М. Магдеева «Ачы тәҗрибә» («Горький опыт») инвектива *колхозник* указывает на низкий уровень социального положения героя:

Ни фәләнәмә дип аракылы жырга керәсөң син? Колхозник, ... майтый! [16. С. 118] // Какого лешего ты заходишь в те места, где есть водка? Колхозник, ... мать!

Данное инвектическое высказывание персонажа усиливается последующим заимствованием *майтый* (мать) в авторском написании, сопровождающееся многоточием, что свидетельствует о крайней степени эмоциональной возбужденности героя.

Таким образом, результаты квантитативного анализа свидетельствуют о том, что выявленные в художественном тексте инвектические заимствования в меньшем объеме используются для критики людей более низкого происхождения.

VI. Отсылания представляют собой незначительную группу инвектических заимствований (2%). Отсылания являются средством выражения крайней степени эмоционального накала. Были обнаружены два примера использования отсыланий в речи героев в ходе анализа татарских произведений:

Пошел ты к чорту! [21. С. 29]

Йөрәгем начарланды, кул күясымы теге кәгазъә, юкмы, күймасагыз ... иләп йөрмәгез, алдагы дүшәмбәдә барыбер сыйтам мин сезне, идите к... матери, – дип чыгарып жибәрәгән. [16. С. 11] // Моему сердцу стало плохо, вы поставите подпись на ту бумагу или нет, если не поставите, то не увили-вайте, в ближайший понедельник я все равно вас раздавлю, идите к... матери, – с этими словами он нас выставил. Отметим, что частотность использования отсыланий в бытовом дискурсе значительно превышает показатели их употреблений в художественном тексте.

VII. Небольшую группу заимствований из русского языка составляют инвектические единицы, характеризующие человека с позиции его национальной принадлежности (1%). В анализируемых работах татарских авторов был выявлен лишь один случай инвектического заимствования. К примеру, в документальной повести Т. Галиуллина «Замана балалары» («Дети своего времени») обнаружено инвектическое заимствование *поганый татарин*:

...«*поганый татарин*» жәлегеннән сурылган нефть алты килде [32. С. 217] // ...он привез нефть, высосанную из мозга «поганого татарина».

В рамках разных тематик выделяются метафорические единицы, которые выполняют экспрессивно-оценочную функцию в художественном тексте. Исследователь А.Г. Файзуллина отмечает, что метафоры являются од-

ним из преобладающих и наиболее эффективных способов образования инвектива в татарском языке, что детерминировано наличием в ее структуре образного компонента. В основе метафорического переноса лежит сравнение человеческих качеств с теми объектами, которые татарская культура наделяет отрицательными характеристиками [33. С. 94]. Набор отрицательных характеристик, в свою очередь, определяется социумом на протяжении всего исторического развития. Следовательно, метафорический перенос способствует раскрытию особенностей видения мира татарским народом, их национального сознания. Таким образом, инвективные метафорические номинации человека раскрывают и отражают ценности татарского этноса, связанные с характерными чертами представителей данной культуры.

В рамках исследования было выявлено, что в татарской художественной литературе XX в. метафоризации подвергаются объекты окружающего мира. В работах татарских писателей из русского языка заимствуются лексические единицы, связанные с тематикой болезни, например: *язва*, *зараза*, *паразит*. Данный факт обусловлен негативным отношением общества к данным болезням, следовательно, и к людям, носителями которых они являются.

Ә тарих укытучысы, тарих укытучысы! Шырны! Язва! [25. С. 237] // А учитель истории, учитель истории! Спичка! Язва!

«Заразалар», – дип та өстәде. [18. С. 61] // «Заразы», – еще добавил он.

«Әйттүм» дигэн иде бит, вот зараза хатын... [34. С. 131] // Она же говорила, что не скажет, вот женщина зараза...

Анасы котырты, паразит, эши рәтен белмесең, дип бәйләнде [21. С. 202] // Его мать подстрекала его, привязалась к нему со словами, что он паразит, не знает, как надо работать.

Особое место среди метафор занимают инвективы, основанные на сравнении с представителями животного мира. Каждый народ приписывает животным определенные негативные характеристики и ассоциации, которые впоследствии переносятся на человека. Данные характеристики могут варьироваться в разных культурах, что определяет национальное своеобразие инвективной метафоры. В татарской литературе герои активно используют зоосравнения и зоометафоры для выражения презрения, критики по отношению к оппонентам. Наиболее частотными являются *дуңғыз* ‘свинья’, *сарык* ‘баран’, *эт* ‘собака’, *ишәк* ‘осел’, *бозау* ‘теленок’, *сыер* ‘корова’ и др. В речи героев татарских произведений звучат такие инвективные заимствования с компонентом-зоонимом, как *собака*, *зверь* и др.:

Нахал, собака! [19. С. 99]

Хи, зверь! [19. С. 213] // Хи, зверь!

В повести «Мәхәббәт һәм нәфрат турында хикәят» («Сказание о любви и ненависти») А. Гилязов использует иное написание слова зверь – збир, таким образом придавая татарское звучание слову и приближая речь героя к разговорному речевому потоку:

Бу шуларның збиренең збире! [31. С. 151] // Это их зверский зверь!

В результате анализа работ татарских писателей был установлен только один случай использования инвективных заимствований, содержащий название птиц. В произведении Н. Гыйматдиновой «Бер тамчы ярату» («Одна капля любви») инвектива *курица* используется в отношении женщины, придавая высказыванию общий оскорбительный оттенок:

Синнән сорамыйлар, курица! [34. С. 209] // У тебя не спрашивают, курица!

Многочисленные примеры свидетельствуют о том, что инвективные заимствования, основанные на метафоре, придают речи героев дополнительную яркость и выразительность, эмоционально отражая характер и поведение человека. Также прослеживается ключевое значение контекста в использования инвективной лексики и фразеологии. Контекст способствует распознаванию степени и полюса эмоциональности высказывания.

Результаты и выводы

В результате исследования было установлено 166 инвективных заимствований из русского языка в татарском художественном тексте. Данное количество объясняется фактом тесного взаимодействия двух языков на территории Республики Татарстан, а также функцией русского языка как проводника культуры.

Были выявлены тематические группы заимствований инвективной лексики в татарской литературе XX в. Основные темы инвективных заимствований представлены в табл. 3 (порядок от наиболее частотных заимствований к наименее частотным).

Таблица 3
Тематические группы заимствований инвективной лексики
в татарской литературе XX в.

Темы инвективных заимствований	Частотность появления в художественном тексте
Общие инвективные заимствования	45
Отрицательные черты характера и поведения	25
Социально неблагополучные группы	19
Возрастные характеристики	5
Социальный статус, происхождение	3
Отсылания	2
Национальная принадлежность	1

На основе количественного анализа был определен наиболее употребительный состав инвектив в речи героев татарских произведений XX в. Результаты представлены в табл. 4.

Также в результате исследования были выявлены инвективные заимствования, предпочитаемые каждым конкретным автором. Результаты указаны в табл. 5.

Таблица 4
**Наиболее употребительные заимствования инвективной лексики
 в татарской литературе XX в.**

Инвективные единицы	Частотность появления в художественном тексте
Дурак	24
Черт	20
Сволочь	14
Жулик	12
Подлец	10

Таблица 5
Наиболее предпочтаемые авторами заимствования инвективной лексики

Автор	Инвектива	Частотность появления в работе писателя
М. Магдеев	Черт	10
Г. Камал	Черт	9
Х. Такташ	Сукин сын	8
Т. Галиуллин	Сволочь	7
Ф. Бурнаш	Мерзавец	5
М. Гафури	Дурак	4
Ф. Амирхан	Подлец	5
Ф. Садриев	Сволочь	6
Г. Ахунов	Черт	4
Г. Исхакый	Жулик	3
Н. Гыйматдинова	Дура	4
Т. Айди	Идиот	2
Г. Тукая	Черт	2
А. Гилязов	Дурак	3

Данные, указанные в таблице, подтверждают то, что для каждого писателя характерна свойственная ему парадигма инвективных средств.

Результаты анализа свидетельствуют, что литературные герои чаще всего используют инвективные заимствования из русского языка в первую очередь для выражения отрицательного отношения к другому человеку и критики его особенностей характера или поведенческих черт, что является основной целью инвективы в речи. Меньше всего представлена тематика национальной принадлежности и отсыланий, что обусловлено предрасположенностью татарского народа к использованию не заимствованной лексики, а инвективных единиц родного языка.

Заключение

Полученные результаты исследования, посвященного анализу инвективных заимствований в татарских произведениях, позволили сделать ряд выводов.

В каждом проанализированном литературном произведении в том или ином объеме представлены инвективные заимствования из русского языка. Данный факт обусловлен тем, что татарский и русский языки являются контактирующими на территории Республики Татарстан. Результаты сравнительно-сопоставительного анализа свидетельствуют о том, что объем используемых заимствований не изменяется в татарской литературе на протяжении века. Состав инвективных заимствований незначительно разнится в работах начала и конца XX в. Так, не было выявлено случаев употребления таких инвектив, как *падла*, *идиот*, *негодяй* и др., в речи героев начала XX в. Определенные инвективные заимствования отличаются особой частотой упоминания в тексте. К примеру, такие инвективы, как *черт* и *дурак*, используются в речи персонажей всех анализируемых произведений. На наш взгляд, это объясняется тем, что данные лексические единицы являются наиболее универсальными и применимы к большинству ситуаций.

Обращает на себя внимание такая особенность, как изменение некоторыми татарскими писателями написания определенных заимствованных инвектив. Например, слова *черт*, *собака*, *зверь*, *молокосос*, *бестолковый*, *каналья* и др., имеют различное написание в художественном тексте, что придает дополнительную эмоциональность и приближает речь персонажей к живому разговорному языку.

Проанализированные инвективные заимствования отличаются широким диапазоном функций. В ходе исследования было установлено, что помимо оскорбления и выражения негативного отношения к другим героям заимствованная инвектива может использоваться в междометной функции, т.е. для выражения досады по поводу неспособности исправить ситуацию, описываемую в художественном тексте.

Наконец, особую роль в определении отрицательной оценочности играет контекст, благодаря которому любое слово может приобретать негативную окраску и использоваться в инвективной функции.

В заключение необходимо отметить, что высказывания, содержащие инвективные заимствования, насыщают речь героев эмоциями и способствуют более точному и понятному для читателя выражению чувств по отношению к оппоненту или ситуации.

Список источников

1. *García Ruiz C.* Diccionario de insultos y piropos. Madrid : Agencia Española de la Propiedad Intelectual, 1992. 173 p.
2. *De Dios Luque J., Pamies A., Manjón J.F.* Diccionario del insulto. Barcelona : Península, 2017. 488 p.
3. *Pfeiffer H.* Das große Schimpfwörterbuch. München : Heyne Verlag, 1996. 560 s.
4. *Rawson H.A.* Dictionary of Invective: A Treasury of Curses, Insults, Put-downs and Other Formerly Unprintable Terms from Anglo-Saxon Times to the Present. Robert Hale Ltd, 1991. 435 p.
5. Заворотиццева Н.С. Пути формирования инвективной лексики (на материале пиренейского национального варианта испанского языка и американского национального варианта английского языка) // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2010. № 3. С. 30–37.

6. Позолотин А.Ю. Инвективные обозначения человека как лингвокультурный феномен : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 19 с.
7. Королева О.П. Эмоционально-оценочная энантиосемия инвективных оценочных номинаций // *Res philologica*. Архангельск, 2002. Вып. 3. С. 96–98.
8. Михалькова Е.В. Прагматика и семантика инвективы в массмедиийном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2009. 21 с.
9. Исаев Ю.Н. Чувашские эмотивные антропосемизмы. Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. 157 с.
10. Русских Т.Н. Коммуникативное поведение современных удмуртов / науч. ред. Е.В. Попова. Ижевск : АлкиД, 2019. 268 с.
11. Галиуллина Г.Р. Татар сөйләм телендә зоологик лексиканың семантик үзенчәлекләре // *Turkic linguistics in the XXI century: lexicology and lexicography* : материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Казань, 2019. С. 67–69.
12. Тагирова Ф.И., Вахитова Д.К. Специфика функционирования инвективных единиц в татарском и удмуртском языках // Актуальные проблемы татарской филологии: материалы Всероссийской научно-практической конференции 12 декабря 2014 г. / отв. ред. И.Ф. Зарипова. Уфа, 2014. С. 169–175.
13. Ахунзянов Э.М. Общее языкознание. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1981. 256 с.
14. Жельвис В.И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М. : Ладомир, 2001. 349 с.
15. Тукай Г. Сайланма эсәрләр: Ике томда. I т. Казан : Татгосиздат, 1953. 321 б.
16. Мәһдиев М.С. Ачы тәжриба: Истәлекләр. Казан : Тат. кит. нәшр., 1993. 384 б.
17. Мәһдиев М.С. Сайланма эсәрләр. Казан : Тат. кит. нәшр., 2009. 480 б.
18. Галиуллин Т.Н. Замана балалары: истәлекләр, үйланулар. Казан : Тат. кит. нәшр., 1993. 224 б.
19. Камал Г. Өсәрләр, ёч томда. Т. 1: Пьесалар. Казан : Тат. кит. нәшр., 1978. 408 б.
20. Исхакый Г. Зиндан. Сайланма проза һәм сәхнә эсәрләре. Төзучесе, текст һәм искәрмәләрне хәзерләүче Л. Гайнанова, кереш һәм ахыр суз авторлары И. Нуруллин, Һ. Мәхмүтов, Л. Гайнанова. Казан : Тат. кит. нәшр., 1991. 671 б.
21. Ахунов Г. Акча күктән яумый: повестьлар, хикәяләр, очерклар, сәнгать парчалары. Казан : Тат. кит. нәшр., 1993. 288 б.
22. Бурнаш Ф. Яшь йәрәкләр. Пьесалар, шигырыләр, поэмалар. Казан : Тат. кит. нәшр., 1969. 376 б.
23. Такташ И. Өсәрләр. Казан : Татгосиздат, 1942. 367 б.
24. Садриев Ф. Бәхетсезләр бәхете: Роман. Казан : Тат. кит. нәшр., 2005. 351 б.
25. Мәһдиев М.С. Фронтовиклар: роман. Икенче басма. Казан : Тат. кит. нәшр., 1988. 340 б.
26. Гафури М. Өсәрләр: Дүрт томда. 4 т. Совет чоры прозасы. Казан : Тат. кит. нәшр., 1981. 496 б.
27. Мәһдиев М.С. Кеше китә – жыры кала // Казан утлары. 1978. № 11. С. 7–70.
28. Эйди Т. Иблискә ришвәт. Роман. Казан : Аваз, 2000. 376 б.
29. Галиуллин Т.Н. Мәкер: повестьлар һәм хикәяләр. Казан : Тат. кит. нәшр., 2008. 302 б.
30. Эмирхан Ф. Повестьлар, хикәяләр. Ике томда. Т. 1. Казан : Таткнигоиздат, 1957. 400 б.
31. Гыйләҗев А. Мәхәббәт һәм нәфрәт турында хикәят: повестьлар. Казан : Тат. кит. нәшр., 1976. 264 б.
32. Галиуллин Т.Н. Тәүбә: роман. Казан : Татар. кит. нәшр., 1997. 240 б.

33. Файзулина А.Г. Метафорика инвективных композитов концепта «человек» // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. № 4. Пенза, 2008. С. 90–97.

34. Гыйматдинова Н. Бер тамчы ярату: Повестылар, хикәяләр. Казан : Тат. кит. нәшр., 2006. 351 б.

References

1. García Ruiz, C. (1992) *Diccionario de insultos y piropos*. Madrid: Agencia Española de la Propiedad Intelectual.
2. De Dios Luque, J., Pamies, A. & Manjón, J.F. (2017) *Diccionario del insulto*. Barcelona: Península.
3. Pfeiffer, H. (1996) *Das große Schimpfwörterbuch*. München: Heyne Verlag.
4. Rawson, H.A. (1991) *Dictionary of Invective: A Treasury of Curses, Insults, Put-downs and Other Formerly Unprintable Terms from Anglo-Saxon Times to the Present*. London: Robert Hale Ltd.
5. Zavorotishcheva, N.S. (2010) Puti formirovaniya invektivnoi leksiki (na materiale pireneiskogo natsionalnogo varianta spanskogo yazyka i amerikanskogo natsionalnogo varianta angliiskogo yazyka) [Ways of forming abusive vocabulary (based on the Pyrenean national variant of Spanish and the American national variant of English)]. *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika*. 3. pp. 30–37.
6. Pozolotin, A.Y. (2005) *Invektivnye oboznacheniya cheloveka kak lingvokulturnyi fenomen* [Abusive designations of a person as a linguocultural phenomenon]. Abstract of Philology Cand. Diss. Volgograd.
7. Koroleva, O.P. (2002) Emotsionalno-otsenochnaya enantiosemiya invektivnykh otsenochnykh nominatsii [Emotionally evaluative enantiosemes of abusive evaluative nominations]. *Res philologica*. 3. pp. 96–98.
8. Mikhalkova, E.V. (2009) *Pragmatika i semantika invektivy v massmediinom diskurse* [Pragmatics and semantics of abusive language in mass media discourse]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tyumen.
9. Isaev, Y.N. (2006) *Chuvashkie emotivnye antroposemizmy* [Chuvash emotive anthroposemisms]. Cheboksary: Chuvash State University.
10. Russkikh, T.N. (2019) *Kommunikativnoe povedenie sovremennykh udmurtov* [Communicative behavior of modern Udmurts]. Izhevsk: Alkid.
11. Galiullina, G.R. (2019) Tatar söyläm telendä zoologichesk leksikanın semantik üzenchäleklärä [Semantic features of zoological vocabulary in Tatar spoken language]. *Turkic linguistics in the XXI century: lexicology and lexicography*. Proceedings of the International Conference. Kazan. pp. 67–69.
12. Tagirova, F.I. & Vakhitova, D.K. (2014) [The specifics of the functioning of abusive units in Tatar and Udmurt languages]. *Aktualnye problemy tatarskoj filologii* [Current issues of Tatar philology]. Conference Proceedings. Ufa. pp. 169–175. (In Russian).
13. Akhunzyanov, E.M. (1981) *Obshchee yazykoznanie* [General linguistics]. Kazan: Kazan Federal University.
14. Zhel'vis, V.I. (2001) *Pole brani: Skvernoslovie kak sotsialnaya problema v yazykakh i kulturakh mira* [The field of abuse: Profanity as a social problem in the languages and cultures of the world]. Moscow: Ladamir.
15. Tukai, G. (1953) *Saylanma äsärlär: Ike tomda* [Selected works: In two volumes]. Vol. 1. Kazan: Tatgosizdat.
16. Mähdiev, M.S. (1993) *Achy täjribä: Istäleklär* [Bitter experience: Memoirs]. Kazan: Tat. kit. nashr.
17. Mähdiev, M.S. (2009) *Saylanma äsärlär* [Selected works]. Kazan: Tat. kit. nashr.
18. Galiullin, T.N. (1993) *Zamana balalary: istäleklär, uylanular* [Children of the era: Memoirs, reflections]. Kazan: Tat. kit. nashr.

19. Kamal, G. (1978) *Äsärlär, öch tomda* [Works, in three volumes]. Vol. 1. Kazan: Tat. kit. nashr.
20. Iskhaky, G. (1991) *Zindan. Saylanma proza häm säxna äsärläre* [Prison. Selected prose and dramatic works]. Kazan: Tat. kit. nashr.
21. Akhunov, G. (1993) *Akcha kükten yaumy: povestlar, hikäylär, ocherklar, sängħat partħalary* [Money doesn't fall from the sky: Novellas, stories, essays, artistic fragments]. Kazan: Tat. kit. nashr.
22. Burnash, F. (1969) *Yash yöräklär. Pyesalar, shigyrlär, poema* [Young hearts. Plays, poems, a poem]. Kazan: Tat. kit. nashr.
23. Takhtash, H. (1942) *Äsärlär* [Works]. Kazan: Tatgosizdat.
24. Sadriev, F. (2005) *Bäkhetsezlär bähkete: Roman* [The happiness of the unhappy: A novel]. Kazan: Tat. kit. nashr.
25. Mähdiev, M.S. (1988) *Frontoviklar: roman. Ikenche basma* [Frontline soldiers: A novel. Second edition]. Kazan: Tat. kit. nashr.
26. Gafuri, M. (1981) *Äsärlär: Dürt tomda* [Works: In four volumes]. Vol. 4. Kazan: Tat. kit. nashr.
27. Mähdiev, M.S. (1978) *Keshe kitä – жыры кала* [The man leaves, the song remains]. Kazan utlary. 11. pp. 7–70.
28. Äydi, T. (2000) *Ibliskä rishväät. Roman* [A bribe to the devil. A novel]. Kazan: Avaz.
29. Galiullin, T.N. (2008) *Mäker: povestlar häm hikäylär* [Cunning: Novellas and stories]. Kazan: Tat. kit. nashr.
30. Ämirkhan, F. (1957) *Povestlar, hikäylär. Ike tomda* [Novellas, stories. In two volumes]. Vol. 1. Kazan: Tatknigoizdat.
31. Gyläzhev, A. (1976) *Mäkhäbbät häm näfrät turynda hikäyat: povestlar* [A tale of love and hate: Novellas]. Kazan: Tat. kit. nashr.
32. Galiullin, T.N. (1997) *Täübä: roman* [Repentance: A novel]. Kazan: Tatar. kit. nashr.
33. Fayzullina, A.G. (2008) *Metaforika invektivnykh kompozitov kontsepta "chelovek"* [Metaphorics of invective composites of the concept 'person']. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povelzhskii region. Gumanitarnye nauki*. 4. pp. 90–97.
34. Gymatdinova, N. (2006) *Ber tamchy yaratu: Povestlar, hikäylär* [A drop of love: Novellas, stories]. Kazan: Tat. kit. nashr.

Информация об авторе:

Вахитова Д.К. – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Казанского государственного архитектурно-строительного университета (Казань, Россия). E-mail: dilik15@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.K. Vakhitova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Kazan State University of Architecture and Engineering (Kazan, Russian Federation). E-mail: dilik15@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 03.07.2023;
одобрена после рецензирования 11.06.2024; принята к публикации 26.03.2025.*

*The article was submitted 03.07.2023;
approved after reviewing 11.06.2024; accepted for publication 26.03.2025.*

Научная статья
УДК 811.161.1 (Русский язык)
doi: 10.17223/19986645/94/2

«Сильные» и «слабые» факторы при частичном предикативном согласовании: метаисследование

Диана Дмитриевна Врубель¹, Лада Игоревна Паско²,
Ксения Андреевна Студеникина³

¹ Независимый исследователь, Москва, Россия

^{2, 3} Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

¹ diana.vrubel@gmail.com

² paskolada@yandex.ru

³ xeanst@gmail.com

Аннотация. Представлено метаисследование частичного согласования в русском языке. Данна объективная оценка силы эффекта факторов, повышающих приемлемость частичного согласования, с опорой на данные трех экспериментальных исследований. Установлено, что сила фактора порядка слов варьирует от слабой до средней. Совпадение рода конъюнктоў оказалось слабым фактором при прошедшем времени предиката. Факторы одушевленности и симметричности предиката не являются значимыми.

Ключевые слова: метаисследование, предикативное согласование, русский язык, сочиненные конструкции, частичное согласование, экспериментальный синтаксис

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00037, реализуемого в МГУ им. М.В. Ломоносова, <https://rscf.ru/project/22-18-00037/>

Для цитирования: Врубель Д.Д., Паско Л.И., Студеникина К.А. «Сильные» и «слабые» факторы при частичном предикативном согласовании: метаисследование // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 94. С. 23–42. doi: 10.17223/19986645/94/2

Original article
doi: 10.17223/19986645/94/2

"Strong" and "weak" factors influencing partial agreement: A meta-study

Diana D. Vrubel¹, Lada I. Pasko², Ksenia A. Studenikina³

¹ Independent researcher, Moscow, Russian Federation

^{2, 3} Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

¹ diana.vrubel@gmail.com

² paskolada@yandex.ru

³ xeanst@gmail.com

Abstract. This article presents a meta-study of partial agreement in Russian. There are two strategies of agreement with coordinated subjects present in the Russian lan-

guage, full agreement and partial agreement, with numerous factors influencing the acceptability of each. Partial agreement occurs when the predicate agrees with only one of the conjuncts, while full (or standard) agreement is a strategy that implies agreement with the entire coordinated subject. Some of the factors considered to affect the acceptability of partial agreement include word order, symmetry of predicate, animacy of conjuncts, and coincidence of conjuncts gender. Researchers traditionally divide the factors into "strong" ones and "weak" ones, with the former completely blocking the possibility of partial agreement and the latter just lowering its acceptability. The division, however, as well as the set of factors themselves, varies from paper to paper. For instance, certain researchers consider SV word order to be a "weak" factor, some claim partial agreement to be completely impossible in sentences with such word order, while others do not consider it a factor at all. To resolve this discord, we attempt to combine the results of three experimental studies (Pasko, 2023; Studenikina, 2023; Vrubel, 2023) by applying statistical methods to the acquired data, and thus obtain objective measurement of the effect size of each factor studied in the aforementioned experiments. One of the statistical methods implemented in the presented meta-study was Cohen's d measure (Cohen, 2013) that allows for the comparison of the results of several experimental studies with differences in the number of respondents and stimuli sets. Data analysis with Cohen's d measure has not been previously applied in the experimental studies of Russian syntax. The results of the meta-study have proven word order and coincidence of conjuncts features to be significant factors increasing acceptability of partial agreement. Full agreement, however, remained a more acceptable strategy regardless of any factors. Word order, according to Cohen's d measure, might have the effect size ranging from weak to moderate. Coincidence of the conjuncts gender had a weak effect with the past tense of the predicate and no significant effect in the present tense due to the fact that in Russian gender agreement with subject only occurs in the past tense. Animacy of the conjuncts, as well as symmetry of predicate had no significant effect in either study.

Keywords: meta-study, subject-verb agreement, Russian, coordination, partial agreement, experimental syntax

Acknowledgments: This research is supported by the Russian Science Foundation, RSF project 22-18-00037 realized at Lomonosov Moscow State University, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00037/>

For citation: Vrubel, D.D., Pasko, L.I. & Studenikina, K.A. (2025) "Strong" and "weak" factors influencing partial agreement: A meta-study. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 94. pp. 23–42. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/94/2

1. Введение

В русском языке предикат, как правило, согласуется с подлежащим по признакам числа, рода (в прошедшем времени) и лица (в настоящем времени). Однако в случаях, когда подлежащее выражено сочиненной конструкцией, выбор контролера согласования оказывается неоднозначным. Возможны две стратегии согласования: полное и частичное.

В первом случае предикат согласуется со всей именной группой по множественному числу, в то время как во втором случае в качестве контролера согласования выступает только один из конъюнктоов. Традиционно считается, что в

русском языке при использовании этой стратегии согласование предиката проходит с линейно ближайшим к нему конъюнктом [1. С. 451].

На доступность и приемлемость частичного согласования влияет ряд факторов, разделяемых в литературе на сильные и слабые [2, 3]. Сильными называются те факторы, которые полностью блокируют возможность частичного согласования. При слабых же факторах частичное согласование остается возможной стратегией, однако его приемлемость понижается.

В работах разных исследователей набор выделяемых факторов может различаться. Не совпадают и оценки силы факторов: факторы, которые одни исследователи считают сильными, другие исследователи называют слабыми. Такая неоднозначность объясняется в первую очередь тем, что большинство исследователей опираются на интроспекцию или корпусные данные. У этих подходов есть недостатки: во-первых, они не позволяют рассмотреть факторы изолированно друг от друга и оценить влияние каждого из них на выбор стратегии согласования. Во-вторых, оценка силы эффекта остается субъективной из-за отсутствия единой метрики, позволяющей рас считать силу влияния фактора.

Целью данной работы стала объективная оценка силы факторов, влияющих на приемлемость частичного согласования. Для этого был осуществлен метаанализ нескольких экспериментальных исследований и дана оценка силы эффекта с помощью метрики d Коэна. Рассмотрены такие факторы, как порядок следования подлежащего и сказуемого, соотношение рода конъюнктов, одушевленность подлежащего и симметричность сказуемого.

Статья имеет следующую структуру. В разделе 2 описаны предшествующие исследования частичного согласования в русском языке. В нем представлены факторы, влияющие на выбор числа сказуемого, а также оценка их силы на материале интроспекции исследователей и корпусных данных. Раздел 3 посвящен нашему экспериментальному исследованию. Части 3.1–3.3 включают описание каждого из проведенных экспериментов, часть 3.4 – их обобщение и метаанализ результатов. Раздел 4 содержит выводы исследования.

2. Частичное согласование в русском языке: сила факторов

В данной работе мы рассмотрим часть факторов, влияющих на частичное согласование. К ним относятся порядок слов, семантика предиката, семантика подлежащего и соотношение рода конъюнктов.

Порядок слов в клаузе представляет собой один из важнейших факторов, определяющих доступность частичного согласования, – в иерархии О.Е. Пекелис [3] он занимает наиболее приоритетную позицию. Предполагается, что при порядке слов VS частичное согласование более приемлемо, чем при порядке слов SV,ср. (1a) и (1b).

- (1) a. ^{OK}На столе стоял стакан и пепельница [4. Р. 12]¹.
b. *Стакан и пепельница стоял на столе [4. Р. 12].

Тем не менее исследователи придерживаются различных точек зрения относительно строгости этого ограничения: в литературе представлен континuum мнений от полной невозможности частичного согласования при SV до полного игнорирования позиционных различий. Так, в работах [4. Р. 12; 5. С. 243] относительная позиция подлежащего и предиката рассматривается как сильный фактор: авторы утверждают, что частичное согласование предиката, следующего за подлежащим, ведет к неграмматичности предложения. Исследования [2. С. 154; 3. С. 57; 6. Р. 108], напротив, считают порядок слов слабым фактором, лишь оказывающим влияние на допустимость предложений с частичным согласованием. Наконец, Ж. Башкович вообще не учитывает фактор порядка слов в своем анализе [7], предполагая, что частичное согласование в постпозиции к предикату – абсолютно допустимая для русского языка стратегия.

Как и в случае порядка слов, в литературе нет единого мнения о силе влияния фактора семантики предиката. В некоторых работах отмечается, что частичное согласование затруднено при коллективной интерпретации предложения. Коллективная интерпретация может достигаться при помощи отдельных лексических средств (*вместе*, *друг друга*) или следовать из семантики глагола (*встречаться*, *обмениваться*). Подобные предикаты, требующие заполнения одной семантической роли сразу несколькими участниками, получили в литературе название симметричных [8]. Большинство исследователей считают, что частичное согласование симметричных предикатов неграмматично [4. Р. 246; 5. С. 243; 8]. Так, например, в РГ 1980 в качестве единственного возможного варианта для предложения (2) приводится форма множественного числа предиката *сцепились*.

- (2) *Сцепился пес и кот [5. С. 243].

В то же время В.З. Санников считает обязательную коллективную интерпретацию предиката слабым фактором [2. С. 159]. Он отмечает, что этот фактор может быть «нейтрализован» другими факторами (которые, впрочем, не уточняются).

Семантика конъюнктов, а именно их расположение на иерархии одушевленности, упоминается в литературе как слабый фактор [2. С. 158; 3. С. 57; 6. Р. 110]. О.Е. Пекелис формулирует иерархию следующим образом: «имена собственные < одушевленные нарицательные < неодушевленные конкретные < неодушевленные абстрактные» [3. С. 57]. Этот фактор имеет градуальный характер — чем выше в иерархии находится подлежащее, тем

¹ Здесь и далее примеры из других источников приводятся с теми оценками грамматичности или приемлемости, которые им дают авторы источников при помощи общепринятых знаков или в тексте работы.

менее вероятно частичное согласование. Ср. примеры и оценки из работы [2. С. 157]: (3a) содержит сочинение абстрактных именных групп в роли подлежащего, в (3b) вершины именной группы подлежащего – конкретные неодушевленные существительные, (3c) включает сочинение имен собственных.

- (3) а. Во всем [?]были видны / ^{OK}был виден точный расчет и удивительная
целеустремленность [2. С. 157].
б. Отсюда мне ^{OK}виден / ^{OK}видны дом и опушка леса [2. С. 157].
с. Отсюда мне ^{OK}видны / [?]виден Коля и Маша [2. С. 157].

Наконец, фактор совпадения рода именных конъюнктов также описывается в литературе как слабый [2. С. 158; 3. С. 58]. Утверждается, что совпадение рода конъюнктов в случае, когда предикат согласуется с ними по этому признаку, т.е. в форме прошедшего времени делает частичное согласование более приемлемым, ср. (4a), где род конъюнктов совпадает, и (4b), где он различается.

- (4) а. ^{OK}Белена и крапива росла прямо под окнами [2. С. 158].
б. [?]Бурьян и крапива росла прямо под окнами [2. С. 158].

Можно заметить, что для двух из четырех рассмотренных факторов в литературе нет консенсуса об их силе. В следующих разделах мы рассмотрим все четыре фактора с использованием методики экспериментального синтаксиса. Это позволит, с одной стороны, разрешить зафиксированные в литературе противоречия, с другой – устраниТЬ субъективность из обсуждения языкового материала.

3. Экспериментальное исследование силы факторов

Цель данного исследования состоит в количественной оценке силы факторов, влияющих на приемлемость частичного согласования, с опорой на результаты синтаксических экспериментов. В отличие от интроспекции, где учитывается только языковая интуиция автора, экспериментальное исследование делает возможным сбор суждений о приемлемости у большого числа носителей, что существенно повышает надежность анализируемых эмпирических данных. Кроме того, экспериментальный дизайн позволяет изолированно рассмотреть интересующие нас факторы, что зачастую невозможно при работе с корпусными данными. Наконец, статистический анализ экспериментальных данных делает возможным объективную оценку влияния каждого фактора на допустимость частичного согласования.

Мы представим результаты метаисследования частичного согласования, которое основывается на данных трех синтаксических экспериментов. Их сравнение оказывается возможным по двум причинам. Во-первых, рассмат-

риваемые исследования используют одинаковую экспериментальную методику – оценку по шкале Ликерта от 1 до 7 [9]. Во-вторых, частично пересекаются факторы, которым они посвящены. Так, все исследования включают число предиката (единственное / множественное) в качестве независимой переменной. Порядок слов (SV / VS) также является независимой переменной в экспериментах 1 и 3, однако зафиксирован в эксперименте 2 (VS). Тип предиката является фиксированной переменной в экспериментах 1 и 2 (несимметричный), тогда как для эксперимента 3 это независимый фактор (симметричный / несимметричный). Соотношение рода конъюнктов зафиксировано в эксперименте 1 (род совпадает), входит в число независимых переменных в эксперименте 2 и контролируется в эксперименте 3 (род совпадает / различается). Тип конъюнктов (одушевленные / неодушевленные) является независимым фактором для эксперимента 1, контролируется в эксперименте 2 и зафиксирован в эксперименте 3 (неодушевленные). Сравнение дизайна экспериментов представлено в табл. 1.

Таблица 1
Факторы, исследуемые в каждом из экспериментов

№	Порядок слов	Род конъюнктов	Тип конъюнктов	Тип предиката	Число предиката	Автор
Э1	SV / VS	совпадает	одуш. / неодуш.	несимметр.	ед.ч. / мн.ч.	[11]
Э2	VS	совпадает / различается	одуш. / неодуш.			[12]
Э3	SV / VS	совпадает / различается	неодуш.	симметр. / несимметр.		[13]

Примечание. Полужирным шрифтом обозначены независимые переменные, курсивом – контролируемые, обычным шрифтом – фиксированные.

На каждое условие во всех экспериментах приходилось по четыре лексикализации. Стимулы и филлеры были использованы в соотношении 1:1. Перед началом каждого эксперимента испытуемым было предложено оценить четыре тренировочных предложения. Для поиска участников с отклоняющимися значениями ответов использовался ряд фильтров, предложенных А.А. Герасимовой [10]: по тренировочным предложениям и филлерам, по контрольным вопросам, по отдельным оценкам респондента.

Для анализа результатов каждого эксперимента использовалась одноковая статистическая процедура, а именно регрессионный анализ с применением линейных смешанных моделей. Для каждого эксперимента была построена отдельная модель, где в качестве фиксированных эффектов выступали независимые и контролируемые переменные эксперимента, а также их

взаимодействие. В качестве случайных эффектов использовались идентификатор респондента и номер лексикализации. Благодаря этому изменчивость, которая обусловлена поведением конкретного респондента или лексическим наполнением предложения, исключается из расчёта коэффициентов для основных факторов. Для каждого эксперимента в качестве итоговой была выбрана модель, содержащая максимальный набор фиксированных факторов и демонстрирующая наиболее низкое значение информационных критериев Акаике (AIC) и Шварца (BIC).

Данный раздел имеет следующую структуру. Части 3.1, 3.2 и 3.3 описывают дизайн и результаты каждого из рассматриваемых экспериментов. Часть 3.4 посвящена сравнению результатов и оценке силы эффекта анализируемых факторов.

3.1. Эксперимент 1: порядок слов и одушевленность конъюнктов

Цель исследования [11] (Э1) состояла в том, чтобы экспериментально проверить, как линейная позиция глагола и одушевленность конъюнктов влияют на выбор стратегии предикативного согласования в русском языке. Эксперимент включал три фактора: 1) одушевленность конъюнктов: неодушевленные / одушевленные; 2) порядок подлежащего и сказуемого: SV / VS; 3) число сказуемого: единственное / множественное. Контролируемые переменные отсутствовали в эксперименте. Во всех стимульных предложениях использовались несимметричные предикаты и конъюнкты мужского рода. Латинский квадрат запускался только по двум факторам: позиции и числу глагола; лексикализации различались для неодушевленных и одушевленных конъюнктов. Пример экспериментального блока представлен в табл. 2.

Таблица 2

Пример экспериментального блока для Э1

Независимые переменные			Стимульное предложение
Одушевленность конъюнктов	Порядок слов	Число предиката	
Одушевленные	SV	ед. ч.	<i>Воспитатель и ребёнок присел на скамейку в саду</i>
		мн.ч.	<i>Воспитатель и ребёнок присели на скамейку в саду</i>
	VS	ед. ч.	<i>На скамейку в саду присел воспитатель и ребенок</i>
		мн.ч.	<i>На скамейку в саду присели воспитатель и ребенок</i>
Неодушевлённые	SV	ед. ч.	<i>Кабачок и арбуз созрел на огороде у бабушки</i>
		мн.ч.	<i>Кабачок и арбуз созрели на огороде у бабушки</i>
	VS	ед. ч.	<i>На огороде у бабушки созрел кабачок и арбуз</i>
		мн.ч.	<i>На огороде у бабушки созрели кабачок и арбуз</i>

Среди филлеров было 16 грамматичных предложений (5a) и 16 неграмматичных предложений, содержащих ошибку в согласовании (5b).

- (5) а. Песня о любви заняла первую строчку в хит-параде.
 б. Вася сорвал свежий огурцы и помидоры с грядки.

Набор респондентов осуществлялся через платформу Яндекс.Толока (URL: <https://toloka.ai>). Изначально были собраны ответы 81 участника. После отсея выбросов осталось 76 респондентов от 24 до 67 лет, средний возраст испытуемых составил 41 год. Среди участников было 32 женщины и 44 мужчины. Для всех участников эксперимента русский язык родной.

Для анализа значимости факторов была построена линейная смешанная модель с такими фиксированными эффектами, как число предиката, порядок слов и их взаимодействие (6). При сравнении итоговой модели с моделью, содержащей также одушевленность и её взаимодействие с другими факторами, значимое различие отсутствует.

- (6) Нормализованные оценки ~ Число глагола * Позиция глагола
 + (1 + Число глагола + Позиция глагола | Идентификатор респондента)
 + (1 | Номер предложения)

Было выявлено значимое влияние на приемлемость факторов «число глагола» ($\beta = -1,40$, $SE = 0,08$, $t = -17,10$, $p\text{-value} < 0,0001$), «порядок слов» ($\beta = -0,16$, $SE = 0,06$, $t = -2,51$, $p\text{-value} < 0,01$) и их взаимодействия ($\beta = 0,57$, $SE = 0,08$, $t = 6,93$, $p\text{-value} < 0,0001$). Таким образом, оценки для одушевленных и неодушевленных существительных значимо не различаются. Результаты попарного сравнения методом Тьюки представлены в табл. 3. Согласование по множественному числу оказывается значимо более приемлемо как при порядке SV, так и при порядке VS. Порядок VS более приемлем при согласовании по единственному числу, а порядок SV – при согласовании по множественному числу. На рис. 1 продемонстрированы средние оценки для филлеров и стимульных предложений.

Таблица 3
 Результаты попарных сравнений методом Тьюки для Э1

Условие 1	Условие 2	estimate	SE	t	p-value
VS, ед.ч.	VS, мн.ч.	0,82	0,08	10,09	<0,0001
SV, ед.ч.	SV, мн.ч.	1,40	0,08	17,10	<0,0001
VS, ед.ч.	SV, ед.ч.	-0,42	0,06	-6,74	<0,0001
VS, мн.ч.	SV, мн.ч.	0,16	0,06	2,51	0,0133

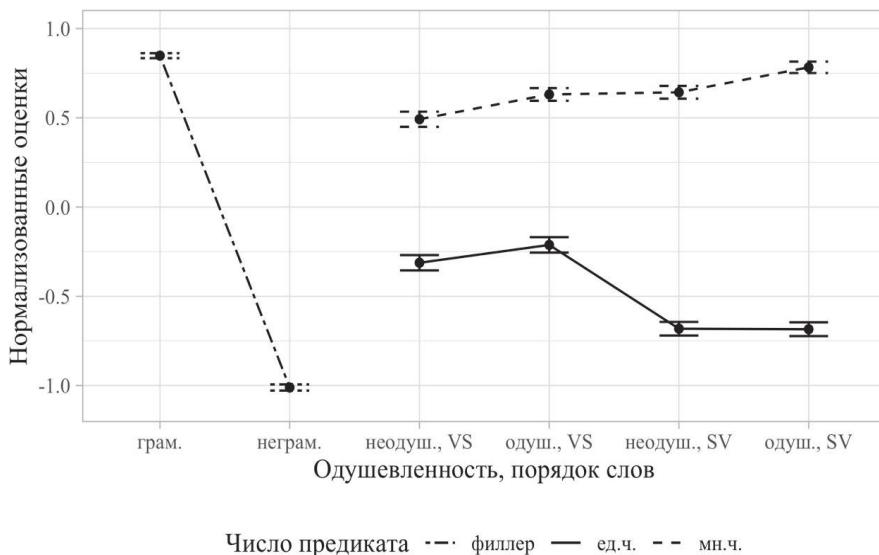

Рис. 1. Диаграмма взаимодействия факторов для Э1

Результаты данного экспериментального исследования показывают, что тип конъюнкта (одушевленный / неодушевленный) не влияет на выбор стратегии согласования, этот фактор оказывается незначимым. Число и позиция глагола оказывают значимое влияние на приемлемость. Вне зависимости от порядка слов значимо более приемлемым является полное согласование по множественному числу. При частичном согласовании по единственному числу более приемлем обратный порядок VS, при согласовании по множественному – прямой порядок SV.

3.2. Эксперимент 2: соотношение рода и одушевленность конъюнктов

Целью второго рассматриваемого нами эксперимента (Э2) [12] было исследование влияния совпадения или несовпадения рода конъюнктов на приемлемость частичного согласования.

В качестве независимых переменных в Э2 были выбраны два фактора: 1) число предиката: множественное / единственное; 2) сочетание родов конъюнктов: мужской и мужской / женский и женский / мужской и женский / женский и мужской.

Контролируемой переменной являлась одушевленность конъюнктов: в первой половине стимулов конъюнктами были одушевленные нарицательные существительные, во второй – неодушевленные. Время предиката, его тип, а также порядок слов в предложении были фиксированными для всех стимулов. Все предикаты были несимметричными, находились в позиции перед сочиненной конструкцией и имели форму прошедшего времени.

Время предиката было фиксированным, так как только в прошедшем времени наблюдается согласование предиката по роду с подлежащим в единственном числе, и, согласно иерархии факторов [3], только в этом случае совпадение рода конъюнктов оказывает влияние на приемлемость частичного согласования.

По той же причине все конъюнкты были в форме единственного числа, так как в противном случае частичное согласование внешне неотличимо от стандартного: как при согласовании со всей сочиненной конструкцией, так и при согласовании с конъюнктом множественного числа предикат оказывается в одной и той же форме.

Также стоит отметить, что для стимулов в Э2 был выбран повторяющийся союз и, предположительно создающий более благоприятный контекст для возникновения частичного согласования. Данное предположение объясняется семантикой конструкций с повторяющимися союзами, в рамках которых конъюнкты интерпретируются скорее как отдельные участники ситуации, нежели как единое целое [3]. Такой выбор союза представлял собой попытку уравновесить влияние прошедшего времени и несовпадения рода конъюнктов, в свое время являющихся факторами, предположительно понижающими приемлемость частичного согласования. В табл. 4 приводится пример экспериментального блока.

Таблица 4
Пример экспериментального блока Э2

Независимые переменные		Стимульное предложение
Число предиката	Сочетание родов конъюнктов	
ед.ч.	м.р. + м.р.	<i>В длинном проигрыше в песни звучал и орган, и барабан</i>
	м.р. + ж.р.	<i>В длинном проигрыше в песни звучал и орган, и электрогитара</i>
	ж.р. + м.р.	<i>В длинном проигрыше в песни звучала и электрогитара, и орган</i>
	ж.р. + ж.р.	<i>В длинном проигрыше в песни звучала и электрогитара, и скрипка</i>
мн.ч.	м.р. + м.р.	<i>В длинном проигрыше в песни звучали и орган, и барабан</i>
	м.р. + ж.р.	<i>В длинном проигрыше в песни звучали и орган, и электрогитара</i>
	ж.р. + м.р.	<i>В длинном проигрыше в песни звучали и электрогитара, и орган</i>
	ж.р. + ж.р.	<i>В длинном проигрыше в песни звучали и электрогитара, и скрипка</i>

Филлеры состояли из грамматических (7а) и неграмматических предложений (7б). В грамматических филлерах сочиненная конструкция или находилась не в позиции подлежащего, или, являясь подлежащим, состояла из конъюнктоов во множественном числе, тем самым делая согласование по множественному числу единственным возможным вариантом. В неграмматических филлерах ошибки были не связаны с выбором стратегии согласования с сочиненной конструкцией.

- (7) а. Каждую весну на деревенский пруд возвращались утки и селезни.
б. Цикады и кузнечики шумели в густую траву летним жарким днем.

Участники набирались путем распространения эксперимента в социальных сетях¹. Всего был собран 81 ответ, 4 из них были отсеяны. После отсева среди респондентов оказалось 54 женщины и 23 мужчины. Средний возраст составил 23 года, минимальный – 15 лет, максимальный – 62 года. Все участники эксперимента владеют русским языком как родным.

Результаты были проанализированы с помощью линейной смешанной модели и множественных попарных сравнений Тьюки. Одушевленность и ее взаимоотношение с другими факторами не вошли в финальную формулу линейной модели (8), так как оказались незначимыми факторами.

- (8) Нормализованные оценки $\sim 1 + 1 + \text{Число предиката} + \text{Соотношение рода}$
 $+ \text{Число предиката: Соотношение рода}$
 $+ (1 + \text{Число предиката} + \text{Одушевленность} + \text{Соотношение рода})$
 $+ (1 | \text{Номер предложения})$

Значимыми факторами оказались число предиката ($\beta = -0,58$, $SE = 0,08$, $t = -11,36$, $p\text{-value} < 0,0001$) и взаимодействие числа предиката с сочетанием родов конъюнктоов ($\beta = 0,18$, $SE = 0,07$, $t = 2,37$, $p\text{-value} < 0,05$). В табл. 5 приводятся результаты попарных сравнений Тьюки. Ниже представлена диаграмма взаимодействия (рис. 2).

Таблица 5
Результаты попарных сравнений методом Тьюки для Э2

Условие 1	Условие 2	estimate	SE	t	p-value
мн. ч., разн. род	ед. ч., разн. род	0,86	0,08	178	<0,0001
мн. ч., один. род	ед. ч., один. род	0,68	0,08	178	<0,0001
мн. ч., разн. род	мн. ч., один. род	-0,02	0,06	224	0,9810
ед. ч., разн. род	ед. ч., один. род	-0,20	0,06	223	0,0023

¹ Набор респондентов через социальные сети отличает Э2 от Э1 и Э3, где участники привлекались с помощью краудсорсинговой платформы Яндекс.Толока (URL: <https://toloka.ai>). Мы предполагаем, что это не оказало значимого влияния на различия в результатах – подробнее о сравнении двух обсуждаемых способов привлечения респондентов см. статью [13].

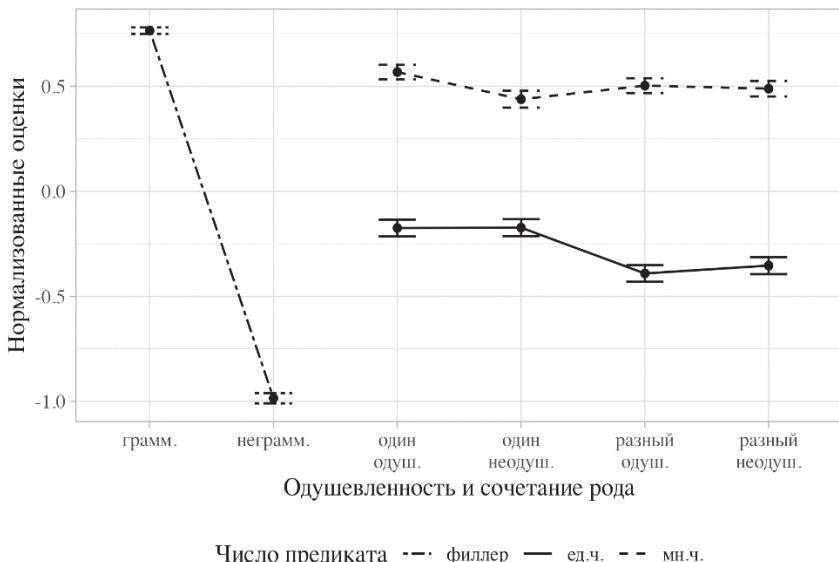

Рис. 2. Диаграмма взаимодействия факторов для Э2

Результаты Э2 подтверждают, что при прошедшем времени предиката приемлемость частичного согласования значительно повышается в случае совпадения рода конъюнктоў. Однако вне зависимости от сочетания факторов стандартное согласование оценивается значительно выше частичного. Для стандартного согласования влияния совпадения или несовпадения рода на приемлемость обнаружено не было. Также не подтвердилась гипотеза о влиянии одушевленности конъюнктоў на приемлемость той или иной стратегии согласования.

3.3. Эксперимент 3: порядок слов, симметричность предиката и соотношение рода конъюнктоў

Э3 [14] был посвящен исследованию влияния на приемлемость предложений факторов порядка слов и симметричности. Соответственно, в качестве независимых переменных выступали следующие факторы: 1) порядок слов: VS / SV; 2) тип предиката: симметричный / несимметричный; 3) число предиката: множественное / единственное. В качестве контролируемой переменной выступало соотношение рода конъюнктоў: в половине экспериментальных блоков род существительных совпадал, в половине – различался. Хоть этот параметр и не входит в факторный дизайн эксперимента, мы включили его в линейную смешанную модель при анализе, чтобы в дальнейшем сравнить полученные результаты с данными Э2. Фиксированными переменными выступили неодушевленность обоих конъюнктоў, настоящее

время и несовершенный вид предиката. Пример экспериментального блока приводится в табл. 6.

Таблица 6
Пример экспериментального блока ЭЗ

Независимые переменные			Стимульное предложение
Порядок слов	Тип предиката	Число предиката	
VS	сим.	мн. ч.	<i>На старой фотографии сливаются лицо и фон</i>
VS	сим.	ед. ч.	<i>На старой фотографии сливается лицо и фон</i>
VS	несим.	мн. ч.	<i>На старой фотографии стираются лицо и фон</i>
VS	несим.	ед. ч.	<i>На старой фотографии стирается лицо и фон</i>
SV	сим.	мн. ч.	<i>Лицо и фон сливаются на старой фотографии</i>
SV	сим.	ед. ч.	<i>Лицо и фон сливается на старой фотографии</i>
SV	несим.	мн. ч.	<i>Лицо и фон стираются на старой фотографии</i>
SV	несим.	ед. ч.	<i>Лицо и фон стирается на старой фотографии</i>

Филлерные предложения включали сочиненную ИГ в объектной позиции. Пример грамматичного филлера приводится в (9a). Неграмматичные филлеры содержали ошибку в падеже одного из конъюнктоов (9b).

- (9) а. Ваня кладет компьютер и зарядку в походный рюкзак.
 б. Для бального платья королева выбирает бархат и шелком.

Участники эксперимента набирались через краудсорсинговую платформу Яндекс.Толока ([URL: https://toloka.ai](https://toloka.ai)). Было набрано 88 ответов, 13 из которых были удалены как отклоняющиеся. Для статистического анализа использовались ответы 75 респондентов – носителей русского языка. Выборка обладала следующими социолингвистическими характеристиками: возраст – 19–68 лет (среднее 37,93), пол – 27 женский, 47 мужской, 1 не указан.

К полученным данным был применен стандартный статистический анализ. В качестве оптимальной была отобрана линейная смешанная модель, формула которой представлена в (10). Можно заметить, что независимый фактор типа предиката не вошел в итоговую модель ни самостоятельно, ни при взаимодействии с другими факторами – это свидетельствует о том, что фактор незначим.

(10) Нормализованные оценки $\sim 1 + \text{Число предиката} + \text{Соотношение рода} + \text{Порядок слов}$

+ Число предиката : Порядок слов

+ (1 + Число предиката + Порядок слов | Идентификатор респондента)

+ (1 | Номер предложения)

Значимыми факторами оказались число предиката ($\beta = -0,58$, $SE = 0,07$, $t = -8,17$, $p\text{-value} < 0,0001$), соотношение рода конъюнктоов ($\beta = -0,20$, $SE = 0,04$, $t = -4,83$, $p\text{-value} = 0,0180$), взаимодействие факторов числа предиката и порядка слов ($\beta = 0,36$, $SE = 0,21$, $t = 4,80$, $p\text{-value} < 0,0001$). Фактор порядка слов был незначим ($\beta = -0,01$, $SE = -0,12$, $t = -0,23$, $p\text{-value} = 0,8200$).

Данные также анализировались с помощью попарных сравнений методом Тьюки. Результаты сравнения для релевантных пар условий приводятся в табл. 7. Визуализация результатов представлена на рис. 3.

Таблица 7
Результаты попарных сравнений методом Тьюки для Э3

Условие 1	Условие 2	estimate	SE	t	p-value
VS, мн. ч.	VS, ед. ч.	0,22	0,07	3,14	0,0108
SV, мн. ч.	SV, ед. ч.	0,58	0,07	8,17	<0,0001
SV, мн. ч.	VS, мн. ч.	0,01	0,06	0,23	0,9958
SV, ед. ч.	VS, ед. ч.	-0,35	0,06	-6,20	<0,0001

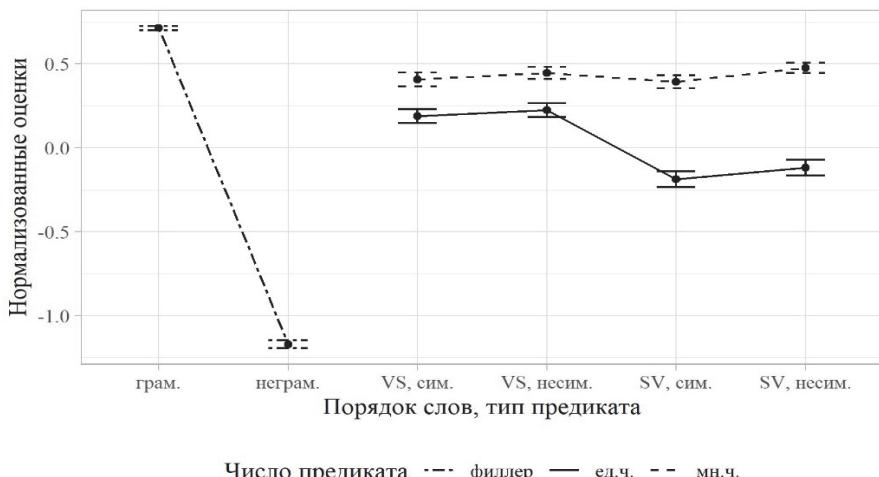

Рис. 3. Диаграмма взаимодействия факторов для Э3

Суммируем результаты ЭЗ. Фактор порядка слов влияет на приемлемость частичного согласования: при порядке слов VS согласование по единственному числу оценивается значимо выше, чем при порядке слов SV. Однако полное согласование оценивается выше частичного при любом порядке слов. Фактор симметричности (тип предиката), напротив, не влияет на приемлемость: частичное согласование симметричных и несимметричных предикатов оценивается на одном уровне. Соотношение рода конъюнктов, которое в ЭЗ выступало в роли контролируемой переменной, не оказывает влияния на оценку частичного согласования. Этот фактор оказался значимым вне взаимодействия с фактором числа: стимульные предложения с конъюнктами, совпадающими по роду, всегда оцениваются выше, чем те, где род не совпадает.

3.4. Анализ силы эффекта для рассматриваемых факторов

Регрессионный анализ результатов трех экспериментов с применением линейных смешанных моделей позволил количественно оценить значимость каждого фактора на основе p -значений. Однако известно, что p -значения демонстрируют высокую межвыборочную изменчивость [15]. Следовательно, сведения о значимости факторов не могут сравниваться напрямую из-за разницы в лексическом наполнении и наборе респондентов. По этой причине разница между условиями часто оценивается с помощью стандартизированной силы эффекта. В то время как p -значение может сказать, есть ли статистически значимая разница между двумя группами, сила эффекта показывает, насколько велика эта разница. При метаанализе стандартизированная сила эффекта используется в качестве общего показателя, который может быть рассчитан для различных исследований и служит для их сопоставления.

Наиболее известный вариант расчета величины статистического эффекта как стандартизированной разницы между средними был предложен Дж. Коэном для сравнения двух несвязанных выборок и носит название d Коэна [16]. Оценка силы эффекта с помощью данной метрики возможна с опорой на результат выдачи линейной смешанной модели, которая включает идентификатор респондента и номер предложения в качестве случайных эффектов (11) [17]. Для интерпретации метрики используются следующие интервалы (12): значения от 0,2 до 0,5 представляют небольшой размер эффекта, значения от 0,5 до 0,8 – средний размер эффекта, а значения больше 0,8 – большой размер эффекта.

$$(11) d = \frac{\text{difference between the means}}{\sqrt{\text{var}_{\text{intercept}_{\text{part}}} + \text{var}_{\text{intercept}_{\text{item}}} + \text{var}_{\text{slope}_{\text{part}}} + \text{var}_{\text{slope}_{\text{item}}} + \text{var}_{\text{residual}}}}$$

- (12) a. $0,2 \leq d < 0,5$ – небольшой эффект;
b. $0,5 \leq d < 0,8$ – средний эффект;
c. $d \geq 0,8$ – большой эффект.

С помощью метрики d Коэна мы можем объективно оценить силу каждого из рассматриваемых факторов: порядка слов (SV / VS), соотношения рода конъюнктов (совпадает / различается), их семантического типа (одушевленные / неодушевленные), а также семантики предиката (симметричный / несимметричный). Для этого необходимо осуществить подсчет метрики d Коэна на основе коэффициентов линейной смешанной модели для взаимодействия числа предиката и каждой из исследуемых переменных.

В предшествующих работах порядок слов трактуется как сильный [4, 5] или слабый фактор [2, 6, 8] при выборе стратегии предикативного согласования (раздел 2). По результатам наших исследований взаимодействие порядка слов и числа предиката оказывается значимым фактором на материале Э1 ($\beta = 0,57$, $p\text{-value} < 0,0001$, часть 3.1) и Э3 ($\beta = 0,36$, $p\text{-value} < 0,0001$, часть 3.3). Подсчет метрики d Коэна показывает, что в Э1 взаимодействие данных факторов имеет среднюю силу эффекта ($d = 0,70$), а в Э3 – слабую ($d = 0,45$). В соответствии с экспериментальными данными обратный порядок слов VS действительно повышает допустимость частичного согласования, однако не способствует однозначному выбору числа предиката.

В литературе соотношение рода конъюнктов считается слабым фактором [2, 8]. Отмечается, что его влияние наблюдается только для глаголов прошедшего времени, которые согласуются с подлежащим по признаку рода (раздел 2). Взаимодействие фактора рода конъюнктов с фактором числа предиката оказывается значимым в Э2, где использовались глаголы прошедшего времени ($\beta = 0,18$, $p\text{-value} < 0,05$, часть 3.2). Однако взаимодействие факторов незначимо в Э3 с предикатами настоящего времени: данный фиксированный эффект не вошел в итоговую линейную смешанную модель (часть 3.3). Анализ силы эффекта взаимодействия факторов был возможен только на материале Э2 и выявил слабый эффект ($d = 0,45$). Следовательно, различие рода конъюнктов не блокирует частичное согласование для глаголов прошедшего времени, а только уменьшает его вероятность и приемлемость.

Семантика конъюнктов признается слабым фактором в предшествующих исследованиях [2, 6, 8]. Семантический тип предиката чаще интерпретируется как сильный фактор [4, 5, 8], однако иногда его влияние считается слабым [2], см. раздел 2. Тем не менее взаимодействие этих факторов с фактором числа предиката не вошло в итоговую линейную смешанную модель ни для одного эксперимента (части 3.1–3.3). Следовательно, для них невозможен подсчет метрики d Коэна, а сила эффекта должна быть признана нулевой. Экспериментальные исследования показывают, что данные семантические факторы не оказывают влияния на допустимость частичного согласования.

В табл. 8 представлено обобщение сведений о силе факторов на материале предшествующих исследований и на основании экспериментальных данных. Для большинства рассматриваемых факторов статистические метрики выявляют более слабый эффект или его отсутствие по сравнению с исследованиями, основанными на интроспекции и корпусных данных. На наш взгляд, объяснение состоит в следующем: дизайн эксперимента позволяет

оценить влияние переменных изолированно, тогда как при корпусном анализе кажущаяся большая сила эффекта может быть следствием взаимовлияния различных факторов.

Таблица 8

Обобщение результатов о силе факторов на основе предшествующих работ и на материале экспериментальных исследований

Фактор	Литература	Эксперимент	Согласованность
Порядок слов	сильный / слабый	средний / слабый	X
Соотношение рода	слабый (в прош. вр.) / незначим (в наст. вр.)		✓
Одушевленность	слабый	незначим	X
Симметричность	сильный / слабый	незначим	X

Таким образом, подсчет стандартизированной силы эффекта с помощью метрики d Коэна выявил среднее влияние порядка слов и слабое влияние совпадения рода конъюнктов на допустимость частичного согласования. Проведенный статистический анализ экспериментальных данных предоставляет надежные и объективные результаты, которые потенциально могут быть воспроизведены на материале последующих исследований.

4. Заключение

Представленное в данной работе метаисследование позволило, основываясь на результатах трех экспериментальных исследований и не прибегая к субъективным суждениям и интроспекции, сделать выводы о факторах, влияющих на приемлемость частичного согласования, и их силе воздействия. Нестрогое разделение факторов на сильные и слабые, встречающееся в предшествующих работах, было проверено и дополнено данными, полученными в ходе статистического анализа.

Среди факторов порядка слов, совпадения рода конъюнктов, одушевленности конъюнктов и симметричности предиката значимыми оказались только первые два. Порядок слов в исследованиях являлся фактором с силой эффекта от слабой до средней. Соотношение рода конъюнктов оказалось слабым фактором при предикате в прошедшем времени и незначимым при предикате в настоящем времени.

Подход к анализу данных, использованный в данной работе, позволяет при помощи метрики стандартизированной силы эффекта объединить результаты нескольких исследований с разными наборами стимулов и респондентов. В настоящей работе эта методика была впервые применена к дан-

ным, полученным с помощью оценки приемлемости предложений на русском языке. Предложенная методика может быть полезна для дальнейших исследований языковых явлений, зависящих от множества переменных.

Список источников

1. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд. (1-е изд. 1928). М. : Языки славянской культуры, 2001. 510 с.
2. Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М. : Языки славянской культуры, 2008. 624 с.
3. Пекелис О.Е. «Частичное согласование» в конструкции с повторяющимся союзом: корпусное исследование основных закономерностей // Вопросы языкознания. 2013. Вып. 4. С. 55–86.
4. Krejci B. Syntactic and semantic perspectives on first conjunct agreement in Russian. Stanford University, 2020.
5. РГ-80 – Грамматика русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Наука, 1980. Т. 2. 706 с.
6. Corbett G. Resolution rules: agreement in person, number, and gender // Order, concord and constituency. 1983. P. 175–206.
7. Bošković Ž. Conjunct sensitive agreement: Serbo-Croatian vs Russian // Formal Description of Slavic Languages / G. Zybatow, P. Dudchuk, S. Minor, E. Pshehotskaya (eds.). 2010. № 7.5. P. 31–48.
8. Пекелис О.Е. Сочинение: Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. URL: <http://rusgram.ru/> M., 2013. (На правах рукописи).
9. Likert R. A technique for the measurement of attitudes // Archives of Psychology. 1932. Vol. 22, № 140. P. 5–55.
10. Герасимова А.А. Учебные материалы практикума по экспериментальному синтаксису: Отбор респондентов. 2021. URL: https://agerasimova.com/wp-content/uploads/Gerasimova_Practice_Outliers.pdf (дата обращения: 01.07.2024).
11. Студеникина К.А. Влияние одушевленности конъюнктов и линейной позиции сказуемого на выбор стратегии предикативного согласования // Тезисы учебной конференции «Экспериментальные исследования языка». М., 2023. URL: http://tipl.philol.msu.ru/application/files/6416/8621/2707/ExpSynt2023_Studenikina.pdf
12. Врубель Д.Д. Эффект синcretизма при предикативном согласовании с сочинительными конструкциями с повторяющимся союзом и // Rhema. Рема. 2023. № 2. С. 104–118.
13. Герасимова А.А., Люткова Е.А. Лингвистический эксперимент на платформе Яндекс. Толока: оценка исследовательских возможностей // Zeitschrift für Slavische Philologie. 2022. Vol. 78, № 1. P. 175–206.
14. Паско Л.И. Против АТВ-анализа частичного согласования в русском языке: экспериментальное исследование // Rhema. Рема. 2023. № 2. С. 89–103.
15. Halsey L.G., Curran-Everett D., Vowler S.L., Drummond G.B. The fickle P value generates irreproducible results // Nature Methods. 2015. Vol. 12, № 3. P. 179–185.
16. Cohen J. Statistical power analysis for the behavioral sciences. Routledge Academic, 2013. 567 p.
17. Westfall J., Kenny D.A., Judd C.M. Statistical power and optimal design in experiments in which samples of participants respond to samples of stimuli // Journal of Experimental Psychology: General. 2014. Vol. 143, № 5. P. 2020–2045.

References

1. Peshkovskiy, A.M. (2001) *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in scientific light]. 8th ed. (1st ed. 1928). Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

2. Sannikov, V.Z. (2008) *Russkiy sintaksis v semantiko-pragmatischekom prostranstve* [Russian syntax in semantic-pragmatic space]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
3. Pekelis, O.E. (2013) "Chastichnoe soglasovanie" v konstruktsii s povtoryayushchimysya soyuzom: korpusnoe issledovanie osnovnykh zakonomernostey ["Partial agreement" in constructions with a repeated conjunction: A corpus study of main patterns]. *Voprosy yazykoznaniya*. 4. pp. 55–86.
4. Krejci, B. (2020) *Syntactic and semantic perspectives on first conjunct agreement in Russian*. Stanford University.
5. Shvedova, N.Yu. (1980) *Grammatika russkogo yazyka* [Grammar of the Russian language]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
6. Corbett, G. (1983) Resolution rules: Agreement in person, number, and gender. In: *Order, concord and constituency*. S.l.: [s.n.]. pp. 175–206.
7. Bošković, Ž. (2010) Conjunct sensitive agreement: Serbo-Croatian vs Russian. *Formal Description of Slavic Languages*. 7 (5). pp. 31–48.
8. Pekelis, O.E. (2013) *Sochinenie: Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki* [Coordination: Materials for a corpus-based description of Russian grammar]. [Online] Available from: <http://rusgram.ru/> Moscow. (Unpublished manuscript).
9. Likert, R. (1932) A technique for the measurement of attitudes. *Archives of Psychology*. 22 (140). pp. 5–55.
10. Gerasimova, A.A. (2021) *Uchebnye materialy praktikuma po eksperimental'nomu sintaksisu: Otbor respondentov* [Educational materials for a workshop on experimental syntax: Respondent selection]. [Online] Available from: https://agerasimova.com/wp-content/uploads/Gerasimova_Practice_Outliers.pdf
11. Studenikina, K.A. (2023) [The influence of conjunct animacy and linear predicate position on the choice of agreement strategy]. *Eksperimental'nye issledovaniya yazyka* [Experimental studies of language]. Abstracts of the conference. Moscow. [Online] Available from: http://tipl.philol.msu.ru/application/files/6416/8621/2707/ExpSynt2023_Studenikina.pdf (In Russian).
12. Vrubel', D.D. (2023) Effekt sinkretizma pri predikativnom soglasovanii s sochinitel'nymi konstruktsiyami s povtoryayushchimysya soyuzom i [The syncretism effect in predicate agreement with coordinated constructions with a repeated conjunction "i"]. *Rhema. Rema*. 2. pp. 104–118.
13. Gerasimova, A.A. & Lyutikova, E.A. (2022) Lingvisticheskiy eksperiment na platforme Yandex. Toloka: otsenka issledovatel'skikh vozmozhnostey [Linguistic experiment on Yandex.Toloka: Assessing research potential]. *Zeitschrift für Slavische Philologie*. 78 (1). pp. 175–206.
14. Pas'ko, L.I. (2023) Protiv ATB-analiza chasticchnogo soglasovaniya v russkom yazyke: eksperimental'noe issledovanie [Against the ATB-analysis of partial agreement in Russian: An experimental study]. *Rhema. Rema*. 2. pp. 89–103.
15. Halsey, L.G., Curran-Everett, D., Vowler, S.L. & Drummond, G.B. (2015) The fickle P value generates irreproducible results. *Nature Methods*. 12 (3). pp. 179–185.
16. Cohen, J. (2013) *Statistical power analysis for the behavioral sciences*. Routledge Academic.
17. Westfall, J., Kenny, D.A. & Judd, C.M. (2014) Statistical power and optimal design in experiments in which samples of participants respond to samples of stimuli. *Journal of Experimental Psychology: General*. 143 (5). pp. 2020–2045.

Информация об авторах:

Врубель Д.Д. – независимый исследователь (Москва, Россия). E-mail: diana.vrubel@gmail.com

Паско Л.И. – техник Научно-исследовательского вычислительного центра, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: paskolada@yandex.ru

Студеникина К.А. – аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия); программист Научно-исследовательского вычислительного центра, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: xeanst@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

D.D. Vrubel, independent researcher (Moscow, Russian Federation). E-mail: diana.vrubel@gmail.com

L.I. Pasko, technician, Research Computing Center, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: paskolada@yandex.ru

K.A. Studenikina, postgraduate student, programmer, Research Computing Center, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: xeanst@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 08.08.2024;
одобрена после рецензирования 02.11.2024; принята к публикации 26.03.2025.*

*The article was submitted 08.08.2024;
approved after reviewing 02.11.2024; accepted for publication 26.03.2025.*

Научная статья
УДК 372.881.111.1
doi: 10.17223/19986645/94/3

Формирование лексического минимума с помощью корпусных инструментов (на материале кейс-исследования по интегрированному курсу Tangible and Intangible Assets)

Ольга Григорьевна Горина¹, Лариса Эдуардовна Камнева²,
Светлана Николаевна Кучеренко³, Дарья Алексеевна Куганова⁴

^{1,2, 3, 4} Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия

¹gorina@bk.ru

²kamneva.larisa.2706@gmail.com

³sunflowersnk@gmail.com

⁴dakuganova@edu.hse.ru

Аннотация. Представлены результаты теоретического анализа и практического использования корпусных методов в отборе лексического минимума для узкоспециализированного курса CLIL в вузе. Освещен дидактически значимый материал по отбору лексики для курса и компиляции авторского корпуса; статистическая процедура сравнения с использованием справочного (БНК)¹ и учебного корпусов. Оценка лингвостатистических показателей проводилась с помощью программы Word Smith 6.0 и специально разработанных программных модулей.

Ключевые слова: корпусный отбор, частотность лексики, принципы отбора, ключевые слова, лексический минимум, корпусный анализ, ESP, CLIL

Благодарности: публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№ 23-00-005) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2022–2023 гг.

Для цитирования: Горина О.Г., Камнева Л.Э., Кучеренко С.Н., Куганова Д.А. Формирование лексического минимума с помощью корпусных инструментов (на материале кейс-исследования по интегрированному курсу Tangible and Intangible Assets) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 94. С. 43–66. doi: 10.17223/19986645/94/3

¹ БНК – Британский национальный корпус. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/>

Original article
doi: 10.17223/19986645/94/3

The compilation of a lexical minimum for the curriculum subject "Economics of Tangible and Intangible Assets"

Olga G. Gorina¹, Larisa E. Kamneva², Svetlana N. Kucherenko³,
Darya A. Kuganova⁴

^{1, 2, 3, 4} National Research University Higher School of Economics,

St. Petersburg, Russian Federation

¹gorina@bk.ru

²kamneva.larisa.2706@gmail.com

³sunflowersnk@gmail.com

⁴dakuganova@edu.hse.ru

Abstract. Since the issue of vocabulary build up accompanies the entire process of teaching a foreign language, the proposed research focuses on the prospects of the automatic professional lexis compilation for the "Economics of Tangible and Intangible Assets" course, which is taught in English to second-year undergraduate students of HSE University. The purpose of the corpus-based statistical compilation of lexis is to determine words that are crucial in understanding texts on a given topic. Within this research a corpus of texts relevant to the subject area is compiled; therefore, the texts selected are either professionally-oriented or doubled as syllabus materials for the discipline in question. In order to enhance learners' vocabulary and academic skills, academic periodicals on the topics studied as well as macroeconomic reports are also included in the corpus under research. The British National Corpus (BNC) that consists of 100 million running words acted as a benchmark corpus. The methodology section elaborates on the algorithm's comparison method that defines keywords as unexpectedly frequent in professionally-oriented texts in comparison with their frequency in the BNC. The essence of the keyword extraction procedure, which is carried out by corpus manager Word Smith Tools 6.0, is as follows. Wordlists ordered by frequency are produced with the help of WS Tools 6.0. Then, word frequencies in the benchmark and target corpora are compared to compute keywords. It should be noted that the comparison is based on two statistical procedures implemented in the WS Tools 6.0 algorithm. The article also examines both the reasons for the emergence and the main distinctive features of ESP courses. In addition, the methods and principles of lexis compilation are considered from a diachronic perspective. The article reviews the evolution of approaches to lexical means of communication as well as corpus-driven qualitative and quantitative parameters to compile necessary and sufficient learner's vocabulary. The research also discusses the expediency of investing the efforts of both teachers and students in "random" vocabulary expansion which is not specifically compiled in accordance with the professional interests of university students. It is also noteworthy that apart from lexis compilation the research objectives included devising a set of lexical exercises; the methodologically optimal and justified lexical unit in terms of its presentation to students is determined. Thus, this article examines the linguistic and methodological potential of keywords and frequent content words as a statistical support for the compilation of learner lexical minimum, as well as the optimal ways to present them in the framework of a professionally focused course.

Keywords: corpus-based content, selection principles, keyword computation, lexical minimum, corpus analysis, ESP, CLIL

Acknowledgments: The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at HSE University in 2022–2023 (grant No. 23-00-005).

For citation: Gorina, O.G., Kamneva, L.E., Kucherenko, S.N. & Kuganova, D.A. (2025) The compilation of a lexical minimum for the curriculum subject "Economics of Tangible and Intangible Assets". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology.* 94. pp. 43–66. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/94/3

1. Введение

Предлагаемое исследование велось в русле разработки и внедрения информационных компьютерных технологий в учебный процесс, что созвучно идеям национальной доктрины развития российского образования, подчеркивающей необходимость регулярного обновления всех аспектов образования, отражающих изменения в культуре, экономике, науке, технике и технологиях.

Современную эпоху исследований часто называют временем «дефисных наук», в рамках которых ведутся гибридные исследования, что обуславливает необходимость пересечения многих областей знаний в постановке задач исследования. В контексте данной работы решения поставленных целей предполагают рассмотрение комбинированных методов корпусной лингвистики и лингводидактики через призму профессионального дискурса.

Теоретическая и методическая значимость работы заключается в том, что с лингводидактической точки зрения исследование проводится в рамках еще пока только складывающегося направления, описываемого не вполне устойчивой коллокацией *корпусная лингводидактика*. Совершенно очевидно, что направление, во-первых, опирается на существующее методологическое и лингвистическое знание, а во-вторых, на аналитический инструментарий корпусной лингвистики, потенциал которого на стыке указанных направлений не реализован полностью. По этой причине нам видится, что «Введение в корпусную лингводидактику» должно стать одним из курсов, читаемых специалистам по филологии и лингвистике. Более того, действуя в рамках этого направления, специалист по языку в неязыковом вузе может не замыкаться на тьюторской позиции, контролируя выполнение упражнений по готовым учебникам, а продолжать исследовательскую деятельность. Вместе с тем, безусловно, с ростом квалификации специалиста, ведущего профессионально направленный курс иностранного языка, улучшается качество отбора компонентов содержания обучения: в частности, научно обоснованно отбираются минимумы – грамматический, лексический, поскольку при конструировании содержания практического курса языка непосредственному отбору подлежат именно минимумы, призванные обслужить тот или иной вид верbalной деятельности [1].

Отметим, что практика применения корпуса в лингводидактике имеет два вектора ее развития. Первое направление связано с информированием

составителей учебников, словарей и другой учебной продукции о результатах корпусных исследований. В рамках второго направления ведется разработка аудиторных приемов работы с опорой на корпус, т.е. непосредственное использование корпусных материалов на занятиях. Как правило, крупные издательства и научные коллективы, реализующие большие проекты, подобные созданию Лонгмановской корпусной грамматики английского языка (*Longman Grammar of Spoken and Written English*), работают в рамках первого направления.

Однако существуют важные ниши и для маленьких университетских лабораторий, которые ведут более узкоспециализированные исследования. В частности, наше исследование обратило внимание на важную задачу по отбору лексического минимума по узкому профессиональному курсу, который читается студентам второго курса вуза на английском языке. Направление, в котором ведется преподавание, в широком смысле, может относиться к области ESP (*English for Specific Purposes, английский для специальных целей*); вместе с тем по признаку наполненности профессиональным содержанием на иностранном языке данный курс читается и в русле CLIL (*Content and Language Integrated Learning, интегрированное обучение содержанию и языку*). Возникшее в ответ на потребности в обучении языку, которое одновременно способствует усвоению предметных знаний, направление предоставляет студентам возможность изучать предметы на иностранном языке, т.е. понимать материал и осваивать его на двух уровнях – языковом и предметном.

Перед специалистом, читающим подобный курс, стоят две основные задачи: (i) разработка учебных материалов, так как преподавателю CLIL часто приходится разрабатывать или адаптировать учебные материалы, чтобы они соответствовали обоим аспектам – содержанию предмета и языковому уровню студентов; (ii) интеграция учебных областей: специалист работает над интеграцией языкового обучения и обучения предметам, помогая студентам углубленно изучать и понимать иностранный язык через предметный контекст. В этих условиях как для наполнения содержания обучения, так и для совершенствования в преподаваемой предметной области специалист университета, занимающий «двойную» позицию специалиста по языку и специалиста в профессиональном контексте, особенно нуждается в инструментах исследования, подобных корпусным.

Корпусный материал и инструментарий могут использоваться как источник для создания учебных материалов, отбора языковых фактов, уточнения знаний об изучаемом языке в заданной профессиональной области. В частности, выделение ключевых слов в их статистическом понимании с помощью коллекции профессионально ориентированных текстов [2] помогает отобрать необходимые и достаточные лексические или более емкие лексикограмматические единицы для понимания профессионального контекста и получения ожидаемого качества речи студента. Несмотря на то, что в силу особенностей формата публикации в научном журнале данная статья преимущественно отразила опыт отбора лексического минимума, собранный лингвистический ресурс может выступать в качестве учебных материалов.

Таким образом, тематика, затронутая в статье, может представлять интерес для профессионального круга читателей как с точки зрения знакомства с практически реализованным корпусным проектом по отбору лексического минимума для профессионального курса, так и с точки зрения дальнейшего теоретико-практического развития направления.

1.1. К вопросу о компиляции лексического минимума в контексте ESP и CLIL

Диахронически отбор профессионально ориентированного словарного запаса под конкретный курс обучения связан с возникновением практики преподавания иностранного языка для специальных целей (English for Specific Purposes, ESP). Авторы этой идеи в западной методической традиции А. Уотерса и Т. Хатчинсон [3] отмечают три основных фактора, благодаря которым произошло выделение языка для специальных целей. Во-первых, в результате расширения коммерческих и производственных международных связей впервые образовалась категория таких обучающихся, которые четко представляли, с какой целью они изучают английский язык. Как следствие, возникла необходимость в создании сжатых по времени, высокоеффективных курсов обучения с четко определенными целями. Во-вторых, произошел сдвиг направления исследований в самой лингвистике от изучения черт языковой системы к изучению употребления языка в аутентичной коммуникации. Вместе с тем обнаружились существенные расхождения в письменной и устной языковой норме и влияние контекста, что привело к мысли о том, что и язык разных профессий может существенно варьировать. Решение лежало в области выделения лингвистических особенностей ситуаций профессионального общения и построения специализированных курсов с учетом этих особенностей. В-третьих, развитие педагогической психологии привело к осознанию необходимости сдвига фокуса внимания на обучающегося и его интересы, что усилило осознание необходимости профессиональной направленности учебных материалов, которые должны были отражать сферу интересов обучающихся, а именно профессиональную сферу [3].

CLIL или интегрирование контента специальности в курс иностранного языка является дальнейшим развитием идеи переноса фокуса на профессиональные нужды студентов. Преподавателю в русле CLIL необходимо хорошо понимать сам предмет, который он преподает, и уметь связывать содержание предмета с языковыми навыками. Он должен уметь выбирать подходящие учебные материалы, а также иметь компетенции по их разработке. Следует подчеркнуть, что нечасто преподаватель иностранного языка параллельно является еще и специалистом в той области, для которой ведется преподавание языка, или состоит в команде опытных ESP/CLIL-экспертов. Большинству приходится работать достаточно автономно и в конкурентной среде, самостоятельно исследовать идеи для разработки курсов и учебных материалов. Одним из эффективных путей решения проблем обучения профессиональному иностранному языку и контенту профессии может быть

сбор релевантного для курса лингвистического материала, компиляция корпуса, его статистическое исследование и использование.

Что касается самих обучаемых, то сегодня в университетской среде на уровне бакалавриата студенты, как правило, относятся к не имеющим опыта производственных отношений и опыта работы по специальности потенциальным специалистам в определенной области, которым необходимо сочетание английского языка для академических и профессиональных целей на узкоспециализированном контексте. На этом фоне специалисты видят свою задачу в том, чтобы обеспечить отбор релевантного содержания обучения, выраженного в том числе в языковых минимумах.

При обсуждении проблем отбора материала для курса профессионально ориентированного иностранного языка неизбежно возникает необходимость уточнения таких понятий, как языковой минимум, а также принципы и критерии его отбора, которые в отечественной методике были определены довольно давно¹. Под минимумом предлагается понимать «достаточную для обеспечения задач курса в области данного вида речевой деятельности, особым образом отбираемую и обязательную для усвоения совокупности языковых явлений (или паралингвистических, в широком смысле, явлений, или системных знаний об изучаемом языке, или фоновых знаний), каждое из которых предназначено для использования в предусмотренном программой общении и требует либо введения и отработки в упражнениях, либо только введения (демонстрации)» [1. С. 23]. На наш взгляд, данная формулировка обладает необходимой емкостью и эластичностью, отразив основные черты эффективного минимума: (i) учет специфики минимумов в области обучения продуцированию речи и в области рецепции речи, т.е. пассивной и активной лексики; (ii) исключение из минимума промежуточных навыков, умений и сведений, которые не предусмотрены целями обучения; (iii) специальный отбор минимума, т.е. не случайный характер в выборе необходимого и достаточного словарного запаса; (iv) обязательность минимума как набора наиболее важных в коммуникативном отношении единиц и необходимость отработки материала, входящего в минимум [1].

Отсюда вытекает на первый взгляд спорное требование, чтобы отбор минимума был строгим и отличался скорее недостатком слов, чем избытком. Однако не следует рассматривать такое требование как ограничение стремления обучающегося знать больше. По этой причине всячески поощряется возможность слушателя дисциплины развиваться автономно, обогащать

¹ Справедливости ради, надо отметить, что в трудах Л.В. Щербы было предложено различение активного и пассивного словаря, активной и пассивной грамматики. Методически оправданная идея различия активного и пассивного языкового материала звучала уже в работах Г. Пальмера и М. Уэста. Идея разграничения обязательного сектора и свободного сектора при говорении высказывалась в работах М. Уэста. В трудах этих ученых была также сформулирована необходимость научного отбора лексики и сформированы первые научно обоснованные лексические минимумы.

лексический запас; для этой цели у обучаемого должен быть свободный доступ к факультативным учебным материалам (в нашем случае к корпусу текстов), расширенному лексическому списку, коллокациям, коллизиям и упражнениям.

Ряд вопросов отбора минимумов для любых целей, в частности для таких новых и еще не устоявшихся, а иногда и часто обновляющихся специальных курсов, относятся к числу современных проблем лингводидактического обеспечения университетского обучения. Итак, при отборе лексических минимумов возникает целый ряд переменных параметров, которые необходимо учитывать. В первую очередь это вопросы посильного количества, которое можно отнести к общедидактическому требованию, а также определения исходных положений отбора, его принципов и критерии. Также необходима надежная, выверенная процедура их реализации, отвечающая современному состоянию как лингвистики и лингвотехнологий, так и быстро меняющемуся контенту дисциплины, которую усваивает будущий профессионал. Следует также принимать во внимание, что во многих современных курсах обучения существует опора на научную периодику, иными словами, минимум по дисциплине должен подготовить обучаемого к восприятию самых современных публикаций на иностранном языке, издаваемых в ведущих академических журналах. Кроме того, существует запрос на продуцирование академических текстов на английском языке для дальнейшей публикации в международных рецензируемых изданиях, индексируемых в таких научометрических базах, как Scopus, Web of Science.

Обратившись к истории вопроса об отборе вокабуляра, интересно отметить, что английский методист и лексикограф Г. Пальмер одним из первых поставил вопрос о научном отборе словаря, подразделив учебный словарь на две большие группы: «строго отобранный материал, который он называл микрокосм (the microcosm), и стихийный» [4. С. 51]. Первый изучался систематически на начальной и средней ступенях обучения, а второй накапливался стихийно на продвинутом уровне [4]. Подчеркнем, что слово «microcosm» означает «что-то в миниатюре», «отражение большого в малом», притом что это малое имеет все основные свойства большого, например *microcosm of society* – отражение общества, общество в миниатюре. Сказанное означает, что британский методист уже тогдаставил задачи сегодняшней корпусной лингвистики – презентации, «адекватного отражения, адаптации или интеграции больших массивов текстов или некоторых иных фрагментов речевой деятельности в существенно меньший по объему корпус текстов» [5]. По замыслу Г. Пальмера, первая группа словаря под названием «microcosm» изучалась систематически на ранних стадиях, а вторая – накапливалась стихийно уже на продвинутом уровне. Автор идеи пользовался термином «лексическая единица», поскольку считал термин «слово» слишком неопределенным, и рекомендовал следующие принципы отбора лексических единиц: (i) опора на частотность (frequency), при этом разные значения одной и той же единицы должны учитываться отдельно; (ii) структурная сочетаемость (ergonic combination), т.е. способность лексической

единицы (эргона) сочетаться с другими единицами; (iii) конкретность (*concreteness*), или приоритет словам конкретного значения; (iv) пропорциональность (*proportion*), т.е. соблюдение известной пропорциональности, как между отдельными частями речи, так и в отношении равномерного изучения различных аспектов языка; (v) целесообразность (*general evidence*), в рамках которой могут быть нарушены первые четыре основных принципа и в микрокосм могут включаться слова, принадлежащие к одной семантической группе [6].

В отечественной методике ранее всего лингвистические принципы отбора были разработаны Л.В. Щербой, И.В. Рахмановым [7]. На их основе были составлены словари наиболее употребительных слов (4 500 слов), в которых учитывались семь принципов: сочетаемости, стилистической ненеограниченности, семантической и словообразовательной ценности, многозначности, строевой способности и частотности [7]. Исследователи часто обращаются к принципам отбора активной лексики, сформулированным С.Ф. Шатиловым, которые уточняются в ходе конкретных исследований и с учетом задач обучения. С.Ф. Шатилов предлагал руководствоваться следующими принципами: (i) сочетаемости, согласно которому слова с большей сочетаемостью предпочтительнее слов с редкой сочетаемостью; (ii) семантики, согласно которому отбираемые слова должны выражать наиболее важные понятия по той тематике (устной и письменной речи), с которой встречается учащийся, изучая иностранный язык; (iii) стилистической ненеограниченности, т.е. принадлежности слова к нейтральному, литературному, разговорному и книжно-письменному стилям языка; (iv) частотности, в соответствии с которым в словарь-минимум включаются наиболее употребительные и литературно-разговорные слова; (v) исключения синонимов, означающий, что в словарь-минимум из синонимического ряда включается только одно наиболее употребительное и нейтральное слово синонимического ряда; (vi) словообразовательной ценности, предполагающий включение только наиболее употребительных в словообразовательном отношении слов; (vii) исключения интернациональных слов, полностью совпадающих в родном и иностранном языке [8].

Несмотря на то, что корпусные технологии существенно упростили определение абсолютной частотности и позволяют обработать не только большие массивы текстов, но и, как будет рассмотрено далее, учесть более сложные производные частотных характеристик слов, изложенные основоположниками принципы отбора лексического минимума не утратили своей актуальности и разумности. Говоря о более современных лингвотехнологиях, отметим, что корпусные процедуры помогают значительно быстрее трансформировать тексты по профессиональной тематике в компонент содержания обучения, который будет подлежать контролю.

Завершая обзор истории развития принципов отбора лексики, обратимся к одной из масштабных инициатив последних лет – созданию лексического минимума для всех уровней (A1–C2) общеупотребительной лексики ан-

глийского языка команды британских исследователей. По результатам работы, во-первых, словарный минимум был определен количественно для всех указанных уровней. Так, для уровня владения иностранным языком В2 в классификации европейских требований установлен объем необходимого словаря в количестве 4 000 отдельных слов и, соответственно, 8 200 слов с учетом словообразовательных моделей. Во-вторых, перечень отобранных словарных единиц представлен в виде списка словарных семей (гнезд) по алфавиту и находится в свободном доступе. Авторы проекта [9] указывают, что они остановились на пороге профессионально направленного обучения английскому языку, что представляется хорошим стартом и ориентиром для всех преподавателей, которые занимаются далее развитием лингвистической составляющей профессионально ориентированной иноязычной компетенции. Вместе с тем исходные положения, принципы и критерии отбора, разработанные в рамках проекта, представляют собой самый современный подход к отбору лексического минимума как с идеологической, так и с практической точек зрения.

1.2. Количественные корпусные ориентиры лексического минимума в русле корпусных исследований

Несмотря на то, что на первый взгляд корпусные данные поменяли лишь техническую часть отбора лексического минимума в части нетрудоемкого определения частотности, на практике корпусные исследования оказали влияние как на качественные, так и на количественные параметры словарного запаса обучаемого. Следует отметить, что количественные характеристики словарных минимумов по разным корпусно-ориентированным источникам согласуются и останавливаются на пороге в 5–6 тысяч слов общеупотребительной лексики. Начиная с этого количества слов дальнейшее инвестирование усилий по наращиванию запаса непрофессиональной лексики не рекомендуется; усилия преподавателей и обучаемых следует направить в русле специализированной лексики [10, 11].

Говоря о том количестве слов, которое способен усвоить обучаемый, можно обратиться к данным по серии известных лексических учебных пособий «Vocabulary in Use», созданных авторами М. Маккарти и Ф. О’Делл. Учебники рассчитаны на усвоение 2 000 слов на каждом уровне начиная с Elementary до Upper Intermediate. Если обучающийся находится в среде носителей, в стране изучаемого языка, то вполне реалистичным признается усвоение 2 500 слов в год [12]. Таким образом, исходя из корпусных данных, pilotных проектов, оценок специалистов и обучаемых, цель овладения лексиконом в 2 000 слов на каждом уровне определяется как достижимая.

Еще одна особенность наращивания словарного запаса связана с тем фактом, что языки часто определяют как «набор редких событий». Действительно, корпусная статистика и теоретические выводы Gorina et al. [13] доказывают, что 50% словаря любого корпуса текстов имеют единичное вхождение. Другими словами, половина слов любого корпуса составляют группу

гапаксов («лишь раз названное»), т. е. являются сравнительно редкими, или низкочастотными словами. В этой связи следует привести такие данные: увеличение словарного запаса обучаемого уровня В2 с 6 до 10 тысяч увеличивает шансы встретить знакомое слово лишь на 3%, с 10 тысяч. слов до 16 тысяч – на 2%.

Что касается профессионально направленного минимума, то к сопоставимым количественным показателям пришли составители минимума лексических единиц русского языка. Власова и др. занимались решением вопроса о минимальном объеме вокабуляра, необходимого для понимания дискурса предметной области. В своем исследовании авторы также применяют лингвостатистический подход, собрав корпус по политологии на русском языке. Исследователи сгенеририровали частотные списки, которые состоят из основного перечня знаменательных слов, служебных слов, редких слов и имен собственных, сделав вывод о том, что оптимальная длина лексического минимума не должна превышать 4 500 слов. Отмечается, что именно знание знаменательных слов определяет уровень понимания текстов в исследуемой предметной области (1 000–2 000 лексемы необходимо знать, чтобы понимать 50–60% материала профессионального корпуса) [14. С. 73].

Таким образом, процедура отбора словаря, которая позволяет определить типичные для профессионального дискурса лексические единицы и увеличить шансы обучаемого встретить изученное слово, необходима и оправданна. Однако в процессе составления лексических минимумов, или списков слов, возникает сложность в определении объема вокабуляра, уже известного студенту, и какой объем необходимо изучить для того, чтобы понимать академические и профессионально ориентированные тексты.

1.3. К вопросу об отборе текстов в корпус предметной области

Важной особенностью совокупности языковых данных, организованной в корпус, является идея, в соответствии с которой собираются эти данные. Так, в названии «Британский национальный корпус» слово «национальный» означает в первую очередь «характеризующий британский национальный вариант английского языка», т.е. идея составления корпуса заключалась в максимально полной репрезентации этого варианта языка [15].

Следует еще раз обратить внимание на то, что компиляция корпуса, во-первых, подчиняется определенной концепции. Таким образом, при компиляции корпуса нам следует ответить на вопрос: что будет отражать или презентировать наш корпус? Во-вторых, для того чтобы просто коллекция текстов стала корпусом, необходим филологически компетентный корпусный менеджер, который ответит на вопрос, как будет происходить подсчет и автоматический вывод результатов. По этим двум причинам тексты и систему поиска данных, например, в Интернете нельзя признать профессионально ориентированным корпусом. Тексты Интернета ориентированы на интересы пользователей Интернета, а не на профессиональные интересы

обучаемых. Система поиска и вывода данных тоже не создавалась для решения лингвистических и методических задач. Таким образом, мы подошли к определению методически-ориентированного корпуса предметной области: это такой корпус, тексты которого должны адекватно отражать предметную область, а автоматический подсчет (лингвостатистика), поиск и вывод информации должны позволять решать задачи изучения профессионального дискурса в целях обучения иностранному языку. Обратимся к принципам отбора текстов в методически-ориентированный корпус предметной области.

2. Создание собственного методически-ориентированного корпуса

В данной части работы рассматриваются принципы отбора текстов в методически-ориентированный корпус предметной области «Tangible and Intangible Economy» (Материальная и нематериальная экономика). Подбор текстов осуществлялся на основе четко сформулированных критериев: общенакальных критериев отбора исследовательского материала [16], общих критериев составления корпусов и узконаправленных критериев, соответствующих задачам данного исследования [17]. Для наших исследовательских задач при составлении корпуса наиболее ценными мы признаем следующие критерии:

- 1) критерий репрезентативности;
- 2) критерий аутентичности;
- 3) критерий соответствия проблемной области;
- 4) критерий лексической насыщенности;
- 5) критерий новизны.

Ниже приводится описание методики создания корпуса в соответствии с каждым из этих критерии.

Основное условие, регулирующее нашу деятельность в рамках отбора текстов в корпус, это критерий репрезентативности корпуса, справедливо рассматриваемый В.П. Захаровым в качестве основной характеристики любого корпуса, независимо от других свойств корпуса [18]. Репрезентативность, по мнению В.В. Рыкова – это уникальное свойство корпуса, которое отличает корпус от любой другой коллекции текстов, доступной на электронном или ином носителе [19]. Несмотря на невозможность (по крайней мере на данный момент) точно измерить репрезентативность того или иного корпуса, под репрезентативностью принято понимать необходимое и пропорциональное распределение максимального количества свойств изучаемого явления для того, чтобы отдельно взятый корпус можно было рассматривать в качестве модели предмета исследования [18]. Очевидно, что необходимое количество свойств будет отличаться в зависимости от задач исследования, однако требование максимально объективно представить в корпусе свойства предмета исследования остается неизменным и в случае создания крупных национальных корпусов и специализированных корпусов.

Для достижения репрезентативности большие национальные корпуса языков, как правило, включают в себя от 22 млн до 1 млрд лемматизированных словоформ. Так, по статистическим данным М.В. Копотева [18], корпусы наиболее распространенных романо-германских языков (английский, немецкий, французский, итальянский и испанский языки) варьируются в объеме от 100 млн токенов (для корпусов английского и испанского языков) до 8,7 млрд для корпуса немецкого языка. Кроме того, для достижения максимальной степени репрезентативности в них включены тексты разных жанров и типов. Например, общеизвестный факт, что Брауновский корпус письменных текстов включает тексты 15 жанров [20], в то время как Лонгмановский корпус (*the LSWE Corpus*) был призван репрезентировать письменную и устную английскую речь и служил аутентичным материалом для примеров в принципиально новой книге по грамматике устного и письменного английского языка [21].

Специализированные корпусы, создаваемые для решения узких исследовательских задач, составлялись и составляются на основе гораздо меньшего количества токенов. Например, корпус ошибок обучаемых, собранный в РГПУ им А.И. Герцена, включал 38 122 словоупотребления на момент его издания [22]. Очевидно, что в случае специализированных корпусов критерий репрезентативности трактуется несколько иначе в силу их небольшого объема. Репрезентативность в данном случае – это «необходимо-достаточное количество текстов, обеспечивающих решение исследовательских задач» [23. С. 164]. Таким образом, соблюдение критерия репрезентативности при составлении нашего специализированного корпуса достигалась за счет решения исследовательских задач, описываемых ниже.

Прежде всего следует отметить, что наш корпус, наряду с другими исследовательскими и прикладными задачами, создавался для обеспечения эффективности учебного процесса в ходе преподавания дисциплины «*Tangible and Intangible Economy*» (Материальная и нематериальная экономика) в рамках учебного плана дисциплин студентов второго курса факультета ШЭМ НИУ ВШЭ Санкт-Петербург. С одной стороны, преподавание дисциплины обусловлено такой целью, как развитие умений профессиональной речи на английском языке за счет расширения понятийного аппарата по специальности и развития всех видов деятельности на английском языке [24]; с другой стороны, преподавание дисциплины осуществляется в соответствии с «Концепцией развития англоязычной коммуникативной компетенции студентов в НИУ ВШЭ», согласно которой преподавание английского языка для специальных целей направлено на «формирование и развитие академических умений <...> с учетом специфики конкретной предметной области» и ведется на основе специализированного текстового материала», носящего аутентичный характер и отражающего последние достижения предметной области [25. С. 4]. Необходимость привлечения корпусной лингвистики для обеспечения эффективности учебного процесса в частности и самого учебного процесса в целом обусловлена отсутствием до-

статочного количества доступных аутентичных учебных материалов, отражающих новые дискурсивные и нарративные явления в языке современной экономической науки, такие как дарообмен, шэриг, экономика идей, экономика контента, креативная экономика [26]. Соответственно, некоторые из нижерассматриваемых критериев изначально работают тем или иным образом, в зависимости от ограничений, накладываемых содержанием Концепции и наполнением рабочего учебного плана.

Критерий сбалансированности часто рассматривается вторым ведущим критерием при составлении специализированных корпусов [27] и достигается за счет жанрового разнообразия и объема текстового материала. В нашем случае специфика исследовательской задачи накладывает определенные ограничения на фактор жанрового разнообразия, так как жанр текстового материала определяется требованиями программы учебной дисциплины и Концепции, предполагающими формирование лексических навыков на основе профессиональных академических текстов. Источниками таких текстов являются журналы экономической направленности первого, второго и третьего квартилей, доступ к которым обеспечивает электронная подписка НИУ ВШЭ. Среди журналов можно назвать следующие: *Review of Economic Studies*, *American Economic Review*, *Journal of Public Economics*, *Journal of International Economics*, *Research in Economics*.

Немаловажным при составлении специализированных корпусов, ориентированных на определенную предметную область, является принцип аутентичности. Во-первых, центральная идея создания и обработки корпусов текстов заключается в обработке именно аутентичных массивов речевой продукции [28. С. 26]. Во-вторых, формирование уровня коммуникативной компетенции по английскому языку, обозначенного в Концепции НИУ ВШЭ, невозможно без аутентичных материалов. Термин «аутентичность» не имеет четких терминологических границ ни в отечественной, ни в зарубежной науке [29]. В своей работе мы опираемся на ставшие классическими подходы к пониманию аутентичных текстов отечественных лингвистов Р.П. Мильруда и Г.И. Ворониной как текстов, чье языковое наполнение не было специально придумано для прикладных целей изучения языка [30] и чье содержание было заимствовано из коммуникативной практики носителей языка [31]. Именно поэтому, наш корпус составлялся исключительно из академических статей, опубликованных в ведущих экономических журналах, гарантирующих высокое качество материалов с точки зрения английского языка.

Помимо универсальных принципов презентативности, сбалансированности, аутентичности необходимо учитывать также принципы соответствия проблемной области. Непосредственно в контексте отбора специализированного корпуса по дисциплине «Tangible and Intangible Economy» (Материальная и нематериальная экономика) суть этого принципа состоит в «определении границ языкового пространства проблемной области, которое планируется отобразить в корпусе» [32. С. 63]. Языковое пространство обу-

словлено содержанием дисциплины, а именно такими подтемами, как экономика обмена, экономика контента, цифровая экономика, нематериальная экономика, устойчивая экономика, экспериментальная и поведенческая экономика, роль государства в экономике, общественные блага, налоговая система, экономика неравенства, экономика образования, экономика здравоохранения, новейшие экономические тренды.

Принципы аутентичности и соответствия проблемной области в определенной степени обуславливают необходимость учитывать принцип лексической насыщенности: профессионально ориентированный языковой материал, созданный носителями английского языка, должен быть не только заимствован из коммуникативной практики английского языка, он должен адекватно отражать профессиональный аспект такой коммуникативной практики в терминах лексического разнообразия, лексической сложности и лексической плотности [33]. Понятие лексической насыщенности аутентичных материалов само по себе является объектом многочисленных исследований и требует уточнения и разработки инструментария для измерения ее составляющих. Соблюдение принципа лексической насыщенности достигалось за счет опоры на экспертные рекомендации специалистов НИУ ВШЭ, занимающихся экономикой материальных и нематериальных активов, которые рекомендовали академические статьи и конкретных авторов для профессионального обогащения языкового материала.

Таблица 1
Характеристика корпуса

Состав	Состав корпуса
Цель	Специализированный
Назначение	Методически-ориентированный
Объем	1 100 000 словоупотреблений
Сбалансированность	Несбалансированный
Тип языковых данных	Письменные тексты
Жанр	Научный
Тематика	Экономика материальных и нематериальных активов
Новизна	2005–2022
Количество текстов	159 файлов
Разметка	Неразмеченный
Доступность	Ограничен доступ [материалы находятся в электронной библиотеке НИУ ВШЭ и на базах данных / репозитариях]

Одним из формальных конструирующих принципов нашего корпуса является принцип новизны, который также ограничен рекомендациями рабочей учебной программы включать в учебный процесс материалы не старше пяти лет. В чистом виде данное ограничение неприемлемо для предметной области нашего корпуса, так как оно повлечет изменение степени репрезентативности корпуса. Соответственно, было принято исследовательское решение углубить новизну корпуса до 2005 г. Такой выбор временной границы обусловлен тем, что примерно с этого года начинается постепенное

смещение мировой экономики на принципы совместного потребления и рост доли нематериальных активов, которые определяют характер современной экономики [34]. Новая экономика, основанная на нематериальных активах, и является той узкой предметной областью, на которой построена дисциплина «Tangible and Intangible Economy» (Материальная и нематериальная экономика).

На основании вышеперечисленных принципов нами был составлен корпус, презентирующий предметную область «Tangible and Intangible Economy» (Материальная и нематериальная экономика) для выделения содержательного лексического ядра путем статистической обработки (см. табл. 1).

3. Методика обработки корпуса

В соответствии с нашей задачей – отбор статистически значимой лексики – необходимо описать процедуру и принципы такого отбора. Из всего многообразия корпусных инструментов, используемых для данной исследовательской задачи, мы выбрали технологию выделения ключевых слов, встроенную в корпусный менеджер WordSmith 6.0. Ключевые слова вычисляются путем сравнения частотности слова в исследуемом корпусе (небольшом) с частотностью слова в корпусе справочном (большом). На основании данных справочного корпуса вычисляется математическое ожидание – как частотно слово вообще в языке, поэтому справочный корпус должен быть максимально большим. Если слово в исследовательском корпусе попадается чаще, оно становится кандидатом на статус ключевого: его частотность не совпадает с ожидаемой. В нашем случае исследуемый корпус – это специальный корпус по предметной области Экономика материальных и нематериальных активов, характеристики которого были описаны выше, и Британский Национальный Корпус, который имеется в нашем распоряжении.

Перед обработкой нашего корпуса программой WordSmith 6.0 все тексты были переведены из формата .doc в формат .txt блокнот. Далее текстовые файлы были загружены в интерфейс программы WordSmith 6.0 для вычисления. Для подсчета величины «ключевого характера» (keyness) программа обрабатывает четыре значения: количество вхождений (частотность) исключенного слова в исследуемом тексте (корпусе), количество вхождений (частотность) исследуемого слова в опорном корпусе, количество всех слов в исследуемом тексте (корпусе) и, наконец, количество всех слов в опорном корпусе. Результаты были представлены в виде таблиц с указанием частотности слов и сопутствующих вычислениям параметров. Приводим фрагмент рабочей таблицы, в которой отражен процесс вычислений и даны следующие значения: (i) ранговый номер слова в списке ключевых слов, упорядоченном по свойству быть ключевым; (ii) ключевое слово; (iii) абсолютная частота слова в исследуемом корпусе; (iv) относительная частота слова в исследуемом корпусе; (v) «RC. Freq.» – абсолютная частота вхождения слова в справочный корпус, в нашем случае БНК; (vi) «RC. %» – относительная частота

вхождения слова в справочный корпус в процентах¹; (vii) значение Keyness, т.е. параметра, по которому слово признается ключевым, а именно результат вычисления параметра в зависимости от метода, который используется в соответствии с алгоритмом: хи-квадрат или логарифмическое подобие (chi-square/log likelihood statistic).

Таблица 2
Результаты применения алгоритма WordSmith по определению ключевых слов

N (i)	Key word (ii)	Freq. (iii)	% (iv)	RC. Freq. (v)	RC. % (vi)	Keyness (vii)
3	INTANGIBLE	698	0,830151856	180		8993,644531
5	CAPITAL	574	0,682675064	0		8127,345215
8	ASSETS	445	0,529251575	0		6300,131348
20	SHARE	184	0,218836591	0		2604,426025
21	ACCOUNTING	162	0,192671359	0		2292,984863
30	INTANGIBLES	141	0,167695433	37		1813,81665
35	PERFORMANCE	302	0,35917747	13218	0,013295413	1404,041382
63	VARIABLES	59	0,070170432	0		835,0271606
68	GIG	93	0,110607632	585		775,1405029
73	APPROVAL	52	0,061845124	0		735,9517822
79	ENTITY	96	0,114175618	1196		676,9440918
87	COMPETENCIES	58	0,068981104	83		630,0023193
92	EXPENDITURES	42	0,049951833	0		594,4176025
94	MILESTONE	41	0,048762504	0		580,2643433
110	STAKEHOLDERS	36	0,042815857	0		509,4982605
112	HERITAGE	85	0,101092994	1888		505,3440552
115	BOARD	35	0,041626528	0		495,3450928
126	COMPETITIVE	98	0,116554275	3786		478,715271
134	IMMATERIAL	49	0,058277138	190		451,3303223
140	ACCOUNT	31	0,036869209	0		438,7327576
141	INTERNAL	59	0,070170432	603		438,1759338
153	OUTCOMES	29	0,034490552	0		410,4267273
167	AWARENESS	26	0,030922562	0		367,967865
176	EXPENSES	25	0,029733233	0		353,8149719
189	MEASUREMENT	61	0,07254909	1668		338,3108215
197	CAUSALITY	34	0,040437199	103		327,8379822
200	ACQUIRED	23	0,027354574	0		325,5092163
238	OBJECTIVES	20	0,023786588	0		283,0507813
242	PROPERTIES	67	0,079685062	4061		270,0170898
248	MANAGERIAL	19	0,022597257	0		268,8980103
264	CAPACITY	18	0,021407928	0		254,7452698
269	SUSTAINABILITY	28	0,033301223	150		241,6063843
274	ACQUISITION	17	0,0202186	0		240,5925598
276	STRENGTHEN	17	0,0202186	0		240,5925598
278	VARIANCE	17	0,0202186	0		240,5925598

¹ В нашем случае это значение нередко нулевое, т.е. слово очень низкочастотно в справочном корпусе; в приведенном фрагменте таблицы исключение составляет слово PERFORMANCE, которое встречается в БНК 13 тысяч раз.

N (i)	Key word (ii)	Freq. (iii)	% (iv)	RC. Freq. (v)	RC. % (vi)	Keyness (vii)
287	IMPLICATIONS	16	0,019029269	0		226,4398651
289	COMPARABILITY	16	0,019029269	0		226,4398651
304	GRANGER	20	0,023786588	29		216,8338623
309	ASSESS	15	0,01783994	0		212,2872009
317	AMORTIZED	15	0,01783994	0		212,2872009
318	REGULATIONS	15	0,01783994	0		212,2872009
348	RESPONSES	14	0,016650612	0		198,134552
349	COMPETITIVENESS	31	0,036869209	560		196,5691071
396	INTENSITY	12	0,014271952	0		169,8293304
402	IMPROVEMENTS	12	0,014271952	0		169,8293304
412	REGRESSION	28	0,033301223	666		162,7696381
414	GOODWILL	29	0,034490552	793		160,8246155
416	PATENTS	24	0,028543904	373		159,0912323
432	SHAREHOLDERS	11	0,013082623	0		155,6767578
439	ACCUMULATED	11	0,013082623	0		155,6767578
449	SUBSIDIES	29	0,034490552	1116		141,8536377
451	AGENDA	10	0,011893294	0		141,5242004
453	IDENTITY	10	0,011893294	0		141,5242004
456	CAPITA	10	0,011893294	0		141,5242004
459	ASSESSMENT	10	0,011893294	0		141,5242004
464	BREAKPOINTS	10	0,011893294	0		141,5242004
470	REPUTATIONAL	10	0,011893294	0		141,5242004
472	CONCERNING	10	0,011893294	0		141,5242004
481	CONTRIBUTION	48	0,057087809	5268		140,7761688
485	DOMESTIC	52	0,061845124	6900		134,8648682

4. Результаты

В рамках данного исследования был проведен корпусный отбор лексического материала, который важен для обучаемого с точки зрения понимания текстов по дисциплине ESP экономического направления. В ходе разработки курса первая порция лексических единиц отбиралась вручную, так как при разработке дисциплины каждая статья пособия сопровождалась списком слов и словосочетаний с переводом, которые авторы курса отобрали самостоятельно в соответствии с их ощущениями и интуицией.

На втором этапе в результате обработки скомпилированного нами корпуса с помощью пакета программ WordSmith 6.0 были получены ключевые слова по каждой из тем дисциплины и дополнительный список лексики для расширения словарного запаса, связанного с профессиональным дискурсом, в частности для совершенствования навыков чтения академических публикаций. Как уже указывалось, экспериментальная часть данной работы основана на использовании оригинального корпуса профессиональных текстов объемом 1 млн 100 словоупотреблений, включающего лингводидактические материалы и академическую периодику по релевантным темам на английском языке, а также серию макроэкономических обзоров.

Дополнительно был выполнен второй проверочный автоматический вариант отбора с помощью созданных нами алгоритмов, в основе которых лежит генерирование частотного словаря по темам курса. Дело в том, что ряд исследователей, включая М. Скотта, М. Хоуи, Р. Картера и др. [35], говоря о лексическом корпусном анализе, вводят не только понятие ключевых слов, но и понятие содержательных слов (content words). Помимо ключевых, смысловая функция, элементы связности текста и раскрытия его тематического содержания обеспечиваются и содержательными словами, которые также могут быть типичными для данной предметной области и профессионального жанра. Таким образом, проводя это разграничение, мы должны учитывать данную категорию лексики в отбираемом минимуме.

Таблица 3
Ключевые и содержательные слова

Ключевые слова	Высокочастотные содержательные слова
INTANGIBLE	COMMODITY
ASSETS	VULNERABLE
CAPITAL	STAGNATION

Отметим, что ключевые и высокочастотные содержательные слова выполняют роль указки, т.е. направляют внимание преподавателя на дальнейшую работу с этой лексикой, включающую произношение, профессионально релевантные коллокации, коллигации или наиболее грамматически вероятное оформление лексических единиц. Поэтому планируется включить отобранные лексические единицы в пособие по курсу с комплексом лексических заданий.

5. Выводы

Подводя итоги исследования, можно сделать выводы относительно (i) процесса составления и обработки корпусов, (ii) особенностей автоматически отобранной статистически значимой лексики и (iii) интегрирования полученных данных в процесс преподавания английского языка для специальных целей.

В процессе составления и обработки специального корпуса было выявлено два существенных обстоятельства: (i) значительный объем подготовительных мероприятий по отбору текстов и организации их в корпус, (ii) избыточность списка по количеству слов даже при опоре на показатели частотности (не менее 15 000 лемм без учета слов с единичной частотностью, в том числе порядка 1000 ключевых слов). Объем предварительной работы при составлении корпуса, вероятно, является одним из факторов, сдерживающих активное использование корпусов при разработке и внедрении дисциплин на основе профессионально ориентированного английского языка. Бурное развитие методов цифровой обработки текстов позволит в будущем сократить трудоемкость предварительного этапа составления корпуса.

Что касается объема списка ключевых слов, то при наличии четких критериев сокращения автоматически отобранного списка допустимо утверждать, что преподаватель вполне может положиться на корпусный отбор ключевых слов как предварительный список слов с опорой на частотность и показатель величины «ключевого характера», т. е. роль слова в формировании смыслов. В дальнейшем необходимо корректировать полученный список ключевых слов «вручную», (i) соотнося его с потребностями конкретных обучаемых (ряд слов, не представляющих интереса для конкретной группы обучаемых, по результатам входных тестов может быть исключен), (ii) исключая из него те слова, которые относятся к так называемому «общеанглийскому» (General English) пласту лексики (см. список Уэста), (iii) основываясь на экспертных мнениях специалистов в данной области.

В отношении сгенерированных списков ключевых слов необходимо отметить, что несмотря на инициальные трудозатраты, изучать отобранный компьютером список ключевых слов значительно легче, чем отбирать их из всего текста или коллекции текстов в силу того, что список ключевых слов, подготовленный компьютером, существенно меньше по количеству слов. Следует также подчеркнуть, что выделить важные слова в тексте объемом в страницу для преподавателя не составит труда. Получить же статистически значимый список ключевых слов при подготовке профессионально ориентированного курса иностранного языка на материале в несколько тысяч или миллионов словоупотреблений вручную уже не представляется возможным. А именно в этом и заключается преимущество корпусных методов – в обработке больших массивов данных для получения достоверного результата.

На наш взгляд, на данном этапе развития алгоритмов отбора слова с единичной частотностью представляют нерешенную проблему отбора по двум причинам: (i) алгоритмы не могут отобрать гапаксы в качестве ключевых в силу низкой частотности, (ii) слова с единичной частотностью составляют половину словаря любого корпуса текстов. Тем не менее среди слов с единичной частотностью могут встречаться критически важные для понимания смысла единицы. Таким образом, на данный момент такие единицы должны просеиваться «вручную», а решение о включении в словарный минимум принимают эксперт-экономист и преподаватель английского языка.

Особого внимания заслуживают методический потенциал полученного списка ключевых слов и дальнейшее его использование в практике преподавания дисциплины «Tangible and Intangible Economy» (Материальная и нематериальная экономика) и профильно ориентированного английского языка в общем. Прежде всего, практическая работа с корпусом предполагает полное перестроение учебного процесса по дисциплине таким образом, чтобы формирование лексической базы, а также развитие всех видов речевой деятельности осуществлялись полностью на основе сгенерированного программой WordSmith 6.0. списка частотности. Построение лексического минимума на основе автоматически сгенерированного списка ключевых слов имеет ряд преимуществ перед традиционным принципом составления «вручную» с опорой на интуицию преподавателя. Во-первых, исключен

принцип субъективности и прескриптивности; во-вторых, достигается эмпирическая адекватность и аутентичность английского языка, который студенты используют для решения своих профессиональных задач.

В целом речь идет о разработке комплексной модели обучения с использованием корпусной технологии. Основными компонентами такой модели являются: принципы обучения, методы обучения, средства обучения, средства контроля [36]. Спорадическое применение отдельных учебных приемов (например, использование готовых корпусов или упражнения на основе конкорданса) не представляются нам более достаточно эффективными для развития всех видов речевой деятельности, а остаются лишь на уровне моды на корпусные технологии.

Создание модели обучения не менее трудоемкий процесс, чем составление и обработка корпуса, но он столь же необходим, если наша конечная цель – «доказательное» обучение (data driven learning) [37]. Модель обучения на основе технологии корпусной лингвистики, очевидно, потребует определенных усилий как со стороны преподавателей, так и со стороны обучающихся [38]. Со стороны обучающихся наблюдается некая субъективная привязанность к традиционным лексическим упражнениям на заполнение пропусков и раскрытие скобок. Со стороны преподавателей может наблюдаться невладение методикой составления упражнений на основе корпусной технологии [39].

В контексте преподавания дисциплины «Tangible and Intangible Economy» (Материальная и нематериальная экономика) опора на список ключевых слов открывает перспективы по созданию учебного пособия нового типа, которое помимо системы упражнений, построенной на основе корпуса, может содержать рекомендации по самостоятельной работе с профессиональным корпусом по дисциплине и иметь мультиплатформенный и мультимодальный характер.

Список источников

1. Лапидус Б.А. Проблемы содержания обучения языку в языковом вузе. М. : Выш. шк., 1986. 144 с.
2. Scott M. Wordsmith Tools: Software. Oxford : Oxford University Press, 2012.
3. Hutchinson T., Waters A. English for specific purposes: A learning-centered Approach. S.l. : Cambridge Univ. Press, 1991. 183 р.
4. Гез Н.И., Фролова Г.М. История зарубежной методики преподавания иностранных языков : учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и ф-тов ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. М. : Академия, 2008. 256 с.
5. Рыков В.В. Корпус текстов как реализация объектно-ориентированной парадигмы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: тр. междунар. семинара «Диалог–2002», Протвино, 6–11 июня 2002 г. : в 2 т. Т. 1. М., 2002. С. 390–393.
6. Palmer G. Second Interim Report on English Collocations. Tokyo : Kaitakusha, 1933.
7. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория и методика обучения иностранным языкам: лингводидактика и методика : учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов ф-тов ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. 6-е изд., стереотип. М : Академия, 2009. 336 с.
8. Шатилов С.Ф. Методика обучения немецкому языку в средней школе : учеб. пособие для студ. пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.». 2-е изд., дораб. М. : Просвещение, 1986. 223 с.

9. West R. et al. The Word Family Framework (WFF). 2013. URL: <http://www.teaching-english.org.uk/article/word-family> (дата обращения: 15.02.2014).
10. O'Keefe A., McCarthy M., Carter R. From Corpus to Classroom: language use and language teaching. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2007. 315 p.
11. Simpson R., Mendis D. A corpus-based study of idioms in academic speech // TESOL Quarterly. 2003. № 37. P. 419–441.
12. Millton J., Meara P. How periods abroad affect vocabulary growth in a foreign language // ITL: Review of Applied Linguistics. 1995. Vol. 107–108. P. 17–34.
13. Gorina O., Tsarakova N., Tsarakov S. Study of Optimal Text Size Phenomenon in Zipf–Mandelbrot's Distribution on the Bases of Full and Distorted Texts. Author's Frequency Characteristics and derivation of Нарах Legomena // Journal of Quantitative Linguistics. 2019. doi: 10.1080/09296174.2018.1559460
14. Власова Е.А., Карпова Е.Л., Ольшевская М.Ю. Лексический минимум по языку специальности: сколько слов достаточно?: Разработка принципов минимизации // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 4. С. 63–77. doi: 10.25205/ 1818-7935-2019-17-4-63-77
15. Плунгян В.А. Корпус как инструмент и как идеология: О некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2 (16). С. 7–20.
16. Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике : учеб. пособие. М. : Выssh. шк., 1991. 140 с.
17. Копотев М.В. Введение в корпусную лингвистику : учеб. пособие для студентов филологических и лингвистических специальностей университетов. Praha : Animedia, 2014.
18. Захаров В.П. Корпусная лингвистика : учеб.-метод. пособие. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005. 48 с.
19. Рыков В.В. Корпусная лингвистика: (Научно-аналитический обзор) // РЖ: Социальные и гуманитарные науки: Зарубежная литература. М., 1996.
20. The research infrastructure for language as social and cultural data. URL: www.clarin.eu (дата обращения: 28.04.2023).
21. Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E. Longman Grammar of Spoken and Written English. S.l. : Pearson Education Limited, 1999. 1204 p.
22. Камишлова О.Н. Исследовательский потенциал корпуса английских текстов петербургских школьников: анализ интерязыка // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 104. С. 114–123.
23. Богоявленская Ю.В. Репрезентативность лингвистического корпуса: метод верификации достоверности полученных данных // Политическая лингвистика. 2016. Вып. 4 (58). С. 163–166.
24. Английский для специальных академических целей: Экономика материальных и нематериальных активов-3 // Программа учебной дисциплины. URL: <https://www.hse.ru/edu/courses/647339099> (дата обращения: 28.04.2023).
25. Концепция развития англоязычной коммуникативной компетенции студентов НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/docs/381549301.html> (дата обращения: 28.04.2023).
26. Рогожникова В.Н. Язык современной экономической науки: подходы к изучению // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2022. Т. 14, вып. 4. С. 7–23. doi: 10.38050/2078-3809-2022-14-4-7-23
27. Шилихина К.М. Использование корпусов в исследованиях дискурса // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 3. С. 21–26.
28. Азимов Э.Г., Щужин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий. М. : ИКАР, 2009. 448 с.
29. Казакова М.А., Евтугина А.А. Аутентичные текстовые материалы в обучении иностранному языку // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2016. № 4. С. 50–59.

30. Мильруд Р.П. Компетентность учителя иностранного языка // Иностранные языки в школе. 2012. № 1. С. 11–17.
31. Воронина Г.И. Организация работы с аутентичными текстами молодежной прессы в старших классах школ с углубленным изучением иностранного языка // Иностранные языки в школе. 1999. № 2. С. 23–25.
32. Карамнов А.С. Модель создания корпуса учебника английского языка // Научный диалог. 2013. № 2 (14): Педагогика. С. 59–69.
33. Ахмади Л. Лексическая насыщенность как лингво- и социокультурная характеристика англоязычного научного текста // Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 4 (62). С. 5–17. doi: 10.37724/RSU.2022.62.3.001
34. Haskel J., Westlake S. Capitalism without Capital: The Rise of the Intangible Economy. Princeton ; Oxford : Princeton University Press, 2018.
35. Hoey M. Lexical Priming: A New Theory of Words and Language. Routledge, 2005. 202 p.
36. Чернякова Т.А. Методика формирования лексических навыков студентов на основе лингвистического корпуса (английский язык, языковой вуз) : дис. ... канд. пед. наук. М., 2012.
37. Котюрова И.А. DDL (Data Driven Learning) в условиях российских вузов // Актуальные проблемы современной лингвистики и гуманитарных наук : сборник статей XIII Всероссийской научно-методической конференции с международным участием. М., 2021. С. 487–501. doi: 10.22363/10784-2021-487-501
38. Grigaliūnienė J. Corpora in the classroom. Vilnius : Vilnius University, 2013. 81 p.
39. Слободян Е.А. Обучение методике составления упражнений с помощью национального корпуса русского языка // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. № 1. С. 71–73.

References

1. Lapidus, B.A. (1986) *Problemy soderzhaniya obucheniya yazyku v yazykovom vuze* [Problems of language teaching content in language universities]. Moscow: Vyssh. shk.
2. Scott, M. (2012) *Wordsmith Tools: Software*. Oxford: Oxford University Press.
3. Hutchinson, T. & Waters, A. (1991) *English for specific purposes: A learning-centered approach*. Cambridge Univ. Press.
4. Gez, N.I. & Frolova, G.M. (2008) *Istoriya zarubezhnoy metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov* [History of foreign language teaching methodology]. Moscow: Akademiya.
5. Rykov, V.V. (2002) [Text corpus as an implementation of object-oriented paradigm]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computational linguistics and intelligent technologies]. Proceedings of the International Seminar "Dialog-2002". Protvino. 6–11 June 2002. Vol. 1. Moscow. pp. 390–393. (In Russian).
6. Palmer, G. (1933) *Second Interim Report on English Collocations*. Tokyo: Kaitakusha.
7. Gal'skova, N.D. & Gez, N.I. (2009) *Teoriya i metodika obucheniya inostrannym yazykam: lingvodidaktika i metodika* [Theory and methodology of foreign language teaching]. Moscow: Akademiya.
8. Shatilov, S.F. (1986) *Metodika obucheniya nemetskому yazyku v sredney shkole* [Methods of teaching German in secondary school]. Moscow: Prosveshchenie.
9. West, R. et al. (2013) *The Word Family Framework (WFF)*. [Online] Available from: <http://www.teachingenglish.org.uk/article/word-family>
10. O'Keeffe, A., McCarthy, M. & Carter, R. (2007) *From Corpus to Classroom: language use and language teaching*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
11. Simpson, R. & Mendis, D. (2003) A corpus-based study of idioms in academic speech. *TESOL Quarterly*. 37. pp. 419–441.

12. Millton, J. & Meara, P. (1995) How periods abroad affect vocabulary growth in a foreign language. *ITL: Review of Applied Linguistics*. 107–108. pp. 17–34.
13. Gorina, O., Tsarakova, N. & Tsarakov, S. (2019) Study of Optimal Text Size Phenomenon in Zipf–Mandelbrot's Distribution on the Bases of Full and Distorted Texts. *Journal of Quantitative Linguistics*. doi: 10.1080/09296174.2018.1559460
14. Vlasova, E.A., Karpova, E.L. & Ol'shevskaya, M.Yu. (2019) Vocabulary: how many words are enough? Principles of minimizing learners'vocabulary. *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezkhul'turnaya kommunikatsiya*. 17 (4). pp. 63–77. (In Russian). doi: 10.25205/1818-7935-2019-17-4-63-77
15. Plungyan, V.A. (2008) Korpus kak instrument i kak ideologiya [Corpus as a tool and as ideology]. *Russkiy jazyk v nauchnom osveshchenii*. 2 (16). pp. 7–20.
16. Arnold, I.V. (1991) *Osnovy nauchnykh issledovaniy v lingvistike* [Fundamentals of linguistic research]. Moscow: Vyssh. shk.
17. Kopotev, M.V. (2014) *Vvedenie v korpusnuyu lingvistiku* [Introduction to corpus linguistics]. Praha: Animedia.
18. Zakharov, V.P. (2005) *Korpusnaya lingvistika* [Corpus linguistics]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
19. Rykov, V.V. (1996) Korpusnaya lingvistika [Corpus linguistics]. In: *RZh: Sotsial'nye i gumanitarnye nauki: Zarubezhnaya literatura* [RZh: Social and Humanitarian Sciences: Foreign Literature]. Moscow.
20. Clarin.eu. (n.d.) *The research infrastructure for language as social and cultural data*. [Online] Available from: www.clarin.eu
21. Biber, D., Johansson, S., Leech, G., Conrad, S. & Finegan, E. (1999) *Longman Grammar of Spoken and Written English*. Pearson Education Limited.
22. Kamshilova, O.N. (2009) Issledovatel'skiy potentsial korpusa angliyskikh tekstov peterburgskikh shkol'nikov [Research potential of a corpus of English texts by St. Petersburg schoolchildren]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertseva*. 104. pp. 114–123.
23. Bogoyavlenskaya, Yu.V. (2016) Reprezentativnost' lingvisticheskogo korpusa [Representativeness of a linguistic corpus]. *Politicheskaya lingvistika*. 4 (58). pp. 163–166.
24. HSE. (n.d.) *Angliyskiy dlya spetsial'nykh akademicheskikh tseley: Ekonomika material'nykh i nematerial'nykh aktivov-3* [English for specific academic purposes: Economics of tangible and intangible assets-3]. [Online] Available from: <https://www.hse.ru/edu/courses/647339099>
25. HSE. (n.d.) *Konseptsiya razvitiya angloyazychnoy kommunikativnoy kompetentsii studentov NIU VShE* [Concept of developing English communicative competence of HSE students]. [Online] Available from: <https://www.hse.ru/docs/381549301.html>
26. Rogozhnikova, V.N. (2022) Yazyk sovremennoy ekonomicheskoy nauki [Language of modern economic science]. *Nauchnye issledovaniya ekonomiceskogo fakul'teta. Elektronnyy zhurnal*. 14 (4). pp. 7–23. doi: 10.38050/2078-3809-2022-14-4-7-23
27. Shilikhina, K.M. (2014) Ispol'zovanie korpusov v issledovaniyah diskursa [Using corpora in discourse studies]. *Vestnik Voronezh. gos. un-ta. Ser.: Lingvistika i mezkhul'turnaya kommunikatsiya*. 3. pp. 21–26.
28. Azimov, E.G. & Shchukin, A.N. (2009) *Novyj slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiy* [New dictionary of methodological terms]. Moscow: IKAR.
29. Kazakova, M.A. & Evtyugina, A.A. (2016) Autentichnye tekstovye materialy v obuchenii inostrannomu yazyku [Authentic texts in foreign language teaching]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4. pp. 50–59.
30. Mil'rud, R.P. (2012) Kompetentnost' uchitelya inostrannogo yazyka [Foreign language teacher competence]. *Inostrannye yazyki v shkole*. 1. pp. 11–17.
31. Voronina, G.I. (1999) Organizatsiya raboty s autentichnymi tekstami molodezhnoy pressy [Working with authentic youth press texts]. *Inostrannye yazyki v shkole*. 2. pp. 23–25.
32. Karanov, A.S. (2013) Model' sozdaniya korpusa uchebnika angliyskogo yazyka [Model for creating an English textbook corpus]. *Nauchnyy dialog*. 2 (14). pp. 59–69.

33. Akhmad, L. (2022) Leksicheskaya nasyshchennost' kak lingvo- i sotsiokul'turnaya kharakteristika angloyazychnogo nauchnogo teksta [Lexical density as a linguistic and sociocultural feature]. *Inostrannye yazyki v vysshey shkole*. 4 (62). pp. 5–17. doi: 10.37724/RSU.2022.62.3.001
34. Haskel, J. & Westlake, S. (2018) *Capitalism without Capital: The Rise of the Intangible Economy*. Princeton; Oxford: Princeton University Press.
35. Hoey, M. (2005) *Lexical Priming: A New Theory of Words and Language*. Routledge.
36. Chernyakova, T.A. (2012) *Metodika formirovaniya leksicheskikh navykov studentov na osnove lingvisticheskogo korpusa* [Methods of developing lexical skills using linguistic corpora]. Pedagogics Cand. Diss. Moscow.
37. Kotyurova, I.A. (2021) [DDL in Russian universities]. *Aktual'nye problemy sovremennoy lingvistiki i gumanitarnykh nauk* [Current issues of modern linguistics and humanities]. Conference Proceedings. Moscow. pp. 487–501. (In Russian). doi: 10.22363/10784-2021-487-501
38. Grigaliūnienė, J. (2013) *Corpora in the classroom*. Vilnius: Vilnius University.
39. Slobodyan, E.A. (2010) Obuchenie metodike sostavleniya uprazhneniy s pomoshch'yu natsional'nogo korpusa russkogo yazyka [Teaching exercise design using the Russian National Corpus]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. 1. pp. 71–73.

Информация об авторах:

Горина О.Г. – канд. пед. наук, доцент департамента иностранных языков Санкт-Петербургской школы гуманитарных наук и искусств Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: gorina@bk.ru

Камнева Л.Э. – старший преподаватель департамента иностранных языков Санкт-Петербургской школы гуманитарных наук и искусств Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: kamneva.larisa.2706@gmail.com

Кучеренко С.Н. – старший преподаватель департамента иностранных языков Санкт-Петербургской школы гуманитарных наук и искусств Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: sunflowersnk@gmail.com

Куганова Д.А. – студент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: dakuganova@edu.hse.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.G. Gorina, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: gorina@bk.ru

L.E. Kamneva, senior lecturer, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: kamneva.larisa.2706@gmail.com

S.N. Kucherenko, senior lecturer, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: sunflowersnk@gmail.com

D.A. Kuganova, student, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: dakuganova@edu.hse.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.05.2023;
одобрена после рецензирования 12.11.2024; принята к публикации 26.03.2025.

The article was submitted 04.05.2023;
approved after reviewing 12.11.2024; accepted for publication 26.03.2025.

Научная статья
УДК 81'33
doi: 10.17223/19986645/94/4

База русских идиом (БРИ) с нормированными психолингвистическими параметрами

Екатерина Михайловна Гриднева¹, Нина Станиславовна Здорова²,
Анастасия Андреевна Иваненко³, Полина Сергеевна Макарова⁴,
Мария Андреевна Грабовская⁵

^{1, 2, 3, 5} Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

² Институт языкоznания РАН, Москва, Россия

⁴ Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

¹ egridneva@hse.ru

² nzdorova@hse.ru

³ aivanenko@hse.ru

⁴ polly_s_makarova@mail.ru

⁵ mgrabovskaya@hse.ru

Аннотация. В данной статье представлены результаты создания Базы, содержащей в себе объективные (подсчитанные на основании корпусов) и субъективные (полученные в ходе опроса носителей) психолингвистические параметры. Особенность БРИ заключается в том, что в ней представлена лексическая вариативность идиом, а также проанализировано взаимовлияние объективных и субъективных факторов в аналогичных ресурсах на других языках.

Ключевые слова: идиома, фразеология, корпусная лингвистика, психолингвистика, экспериментальная лингвистика

Благодарности: авторы выражают глубокую признательность всем участникам опроса.

Финансирование: Гриднева Е.М., Иваненко А.А., Макарова П.С., Грабовская М.А.: исследование осуществлено при поддержке ФГН, НИУ ВШЭ (Конкурс проектных групп студентов и аспирантов); Здорова Н.С.: исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Гриднева Е.М., Здорова Н.С., Иваненко А.А., Макарова П.С., Грабовская М.А. База русских идиом (БРИ) с нормированными психолингвистическими параметрами // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 94. С. 67–91. doi: 10.17223/19986645/94/4

Original article
doi: 10.17223/19986645/94/4

The Database of Russian Idioms with Standardized Psycholinguistic Parameters (DoRI)

**Ekaterina M. Gridneva¹, Nina S. Zdorova², Anastasiya A. Ivanenko³,
Polina S. Makarova⁴, Maria A. Grabovskaya⁵**

*^{1, 2, 3, 5} National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russian Federation*

² Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

⁴ Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

¹egridneva@hse.ru

²nzdorova@hse.ru

³aivanenko@hse.ru

⁴polly_s_makarova@mail.ru

⁵mgrabovskaya@hse.ru

Abstract. The most developed classifications of Russian idioms are based on the description of the degree of semantic unity of idiom components. Data on this parameter are insufficient for conducting psycholinguistic studies of idiom language processing. As a consequence, the current study aims to fill this gap. The aim of this study was to create a Database of Russian Idioms (DoRI) containing psycholinguistic parameters. This article describes the results of creating a database of 376 Russian idioms containing objective (calculated on the basis of corpora) and subjective (obtained during a survey of native speakers) psycholinguistic parameters. The survey involved 485 native Russian speakers aged 18 to 76 years ($M = 35.3$, $SD = 13.4$). The results of participants whose native language is not Russian and those who indicated more than one native language were removed. A total of 29 respondents were excluded. Thus, the analysis was conducted based on the results of the final sample of 456 respondents (354 women, 93 men, 9 preferred not to indicate their gender). The objective parameters include frequency of idioms, length (in words and symbols) and type of syntactic structure. The subjective parameters were familiarity, occurrence, literality, predictability and place of recognition. Their significant influence on the processes of processing and generating idioms was described in works on experimental psycholinguistics based on the material of the English and German languages. This article, based on the experience of the listed studies, presents the first Russian-language resource with a list of idioms and their description according to objective linguistic and subjective psycholinguistic parameters. The validity of the obtained data is confirmed by the comparability of the values of the correlation coefficients of subjective parameters with the values from works based on the material of the English language. A distinctive feature of the DoRI is the description of lexical variability, as well as the analysis of the interaction of objective and subjective parameters, which were not provided in similar resources in other languages. The DoRI materials can be used in the practice of teaching Russian to schoolchildren and foreign students, as well as in the selection of idioms as stimuli for psycholinguistic experiments.

Keywords: idiom, phraseology, corpus linguistics, psycholinguistics, experimental linguistics

Acknowledgments: Gridneva, E.M., Ivanenko, A.A., Makarova, P.S., Grabovskaya, M.A.: The research was supported by the HSE University student grant. Zdorova, N.S.:

The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program. The authors express their deep gratitude to all survey participants.

For citation: Gridneva, E.M., Zdorova, N.S., Ivanenko, A.A., Makarova, P.S. & Grabovskaya, M.A. (2025) The Database of Russian Idioms with Standardized Psycholinguistic Parameters (DoRI). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 94. pp. 67–91. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/94/4

1. Введение

Частое употребление идиом является отличительной особенностью речи носителей языка [1]. Среднестатистический носитель использует в своей речи 21,4 миллиона идиоматических единиц на протяжении 60 лет жизни [2]. Распространенность фигуративного языка в повседневной речи носителей [3–5] и его высокая значимость для коммуникации [6, 7] определяют важность лингвистического описания идиом как единиц, создающих образность языка.

В основе наиболее разработанных для русского языка классификаций, принадлежащих В.В. Виноградову [8, 9] и Н.М. Шанскому [10], лежат степень мотивации внутренней формы и тип значения компонентов (прямое или связанное). Центральным параметром описания является степень коллокационной семантической слитности (спаянности) словоформ, входящих в идиому. Согласно этому критерию принято выделять такие единицы, как сращения, единства, сочетания и выражения.

Однако в описаниях к данным классификациям содержится ограниченное число идиом, некоторые из которых постепенно выходят из употребления в современном русском языке (СРЯ). Помимо этого, описания не включают эксплицитных критериев, благодаря которым можно было бы с уверенностью отнести современную идиому к одному из четырех классов. Стоит отметить, что позднее был разработан ряд других подходов к описанию фразеологизмов, среди которых структурный [11], семантический [12], а также основанный на типе связанности [13, 14]. Ввиду определенной методической разнородности данные подходы не получили заметного практического распространения, каждый из них раскрывает специфику русских фразеологизмов строго с определенной позиции.

По завершении периода особого научного интереса к проблеме типологизации фразеологических единиц результаты большинства отечественных исследований по данной теме были обобщены в трудах А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. В своей монографии [15. С. 7] авторы предлагают выделять следующие типы фразеологических единиц: идиомы (*водить за нос*), коллокации (*проливной дождь*), пословицы, поговорки, крылатые слова, а также грамматические фразеологизмы (*как бы там ни было*) и фразеосхемы (*X он и в Африке X*). Во многом благодаря работе А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского среди русистов было достигнуто некоторое единство относительно границ классов изучаемого феномена. Фокус внимания сдвинулся с

онтологии к прагматике и синтаксису фразеологических единиц, а также к инструментарию их анализа [16. С. 17].

Вместе с тем наименее разработанным в отечественной лингвистике остается экспериментальное изучение идиом. В частности, лингвисты рассматривают проблему вариативности таких единиц [17, 18], особенности прагматики и восприятия идиом определенных лексических полей [19, 20]. Потенциал изучения значения идиом реализуется также при решении задач дистрибутивной семантики [21] и создании корпусов интернет-текстов с аннотированными идиомами [22]. Как представляется авторам данной работы, дальнейшее развитие экспериментального направления изучения идиом требует создания базы, содержащей значения стандартизованных параметров, таких как familiarity (знакомость), compositionality (разложимость), predictability (предсказуемость), and literality (буквальность) [23, 24]. Важность перечисленных параметров для языковой обработки идиом отражена в ряде исследований на материале английских и немецких идиом [25–30].

Цель нашего исследования – создание Базы русских идиом (БРИ) с психолингвистическими параметрами, значения которых были получены в ходе лингвистической разметки идиом (длина, синтаксическая структура и частотность по корпусам) и опроса взрослых носителей русского языка.

2. Обзор литературы

2.1. Определение идиомы

В данной работе под идиомой понимается выражение со значением, которое не может быть выведено из суммы значений его компонентов; в языке такое выражение функционирует как самостоятельная единица [31, 32, 33]. Идиомы представляют собой класс единиц, которые различаются по синтаксической структуре, длине, семантическим и прагматическим функциям, а также характеризуются изменчивостью в диахронии. Всё это обуславливает трудность их описания и типологизации.

2.2. Психолингвистические подходы к изучению обработки идиом

Традиционное определение идиом, отраженное в ранних психолингвистических теориях, связано с тем, как носители языка хранят идиомы в своем ментальном лексиконе и обрабатывают их в процессе понимания языка. Например, описание идиомы как мертвой метафоры во многом соответствует композициальному подходу. Однако некоторые идиомы не имеют очевидной внутренней мотивации, соответственно, данный подход становится неактуальным для них. Как следствие, в психолингвистической литературе существуют три подхода к описанию процесса обработки идиом. Первый подход получил название **некомпозиционального**: согласно нему в ментальном лексиконе первичной является активация *образного* значения. Некомпозициональный подход включает следующие модели: Direct look-up

models [34], Idiom List Hypothesis [35], Lexical Representation Hypothesis [36], Direct Access Model [37, 38]. Рассмотрим пример Модели прямого доступа (Direct access model [37, 38]). В ее основе лежит идея о том, что при восприятии идиомы становится доступным в первую очередь идиоматическое значение. Авторы модели подчеркивают, что процесс «принятия решения» при обработке идиоматического значения происходит быстрее, чем «принятие решения» при обработке буквального значения.

Положения рассмотренного подхода были подвергнуты критике лингвистами, которые указывали, что идиомы допускают синтаксические трансформации, например топикализацию, вставку модификатора или количественного квантора [39. Р. 211]. Их подход получил название **композиционального**. Согласно ему понимание значения всей идиомы достигается в ходе декодирования значений элементов ее внутренней структуры [31, 40–42]. Композициональный подход предусматривает, что буквальный анализ составляющих идиомы позволяет сделать вывод об исходной мотивации её образного значения (например, *играть с огнём*). Примеры реализации данного подхода представлены в следующих моделях: Idiom Decomposition Model [43, 40], Configuration Model [26, 28, 44], Phrase-Induced Polysemy Model [34, 45], Hybrid Model [46–48] или Constraint-Based Model [49]. В соответствии с гипотезой конфигурации (Configuration hypothesis) активация идиоматического значения конструкции происходит только при достаточном указании компонентов идиомы. В экспериментальном исследовании [28] участники предугадывали последнее слово(а) в идиоме в зависимости от её длины. В работе К. Каччиари и П. Табосси [26] был введен термин «idiom key», обозначающий место, где сочетание слов начинает распознаваться носителем как идиома.

Также существует *гибридный* подход, сочетающий в себе вышеупомянутые. В его рамках значение идиомы может быть извлечено непосредственно, если оно знакомо и предсказуемо. Однако идиомы могут обрабатываться и композиционально («буквально»), если они незнакомы коммуниканту и их сложно предугадать [26, 50].

Специфика рассмотрения идиомы через призму каждого из подходов выявляет потенциал влияния психолингвистических параметров на механизмы восприятия. Так, в основе противопоставления положений композиционального и некомпозиционального подходов лежит параметр буквальности. Гипотеза конфигурации указывает, что активация основного значения идиомы происходит после места распознавания данной идиомы. Гибридный подход указывает на важность учёта предсказуемости и знакомости идиомы. Таким образом, для того чтобы приблизиться к пониманию процесса декодирования значения идиом на материале русского языка и определить наиболее релевантный подход, необходимо проводить экспериментальные исследования по обработке идиом, сбалансированных по определенным психолингвистическим параметрам. Настоящая работа представляет собой описание опыта создания ресурса, в котором идиомы сопровождаются индексами.

2.3. Психолингвистические параметры

Описываемая в данной статье База русских идиом содержит объективные параметры, значения которых получены после лингвистической разметки на основании языковых корпусов, и субъективные параметры, значения которых получены из опроса носителей русского языка. К объективным параметрам относятся: частотность употребления идиом (по корпусам НКРЯ [51] и SketchEngine, подкорпус ruTenTen11 [52]), длина (в словах и символах) и тип синтаксической структуры.

В качестве субъективных психолингвистических параметров по аналогии с работами [23, 24, 49, 53] в статье рассматриваются встречаемость, знакомость, буквальность, предсказуемость и место распознавания идиомы. Представим краткий обзор экспериментальных исследований восприятия идиом, раскрывающий сущность и значимость каждого из параметров.

Параметр *встречаемости* отражает, как часто носители сталкиваются с идиомой в коммуникации [54]. По параметру *знакомости* можно установить, насколько хорошо носитель языка осведомлён о значении идиомы [55, 49]. Встречаемость и знакомость оказывают влияние на распознавание слов [56, 54], скорость чтения [57] и восприятие новых метафор [58], которые, как и идиомы, являются частью figurативного языка.

Параметр *буквальности* означает возможность дословной интерпретации идиомы. Было отмечено, что носители медленнее справляются с задачей классификации предложений, если они содержат идиому, допускающую буквальную интерпретацию [59], а также тратят больше времени на перефразирование таких предложений [60]. В более поздних работах влияние буквальности рассматривается с учётом контекста употребления. Так, в эксперименте на восприятие [61] участники слушали идиомы в составе предложений, иллюстрирующих figurативное или буквальное значение идиом. Результаты показали, что для идиом с высокой вероятностью буквального значения их языковая обработка независимо от контекста проходит два этапа: извлечение буквального значения, затем – извлечение идиоматического значения. В видеоокулографическом эксперименте также было отмечено, что на ранних этапах распознавания активируется только буквальное значение [62]. К таким же выводам пришли авторы исследования методом вызванных потенциалов [63]. Эти результаты согласуются с положениями Гибридной модели обработки идиом.

В исследовании Бэка и Вебера [25] исследовалось, как контекст и буквальность влияют на обработку идиом в эксперименте чтения с саморегуляцией скорости. Стимульные идиомы были разделены на две группы: имеющие высокий потенциал дословной интерпретации (*break the ice*) и имеющие низкий потенциал (*lose one's control*). Они предъявлялись в составе предложений, которые задают или figurативный, или буквальный контексты соответственно. Например, *The new schoolboy / the chilly Eskimo just wanted to break the ice with his peers / on the lake*. Результаты показали, что

влияние контекста важно только для идиом с высоким потенциалом дословной интерпретации: фигуративный контекст облегчал прочтение, а буквальный – затруднял его. Для идиом с низким потенциалом дословной интерпретации такого эффекта не было обнаружено, их обработка требовала больших когнитивных затрат при чтении обоих типов контекстов.

Сопоставимые результаты были получены и в эксперименте с саморегуляцией скорости, рассматривающем роль когнитивного контроля при чтении синтаксически неоднозначных идиом на иврите [53]. В целом преимущество в скорости обработки образных предложений перед буквальными отмечается в большинстве работ данной области [64–66].

Предсказуемость идиом определяется как вероятность правильного завершения неполной идиомы. Уровень предсказуемости идиом объясняется различиями в силе связей между отдельными словами идиомы [28], что относится с положениями Гипотезы конфигурации, которая была рассмотрена выше. В связи с этим отмечается влияние предсказуемости на лексический доступ [23, 24].

Идиоматическое значение высокопредсказуемых идиом, т.е. словосочетаний, в которых последнее слово легко определялось по началу идиомы, активировалось раньше, чем у низкопредсказуемых идиом [26]. В более поздней работе [67] было отмечено, что предсказуемость идиомы может влиять на скорость чтения последующего предложения. В эксперименте испытуемые читали высокопредсказуемые и низкопредсказуемые идиомы, а после них – контексты с буквальной или образной интерпретацией идиом. Результаты показали, что буквальные предложения читались быстрее, если им предшествовали низкопредсказуемые идиомы, а образные предложения – если им предшествовали высокопредсказуемые идиомы. При этом в среднем скорость чтения образных предложений была выше, что говорит о том, что идиоматическое значение было доступно независимо от типа предшествующей идиомы.

Под *местом распознавания идиомы* вслед за авторами работы [68] мы подразумеваем место за словом, после которого не менее 70% участников верно продолжили выражение как контролируемую идиому. Если и после предпоследнего в идиоме слова выражение не было корректно продолжено, место распознавания обозначалось в конце идиомы. Значения по параметрам встречаемости, знакомости, буквальности, предсказуемости и места распознавания в настоящей работе были установлены по результатам данных опроса носителей, который более подробно описан в разделе 3.

2.4. Существующие ресурсы с идиомами и их разметкой

База русских идиом сочетает в себе подходы и описания параметров классификации идиом, которые использовались в следующих исследованиях: Каччиари и Коррадини [67], Тайтон и Коннин [23, 24], Бэк и Вебер [68, 25]. Данные работы посвящены экспериментальным исследованиям процесса обработки идиом в зависимости от психолингвистических параметров.

Стоит отметить, что на материале русского языка также существуют ресурсы, содержащие конструкции и идиомы [69, 70, 71]. Одним из примеров таких ресурсов является Русский Конструктikon [72], в настоящее время продолжающий расширяться. Ресурс ориентирован как на исследователей, так и на студентов, изучающих русский язык как иностранный. На сайте этого проекта есть возможность изучать значения конструкций, возможные альтернативы заполнения свободных членов конструкции (например, *без пяти минут NP*, где вместо *NP* могут появляться некоторые именные группы), примеры употребления и другие характеристики конструкций, связанные с семантикой, синтаксисом, морфологией и уровнем изучения русского языка. Наша база отличается от Русского Конструктикона тем, что содержит только идиомы (не конструкции) различной частотности, а также ориентирована на исследователей, которым будут необходимы психолингвистические параметры идиом, не представленные в Русском Конструктиконе.

3. Метод

В данном разделе описываются два этапа создания Базы русским идиом: лингвистическая разметка идиом по объективным параметрам (длине, частотности и структуре), а также сбор данных о субъективных психолингвистических параметрах идиом с помощью опроса взрослых носителей русского языка.

Материалы. Отбор стимулов проводился из Фразеологического объяснятельного словаря русского языка [73]. Методом сплошной выборки были отобраны 376 идиом без пометы «сниж.» так, чтобы при синтаксической разметке в каждой группе оказалось кратное восьми количество идиом.

При разметке учитывалась синтаксическая структура идиомы в том виде, в котором она была взята из словаря. Так, всего было выделено 22 категории, в которых учитывалась вершина синтаксической группы, а также вариации зависимых компонентов. Список категорий и примеры представлены в табл. 1.

В данной разметке синтаксическая структура описана в изолированном виде, т.е. вне предложения. Так, структура идиомы *в пух и прах* позволяет отнести её в категорию Prep+modifiers – предложных групп, так как вершиной является предлог *в*, хотя в предложении данная идиома выступает в роли обстоятельства действия (как? – *в пух и прах*) и тяготеет по семантике к наречной группе (Adv). Мы сознательно отказались от разметки по поведению идиомы в контексте, так как это существенно усложнило бы задачу группировки для дальнейшего эксперимента и анализа. Вопрос создания эксперимента с таким видом разметки остаётся открытым к дальнейшим исследованиям.

Далее все идиомы были размечены по длине в словах (диапазон 1–5, среднее = 2,74, SD = 0,79) и в буквах (разброс 6–30, среднее = 14,96, SD = 4,04), а также по частотности по двум корпусам: основному подкорпусу НКРЯ [51] и SketchEngine (подкорпус ruTenTen11) [52]. При подсчете

частотности учитывались видовые корреляты форм глаголов, если это не влекло за собой изменения значения идиомы (например, для идиомы *ворон считать* возможен только несовершенный вид глагола, в то время как для *идти на поводу* считалась возможной форма *пойти на поводу*). Кроме того, при анализе учитывался и инверсивный порядок слов в идиоме (*навострить уши и уши навострить*). Средняя частотность идиом на миллион по НКРЯ составляет 0,74 (диапазон 0,003–13,73, SD = 1,53), по SketchEngine – 0,29 (диапазон 0,0001–13,09, SD = 0,83).

Таблица 1
Описание синтаксических категорий идиом

Синтаксическая категория (присвоенный тэг)	Описание категории	Пример идиомы	Кол-во идиом в этой категории
Adj(short)+как+N	Сравнительный оборот с союзом <i>как</i> и вершиной-прилагательным	<i>глух как тетерев</i>	8
как+N+modifiers	Сравнительный оборот с союзом <i>как</i>	<i>как белка в колесе</i>	8
Word1+и+Word2	Идиома с сочинительной связью (союзом <i>и</i>)	<i>хиханьки да хахоньки</i>	8
N+modifiers	Именная группа с атрибутивным компонентом, выраженным предложно-падежным сочтанием	<i>бальзам на душу</i>	27
Adj+N	Именная группа с вершиной-существительным и модификатором-прилагательным	<i>белая ворона</i>	29
Prep+modifiers	Предложная группа	<i>до упаду</i>	64
Adv	Группа наречия	<i>худо-бедно</i>	8
Clause	Клауза	<i>прошибает слеза</i>	24
N+Adj(short)	Клауза с предикатом, выраженным кратким прилагательным	<i>мир тесен</i>	8
нет+modifiers	Клауза с вершиной, выраженной предикативом <i>нет</i>	<i>нет дыма без огня</i>	8
V+modifiers	Глагольная группа	<i>кишмя кишит</i>	8
V+как+N	Глагольная группа со сравнительным союзом <i>как</i>	<i>молчать как рыба</i>	8
V+N(Acc)	Глагольная группа с прямым дополнением	<i>валять дурака</i>	40

Синтаксическая категория (присвоенный тэг)	Описание категории	Пример идиомы	Кол-во идиом в этой категории
V+N(Acc)+modifiers	Глагольная группа с двумя именными модификаторами	<i>выметать сор из избы</i>	16
V+Adj(Acc)+N(Acc)	Глагольная группа с прямым дополнением в виде именной группы из существительного и модифицирующего его прилагательного	<i>вести двойную игру</i>	8
V+prep+N(Acc)	Глагольная группа с косвенным дополнением (винительный падеж)	<i>взять за горло</i>	8
V+ <i>в</i> +N(Acc)	Глагольная группа с косвенным дополнением (винительный падеж с предлогом <i>в</i>)	<i>взять в оборот</i>	16
V+на+N(Acc)	Глагольная группа с косвенным дополнением (винительный падеж с предлогом <i>на</i>)	<i>давить на жалость</i>	8
V+N(Dat)	Глагольная группа с косвенным дополнением (дательный падеж)	<i>прибрать к рукам</i>	8
V+N(Gen)	Глагольная группа с косвенным дополнением (родительный падеж)	<i>сойти с ума</i>	24
V+N(Instrum)	Глагольная группа с косвенным дополнением (творительный падеж)	<i>бить челом</i>	24
V+N(Loc)	Глагольная группа с косвенным дополнением (предложный падеж)	<i>гадать на кофейной гуще</i>	16
Итого			376

Для оценки субъективных параметров встречаемости, знакомости, буквальности и предсказуемости идиом был создан опросник. Идиомы были распределены на четыре экспериментальных листа по 94 идиомы на лист так, что каждая из них присутствовала только в одном из листов. Распределение происходило таким образом, что средняя частотность всех идиом по НКРЯ в каждом листе равнялась общей частотности всех идиом (0,74 ipm). Схожие по значению и/или по первому слову идиомы по возможности распределялись по разным листам (например, *молчать как убитый*, *молчать в тряпочку* и *молчать как рыба* были распределены по разным листам). Также учитывалась синтаксическая структура идиом: в каждом экспериментальном листе было одинаковое количество идиом из каждой группы (см. табл. 1).

Участники опроса. Всего в опросе приняли участие 485 носителей русского языка в возрасте от 18 до 76 лет ($M = 35,3$, $SD = 13,4$). Были удалены результаты участников, родным языком которых русский не является, и тех, кто указал более одного родного языка. Всего было исключено 29 респондентов. Так, анализ проводился по результатам финальной выборки из 456 респондентов (354 женщины, 93 мужчины, 9 предпочли не указывать свой гендер). Распределение количества респондентов по экспериментальным листам 1–4 составило 117, 116, 107 и 116 соответственно.

Процедура. Опрос проводился с помощью платформы Google Forms. Все участники были проинформированы о теме исследования. Для оценки встречаемости участников просили оценить по шкале Лайкера от 1 до 7, как часто они видели или слышали представленные им идиомы независимо от того, знают ли они, что эта идиома означает (1 – никогда не слышал, 7 – часто слышу). Для оценки знакомости по такой же шкале респонденты отмечали, насколько хорошо они знают представленные идиомы.

Для оценки буквальности участникам предлагалось оценить, используются ли эти идиомы в буквальном значении, по шкале Лайкера от 1 до 7 (где 1 – отсутствует буквальное прочтение, 7 – адекватное буквальное прочтение). Пример: *белая ворона* может выступать не только в фигуративном значении, но и буквально указывать на ворону белого цвета, в то время как идиому *чесать языками* не удастся употребить в прямом значении.

Для оценки предсказуемости участникам предлагалось продолжить идиому по её инициальному компоненту. Сначала им давалось первое слово из идиомы, и респондентам нужно было продолжить выражение тем словом или словосочетанием, которое подходит по смыслу и грамматически. Для многословных идиом участникам предъявлялись для продолжения поочередно слова из идиомы до предпоследнего включительно (например, для *молчать как рыба* сначала предъявлялось как *молчать...* затем *молчать как...*).

Для тех идиом, которые начинаются со служебного слова (предложные группы), было два способа предъявления стимула. Если идиома состоит из двух слов (*в обрез*), то перед предлогом указывалось слово, которое наиболее часто сочетается с идиомой в основном подкорпусе НКРЯ. Так, для идиомы *в обрез* вопрос стимул был предъявлен как «*(времени) в...*». Для идиом, начинающихся с предлога и состоящих из трех и более слов, предлагалось написать продолжение сразу после двух первых слов (для *отвода глаз*: «*для отвода...*»). Такое различие между способами предъявления стимулов может привести к различию в результатах, поэтому оно учитывалось в анализе.

Анализ данных. Описательная статистика по всем исследуемым параметрам идиом была подсчитана в Google Sheets. Для каждой идиомы было отмечено место распознавания идиомы по следующему алгоритму. Если после какого-либо слова минимум 70% респондентов продолжили идиому правильно, то после этого слова ставилась отметка о месте распознавания идиомы (в нашем случае “|”) и в данные о предсказуемости идиомы записывался этот процент участников. Более высокий процент правильных ответов

после следующих слов не фиксировался. В том случае, когда после предпоследнего слова продолжение идиомы не было указано, место распознавания идиомы ставилось в конце всей идиомы, в параметре предсказуемости записывался процент участников, продолживших идиому верно после предпоследнего слова. Так, например, идиома *штучный|товар* была верно продолжена после слова *штучный* в 73% случаев, а идиому *уши прожужжать* не смог верно продолжить никто из респондентов, поэтому в параметре предсказуемости записывалось значение 0%.

Также в анализе данных рассматривалась лексическая вариативность в продолжениях идиомы. Если выражение, предложенное респондентом, представлено во Фразеологическом словаре русского языка [73], оно учитывалось в лексической вариативности. Рядом с каждым вариантом продолжения фиксировался процент респондентов, употребивших её. Например, для идиомы *сложить голову* глагол *сложить* 18% респондентов распространяли существительным *руки* (идиома *сложить руки*), и 9% респондентов распространяли существительным *оружие* (идиома *сложить оружие*).

В среде R [74] был проведен корреляционный анализ между всеми субъективными параметрами идиом в опросе с помощью теста Спирмена. Для проверки того, как влияют объективные параметры идиом (длина, частотность всей идиомы, частотность первого слова и структура) на субъективные параметры, была построена серия линейных моделей с помощью пакета lm4 [75]. Частотность идиомы по НКРЯ, частотность первого слова и предсказуемость идиомы были логарифмированы, длина идиомы в символах, встречаемость, буквальность и знакомость были шкалированы и центрированы.

Из-за большого количества синтаксических групп идиом для анализа синтаксические группы были укрупнены до семи групп (глагольные, субстантивные, атрибутивные, адвербальные, сравнительные, предложные, идиомы-клаузы). Ввиду того, что частотность первого слова в предложных идиомах – это частотность предлога, эта группа идиом не была включена в анализ. Так, серия линейных моделей проводилась на сокращенной выборке из 212 идиом. Синтаксическая группа была модифицирована как фактор, за основу для сравнения были взяты глагольные идиомы.

Итого было построено четыре линейные модели – по количеству субъективных параметров соответственно (для предсказуемости, встречаемости, знакомости и буквальности идиомы). Структура моделей была следующей: $lm(\text{Субъективный параметр} \sim \text{Длина идиомы} + \text{Частотность первого слова} + \text{Частотность идиомы} + \text{Синт. группа})$. К результатам моделей была применена поправка на множественные сравнения Бонферрони. Материалы анализа выложены в открытом доступе на платформе OSF https://osf.io/efbyz/?view_only=d2f6cc2e52c04a3d9cf0af2f391e16af.

4. Результаты и обсуждение

Описательная статистика по психолингвистическим параметрам идиом из опроса представлена в табл. 2.

Таблица 2
Описательная статистика по субъективным психолингвистическим параметрам
(среднее, стандартное отклонение, диапазон)

Параметр	Встречаемость (по шкале 1–7)	Знакомость (по шкале 1–7)	Буквальность (по шкале 1–7)	Предсказуемость (по шкале 0–100%)
Mean	5,07	6,25	4,27	47,79
SD	0,75	0,44	1,18	35,04
Range	2,64–6,79	4,03–6,85	1,96–6,38	0,00–100,00

Наибольшая согласованность ответов ($SD = 0,44$) и близость среднего значения к максимальному ($Mean = 6,25$; $max = 7$) отмечена для параметра знакомости, что свидетельствует о том, что идиомы для БРИ были отобраны из числа актуальных в СРЯ. Также невысокое стандартное отклонение ($SD = 0,75$) имеют ответы по параметру встречаемости. Параметр предсказуемости характеризуется наименьшей согласованностью в ответах ($SD = 35,04$). По параметру встречаемости наименьший показатель мы наблюдаем у идиомы *отвергать с порога* (2,64), а наибольший – у идиомы *рано или поздно* (6,79). По параметру знакомости наименьший показатель зафиксирован для идиомы *соль земли* (4,03), а наибольший – для идиомы *голоден как волк* (6,85). По параметру буквальности наименьший показатель имеет идиома *вспаление хитрости* (1,96), наибольший – идиома *проходной двор* (6,38). По параметру предсказуемости наименьший показатель (0%) мы наблюдаем у таких идиом, как *на автопилоте*, *на улице не валяется*, *выйти из строя* и др. Наибольший показатель встречается у идиомы *спать вечным сном* (100%).

Далее рассмотрим аспект взаимовлияния двух параметров: лексической вариативности и места распознавания идиомы. Как было указано ранее, идиоматическое значение высокопредсказуемых идиом, т.е. словосочетаний, в которых последнее слово легко определялось по началу идиомы, активировалось раньше, чем у низкопредсказуемых идиом [26]. Лексическая вариативность в продолжении идиом, по первым словам, присутствовала в 48 идиомах из 376 (12,8% случаев). В табл. 3 приводятся примеры лексической вариативности в ответах респондентов.

Исходя из примеров в табл.3, можно предположить, что место распознавания идиомы связано с лексической вариативностью: если идиома правильно завершается только при указании всех её компонентов, то это повышает ее лексическую вариативность. Однако если идиома легко определяется по ее началу, это уменьшает вероятность лексической вариативности. Более предсказуемые идиомы обладают меньшей лексической вариативностью. Эту гипотезу мы также планируем проверить в будущих исследованиях, однако она подтверждается работами о параметрах предсказуемости [26] и месте распознавания идиомы [68].

Таблица 3
Лексическая вариативность в завершении идиом по первым словам

Идиома	Предсказуемость, %	Место распознавания	Лексическая вариативность	Лексическая вариативность: процент выбора иной формы
<i>выйти из ума</i>	1	выйти из ума	выйти из_себя, выйти из_тени, выйти из_ту- пика, выйти_в свет, выйти_из себя, выйти_на свет	38, 3, 2, 3, 12, 1
<i>реветь как белуга</i>	24	реветь как белуга	реветь_белугой	15
<i>наставить рога</i>	55	наставить рога	наставить_на путь истинный	9
<i>почивать на лаврах</i>	75	почивать на лаврах	Отсутствует	Отсутствует
<i>показать кузькину мать</i>	97	показать кузь- кину мать	Отсутствует	Отсутствует

Подводя итог, можно отметить, что параметры встречаемости, буквальности и знакомости обладают большей согласованностью, чем параметр предсказуемости, что обнаруживает потенциал исследования лексической вариативности идиом, а также места распознавания. Результаты корреляционного анализа субъективных психолингвистических параметров приведены в табл. 4.

Самая высокая положительная корреляция закономерно обнаруживается для параметров знакомости и встречаемости ($r = 0,79$). Также положительная корреляция наблюдается между предсказумостью и встречаемостью ($r = 0,39$), между предсказумостью и знакомостью ($r = 0,31$). Примечательно, что значения данных коэффициентов сопоставимы со значениями для идиом английского языка, а именно ($r = 0,32$) и ($r = 0,41$) соответственно [23, 24, 49]. Помимо этого, отмечена слабая корреляция между буквальностью и встречаемостью ($r = 0,12$).

Таблица 4
Результаты корреляционного анализа субъективных
психолингвистических параметров

Параметр	Предсказуемость	Встречаемость	Знакомость
Встречаемость	0,39****		
Знакомость	0,31****	0,79****	
Буквальность	-0,03	0,12*	0,04

Примечание. Уровни значимости: **** $p < ,0001$, ** $p < .01$, * $p < ,05$.

Полные результаты анализа с серией линейных моделей на каждый субъективный параметр как зависимую переменную приведены в прил. 1. Мы обнаружили значимое влияние длины идиомы на предсказуемость ($\text{Est.} = 0,6$, $\text{SE} = 0,1$, $p < 0,001$) и знакомость ($\text{Est.} = 0,24$, $\text{SE} = 0,08$, $p = 0,016$). Это говорит о том, что более длинные идиомы лучше предсказываются и более знакомы респондентам. Частотность первого слова показала значимое влияние на предсказуемость идиомы ($\text{Est.} = -0,24$, $\text{SE} = 0,05$, $p < 0,001$), т.е. чем частотнее первое слово в идиоме, тем меньший процент людей ожидает идиоматического выражения за ним. Частотность всей идиомы показывает обратное значимое влияние на параметр встречаемости ($\text{Est.} = 0,22$, $\text{SE} = 0,05$, $p < 0,001$): чем выше частотность идиомы по корпусу, тем выше её встречаемость по ответам респондентов.

Анализ влияния синтаксической группы идиомы на субъективные параметры показал, что предсказуемость выше для субстантивных идиом ($\text{Est.} = 1,10$, $\text{SE} = 0,26$, $p < 0,001$) и идиом – сравнительных конструкций с *как* ($\text{Est.} = 1,10$, $\text{SE} = 0,37$, $p = 0,027$), чем для глагольных идиом. Это может быть связано с тем, что лексическая сочетаемость глаголов очень высока, а также с тем, что в ментальном лексиконе участников в большей степени активировался именно неидиоматический вариант продолжения выражения с глаголом. Мы не обнаружили статистически значимых влияний каких-либо объективных параметров на параметр буквальности идиомы.

5. Заключение

Целью настоящего исследования было создание Базы русских идиом, содержащей психолингвистические параметры. К объективным параметрам относятся: частотность употребления идиом, длина (в словах и символах) и тип синтаксической структуры. В качестве субъективных параметров были выбраны: знакомость, встречаемость, буквальность, предсказуемость и место распознавания. Их значимое влияние на процессы обработки и порождения идиом было описано в работах по экспериментальной психолингвистике на материале английского и немецкого языков [23–25, 67, 68]. Настоящая статья, опираясь на опыт перечисленных исследований, описывает первый русскоязычный ресурс со списком идиом и их описанием по объективным лингвистическим и субъективным психолингвистическим параметрам.

Валидность полученных данных подтверждается сопоставимостью значений коэффициентов корреляции субъективных параметров со значениями из работ на материале английского языка [23, 24, 49]. Отличительной чертой БРИ является описание лексической вариативности, а также анализ взаимодействия объективных и субъективных параметров, которые не приводились в аналогичных проектах для других языков.

Приложение 1

Результаты линейных моделей (после поправки на множественные сравнения Бонферрони)

Predictors	Предсказуемость				Встречаемость				Значимость				Буквальность			
	Estimates	SE	Statistic	p	Estimates	SE	Statistic	p	Estimates	SE	Statistic	p	Estimates	SE	Statistic	p
Intercept (глагольные и.)	3.67	0.22	16.38	<0.001	0.26	0.18	1.48	1.000	0.25	0.17	1.44	1.000	0.18	0.18	0.18	1.000
Длина идентомы (стмнолы)	0.60	0.10	5.92	<0.001	0.18	0.08	2.27	0.220	0.24	0.08	3.16	0.016	0.14	0.08	1.68	0.846
Частотность первого слова	-0.24	0.05	-4.48	<0.001	0.01	0.04	0.23	1.000	-0.00	0.04	-0.10	1.000	-0.01	0.04	-0.28	1.000
Частотность идентомы	0.14	0.07	2.16	0.285	0.22	0.05	4.13	<0.001	0.11	0.05	2.14	0.305	0.14	0.05	2.50	0.119
Атрибутивные и.	0.47	0.30	1.59	1.000	-0.01	0.23	-0.05	1.000	-0.29	0.23	-1.27	1.000	-0.07	0.24	-0.30	1.000
Адвирбальные и.	1.11	0.54	2.05	0.373	0.53	0.43	1.23	1.000	0.25	0.41	0.61	1.000	0.06	0.44	0.13	1.000
ПЛ-клавизы	0.70	0.33	2.11	0.325	0.37	0.26	1.43	1.000	0.22	0.25	0.88	1.000	-0.35	0.27	-1.32	1.000
Сравнительные и.	1.10	0.37	3.00	0.027	-0.01	0.29	-0.02	1.000	0.10	0.28	0.35	1.000	0.20	0.30	0.66	1.000
Субстантивные и.	1.10	0.26	4.24	<0.001	0.01	0.20	0.05	1.000	-0.29	0.20	-1.48	1.000	-0.15	0.21	-0.71	1.000
Observations	212				212				212				212			
R ² / R ² adjusted	0.262 / 0.233				0.118 / 0.084				0.094 / 0.058				0.060 / 0.023			

В качестве главных ограничений БРИ можно выделить сравнительно небольшой охват идиом, обусловленный большой длительностью опроса (около 40–45 минут). В будущем планируется расширение числа идиом в базе. Вторым ограничением стала проницаемость синтаксических границ идиом. Так, идиома, представляющая собой предложную группу (согласно представленности единицы в [73]), может быть аргументом глагольной группы, занимающей более высокую синтаксическую позицию. Этот аспект требует отдельного исследования, результаты которого дополнят материал БРИ. Третье ограничение – необходимость более детальной проработки вариативности идиом, например, учет наличия отрицания: *яйца курицы учат* (в Словаре) и *яйца курицы не учат*.

Материалы БРИ могут быть использованы в практике преподавания русского языка школьникам и иностранным студентам, а также при отборе идиом в качестве стимулов для психолингвистических экспериментов.

Список источников

1. Cieślicka A.B. Bilingual figurative language processing // Psychology of Bilingualism. Springer. Cham, 2017. P. 75–118.
2. Pollio H.R., Barlow J.M., Fine H.J., Pollio M.R. Psychology and the poetics of growth: Figurative language in psychology, psychotherapy, and education. Lawrence Erlbaum Associates, 1997.
3. Deignan A. “Image” metaphors and connotations in everyday language // Annual Review of Cognitive Linguistics. 2007. Jan 1. № 5 (1). P. 173–192.
4. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. University of Chicago press, 2008.
5. Sikos L., Brown S.W., Kim A., Michaelis L., Palmer M. Figurative Language: “Meaning” is often more than just a sum of the parts // Proceedings of the AAAI 2008 Fall Symposium on Biologically Inspired Cognitive Architectures; Association for the Advancement of Artificial Intelligence: Washington, DC, USA. 2008. P. 180–185.
6. Baumer E.B., Tomlinson B. Computational metaphor identification in communities of blogs // Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media. 2008. Vol. 2, № 1. P. 172–173.
7. Laranjeira C. The role of narrative and metaphor in the cancer life story: a theoretical analysis // Med Health Care Philos. 2013. № 16 (3). P. 469–481. doi: 10.1007/s11019-012-9435-3. PMID: 23054424.
8. Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии. Л., 1946.
9. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избранные труды: Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 140–161.
10. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка : учеб. пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности ‘Русский язык и литература’. 3-е изд. М. : Высш. шк., 1985.
11. Аничков И.Е. Идиоматика в ряду лингвистических наук // Труды по языкоznанию. СПб. : Наука, 1997.
12. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1972.
13. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке: Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1964.
14. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. М. : Эдиториал УРСС, 2004.
15. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М. : Знак, 2008.

16. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии : учеб. пособие. М. : ФЛИНТА, 2014.
17. Богданова-Бегларян Н.В. Об идиоматическом потенциале русской разговорной речи // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. № 17 (4). С. 582–595.
18. Даин Л. Фразеологизмы в русской повседневной речи: типология и функционирование : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2020. 201 р.
19. Полякова Е.В. Психолингвистические характеристики восприятия значения русских и английских идиоматических концептов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 1–2 (55). С. 151–157.
20. Полякова Е.В. Когнитивные особенности выражения моральных чувств «любовь» и «страх» в идиоматике русского и английского языков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 9 (27). Ч. 2. С. 157–163.
21. Сердюк Ю.П., Власова Н.А. Распознавание идиоматического использования выражений с помощью нейронных сетей // Программные системы: теория и приложения. 2021. Т. 12, № 3. С. 3–26.
22. Aharonyan K., Feldman A., Peng J. Designing a Russian idiom-annotated corpus // Proceedings of the Eleventh International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2018). 2018.
23. Titone D.A., Connine C.M. Descriptive Norms for 171 Idiomatic Expressions: Familiarity, Compositionality, Predictability, and Literalness // Metaphor and Symbol. 1994. Vol. 9 (4). P. 247–270. doi: 10.1207/s15327868ms0904_1
24. Titone D.A., Connine C.M. Comprehension of idiomatic expressions: effects of predictability and literalness // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. 1994. № 20 (5). P. 1126.
25. Beck S.D., Weber A. Context and Literalness in Idiom Processing: Evidence from Self-Paced Reading // Journal of Psycholinguistic Research. 2020. № 49 (5). P. 837–863.
26. Cacciari C., Tabossi P. The comprehension of idioms // Journal of memory and language. 1988. № 27 (6). P. 668–683.
27. Cacciari C. The place of idioms in a literal and metaphorical world // Idioms processing, structure and interpretation. Hillsdale, NJ : Erlbaum, 1992.
28. Cacciari C., Glucksberg S. Understanding idiomatic expressions: The contribution of word meanings // Advances in psychology. 1991. Vol. 77. P. 217–240.
29. Cronk B.C., Lima S.D., Schweigert W.A. Idioms in sentences: Effects of frequency, literalness, and familiarity // Journal of psycholinguistic research. 1993. № 22. P. 59–82.
30. Glass A.L. The comprehension of idioms // Journal of Psycholinguistic Research. 1983. № 12 (4). P. 429–442.
31. Abel B. English idioms in the first language and second language lexicon: A dual representation approach // Second language research. 2003. № 19 (4). P. 329–358.
32. Hornby A.S., Crowther J., Kavanagh K., Ashby, M. Oxford advanced learner's dictionary of current English. Oxford University Press, 1999.
33. Irujo S. A piece of cake: Earning and teaching idioms // Elt Journal. 1986. Vol. 40. P. 236–243. doi: 10.1093/elt/40.3.236
34. Glucksberg S. Idiom meanings and allusional content // Idioms: Processing, structure, and interpretation. 1993. P. 3–26.
35. Bobrow S.A., Bell S.M. On catching on to idiomatic expressions // Memory & cognition. 1973. № 1 (3). P. 343–346.
36. Swinney D.A., Cutler A. The access and processing of idiomatic expressions // Journal of verbal learning and verbal behavior. 1979. № 18 (5). P. 523–534.
37. Gibbs R.W. Spilling the beans on understanding and memory for idioms in conversation // Memory & cognition. 1980. № 8 (2). P. 149–156.

38. Gibbs R.W. A new look at literal meaning in understanding what is said and implicated // *Journal of pragmatics*. 2002. № 34 (4). P. 457–486.
39. Cieślicka A.B. Idiom acquisition and processing by second/foreign language learners // *Bilingual figurative language processing*. 2015. P. 208–244.
40. Gibbs Jr R.W., Nayak N.P., Cutting C. How to kick the bucket and not decompose: Analyzability and idiom processing // *Journal of memory and language*. 1989. № 28 (5). P. 576–593.
41. Hamblin J.L., Gibbs R.W. Why you can't kick the bucket as you slowly die: Verbs in idiom comprehension // *Journal of Psycholinguistic research*. 1999. № 28. P. 25–39.
42. Nunberg G.D. The pragmatics of reference. New York, 1978.
43. Gibbs R.W., Nayak N.P. Psycholinguistic studies on the syntactic behavior of idioms // *Cognitive psychology*. 1989. № 21 (1). P. 100–138.
44. Vespignani F., Canal P., Molinaro N., Fonda S., Cacciari C. Predictive mechanisms in idiom comprehension // *Journal of Cognitive Neuroscience*. 2010. № 22 (8). P. 1682–1700.
45. Glucksberg S., McGlone M.S. Understanding figurative language: From metaphor to idioms. Oxford University Press, 2001. P. 36.
46. Stéphanie C., Butcher K. Processing of idiomatic expressions: Evidence for a new hybrid view // *Metaphor and Symbol*. 2007. № 22 (1). P. 79–108.
47. Cutting J.C., Bock K. That's the way the cookie bounces: Syntactic and semantic components of experimentally elicited idiom blends // *Memory & cognition*. 1997. № 25 (1). P. 57–71.
48. Sprenger S.A., Levelt W.J.M., Kempen G. Lexical access during the production of idiomatic phrases // *Journal of memory and language*. 2006. № 54 (2). P. 161–184.
49. Libben M.R., Titone D.A. The multidetermined nature of idiom processing // *Memory & Cognition*. 2008. № 36. P. 1103–1121. doi: 10.3758/MC.36.6.1103
50. Titone D.A., Connine C.M. On the compositional and noncompositional nature of idiomatic expressions // *Journal of pragmatics*. 1999. № 31 (12). P. 1655–1674.
51. НКРЯ. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 9.12.2020).
52. ruTenTen. URL: <https://www.sketchengine.eu/rutenten-russian-corpus/> (дата обращения: 14.12.2020)
53. Arnon T., Lavidor M. Cognitive control in processing ambiguous idioms: evidence from a self-paced reading study // *Journal of Psycholinguistic Research*. 2023. № 52 (1). P. 261–281.
54. Gernsbacher M.A. Resolving 20 years of inconsistent interactions between lexical familiarity and orthography, concreteness, and polysemy // *Journal of experimental psychology: General*. 1984. № 113 (2). P. 256.
55. Nusbaum H., Pisoni D.B., Davis C.K. Sizing up the Hoosier mental lexicon: Measuring the familiarity of 20,000 words // *Research on speech perception, Progress Report*. Bloomington : Indiana University, Speech Research Laboratory, 1984. № 10 (3).
56. Connine C.M., Mullinex J., Shernoff E., Yelen J. Word familiarity and frequency in auditory and visual word recognition // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*. 1990. № 16 (6). P. 1084–1096.
57. Schweigert W.A., Moates D.R. Familiar idiom comprehension // *Journal of Psycholinguistic Research*. 1988. № 17. P. 281–296.
58. Blasko D.G., Connine C.M. Effects of familiarity and aptness on the processing of metaphor // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*. 1993. № 19 (2). P. 295–308.
59. Popiel S.J., McRae K. The figurative and literal senses of idioms, or all idioms are not used equally // *Journal of Psycholinguistic Research*. 1988. № 17. P. 475–487.
60. Mueller R.A.G., Gibbs R.W. Processing idioms with multiple meanings // *Journal of Psycholinguistic Research*. 1987. № 16. P. 63–81.
61. Holsinger E. Representing idioms: Syntactic and contextual effects on idiom processing // *Language and speech*. 2013. № 56 (3). P. 373–394.

62. Titone D., Lovseth K., Kasparian K., Tiv M. Are figurative interpretations of idioms directly retrieved, compositionally built, or both? Evidence from eye movement measures of reading // Canadian Journal of Experimental Psychology/Revue canadienne de psychologie expérimentale. 2019. № 73 (4). P. 216–230. doi: 10.1037/cep0000175
63. Kessler R., Weber A., Friedrich C.K. Activation of Literal Word Meanings in Idioms: Evidence from Eye-tracking and ERP Experiments // Language and Speech. 2021. № 64 (3). P. 594–624. doi: 10.1177/0023830920943625
64. Mancuso A., Elia A., Laudanna A., Vietri S. The role of syntactic variability and literal interpretation plausibility in idiom comprehension // Journal of Psycholinguistic Research. 2020. № 49 (1). P. 99–124.
65. McGlone M.S., Glucksberg S., Cacciari C. Semantic productivity and idiom comprehension // Discourse processes. 1994. № 17 (2). P. 167–190.
66. Rommers J., Dijkstra T., Bastiaansen M. Context-dependent Semantic Processing in the HumanBrain: Evidence from Idiom Comprehension // Journal of Cognitive Neuroscience. 2013 № 25 (5). P. 762–776. doi: 10.1162/jocn_a_00337
67. Cacciari C., Corradini P. Literal analysis and idiom retrieval in ambiguous idioms processing: A reading-time study // Journal of Cognitive Psychology. 2015. № 27 (7). P. 797–811. doi: 10.1080/20445911.2015.1049178
68. Beck S.D., Weber A. Bilingual and monolingual idiom processing is cut from the same cloth: The role of the L1 in literal and figurative meaning activation // Frontiers in psychology. 2016. № 7. p. 211795.
69. Баранов А.Н., Вознесенская М.М., Добровольский Д.О., Киселева К.Л., Козеренко А.Д. Проект частотного словаря русских идиом // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог», Бекасово, 30 мая–3 июня 2012 г. М., 2012. № 11.
70. Рахилина Е.В. Грамматикализация в сфере количества: русские идиомы // Пограничный русский язык: Как рождаются экспрессивные кванторные выражения / под ред. Е.Р. Добрушиной, Я.Э. Ахапкиной. СПб., 2019. С. 5–21.
71. Кустова Г.И. Словарь русской идиоматики // Сочетания слов со значением высокой степени. М., 2008. URL: <http://dict.ruslang.ru/magn.php?act=list&list=>
72. Эндресен А.А., Жукова В.А., Мордашова Д.Д., Рахилина Е.В., Ляшевская О.Н. Русский Конструкцион: новый лингвистический ресурс, его устройство и специфика // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». 2020. № 19 (26). С. 241–255.
73. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Объяснительный словарь русской фразеологии. М. : Эксмо-пресс, 2009.
74. R Core Team. R: A Language and Environment for Statistical Computing. R Foundation for Statistical Computing. Vienna, 2023. URL: <https://www.R-project.org/>
75. Bates D., Mächler M., Bolker B., Walker S. Fitting Linear Mixed-Effects Models Using lme4 // Journal of Statistical Software. 2015. № 67 (1). P. 1–48. doi: 10.18637/jss.v067.i01

References

1. Cieślicka, A.B. (2017) Bilingual figurative language processing. In: *Psychology of Bilingualism*. Cham: Springer. pp. 75–118.
2. Pollio, H.R., Barlow, J.M., Fine, H.J. & Pollio, M.R. (1997) *Psychology and the poetics of growth: Figurative language in psychology, psychotherapy, and education*. New York: Lawrence Erlbaum Associates.
3. Deignan, A. (2007) "Image" metaphors and connotations in everyday language. *Annual Review of Cognitive Linguistics*. 5 (1). pp. 173–192.
4. Lakoff, G. & Johnson, M. (2008) *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press.

5. Sikos, L., Brown, S.W., Kim, A., Michaelis, L. & Palmer, M. (2008) Figurative language: "Meaning" is often more than just a sum of the parts. *Proceedings of the AAAI 2008 Fall Symposium on Biologically Inspired Cognitive Architectures*. Washington, DC: Association for the Advancement of Artificial Intelligence. pp. 180–185.
6. Baumer, E.B. & Tomlinson, B. (2008) Computational metaphor identification in communities of blogs. *Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media*. 2 (1). pp. 172–173.
7. Laranjeira, C. (2013) The role of narrative and metaphor in the cancer life story: A theoretical analysis. *Med Health Care Philos.* 16 (3). pp. 469–481. doi: 10.1007/s11019-012-9435-3
8. Vinogradov, V.V. (1946) *Osnovnye понятия russkoi frazeologii* [Basic concepts of Russian phraseology]. Leningrad.
9. Vinogradov, V.V. (1977) Ob osnovnykh tipakh frazeologicheskikh edinits v russkom iazyke [On the main types of phraseological units in Russian]. In: *Izbrannye trudy: Leksikologija i leksikografija* [Selected works: Lexicology and lexicography]. Moscow. pp. 140–161.
10. Shanskii, N.M. (1985) *Frazeologija sovremennoj russkoj iazyka* [Phraseology of modern Russian]. Moscow: Vysshaja shkola.
11. Anichkov, I.E. (1997) Idiomatika v riadu lingvisticheskikh nauk [Idiomatics among linguistic sciences]. In: *Trudy po iazykoznaniju* [Works on linguistics]. Saint Petersburg: Nauka.
12. Kopylenko, M.M. & Popova, Z.D. (1972) *Ocherki po obshchei frazeologii* [Essays on general phraseology]. Voronezh: VSU.
13. Arkhangelskii, V.L. (1964) *Ustoichivye frazy v sovremennom russkom iazyke: Osnovy teorii ustoichivykh faz i problemy obshchei frazeologii* [Stable phrases in modern Russian: Foundations of the theory of stable phrases and problems of general phraseology]. Rostov-on-Don: Rostov State University.
14. Shmelev, D.N. (2004) *Sovremennyi russkii iazyk* [Modern Russian]. Moscow: Editorial URSS.
15. Baranov, A.N. & Dobrovolskii, D.O. (2008) *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of phraseological theory]. Moscow: Znak.
16. Baranov, A.N. & Dobrovolskii, D.O. (2014) *Osnovy frazeologii* [Foundations of phraseology]. Moscow: FLINTA.
17. Bogdanova-Beglarian, N.V. (2020) Ob idiomaticeskom potentsiale russkoi razgovornoj rechi [On the idiomatic potential of Russian colloquial speech]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Jazyk i literatura*. 17 (4). pp. 582–595.
18. Dayan, L. (2020) *Frazeologizmy v russkoi povsednevnoi rechi: tipologija i funkcionirovanie* [Phraseologisms in Russian everyday speech: Typology and functioning]. Saint Petersburg.
19. Poliakova, E.V. (2016) Psicholinguisticheskie kharakteristiki vospriiatija znachenija russkikh i angliiskikh idiomaticheskikh kontseptov [Psycholinguistic characteristics of the perception of meaning in Russian and English idiomatic concepts]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 1–2 (55). pp. 151–157.
20. Poliakova, E.V. (2013) Kognitivnye osobennosti vyrazhenija moralnykh chuvstv "liubov'" i "strakh" v idiomatike russkogo i angliiskogo iazykov [Cognitive features of expressing moral feelings "love" and "fear" in Russian and English idioms]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 9 (27). Pt. 2. pp. 157–163.
21. Serdiuk, Iu.P. & Vlasova, N.A. (2021) Raspoznavanie idiomaticheskogo ispolzovaniia vyrazhenij s pomoshchju neironnykh setej [Recognition of idiomatic usage of expressions using neural networks]. *Programmnye sistemy: teoriia i prilozheniya*. 12 (3). pp. 3–26.
22. Aharodnik, K., Feldman, A. & Peng, J. (2018) Designing a Russian idiom-annotated corpus. *Proceedings of the Eleventh International Conference on Language Resources and Evaluation* (LREC 2018).

23. Titone, D.A. & Connine, C.M. (1994) Descriptive norms for 171 idiomatic expressions: Familiarity, compositionality, predictability, and literality. *Metaphor and Symbol*. 9 (4). pp. 247–270. doi: 10.1207/s15327868ms0904_1
24. Titone, D.A. & Connine, C.M. (1994) Comprehension of idiomatic expressions: Effects of predictability and literality. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 20 (5). pp. 1126–1138.
25. Beck, S.D. & Weber, A. (2020) Context and literality in idiom processing: Evidence from self-paced reading. *Journal of Psycholinguistic Research*. 49 (5). pp. 837–863.
26. Cacciari, C. & Tabossi, P. (1988) The comprehension of idioms. *Journal of Memory and Language*. 27 (6). pp. 668–683.
27. Cacciari, C. (1992) The place of idioms in a literal and metaphorical world. In: *Idioms: Processing, structure, and interpretation*. Hillsdale, NJ: Erlbaum.
28. Cacciari, C. & Glucksberg, S. (1991) Understanding idiomatic expressions: The contribution of word meanings. *Advances in Psychology*. 77. pp. 217–240.
29. Cronk, B.C., Lima, S.D. & Schweigert, W.A. (1993) Idioms in sentences: Effects of frequency, literalness, and familiarity. *Journal of Psycholinguistic Research*. 22. pp. 59–82.
30. Glass, A.L. (1983) The comprehension of idioms. *Journal of Psycholinguistic Research*. 12 (4). pp. 429–442.
31. Abel, B. (2003) English idioms in the first language and second language lexicon: A dual representation approach. *Second Language Research*. 19 (4). pp. 329–358.
32. Hornby, A.S., Crowther, J., Kavanagh, K. & Ashby, M. (1999) *Oxford advanced learner's dictionary of current English*. Oxford: Oxford University Press.
33. Irujo, S. (1986) A piece of cake: Learning and teaching idioms. *ELT Journal*. 40. pp. 236–243. doi: 10.1093/elt/40.3.236
34. Glucksberg, S. (1993) Idiom meanings and allusional content. In: *Idioms: Processing, structure, and interpretation*. S.l.: [s.n.], pp. 3–26.
35. Bobrow, S.A. & Bell, S.M. (1973) On catching on to idiomatic expressions. *Memory & Cognition*. 1 (3). pp. 343–346.
36. Swinney, D.A. & Cutler, A. (1979) The access and processing of idiomatic expressions. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. 18 (5). pp. 523–534.
37. Gibbs, R.W. (1980) Spilling the beans on understanding and memory for idioms in conversation. *Memory & Cognition*. 8 (2). pp. 149–156.
38. Gibbs, R.W. (2002) A new look at literal meaning in understanding what is said and implicated. *Journal of Pragmatics*. 34 (4). pp. 457–486.
39. Cieślicka, A.B. (2015) Idiom acquisition and processing by second/foreign language learners. In: *Bilingual Figurative Language Processing*. S.l.: [s.n.]. pp. 208–244.
40. Gibbs, R.W., Nayak, N.P. & Cutting, C. (1989) How to kick the bucket and not decompose: Analyzability and idiom processing. *Journal of Memory and Language*. 28 (5). pp. 576–593.
41. Hamblin, J.L. & Gibbs, R.W. (1999) Why you can't kick the bucket as you slowly die: Verbs in idiom comprehension. *Journal of Psycholinguistic Research*. 28. pp. 25–39.
42. Nunberg, G.D. (1978) *The pragmatics of reference*. New York.
43. Gibbs, R.W. & Nayak, N.P. (1989) Psycholinguistic studies on the syntactic behavior of idioms. *Cognitive Psychology*. 21 (1). pp. 100–138.
44. Vesprignani, F., Canal, P., Molinaro, N., Fonda, S. & Cacciari, C. (2010) Predictive mechanisms in idiom comprehension. *Journal of Cognitive Neuroscience*. 22 (8). pp. 1682–1700.
45. Glucksberg, S. & McGlone, M.S. (2001) *Understanding figurative language: From metaphor to idioms*. Oxford: Oxford University Press. p. 36.
46. Stéphanie, C. & Butcher, K. (2007) Processing of idiomatic expressions: Evidence for a new hybrid view. *Metaphor and Symbol*. 22 (1). pp. 79–108.
47. Cutting, J.C. & Bock, K. (1997) That's the way the cookie bounces: Syntactic and semantic components of experimentally elicited idiom blends. *Memory & Cognition*. 25 (1). pp. 57–71.

48. Sprenger, S.A., Levelt, W.J.M. & Kempen, G. (2006) Lexical access during the production of idiomatic phrases. *Journal of Memory and Language*. 54 (2). pp. 161–184.
49. Libben, M.R. & Titone, D.A. (2008) The multidetermined nature of idiom processing. *Memory & Cognition*. 36. pp. 1103–1121. doi: 10.3758/MC.36.6.1103
50. Titone, D.A. & Connine, C.M. (1999) On the compositional and noncompositional nature of idiomatic expressions. *Journal of Pragmatics*. 31 (12). pp. 1655–1674.
51. *Natsionalnyi korpus russkogo iazyka* [Russian National Corpus]. [Online] Available from: <https://ruscorpora.ru>
52. *ruTenTen*. [Online] Available from: <https://www.sketchengine.eu/rutenten-russian-corpus/>
53. Arnon, T. & Lavidor, M. (2023) Cognitive control in processing ambiguous idioms: Evidence from a self-paced reading study. *Journal of Psycholinguistic Research*. 52 (1). pp. 261–281.
54. Gernsbacher, M.A. (1984) Resolving 20 years of inconsistent interactions between lexical familiarity and orthography, concreteness, and polysemy. *Journal of Experimental Psychology: General*. 113 (2). pp. 256–281.
55. Nusbaum, H., Pisoni, D.B. & Davis, C.K. (1984) Sizing up the Hoosier mental lexicon: Measuring the familiarity of 20,000 words. In: *Research on Speech Perception, Progress Report*. Bloomington: Indiana University, Speech Research Laboratory. 10 (3).
56. Connine, C.M., Mullinex, J., Shernoff, E. & Yelen, J. (1990) Word familiarity and frequency in auditory and visual word recognition. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 16 (6). pp. 1084–1096.
57. Schweigert, W.A. & Moates, D.R. (1988) Familiar idiom comprehension. *Journal of Psycholinguistic Research*. 17. pp. 281–296.
58. Blasko, D.G. & Connine, C.M. (1993) Effects of familiarity and aptness on the processing of metaphor. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 19 (2). pp. 295–308.
59. Popiel, S.J. & McRae, K. (1988) The figurative and literal senses of idioms, or all idioms are not used equally. *Journal of Psycholinguistic Research*. 17. pp. 475–487.
60. Mueller, R.A.G. & Gibbs, R.W. (1987) Processing idioms with multiple meanings. *Journal of Psycholinguistic Research*. 16. pp. 63–81.
61. Holsinger, E. (2013) Representing idioms: Syntactic and contextual effects on idiom processing. *Language and Speech*. 56 (3). pp. 373–394.
62. Titone, D., Lovseth, K., Kasparian, K. & Tiv, M. (2019) Are figurative interpretations of idioms directly retrieved, compositionally built, or both? Evidence from eye movement measures of reading. *Canadian Journal of Experimental Psychology*. 73 (4). pp. 216–230. doi: 10.1037/cep0000175
63. Kessler, R., Weber, A. & Friedrich, C.K. (2021) Activation of literal word meanings in idioms: Evidence from eye-tracking and ERP experiments. *Language and Speech*. 64 (3). pp. 594–624. doi: 10.1177/0023830920943625
64. Mancuso, A., Elia, A., Laudanna, A. & Vietri, S. (2020) The role of syntactic variability and literal interpretation plausibility in idiom comprehension. *Journal of Psycholinguistic Research*. 49 (1). pp. 99–124.
65. McGlone, M.S., Glucksberg, S. & Cacciari, C. (1994) Semantic productivity and idiom comprehension. *Discourse Processes*. 17 (2). pp. 167–190.
66. Rommers, J., Dijkstra, T. & Bastiaansen, M. (2013) Context-dependent semantic processing in the human brain: Evidence from idiom comprehension. *Journal of Cognitive Neuroscience*. 25 (5). pp. 762–776. doi: 10.1162/jocn_a_00337
67. Cacciari, C. & Corradini, P. (2015) Literal analysis and idiom retrieval in ambiguous idioms processing: A reading-time study. *Journal of Cognitive Psychology*. 27 (7). pp. 797–811. doi: 10.1080/20445911.2015.1049178

68. Beck, S.D. & Weber, A. (2016) Bilingual and monolingual idiom processing is cut from the same cloth: The role of the L1 in literal and figurative meaning activation. *Frontiers in Psychology*. 7. p. 211795.
69. Baranov, A.N., Voznesenskaia, M.M., Dobrovolskii, D.O., Kiseleva, K.L. & Kozerenko, A.D. (2012) Proekt chastotnogo slovaria russkikh idiom [Project of a frequency dictionary of Russian idioms]. *Kompiuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii*. 11.
70. Rakhilina, E.V. (2019) Grammatikalizatsiya v sfere kolichestva: russkie idiomy [Grammaticalization in the domain of quantity: Russian idioms]. In: *Pogranichnyi russkii iazyk* [Borderline Russian]. Saint Petersburg. pp. 5–21.
71. Kustova, G.I. (2008) *Slovar russkoi idiomatiki* [Dictionary of Russian idioms]. Moscow. [Online] Available from: <http://dict.ruslang.ru/magn.php?act=list&list=>
72. Endresen, A.A., Zhukova, V.A., Mordashova, D.D., Rakhilina, E.V. & Lashevskaya, O.N. (2020). Russkii Konstruktikon: novyi lingvisticheskii resurs, ego ustroistvo i spetsifika [Russian Constructicon: A new linguistic resource, its structure and specifics]. *Kompiuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii*. 19 (26). pp. 241–255.
73. Baranov, A.N. & Dobrovolskii, D.O. (2009). *Obiasnitelnyi slovar russkoi frazeologii* [Explanatory dictionary of Russian phraseology]. Moscow: Eksmo-Press.
74. R Core Team. (2023) *R: A Language and Environment for Statistical Computing*. Vienna: R Foundation for Statistical Computing. [Online] Available from: <https://www.R-project.org/>
75. Bates, D., Mächler, M., Bolker, B. & Walker, S. (2015) Fitting linear mixed-effects models using lme4. *Journal of Statistical Software*. 67 (1). pp. 1–48. doi: 10.18637/jss.v067.i01

Информация об авторах:

Гриденева Е.М. – старший преподаватель Школы иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: egridneva@hse.ru

Здорова Н.С. – канд. филол. наук, научный сотрудник Центра языка и мозга Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия); младший научный сотрудник Института языкоznания РАН (Москва, Россия). E-mail: nzdorova@hse.ru

Иваненко А.А. – старший преподаватель Департамента русского языка как иностранного Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: aivanenko@hse.ru

Макарова П.С. – аналитик учебно-научной лаборатории социолингвистики Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия). E-mail: polly_s_makarova@mail.ru

Грабовская М.А. – приглашенный преподаватель Школы лингвистики и Департамента русского языка как иностранного Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: mgrabovskaya@hse.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.M. Gridneva, senior lecturer at the School of Foreign Languages, HSE University (National Research University Higher School of Economics). (Moscow, Russian Federation). E-mail: egridneva@hse.ru

N.S. Zdorova, Cand. Sci. (Philology), research fellow at the Center for Language and Brain, HSE University (National Research University Higher School of Economics); junior research fellow, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: nzdorova@hse.ru

A.A. Ivanenko, senior lecturer at the Faculty of Humanities, School of Russian as a Foreign Language, HSE University (National Research University Higher School of Economics) (Moscow, Russian Federation). E-mail: aivanenko@hse.ru

P.S. Makarova, analyst at the Research and Educational Laboratory of Sociolinguistics at the Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: polly_s_makarova@mail.ru

M.A. Grabovskaya, visiting lecturer at the Faculty of Humanities, School of Russian as a Foreign Language; visiting lecturer at the Faculty of Humanities, School of Linguistics, HSE University (National Research University Higher School of Economics) (Moscow, Russian Federation). E-mail: mgrabovskaya@hse.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.06.2024;
одобрена после рецензирования 15.11.2024; принятая к публикации 26.03.2025.*

*The article was submitted 17.06.2024;
approved after reviewing 15.11.2024; accepted for publication 26.03.2025.*

Научная статья
УДК 81-11
doi: 10.17223/19986645/94/5

Что можно и что нельзя выразить на метаязыке А. Вежбицкой?

Вадим Викторович Дементьев¹

¹ Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия, dementevvv@yandex.ru

Аннотация. В статье предлагается общесемиотический подход к теоретическому и практическому осмысливанию возможностей и границ семантического метаязыка А. Вежбицкой. Данный подход позволяет, с одной стороны, более эффективно использовать МВ, с другой – уточнить семиотическую природу языковых и речевых единиц, описываемых через посредство МВ. Обсуждаются применимость МВ к знакам и знаковым системам в классификации А. Соломоника, автор приходит к выводу, что описанию через МВ подлежат знаки третьего и четвертого типа систем, отчасти второго типа (образные), не подлежат – первого и пятого.

Ключевые слова: метаязык, А. Вежбицкая, А. Соломоник, семиотика, маркированность

Для цитирования: Дементьев В.В. Что можно и что нельзя выразить на метаязыке А. Вежбицкой? // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 94. С. 92–107. doi: 10.17223/19986645/94/5

Original article
doi: 10.17223/19986645/94/5

What can and cannot be expressed in the metalanguage of Anna Wierzbicka?

Vadim V. Dementyev¹

¹ Saratov State University, Saratov, Russian Federation, dementevvv@yandex.ru

Abstract. The article proposes a general semiotic approach to the theoretical and practical understanding of the possibilities and limits of the semantic metalanguage of Anna Wierzbicka (MW). According to the author, this approach allows, on the one hand, using MW more effectively, and, on the other hand, clarifying the semiotic nature of linguistic and speech units described through MW. For this purpose, firstly, the possibilities of MW are discussed: it is shown that it can be successfully used and is already used in linguistic research when describing unique (non-equivalent, nationally specific) units, when developing practical recommendations (manuals, guidelines) on etiquette, etc. Secondly, three main obstacles to the use of MW for describing linguistic and speech phenomena are identified: (1) in different languages, the oppositions of marked and unmarked units do not coincide; (2) words and expressions that are not semantic primitives according to Wierzbicka are used as semantic primitives in the formulations; (3) sign phenomena of different semiotic natures, related to different

types of sign systems, are found among linguistic and especially speech/text units. MW, which has proven itself well in interpreting some types of signs, turns out to be fundamentally incompatible with others (for example, formal codes like mathematical ones). Discussing the applicability of MW to signs and sign systems in Abraham Solomonik's classification (five types/stages), the author comes to the conclusion that signs of the second, third and fourth types of systems can be described through MW, but the first and fifth cannot. The situation is more complicated with the fourth type: on the one hand, written texts are often "translated" into MW; on the other hand, the actual rules of writing cannot be described in MW.

Keywords: metalanguage, Anna Wierzbicka, Abraham Solomonik, semiotics, markedness

For citation: Dementyev, V.V. (2025) What can and cannot be expressed in the metalanguage of Anna Wierzbicka? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 94. pp. 92–107. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/94/5

Проблему описания языкового и речевого содержания через посредство семантического метаязыка А. Вежбицкой (далее – МВ) принято считать метаязыковой и лингвосемиотической. Мы полагаем, что для уточнения возможностей и границ МВ полезен обобщенный и отраслевой взгляд – выделение среди описываемых языковых и речевых единиц феноменов разной семиотической природы, для описания которых МВ пригоден в разной степени.

МВ и его обсуждение в лингвистике

А. Вежбицкая считает главными достоинствами своего метаязыка его универсальность, применимость не только к разным языкам, но и к разным уровням языка и речи: не только к языковой семантике, но и к речевой прагматике, шире – к культурным, коммуникативным и языковым феноменам высоких уровней – национально-культурным сценариям [1–18].

Подход Вежбицкой активно и успешно используется в качестве метаязыка описания во многих направлениях современных лингвистических (особенно сопоставительных) исследований: лексико-семантических, грамматических, прагматических, лингвокультурологических и лингвокогнитивных.

Общая для объяснения чрезвычайно многообразных культурно-языковых феноменов теоретическая плоскость и общий метаязык описания – оригинальный, «самопонятный» и в идеале преодолевающий этноцентризм – безусловное достоинство данных исследований, которым, к сожалению, не могут похвалиться многие другие исследования в рамках данной или близких предметных областей. В то же время именно названная особенность объективно несколько мешает объединить достижения Вежбицкой с достижениями других исследователей, пользующихся более традиционными методиками и метаязыком описания. Некоторые положения теории Вежбицкой представляются небеспорочными (начиная с конкретного набора семантических примитивов).

Как известно, подход А. Вежбицкой развивался из критики «несистемности», противоречивости традиционных лингвистических описаний, а также их этноцентризма. Не умаляя достижений А. Вежбицкой и ее последователей, описавших множество языковых, речевых, коммуникативных и культурных явлений в

нескольких десятках языков в терминологии семантических примитивов, отметим, что требования самопонятности и минимальности семантических примитивов, с одной стороны, и требование универсальности – с другой, в известной степени противоречат друг другу. При определении места того или иного явления в языке не может быть существенным, представлено ли данное явление *з а п р е д е л а м и* данного языка, в других языках, и какую роль играет там, т. е. его универсальность или неуниверсальность. Преимущества описаний, осуществленных на метаязыке семантических примитивов, можно уподобить преимуществам литературы, которая была бы написана при помощи алфавита, состоящего только из самых простых в мире букв, причем простота написания автоматически приравнивалась бы к распространенности. Вряд ли можно считать дополнительным достоинством данного метода и то, что осуществленные таким способом описания будут-де понятны всему человечеству, любому наивному носителю любого языка, «любому папуасу»: увы, нелингвисты не читают работ Бежицкой; для многих же лингвистов далеко не очевидно, почему определения лингвистических явлений через посредство примитивов «лучше», чем традиционные лингвистические и филологические определения.

Кроме того, у МВ есть границы – как субъективные, связанные с его неверным использованием, так и вполне объективные.

Проблемам МВ (и смежным проблемам, связанным с МВ) посвящали статьи многие исследователи.

Первые работы на эту тему в отечественной лингвистике появились еще в начале 1990-х гг., т.е. до перевода основных работ А. Вежбицкой по МВ на русский язык [19].

Глубокий анализ возможностей МВ осуществил А.Д. Шмелев, который также был переводчиком многих статей А. Вежбицкой на русский язык, например [20, 21].

В работе «Могут ли слова языка быть ключом к пониманию культуры?» – предисловии А.Д. Шмелева к книге А. Вежбицкой «Понимание культур через посредство ключевых слов» [20] – исследователь формулирует «пафос» МВ: «...в языке находят свое отражение и одновременно формируются ценности, идеалы и установки людей, то, как они думают о мире и о своей жизни в этом мире, и соответствующие языковые единицы представляют собою “бесценные ключи” к пониманию этих аспектов культуры. <...> любой сколько угодно сложный и причудливый концепт, закодированный в той или иной языковой единице какого-либо из естественных языков, может быть представлен в виде определенной конфигурации элементарных смыслов, которые являются семантически неразложимыми и универсальными» [20. С. 8].

В работе «Взаимодействие языка и культуры: от словаря до языкового облика морально-религиозной проповеди» – предисловии к книге А. Вежбицкой «Сопоставление культур через посредство лексики и pragmatики» [21] он еще более кратко и четко формулирует главное представление, в соответствии с которым «посредством ограниченного набора семантических элементов (универсальных, т.е. вербализуемых во всех естественных языках) можно выразить все разнообразие рожденных человечеством идей: концепты, воплощенные в лексических единицах естественных языков, ценностные установки, специфичные для той или иной культуры, и даже иносказательно выраженные религиозные доктрины» (разрядка моя. – В.Д.) [21. С. 9].

См. также два выпуска «Russian Journal of Linguistics» (бывший «Вестник РУДН») 2018 г., посвященные юбилею А. Вежбицкой (где в основном статьи публиковались на английском) [22–26].

В этих работах у проблемы описания языкового и речевого содержания выделяется ряд аспектов, представляющих значимыми для ответа на поставленный в названии статьи вопрос – что можно и что нельзя выразить на метаязыке А. Вежбицкой: логико-информационный, семантический, прагматический, национально-культурный (включая национально-культурные сценарии и ценностные системы), психологический.

На наш взгляд, недостаточно внимания уделяется семиотическому аспекту, точнее – общесемиотическому, которому и посвящена настоящая статья.

Возможности МВ

Попытаемся систематизировать возможности (достоинства, плюсы) МВ: для каких целей он может быть использован и уже успешно используется в лингвистических исследованиях:

– при описании уникальных (безэквивалентных, национально-специфических) единиц [27–29], прежде всего, лексических, но не только (сама А. Вежбицкая, как известно, использовала свой МВ для описания и лексической семантики, и грамматики, и прагматики, и жанров речи (по М.М. Бахтину), а также художественного творчества (притчи), политики (антитоталитарный язык), жестов и даже эпидемии ковида); при их сравнении с другими – неуникальными и универсальными, отсюда – для типологизации данных единиц: как известно, МВ широко используется как современной лексической типологией [30], так и вполне традиционной типологией [31];

– при разработке практических рекомендаций (пособий, руководств) по этикету (особенно верbalному, но и неверbalному тоже) и официально-деловому стилю для служащих (особенно для аутсайдеров, но и для чиновников-аборигенов полезно): что точно означает тот или иной знак в той или иной ситуации, какие могут быть потенциальные опасности (выражение табуированного или оскорбительного содержания) и санкции, как избегать их [32–34];

– рекомендации экспертам-практикам: что может быть вычитано из тех или иных (официальных) текстов чиновников, начиная от инференционных, т.е. выводных, инсинуаций, диффамаций и угроз и заканчивая моральными нарушениями, неподсудными, но очень болезненными при обсуждении в СМИ и т.п. (ср. получившую известность фразу саратовской чиновницы «про макарошки»¹) (в использовании МВ для объяснения этикета и официального дискурса чиновников вообще много общего) [34, 35];

¹ Н. Соколова, занимавшая на тот момент пост министра занятости, труда и миграции Саратовской области, в октябре 2019 г. поспорила с депутатом региональной думы от КПРФ Н. Бондаренко о невозможности прожить, тратя на продукты 3,5 тысячи рублей

– для объяснения текстов (самых разнообразных по стилям и жанрам, в том числе естественным разговорным) на одном языке – носителям другого языка, т.е. исследователям-аутсайдерам (как собственно исследователям-лингвистам, так и «исследователям»-практикам, т.е. обычным носителям языка): элементы МВ используются в комментариях лингвистов-культурологов, эмигрантов, путешественников, в том числе объяснительных комментариях к практическим пособиям, разговорникам [36, 37];

– при решении ряда теоретических лингвистических вопросов, например универсалистского характера – собственно, примитивы и есть универсалии: их осмысление очень много дает и само по себе, и в сравнении с теми языковыми единицами, которые примитивами не являются, например, какие языковые единицы не нуждаются в толковании, какие – семантически неразложимы (и «добавление к ним чего» превращает их из примитивов в не-примитивы) [27, 38, 39];

– при решении ряда психологических проблем (скорее вопреки А. Вежбицкой, которая много полемизировала с психологами): при помощи МВ удобно комментировать скрытые конфликтогенные-синтонные семьи в высказываниях на родном языке в ситуациях естественного общения (например, молодых родителей с их детьми), как это делал А.П. Егидес [40];

– при описании значений ряда невербальных знаков (прежде всего этикетных, но не только).

Границы МВ

Мы видим три главных препятствия у использования МВ для описания языковых и речевых феноменов.

Первое – то, что немаркованные единицы, вернее, оппозиции маркированных и немаркированных единиц не совпадают в разных языках. Как известно, на фонетическом уровне в оппозиции гласных *a* ~ *o* в русском языке немаркованной единицей является *a*, в венгерском – лабиальная *o*, что уж говорить о единицах более высоких уровней. Эта проблема хорошо известна, довольно активно обсуждалась [41–45], хотя, насколько нам известно, удовлетворительное решение не было найдено.

Отметим, что при сопоставительном изучении культур маркованные и не-маркованные единицы в разных национальных культурах выходят на первый план и во многих случаях успешно преодолеваются именно с помощью МВ; но в тех случаях, когда задача сравнения не стоит, а набор немаркованных единиц в данной культуре отличается от «средненного», или универсального, от МВ мало пользы. «Простота» определяется заданными системами координат: внутри

(примерная стоимость продуктовой корзины в регионе). Соколова утверждала, что этих денег хватит на еду, и добавила, что «макарошки всегда стоят одинаково». После того как скандал вышел на федеральный уровень, губернатор Валерий Радаев уволил Соколову за недопустимое поведение (<https://nversia.ru/news/skandal-s-makaroshkami-glavmintruda-rasskazal-chto-dumaet-o-chinovnikah-pozvolyyayuschih-takie-vyskazyvaniya/>).

системы явление воспринимается как простое, за пределами (а значит, и объективно) – как сложное и даже сверхсложное.

Мы столкнулись с этим, описывая коммуникативные ценности и непрямую коммуникацию в русской культуре через оппозицию персональности ~ имперсональности ($[P] \sim [-P]$) [46].

Левому (главному) члену оппозиции присуща значительная содержательная сложность и многоаспектность (имплицируются непосредственные отношения с миром без промежуточного социального института, связь с системой этических норм, личностные и психологические характеристики человека). Однако при этом именно он является немаркированным, т.е. подчеркнуто содержательно простым, его значение, с точки зрения универсального семантического метаязыка гораздо более сложное, в русском как раз обычно не эксплицируется, выступая как самопонятное, наоборот, с его помощью эксплицируются другие значения.

Такими являются в русской культуре национально-специфичные (даже ключевые) феномены: *истина, душа, типы человеческих отношений (общение, справедливость)*, ситуации взаимодействия и жанры речи (*разговор по душам*). Распространенными являются выражения: *простые истины, простая душа (простодушный), простой разговор по душам*¹.

Второе, не столь принципиальное, но реально ощутимое ограничение связано с неверным использованием МВ, прежде всего, когда в формулировках в качестве семантических примитивов используются слова и выражения, семантическими примитивами, по А. Вежбицкой, не являющиеся. В нашей практике встречались работы (в том числе диссертации), где в формулировках в качестве семантических примитивов использовались слова и выражения *прямой, косвенный, вежливый, грубый, формальный и неформальный, искренний, откровенный, доброжелательный, родной, дорогой, ироничный, агрессивный, светский, концептный, любовь, секс, флирт, игра, интернет-коммуникация* и даже *компьютерная игра, онлайн-трансляция, игровой стрим*.

Третье ограничение, которое представляется нам наиболее принципиальным, связано с тем, что среди языковых и особенно речевых / текстовых единиц встречаются знаковые феномены разной семиотической природы,

¹ Характеристика *просто / простой* применительно к русскому *разговору по душам* противоречива естественным образом, поскольку в высокой степени противоречив и сам по себе РпД: так, РпД может быть «простой» ~ и кому-то не по силам; с «простым» со беседником ~ и высокообразованным специалистом; со «своими», избранными ~ и с незнакомцем; может быть коротким ~ и длинным; расслабленным (релаксирующим), «легким» ~ и напряженным, «тяжелым»; может быть приятным, «лицеприятным», включать элементы лести ~ и жесткую критику; может привести к примирению ~ и к ссоре; может быть спокойным ~ и включать элементы спора (мужской РпД) или истерики (женский); обычно РпД не может состояться «по заказу» ~ и положительно оценивается РпД, проводимый (успешно) специалистами-психологами с психически больными или неуравновешенными людьми. Абсолютное большинство оценочных характеристик РпД, фиксируемых в примерах, положительные и ярко-положительные; в то же время есть и отрицательные характеристики [46. С. 115–189]. Надо полагать, при фиксации «простоты» у РпД вся эта остальная присущая ему противоречивость сохраняется, и употребляющим выражение *простой разговор по душам* это известно.

относящиеся к разным типам знаковых систем. МВ, хорошо себя показавший при толковании одних типов знаков, оказывается принципиально несовместим с другими (например, формальными кодами наподобие математических), что, конечно, не говорит о его несостоятельности.

Поскольку МВ разрабатывался для описания значений языковых единиц, т.е. з н а к о в , разных уровней, есть смысл рассмотреть разную семиотическую природу знаков, описываемых данным метаязыком. Сразу обращает на себя внимание тот факт, что МВ реально (и успешно) использовался для описания нескольких разных типов знаков (в том числе неязыковых), тогда как для описания других не использовался или использовался неуспешно.

Так, не поддается описанию на МВ:

– всё связанное с внешней, формальной стороной знаков, лишенной содержания / незначимой (это понятно: метаязык АВ именно с е м а н т и - ч е с к и й): фонетика (попробуйте-ка объяснить на МВ особенности английской фонетики, например межзубных согласных, неангличанам), графика и идеограммы, изображения в целом, кулинария (притом что пища – одна из наиболее национально-отличных вещей, попробуйте объяснить на МВ «любому папуасу», чем отличается вкус кари от вкуса чили);

– на практике часто и не лишенная содержания (т.е. являющаяся частью содержания) форма: прежде всего, художественные тексты (конечно, что-то можно объяснить на метаязыке А. Вежбицкой – она сама вполне успешно комментировала библейские притчи, но далеко не все), конечно, неязыковое / несловесное искусство, живопись, музыка и т.п.;

– на практике – в с ё б о л ь ш о е и/или сверхсложное – от художественных текстов (попробуйте перевести на примитивы «Войну и мир») до тоже больших разговорных. Подчеркнем: поскольку мы говорим об описании больших, объемных, внутренне сильно неоднородных феноменов (текстов), может сложиться впечатление, что сложность эта чисто количественная (долго, утомительно), что, конечно, отчасти так и есть. Однако представляется, что сложность связана не только и не столько с этим (какая-нибудь современная компьютерная программа смогла бы легко и быстро справиться с таким заданием): сама природа сверхсложных систем, со значимыми внутренними противоречиями, «гармонией негармоничного», игрой (больших) композиций, плохо поддается такому «упрощению», которое составляет смысл МВ. С этим же, по-видимому, связано то, что невозможно описание на МВ индивидуального человеческого характера во всей полноте;

– неязыковые знаки, точнее, не все неязыковые, а знаки формальных кодов по А. Соломонику – см. ниже.

МВ и разные типы знаковых систем

Главной задачей использования МВ можно считать анализ и описание, а отсюда – преодоление языковой сложности. При этом природа языковой сложности, о которой идет речь, совершенно иная, чем,

например, в бытовой логике, естественно-научной, формальной (математической): языковая сложность в основном состоит в отличиях, «отступлениях» языка от этой формальной логики, невозможности свести все оттенки смыслов, закодированные в языковых / речевых единицах, к семиотическим смыслам, кодируемым в знаках и кодах формальных систем, которыми оперируют естественные логики.

Как известно, попытки свести «всю языковую сложность» к комбинациям формальных кодов, сопоставимых с математическими, активизировались в конце 1940-х гг. в связи с разработкой первых систем искусственного интеллекта. Особенно большую известность получила информационно-кодовая модель коммуникации К. Шеннона и У. Уивера [47] – ее издержкам и последующему преодолению посвящена глава нашей докторской диссертации [48. С. 62–68].

Воплощением подхода, отдающего приоритет и н ф о р м а ц и и, является и н ф о р м а ц и о н н о - к о д о в а я м о д е л ь к о м м у н и к а ц и и [47]. Это кибернетическая точка зрения на языковую коммуникацию как на одну лишь передачу информации (*shared message*) посредством кодирования и декодирования сообщений. Информационно-кодовая модель коммуникации исходит из того, что и говорящий (он же «отправитель»), и слушающий (он же «получатель») оба оснащены лингвистическими (де)кодирующими устройствами и мыслительными процессорами, хранящими и перерабатывающими «информацию» или «мысль».

Затрудненность смысловой интерпретации дискурса с помощью одной кодовой модели стала стимулом для разработки и н ф е р е н ц и о н н о й («выводной») м о д е л и к о м м у н и к а ц и и, у истоков которой стоял Герберт Пол Грайс [49], и – особенно – и н т е р а к ц и о н н о й м о д е л и [50], которая в качестве главного принципа выдвигает взаимодействие, помещенное в социально-культурные условия конкретной ситуации. Интеракционная модель ставит во главу угла аспекты коммуникации как поведения, причем не только интенционального. Общение может состояться независимо от того, намерен ли говорящий вступать в общение, а также независимо от того, рассчитано ли высказывание на восприятие слушающим. Коммуникация осуществляется не в виде т р а н с л я ц и и и н ф о� м а ц и и или м а н и ф е с т а ц и и н а м е - р е н и я, а как д е м о н с т р а ц и я с м ы с л о в, необязательно предназначенных для распознавания и интерпретации реципиентом. Любая форма поведения – действие и бездействие, речь и молчание – в определенной ситуации может оказаться коммуникативно значимой. При этом важную роль играет активность воспринимающего «другого». Интерпретация смыслов представляет собой процесс гибкого коллективного осмысливания социальной действительности, как психологическое или феноменологическое переживание общности (*togetherness*) интересов, действий и т. п. Этим обусловлена асимметрия интеракционной модели: порождение смыслов и их интерпретация отличаются как по способам осуществления этих операций, так и по типам участвующих в них форм когнитивного: реципиент может вывести смыслы, отличные от задуманных говорящим (подробнее см. в [48. С. 62–68]; см. также [51. С. 33–40]).

Необходимость в таких несимметричных моделях, как инференционная и – особенно – интеракционная, обусловлена принципиальной асимметрич-

ностью (сложносоставностью, многомерностью) содержания реальной коммуникации, которое складывается из многих совершенно разных информационных источников, знаковых сущностей разной природы. Возвращаясь к МВ, он, очевидно, принципиально неприменим к некоторым из них.

При выделении типов знаков и знаковых систем мы опираемся на известную семиотическую типологию А. Соломоника, который выделяет пять типов / стадий развития коммуникативных систем: естественные знаковые системы; образные знаковые системы; языковые знаковые системы; системы записи; кодовые системы. Именно в такой последовательности, по мнению А. Соломоника, эти системы кодирования реальной жизни появляются в онтогенетическом развитии человечества и в филогенезе отдельного индивидуума. При этом в основе всех особенностей знаковых систем лежит степень абстракции базисного знака и его «удаленности» от обозначаемого: естественным системам соответствует знак в виде материального реального предмета или явления (например, ярко-зеленая трава в определенных условиях может указывать на наличие в данном месте болота); образным системам соответствует образ (например, жесты, вывески, дорожные знаки); языковым системам – слово; системам записи – буква или иной аналогичный символ; кодовым системам – символ. Каждый тип знака отражает действительность особым образом: естественный знак – указывает; образ – отражает; слово – описывает; буква – фиксирует; символ – кодирует [52. С. 116–117].

Эволюция знаковых систем, по А. Соломонику, состоит в повышении степени формализации, которую он понимает как повышение ригидности (жесткости) системы, проявляющееся в следующих признаках: (1) ужесточение требований к правилам грамматики и метаязыка; (2) повышение строгости исполнения внутрисистемной логики; (3) знак такой системы становится все более автономным по отношению к своему обозначаемому и все более зависимым от системы в целом. Такой знак предлагается называть символом. Его точность, информационная плотность и однозначность значительно выше, чем у слова – знака естественного языка [52. С. 82]. Таким образом, следующей ступенью формализации содержания после естественного человеческого языка является формализованная кодовая система (такая, как математический код). Формализация в таком понимании всегда направлена от смыслов к значениям. Так, в формализованном языке математики есть только значения и нет смыслов. Математические знаки предельно абстрактные и точные, полностью независимые как от природы и особенностей описываемых явлений, так и от условий коммуникации. У адресата не может возникнуть вопроса типа «Что вы этим хотели сказать?».

Описанию через МВ, по-видимому, подлежат знаки третьего и четвертого типа / этапа систем (т.е. собственно язык: устный и письменный).

Однако МВ хорошо описывает и знаки второго типа (образные) (А. Вежбицкая сама описывала жесты: показала, что жесты-улыбки обладают универсальным смыслом, независимым от контекста и культурных языковых конвенций, что обуславливает их объединение в класс улыбок [53. Р. 590]).

Явно непригоден МВ для первого типа (попробуйте объяснить на МВ, чем отличается след волка от следа рыси) и пятого (попробуйте объяснить на МВ «любому папуасу» функцию квадратного многочлена).

Невозможность перевести на МВ («упростить») большинство математических и естественно-научных построений, нередко ставящая в тупик

неофитов, связана именно с этим. МВ вообще неприменим для анализа знаков систем, формализация которых превышает языковую.

Естественные знаки, строго говоря, вообще не знаки: нет конвенциональных значений.

Сложнее с четвертым типом: с одной стороны, на МВ часто «переводят» письменные тексты (А. Вежбицкая сама неоднократно делала это), с другой – собственно правила письма не поддаются описанию на МВ (попробуйте объяснить на МВ «любому папуасу», когда в русском языке наречия пишутся слитно (*вплотную*), когда раздельно (*в открытую*)).

Реальность такова, что общение на языке (речь, текст) сочетает знаки разных – всех! – типов. Так, знаки пятого типа присутствуют в системе наряду с многозначными словами, метафорами и т.п. по принципу, который Э. Бенвенист определил как сочетание в системе языка признаков знаковых систем семантического и семиотического типа [54. С. 88]. В реальной коммуникации всегда есть невербальные компоненты – знаки второго типа; а фоносемантика раскрывает значение в языке и речи и знаков первого типа.

По нашему мнению, общесемиотический подход, предложенный в настоящей статье, позволяет не только уточнить семиотическую природу языковых и речевых единиц, описываемых через посредство МВ, но и более эффективно использовать МВ: активно применять для описания тех семиотических феноменов, с которыми он совместим, с большой осторожностью применять к другим системам (таким как письмо) и не применять к третьим (естественным знакам, формальным кодам).

МВ неплохо работает для языковых систем (для них и создавался), а также для образных (на это, к сожалению, редко обращают внимание), а для трех остальных типов систем, по А. Соломонику, непригоден или пригоден крайне ограниченно, когда пытаются некритично применять МВ к ним, это приводит к неудаче.

Список источников

1. Вежбицка А. Введение к книге «Семантические примитивы» // Семиотика. М., 1983. С. 225–252.
2. Вежбицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. С. 251–275.
3. Вежбицка А. Культурно-обусловленные сценарии и их когнитивный статус // Язык и структура знания / отв. ред. Р.М. Фрумкина. М., 1990. С. 45–73.
4. Вежбицка А. Язык. Культура. Познание. М. : Русские словари, 1996. 416 с.
5. Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи. Саратов, 1997. Вып. 1. С. 99–111.
6. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М. : Языки славянской культуры, 1999. 791 с. (Язык. Семиотика. Культура).
7. Вежбицкая А. Культурно-обусловленные сценарии: новый подход к изучению межкультурной коммуникации // Жанры речи. Саратов, 1999. Вып. 2. С. 112–133.
8. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М. : Языки славянских культур, 2001. 290 с.
9. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М. : Языки славянских культур, 2001. 272 с.

10. Вежбицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2 (4). С. 6–34.
11. Вежбицкая А. Культурная обусловленность категорий «прямота» vs. «непрямota» // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов, 2003. С. 136–159.
12. Вежбицкая А. Универсальные семантические примитивы как ключ к лексической семантике (сфера эмоций) // Жанры речи. Саратов, 2005. Вып. 4. С. 156–182.
13. Вежбицкая А., Годдард К. Дискурс и культура // Жанры речи. Саратов : Колледж, 2002. Вып. 3. С. 118–156.
14. Wierzbicka A. Dociekania semantyczne (раздел «Problemy ekspresji. Ich miejsce w teorii semantycznej») // Z Dziejów Form Artystycznych w Literaturze Polskiej. T. XVII. Wrocław ; Warszawa ; Kraków, 1969. S. 33–61.
15. Wierzbicka A. Semantic primitives. Frankfurt/M. : Athenäum-Verl, 1972. 235 p.
16. Wierzbicka A. Cross-Cultural Pragmatics: The semantics of human interaction. Berlin : Mouton de Gruyter, Incorporated, 1991. 515 p.
17. Wierzbicka A. English Speech Act Verbs: A semantic dictionary. Sydney : Academic Press, 1987. 367 p.
18. Wierzbicka A. In defense of ‘culture’. Theory and Psychology. Special issue on ‘culture’ / ed. by H.J. Stam. 2005. № 15 (4) P. 575–597.
19. Апресян Ю.Д. О языке толкований и семантических примитивах // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 1994. Т. 53, № 4. С. 27–40.
20. Шмелев А.Д. Могут ли слова языка быть ключом к пониманию культуры? // Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001. С. 7–11.
21. Шмелев А.Д. Взаимодействие языка и культуры: от словаря до языкового облика морально-религиозной проповеди // Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М., 2001. С. 9–13.
22. Bartmiński J. In the Circle of Inspiration of Anna Wierzbicka: The Cognitive Definition – 30 Years Later // Russian Journal of Linguistics. 2018. № 22 (4). P. 749–769.
23. Zalizniak A.A. The Catalogue of Semantic Shifts: 20 Years Later // Russian Journal of Linguistics. 2018. № 22(4). P. 770–787.
24. Gladkova A.N., Larina T.V. Anna Wierzbicka, Words and the World // Russian Journal of Linguistics. 2018. № 22 (3). P. 499–520.
25. Mel'čuk I.A. Anna Wierzbicka, Semantic Decomposition, and the Meaning-Text Approach // Russian Journal of Linguistics. 2018. № 22 (3). P. 521–538.
26. Ионова С.В., Шаховский В.И. Проспекция лингвокультурологической теории эмоций Анны Вежбицкой // Russian Journal of Linguistics. 2018. № 22 (4). P. 966–987.
27. Лобковская Л.П. Проблема поиска универсального семантического метаязыка // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2012. № 3 (105). С. 129–132.
28. Рябова М.Ю. Национальный язык и культура как объекты лингвокультурологии // Сибирский филологический журнал. 2010. № 2. С. 197–205.
29. Кошелев А.Д. Об основных парадигмах изучения естественного языка в свете современных данных когнитивной психологии // Вопросы языкоznания. 2008. № 4. С. 15–40.
30. Уразаев М.Д. Обзор основных методов лексической типологии // Современные лингвистические парадигмы: традиции и новации / отв. ред. О.П. Касымова. Уфа, 2020. С. 288–295.
31. Zimmerling A., Lyutikova E. Constructions and linguistic typology // Typology of Morphosyntactic Parameters. 2023. Vol. 6, № 2. P. 13–30.
32. Mashkaryova E., Ahramovich M. Developing intercultural awareness in foreign language teaching // Лингвокультурное образование в системе вузовской подготовки специалиста. 2019. Т. 1, № 4 (12). С. 30–35.

33. Поздняков М.Н., Зимин А.В. Лингвокультурологический подход при подготовке студентов направления «история» в высшей школе // Личностное и профессиональное развитие будущего специалиста : материалы XVII Международной научно-практической Internet-конференции / отв. ред. Л.Н. Макарова. Тамбов, 2021. С. 85–91.
34. Зверев А.Г. Лингвистические универсалии в тексте закона (на примере английского, французского и русского языков) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2019. Т. 5, № 3 (19). С. 66–83.
35. Матвеева Т.И. К проблеме методологии юрислингвистической экспертизы: атрибуция стилистической принадлежности и жанровой разновидности как помочь при выборе методов исследования конфликтного текста // Вестник Восточной экономико-юридической гуманитарной академии. 2014. № 5 (73). С. 158–164.
36. Бесемерес М. Разные языки, разные эмоции?: Взгляд через призму автобиографической литературы // Жанры речи. Саратов, 2009. Вып. 6: Жанр и язык. С. 208–230.
37. Богданова Л.И. Оценки и ценности в зеркале словарей русского языка // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21, № 4. С. 729–748.
38. Желнов В.М. Семантический универсализм и культурный релятивизм: к проблеме онтологии языка // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2016. № 5. С. 39–44.
39. Блох М.Я., Симонов К.И. Тематический аспект диктумы в свете теории естественного семантического метаязыка // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2014. № 8. С. 189–199.
40. Егидес А.П. Лабиринты общения: как научиться ладить с людьми. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2002. 368 с.
41. Апресян Ю.Д. О творчестве Анны Вежбицкой // Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты / сост. А. Д. Кошелев. М., 2011. С. 10–14.
42. Серио П. Оксюморон или недопонимание?: Универсалистский релятивизм универсального естественного семантического метаязыка Анны Вежбицкой // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 30–40.
43. Pavlova A.N., Bezrodnyi M.V. How to catch a unicorn? The image of the Russian language from Lomonosov to Wierzbicka // Toronto Slavic Quarterly. 2010. № 32. Р. 71–95.
44. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация в русской национально-речевой культуре // Russian Journal of Linguistics. 2018. Т. 22, № 4: Культурная семантика и pragmatika: к юбилею Анны Вежбицкой. С. 919–944. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-919-944
45. Дементьев В.В. Концепция косвенности А. Вежбицкой и изучение косвенных речевых жанров в разных культурах // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / под ред. Г.Н. Манаенко. Ставрополь, 2019. Вып. 17. С. 32–63.
46. Дементьев В.В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и pragmatike. М. : Глобал Ком, 2013. 338 с. (Studia philologica).
47. Shannon C., Weaver W. The Matematical Theory of Communication. Urbana : University of Illinois Press, 1949. 125 p.
48. Дементьев В.В. Основы теории непрямой коммуникации : дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2001. 428 с.
49. Grice H.P. Logic and conversation // Syntax and Semantics. NY., 1975. Vol. 3. 200 p.
50. Schiffрин D. Approaches to Discourse. Oxford ; Cambridge : Blackwell, 1994. 470 p.
51. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М. : Гнозис, 2003. 280 с.
52. Соломоник А. Семиотика и лингвистика. М. : Молодая гвардия, 1995. 352 с.
53. Wierzbicka A. Human emotions: universal or culture-specific? // American anthropologist. 1986. Vol. 88, № 3. P. 584–594.
54. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М. : Прогресс, 1974. 448 с.

References

1. Wierzbicka, A. (1983) Vvedeniye k knige "Semanticheskiye primitivy" [Introduction to the book "Semantic Primitives"]. *Semiotika* [Semiotics]. Moscow: Raduga. pp. 225–252.
2. Wierzbicka, A. (1985) Rechevyye akty [Speech acts]. In: *Novoye v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Issue. 16. Moscow: Progress. pp. 251–275.
3. Wierzbicka, A. (1990) Kul'turno-obuslovlennyye stsenarii i ikh kognitivnyy status [Culturally conditioned scenarios and their cognitive status]. In: Frumkina, R.M. (ed.) *Yazyk i struktura znaniya. Otv.red. P.M. Frumkina* [Language and structure of knowledge]. Moscow: Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences. pp. 45–73.
4. Wierzbicka A. (1996) *Yazyk. Kultura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow.
5. Wierzbicka, A. (1997) Rechevye zhanry [Speech genres]. In: Goldin, V.E. (ed.) *Zhanry rechi* [Speech genres]. Is. 1. Saratov. pp. 99–111.
6. Wierzbicka, A. (1999) *Semanticheskie universalii i opisanie yazykov* [Semantic Universals and description languages]. Moscow.
7. Wierzbicka, A. (1999) Kul'turno-obuslovlennyye stsenarii: novyy podkhod k izucheniyu mezhkul'turnoy kommunikatsii [Culturally conditioned scenarios: a new approach to the study of intercultural communication]. In: *Zhanry rechi* [Speech genres]. Issue 2 Saratov: Kolledzh. pp. 112–133.
8. Wierzbicka, A. (2001) *Ponimaniye kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding cultures through key words]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
9. Wierzbicka, A. (2001) *Sopostavlenie kul'tur cherez posredstvo leksiки i pragmatiki* [Comparison of cultures through the medium of language and pragmatics]. Moscow.
10. Wierzbicka, A. (2002) Russkiye kul'turnyye skripty i ikh otrazheniye v yazyke [Russian cultural scripts and their reflection in the language]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2 (4). pp. 6–34.
11. Wierzbicka, A. (2003) Kul'turnaya obuslovленnost' kategoriy "pryamota" vs. "nepryamota" [Cultural conditionality of the categories of "directness" vs. "indirectness"]. In: *Pryamaya i nepryamaya kommunikatsiya* [Direct and indirect communication]. Saratov: Kolledzh. pp. 136–159.
12. Wierzbicka, A. (2005) Universal'nyye semanticheskiye primitivy kak klyuch k leksicheskoy semantike (sfera emotsiy) [Universal semantic primitives as a key to lexical semantics (sphere of emotions)]. In: *Zhanry rechi* [Speech genres]. Issue 4. Saratov: Nauka. pp. 156–182.
13. Wierzbicka, A., Goddard, K. (2002) Diskurs i kul'tura [Discourse and Culture]. In: *Zhanry rechi* [Speech genres]. Iss. 3. Saratov: Kolledzh. pp. 118–156.
14. Wierzbicka, A. (1969) Dociekania semantyczne (раздел "Problemy ekspresji. Ich miejsce w teorii semantycznej"). *Z Dziejów Form Artystycznych w Literaturze Polskiej*. T. XVII. Wrocław – Warszawa – Kraków. S. 33–61.
15. Wierzbicka, A. (1972) *Semantic primitives*. Frankfurt/M.: Athenäum-Verl.
16. Wierzbicka, A. (1991) *Cross-Cultural Pragmatics: The semantics of human interaction*. Berlin: Mouton de Gruyter, Incorporated.
17. Wierzbicka, A. (1987) *English Speech Act Verbs: A semantic dictionary*. Sydney: Academic Press.
18. Wierzbicka, A. (2005) In defense of 'culture'. *Theory and Psychology. Special issue on 'culture'* edited by H.J. Stam. 15 (4). pp. 575–597.
19. Apresyan, Yu. D. (2011) O tvorchestve Anny Wierzbickoy [On the works of Anna Wierzbicka]. In: Wierzbicka, A. *Semanticheskiye universalii i bazisnyye kontsepty* [Semantic universals and basic concepts]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. pp. 10–14.
20. Shmelev, A.D. (2001) Mogut li slova yazyka byt' klyuchom k ponimaniyu kul'tury? [Can Words of Language Be the Key to Understanding Culture?]. In: Wierzbicka, A.

- Sopostavleniye kul'tur cherez posredstvo leksiki i pragmatiki* [Comparison of Cultures through Lexicon and Pragmatics]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. pp. 7–11.
21. Shmelev, A.D. (2001) *Vzaimodeystviye yazyka i kul'tury: ot slovarya do yazykovogo oblika moral'no-religioznoy propovedi* [Interaction of Language and Culture: From Dictionary to the Linguistic Image of Moral and Religious Sermons]. In: Wierzbicka, A. *Sopostavleniye kul'tur cherez posredstvo leksiki i pragmatiki* [Comparison of Cultures through Lexicon and Pragmatics]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. pp. 9–13.
22. Bartmiński, J. (2018) In the Circle of Inspiration of Anna Wierzbicka: The Cognitive Definition – 30 Years Later. *Russian Journal of Linguistics*. 22 (4). pp. 749–769.
23. Zalizniak, Anna A. (2018) The Catalogue of Semantic Shifts: 20 Years Later. *Russian Journal of Linguistics*. 22 (4). pp. 770–787.
24. Gladkova, A.N., Larina, T.V. (2018) Anna Wierzbicka, Words and the World. *Russian Journal of Linguistics*. No. 22 (3). pp. 499–520.
25. Mel'čuk, I.A. (2018) Anna Wierzbicka, Semantic Decomposition, and the Meaning-Text Approach. *Russian Journal of Linguistics*. 22 (3). pp. 521–538.
26. Ionova, S.V. & Shakhovsky, V.I. (2018) Prospektiya lingvokul'turologicheskoy teorii emotsiy Anny Wierzbickoy [Prospection of the linguacultural theory of emotions by Anna Wierzbicka]. *Russian Journal of Linguistics*. 22 (4). pp. 966–987.
27. Lobkovskaya, L.P. (2012) Problema poiska universal'nogo semanticheskogo metayazyka [The Problem of Searching for a Universal Semantic Metalanguage]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i ikusstvovedenie*. 3 (105). pp. 129–132.
28. Ryabova, M.Yu. (2010) Natsional'nyy yazyk i kul'tura kak ob'yekty lingvokul'turologii [National language and culture as objects of linguocultural studies]. *Sibirski filologicheskiy zhurnal*. 2. pp. 197–205.
29. Koshelev, A.D. (2008) Ob osnovnykh paradigmakh izucheniya yestestvennogo yazyka v svete sovremennykh dannykh kognitivnoy psikhologii [On the main paradigms of studying natural language in light of modern data of cognitive psychology]. *Voprosy yazykoznaniya*. 4. pp. 15–40.
30. Urazaev, M.D. (2020) Obzor osnovnykh metodov leksicheskoy tipologii [Review of the main methods of lexical typology]. In: Kasymova, O.P. (ed.) *Sovremennyye lingvisticheskiye paradigmny: traditsii i novatsii* [Modern linguistic paradigms: traditions and innovations]. Ufa. pp. 288–295.
31. Zimmerling, A., Lyutikova, E. (2023) Constructions and linguistic typology. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 6 (2). pp. 13–30.
32. Mashkaryova, E., Ahramovich, M. (2019) Developing intercultural awareness in foreign language teaching [Developing Intercultural Awareness in Foreign Language Teaching]. *Lingvokul'turnoye obrazovaniye v sisteme vuzovskoy podgotovki spetsialista*. 1: 4 (12). pp. 30–35.
33. Pozdnyakov, M.N. & Zimin, A.V. (2021) [Linguocultural approach in training students majoring in history in higher education]. *Lichnostnoye i professional'noye razvitiye budushchego spetsialista* [Personal and professional development of the future specialist]. Proceedings of the XVII International scientific and practical Internet conference. Tambov. pp. 85–91. (In Russian).
34. Zverev, A.G. (2019) Lingvisticheskiye universalii v tekste zakona (na primere angliyskogo, frantsuzskogo i russkogo yazykov) [Linguistic universals in the text of the law (on the example of English, French and Russian languages)]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya. Humanitates*. 5:3 (19). pp. 66–83.
35. Matveeva, T.I. (2014) K probleme metodologii yurislingvisticheskoy ekspertizy: atributsiya stilisticheskoy prinadlezhnosti i zhanrovoy raznovidnosti kak pomoshch' pri vybere metodov issledovaniya konfliktnogo teksta [On the problem of methodology of legal linguistic

examination: attribution of stylistic affiliation and genre variety as an aid in choosing methods for studying a conflict text]. *Vestnik VEGU*. 5 (73). pp. 158–164.

36. Besemer, M. (2009) Raznyye yazyki, raznyye emotsi? Vzglyad cherez prizmu avtobiograficheskoy literature [Different Languages, Different Emotions? Perspectives from autobiographical literature]. In: Dementyev, V.V. (ed.) *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres]. Issue 6. Saratov: Nauka. pp. 208–230.

37. Bogdanova, L.I. (2017) Otsenki i tsennosti v zerkale slovarey russkogo yazyka [Assessments and Values in the Mirror of Russian Language Dictionaries]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika*. 21 (4). pp. 729–748.

38. Zhelnov, V.M. (2016) Semanticcheskiy universalizm i kul'turnyy relyativizm: k probleme ontologii yazyka [Semantic universalism and cultural relativism: on the problem of language ontology]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya*. 5. pp. 39–44.

39. Blokh, M.Ya., Simonov, K.I. (2014) Tematicheskiy aspekt diktemy v svete teorii yestestvennogo semanticheskogo metayazyka [Thematic aspect of dicteme in light of the theory of natural semantic metalanguage]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 8. pp. 189–199.

40. Yegides, A.P. (2002) *Labirinty obshcheniya: kak nauchit'sya ladit' s lyud'mi* [Labyrinths of communication: how to learn to get along with people]. Moscow: AST-PRESS KNIGA.

41. Apresyan, Yu. D. (1994) O yazyke tolkovaniy i semanticeskikh primitivakh [On the language of interpretations and semantic primitives]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. 53 (4). pp. 27–40.

42. Sériot, P. (2011) Oksyumoron ili nedoponimaniye? Universalistskiy relyativizm universal'nogo yestestvennogo semanticheskogo metayazyka Anny Wierzbickoy [Oxymoron or Misunderstanding? Universalist Relativism of Anna Wierzbicka's Universal Natural Semantic Metalanguage]. *Politicheskaya lingvistika*. 1 (35). pp. 30–40.

43. Pavlova, A.N., Bezrodnyi, M.V. (2010) How to catch a unicorn? The image of the Russian language from Lomonosov to Wierzbicka. *Toronto Slavic Quarterly*. 32. pp. 71–95.

44. Dementyev, V.V. (2018) Indirect Communication in the Russian Speech Culture. *Russian Journal of Linguistics*. 22 (4). pp. 919–944.

45. Dementyev, V.V. (2019) Kontsepsiya kosvennosti A. Wierzbickoy i izuchenije kosvennykh rechevykh zhanrov v raznykh kul'turakh [The concept of indirectness of A. Wierzbicka and the study of indirect speech genres in different cultures]. In: Manaenko, G.N. (ed.) *Yazyk. Tekst. Diskurs: Nauchnyy al'manakh Stavropol'skogo otdeleniya RALK* [Language. Text. Discourse: Scientific almanac of the Stavropol branch of RALK]. Issue 17. Stavropol: SKFU. pp. 32–63.

46. Dementyev, V.V. (2013) *Kommunikativnye tsennosti russkoj kul'tury. Kategorija personal'nosti v leksike i pragmatike* [Communicative Values of the Russian Culture. Category of Personality in Vocabulary and Pragmatics]. Moscow.

47. Shannon, C., Weaver, W. (1949) *The Mathematical Theory of Communication*. Urbana: University of Illinois Press.

48. Dementyev, V.V. (2001) *Osnovy teorii nepryamoj kommunikatsii* [Fundamentals of the theory of indirect communication]. Philology Dr. Diss. Saratov.

49. Grice, H.P. (1975) Logic and conversation. In: Cole, P. & Morgan, J. (eds) *Syntax and Semantics*. Vol. 3. Speech Acts. NY., etc.

50. Schiffrin, D. (1994) *Approaches to Discourse*. Oxford; Cambridge: Blackwell.

51. Makarov, M. L. (2003) *Osnovy teorii diskursa* [Foundations of Discourse Theory]. Moscow: Gnozis.

52. Solomonik, A. (1995) *Semiotika i lingvistika* [Semiotics and Linguistics]. Moscow: Molodaya Gvardiya.

53. Wierzbicka, A. (1986) Human emotions: universal or culture-specific? *American Anthropologist*. 88 (3). pp. 584–594.

54. Benveniste, É. (1974) *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow: Progress.

Информация об авторе:

Дементьев В.В. – д-р филол. наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия). E-mail: dementevvv@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.V. Dementyev, Dr. Sci. (Philology), professor, Saratov State University (Saratov, Russian Federation). E-mail: dementevvv@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 08.08.2024;
одобрена после рецензирования 19.11.2024; принята к публикации 26.03.2025.*

*The article was submitted 08.08.2024;
approved after reviewing 19.11.2024; accepted for publication 26.03.2025.*

Научная статья
УДК 81'373
doi: 10.17223/19986645/94/6

Сопоставительный анализ концепта «колония» в дискурсивных практиках XVIII–XIX и XX–XXI вв.

Ирина Михайловна Шеина¹

¹ Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, Рязань, Россия,
i.sheina@rsu-rzn.ru

Аннотация. Цель данного исследования – выявление изменений в содержании концепта «колония» за период конца XVIII – начала XXI в. Методы исследования основаны на семантико-когнитивном подходе. На основе анализа словарных дефиниций и фрагментов дискурса были установлены отличия в содержании концепта «колония» в XVIII – первой половине XIX в. в сравнении с современными трактовками, что может быть использовано для объяснения разногласий в понимании термина «колония» представителями общественных наук.

Ключевые слова: колония, слово, концепт, концептуальный анализ, языковая картина мира, дискурс

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00043, [https://rscf.ru/project/22-18-00043/»](https://rscf.ru/project/22-18-00043/) в Институте всеобщей истории РАН.

Для цитирования: Шеина И.М. Сопоставительный анализ концепта «колония» в дискурсивных практиках в XVIII–XIX и XX–XXI вв. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 94. С. 108–121. doi: 10.17223/19986645/94/6

Original article
doi: 10.17223/19986645/94/6

A comparative analysis of the concept "colony" in discursive practices of the 18th–19th and 20th–21st centuries

Irina M. Sheina¹

¹ Ryazan State University, Ryazan, Russian Federation, *i.sheina@rsu-rzn.ru*

Abstract. The article studies the changes in the concept "colony" during the 18th–21st centuries revealing its most essential features registered in dictionaries and manifested in discursive practices. The author uses the conceptual analysis procedure, which includes analysis of dictionary definitions, typical contexts and fragments of discourse. The analysis of definitions taken from modern Russian dictionaries enables us to describe the content of the concept "colony" in the following way: a space (territory) which has a size, is a part of a whole, is governed on the basis of subjection. Contexts from the Russian National Corpus show more features of the concept and help to specify its content: a space (territory), which has a size, is a part of a whole, belongs

to the subject, is governed on the basis of subjection with violence, has its beginning and its end, changes during this period of time and can be given assessment. The historical analysis shows that the word "colony" had a different meaning in the Russian language. The content of the corresponding concept in the 19th century can be described as follows: a group of people that have changed their place of living having moved to another place and that are different from the people that have lived in this other place before. The contextual analysis of this lexical unit in documents of the first half of the 19th century helped to specify the content of the concept: a group of people that have changed their place of living having moved to another place, that are different from the people that have lived in this other place before and that are governed by the subject who owns this place. This leads to the conclusion that the concept "colony" expanded its meaning in the 20th century owing to the shift of the focus: from "people" to "space". In the 18th century the word "colony" is not often used in documents. Referring to territories belonging to Russia or other countries, the authors of the documents use the word "possession". The analysis of dictionary definitions and the contextual analysis revealed features common with the modern concept "colony": "belonging", "place", "size", "subjection", "assessment". Another word which is used in documents of the 18th century and which denotes Russian territories is "settlement". It shares some common features with the word "colony" in its 19th century meaning: "people", "place", "live", "belonging", "subjection". The semantic and cognitive study of the concept "colony" in the historical perspective and in comparison with related concepts "possession" and "settlement" in documents of the 18th – the first half of the 19th centuries shows the process of its restructuring in the Russian linguistic picture of the world.

Keywords: colony, word, concept, conceptual analysis, linguistic picture of world, discourse

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-18-00043, <https://rscf.ru/project/22-18-00043/>, and carried out at the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Sheina, I.M. (2025) A comparative analysis of the concept "colony" in discursive practices of the 18th–19th and 20th–21st centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 94. pp. 108–121. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/94/6

Введение

В последние десятилетия дискуссия по поводу трактовки понятий «колония», «колонизация», «империя» приобрела особую актуальность [1–3]. В данной статье предпринята попытка рассмотреть концепт «колония», с одной стороны, как содержание соответствующего термина общественно-политических наук, а с другой – как единицу коллективного сознания с целью выявления его существенных признаков, объективированных в словарных дефинициях и реализуемых в дискурсивных практиках в диахроническом аспекте. Как представляется, это не только расширит наше понимание различных подходов к толкованию слова «колония» в русской языковой картине мира в разное время, но и раскроет процесс изменения значения этой лексической единицы и содержание соответствующего концепта.

В рамках статьи не представляется возможным рассмотреть все существующие подходы к определению концепта [4–6], но на их основании

можно предложить следующую трактовку. Термин «концепт» понимается в настоящей работе как «единица познания, представляющая собой ментальную структуру, зафиксированную коллективным опытом, в которую входят: сумма основных характеристик референта, оценка этих характеристик (признаков), а также сумма отношений к референту со стороны познающего субъекта» [7. С. 15]. Анализ подходов к определению содержания и структуры концепта позволяет сделать вывод о его многослойности, обусловленности коллективной картиной мира, способности взаимодействовать с другими концептами на основании логических и ассоциативных связей.

Для выявления особенностей реализации признаков концепта «колония» в дискурсе ХХ–XXI вв. были выбраны фрагменты статей из газет, журналов и интернет-ресурсов, содержащие контексты употребления слова «колония». Материалом для изучения актуализации признаков данного концепта в дискурсе XVIII–XIX вв. послужили контексты, отобранные из исторических документов той эпохи. Несмотря на ограниченность данных контекстов, мы рассматриваем их в дискурсивном аспекте, так как и публицистический, и официально-деловой типы дискурса наиболее явно проявляют те его свойства, на которые указывает Е.С. Кубрякова, определяющая дискурс как форму использования языка, «которая отражает определенный тип социальной активности человека, создается в целях конструирования особого мира (или его образа) с помощью его детального языкового описания и является в целом частью процесса коммуникации между людьми, характеризуемого, как и каждый акт коммуникации, участниками коммуникации, условиями ее осуществления и целями» [4. С. 525].

Концепт «колония» рассматривается в сопоставлении со смежными и частично заменяющими его концептами «владение» и «поселение», что дает возможность проследить процесс актуализации его содержания на протяжении конца XVIII – начала XXI в.

Методы исследования

Анализ концептов, предпринятый в данной работе, базируется на семантико-когнитивном подходе и предполагает «исследование лексической семантики как средства доступа к содержанию концепта» [8. С. 96]. Для этих целей используется концептуальный анализ, предусматривающий выявление основных характеристик через словарные толкования, контекстуальные употребления слова и фрагменты высказываний, результатом чего является создание модели концептуального пространства «колония» в динамике его изменения.

Процедура исследования состоит из следующих этапов:

1. Ступенчатый анализ словарных дефиниций, который заключается в установлении основных семантических признаков значения слова по словарной статье и далее в уточнении значений слов, вербализующих эти признаки, соответственно, по их словарным дефинициям. В итоге, как будет показано ниже, получается уточненный набор признаков.

2. Описание содержания концепта, составленное на основе выделенных признаков и упорядочивающее его структуру на уровне семантического синтаксиса, т.е. с помощью глубинных правил, показывающих соотношение признаков в концептуальной структуре.

3. Контекстуальный анализ для выявления признаков, попадающих в фокус внимания в контексте употребления соответствующей лексической единицы. На основе реализации признаков концепта в дискурсе выявляются скрытые характеристики, уточняются структура и отношение к содержанию концепта со стороны авторов дискурса.

Содержание концепта «колония» в русской языковой картине мира в XX и XXI вв.

Для анализа современных толкований слова «колония» были выбраны «Новый словарь русского языка» Т.Ф. Ефремовой, отражающий лексический состав русского языка на рубеже XX–XXI вв. [9], и «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [10]. Последний был выбран в силу краткости толкования значений, что делает ступенчатый анализ более экономным. Хотя он был впервые создан в середине XX в., в конце столетия он перерабатывался и дополнялся.

Толковые словари современного русского языка представляют следующие дефиниции термина «колония» в том значении, в котором он нас интересует.

По словарю Т.Ф. Ефремовой: «Страна или территория, находящаяся под властью иностранного государства (метрополии), лишенная политической и экономической самостоятельности и управляемая на основе специального режима» [9].

По словарю С.И. Ожегова: «Страна, лишенная самостоятельности, находящаяся под властью иностранного государства (метрополии)» [10].

Продемонстрируем процедуру ступенчатого анализа на примере определения из словаря С.И. Ожегова.

В словарной статье содержится слово «страна». Рассмотрим его определение: «территория, имеющая собственное государственное управление или управляемая другим государством» [10]. Слово «территория», в свою очередь, определяется как «ограниченное земельное пространство». На основе трансформаций отбираем для конечного списка два признака: «пространство» и «размер» (на основе признака «ограниченный»).

Следующий признак, присутствующий в словарном определении слова «колония», отсутствие самостоятельности, т.е. «— самостоятельность». Определение слова «самостоятельность» в словарях отсутствует, приводится ссылка на прилагательное «самостоятельный», которое определяется как «существующий отдельно от других, независимый» [10], таким образом, «лишенный самостоятельности» можно трактовать как «существующий как часть другого». На концептуальном уровне этот признак можно представить как «часть целого».

Также со знаком «↔» следует рассмотреть признак «независимый», т.е. выявить семантические компоненты в значении слова «зависимый»: «находящийся в подчиненном положении» [10]. Ключевой признак здесь – «подчинение».

Еще один признак, нуждающийся в уточнении, – « власть ». Из нескольких значений в словаре С.И. Ожегова выбираем то, которое связано с концептом «колония»: «политическое господство, государственное управление и его органы» [10]. Ключевой признак в этом определении – «управление», но, как представляется, он может быть объединен с признаком «подчинение», т.е. для конечного набора предлагается признак «управление на основе подчинения».

Таким образом, анализ словарных дефиниций дал возможность получить следующий набор признаков концепта «колония»: «пространство (территория)», «часть целого», «управление на основе подчинения».

Содержание концепта «колония» на этом этапе может выглядеть следующим образом: пространство (территория), имеющее размер, являющееся частью целого, управляемое на основе подчинения.

Анализ реализации признаков концепта в дискурсе проводился на основе Национального корпуса русского языка [11]. Были использованы основной и газетный (центральные СМИ) корпуса. В основном корпусе обнаружено 797 контекстов употребления слова «колония», из них было отобрано 266 контекстов. В газетном корпусе при наличии 1728 контекстов только в 155 эта лексическая единица употребляется в интересующем нас значении.

Исследование показало, что в дискурсивных практиках концепт «колония» реализует большее число признаков. При этом довольно часто в одном контексте проявляется более одного признака, поэтому количество случаев реализации признака, указанное ниже, не совпадает с количеством контекстов.

Во-первых, «колония» представлена как существующая во времени и пространстве. У нее есть начало и конец существования (86 случаев):

«Ни одна колония не протянула больше пяти лет» (Мария Галина. Куриный Бог. 2013).

Что касается признака «пространство», он детализируется в двух более конкретных признаках: «местоположение» (106 случаев) и «размер» (10 случаев):

«Колония Верхняя Вольта была создана Францией в 1919 году из территорий, входивших в состав других колоний – Берега Слоновой Кости, Верхнего Сенегала и Нигера» (А. Алексеев. Верхняя Вольта без ракет // Коммерсант. 08.08.2020).

«Область Западная Сахара – бывшая испанская колония – была в 1975 году аннексирована Марокко, что спровоцировало многолетнюю войну между правительственными войсками и сепаратистами» (Марокканский McDonald's извинился за неполиткорректную карту // Lenta.ru. 02.12.2008).

«Английская колония Гонконг, расположенная на юго-востоке Китая, существует с середины XIX века» (Ваши вопросы от 31.12.1984 // Аргументы и факты. 1985.01.01).

В современном публицистическом дискурсе также представлен признак «принадлежность» – колония обычно «чья-то» (172 случая):

«Это привело испанских кораблестроителей к необходимости строить поистине гигантские корабли, которым под силу было за один приём захватить с собой все ценности, что колония короны скопила за целый год» (Ренат Темиргалиев. Сокровища под парусами // Зеркало мира. 2012).

Субъект, которому принадлежит колония, осуществляет управление колонией на основе подчинения (19 случаев) и часто насилия (12 случаев):

«Чувствуется жестокое угнетение местного населения колонизаторами. Страна Алжир – колония буржуазной Франции» (В.В. Илюков. Дневник. 1955).

Анализ контекстов также выявляет признак «оценка» (11 случаев): «Колония Нового Света становилась одной из самых богатых в Британской империи» (В. Песков, Б. Стрельников. Земля за океаном. 1977).

Таким образом, анализ словоупотреблений концепта «колония» в дискурсивных практиках XX–XXI вв. позволил установить целый ряд дополнительных концептуальных признаков, не отмеченных в словарях. Окончательный набор признаков выглядит следующим образом: «время (начало и конец)», «пространство (местоположение и размер)», «часть целого», «изменение» (как положительное, так и отрицательное), «принадлежность», «подчинение (как форма управления)», «насилие», «оценка (положительная и отрицательная)». Соответственно уточняется содержание концепта: пространство (территория), имеющее размер, являющееся частью целого на основе принадлежности, управляемое субъектом на основе подчинения с применением насилия, существование которого имеет начало и конец, изменяющееся в этот период и оцениваемое негативно или положительно.

Содержание концепта «колония» в XVIII – первой половине XIX в.

Исторический анализ показывает, что в XIX в. значение слова «колония» трактовалось иначе. Словарь В.И. Даля, представляющий лексический состав русского языка в середине XIX в., определяет «колонию» как «население иноземцев, поселок выходцев, переселенцы из другой земли» [12]. Если мы сопоставим это определение с современным пониманием, зафиксированным в толковых словарях и дискурсе, то увидим, что в определении В.И. Даля центральным признаком является признак «люди». Проведем анализ этого определения по вышеописанной процедуре:

- население: место, люди;
- поселок: место, люди, размер (небольшой);
- иноземцы: люди, иной;
- переселенцы: люди, движение, новое место.

Содержание концепта «колония» в XIX в. на основе словарной дефиниции можно сформулировать следующим образом: группа людей, изменивших свое местопребывание в результате движения, иных по сравнению с

людьми, которые живут на этом месте. Рассмотрим некоторые контексты, содержащиеся в исторических документах начала XIX в.

В донесении правителя Ново-Архангельской конторы РАК К.Т. Хлебникова главному правителью Российских колоний в Америке М.И. Муравьеву «О обозрении дел по крепости и заселения в Россе» [13] и в «Записках о колонии Росс» Дмитрия Завалишина [14] часто проявляется признак «люди», что соответствует определению слова «колония» в словаре В.И. Даля.

«Небольшое число людей надобно для поселения, чтоб достаточно было прокормить наши колонии и удовлетворить еще и другим надобностям...» [14. С. 556].

Очевидно, что «прокормить» необходимо людей, а не территории.

Еще один признак, присутствующий в словарном определении и реализуемый в исторических документах того времени, – это признак «место»: «Компания, можно так сказать, существует колониями северо-западных берегов и островов, во ее владении находящихся, для удержания коих и по другим всем известным причинам она должна там иметь русских» [13. С. 557].

Вместе с тем в исторических документах XVIII–XIX вв. концепт «колония» начинает проявлять и другие признаки, присущие современному пониманию. Например, признак «принадлежность»: «Но для сего необходимо, чтобы Компания имела совершенную уверенность в прочном обладании сею колонией» [13. С. 365].

В исследованных контекстах также реализуется признак «управление», что подразумевает «подчинение»: «Таким образом, населенная и под хорошим управлением состоящая колония в Новом Альбиона могла бы снабжать как все остальные колонии, так и приходящие суда съестными припасами с избытком» [13. С. 559].

Содержание концепта «колония» в языковой картине мира XIX в. может уточняться на основе анализа контекстов: группа людей, изменивших свое местопребывание и занявших территорию, населенную до этого другими людьми и подчиненных власти обладавшего этой территорией субъекта.

Следует отметить, что и в современной русской языковой картине мира концепт «колония» сохранил эти признаки, они отмечены в одном из значений соответствующего слова в словарях [9, 10]. Вместе с тем концепт «колония» менялся в процессе развития языка, отражая изменения в коллективной картине мира: в XX в. структура концепта значительно расширилась и произошел сдвиг фокуса внимания: центральным признаком стала не «группа людей», а «территория».

Содержание концепта «колония» в исторических документах XVIII – начала XIX в.

Как показал анализ документов XVIII – начала XIX в., слово «колония» достаточно редко используется для обозначения российских территорий за

океаном, по-видимому, в связи с особенностями содержания соответствующего концепта в данный период. В сборнике документов «Исследования русских на Тихом океане» на 318 страницах слово «колония» встречается только один раз: «...обыщу выгодные какие вновь места к заселению полезныя и тут, поселяя диких народов, заведу и устрою выгодную для государства и компании колонию...» (Документ: 1790 г. августа 15. Из договора между Г.И. Шелиховым и каргопольским купцом А.А. Барановым об условиях сотрудничества в Северо-восточной американской компании [14. С. 279]).

Наиболее часто используется слово «владение», в словарных дефинициях которого как в современных словарях, так и в словаре В.И. Даля можно проследить признаки «принадлежность» и «подчинение» [12], содержание данного концепта по дефинициям может быть представлено следующим образом: объект, принадлежащий субъекту и находящийся у него в подчинении.

Но в контекстах документов второй половины XVIII – начала XIX в. у него проявляется ряд признаков, присущих современному содержанию концепта «колония», а именно: «принадлежность», «местоположение», «размер», «подчинение», «оценка». Приведем примеры.

Признак «принадлежность»: 1786 г. декабря 22. Указ Екатерины II Адмиралтейств-коллегии об отправке эскадры в Тихий океан для охраны российских владений [14. С. 232].

Признак «местоположение» (и признак «принадлежность»): «От сего места можете вы следовать вдоль простирающагося американского берега до открытой части российскими капитанами Чириковым и Берингом, и оной берег от гавани Нутки до начального пункта открытия Чирикова взять во владение Российского государства, если онъй прежде никакою державою не занят (1787 г. не ранее апреля 17. Из наставления Адмиралтейств-коллегии начальнику первой кругосветной экспедиции капитану 1-го ранга Г.И. Муловскому о ее задачах)» [14. С. 238].

Признак «размер»: «По счастливой случайности я встретился в Петропавловске с г-ном Козловым-Угриным, охотским губернатором, совершившим обезд необъятных владений, включающих и полуостров Камчатку» (1787 г. сентября 23. Письмо начальника кругосветной экспедиции капитана Ж.-Ф. Лаперуза послу Франции при русском дворе графу Л.Ф. де Сегюру о посещении Петропавловской гавани) [14. С. 245].

Признак «оценка (положительная)»: Наконец, осмеливаюсь представить на высочайшее благоразмотрение и тот доныне нам неизвестной путь, без открытия коего российский владения на Тихом море не могут столько приносить пользы, сколько бы оныя в самом деле приносить должныствовали (1791 г. февраля 26. Письмо естествоиспытателя и путешественника К.Г. Лаксмана А.Р. Воронцову об оказании помощи японцам, потерпевшим кораблекрушение у о-ва Амчитка и возможностях установления торговых отношений с Японией) [14. С. 285].

Признак «подчинение»: «Приискав же таковое место, утвердить оное для селения таким образом, чтоб первый ваш там шаг со всеми людьми, житель-

ствовать в том селении должностными, так, как и вся окрестная земля, были означенованы именем императорского величества, самодержицы всероссийской порядочным и вооруженным шествием, при выстрелах из орудиев и при громком гласе всех присудствующих с вами, что сея земля суть владения Российской империи (1794 г. августа 9. Из письма Г.И. Шелихова правителю Северо-восточной компании А.А. Баранову о программе освоения Аляски, образовании Северной американской компании и намерении «завести помаленьку Русь» на о-ве Уруп)» [14. С. 323].

Контекстуальный анализ расширяет содержание концепта «владение» применительно к языковой картине мира XIX в.: объект, принадлежащий субъекту, подчиненный ему, имеющий местоположение и размер, оцениваемый положительно или отрицательно.

В документах того времени употребляется еще одна лексическая единица, которая по своим семантическим признакам пересекается с семантической структурой слова «колония» в том значении, в котором его определяет В.И. Даля [12]. Это слово «поселение», в семантической структуре которого присутствуют признаки: «место», «люди», «жить», о чем свидетельствуют следующие словарные дефиниции.

«Населенный пункт, а также вообще место, где кто-н. живет, обитает» [10].

«Заселенное место, жилое, где поселены люди» [12].

Таким образом, содержание концепта «поселение» на основе дефиниций: место, где живут люди.

Анализ контекстов употребления данной лексической единицы в документах XVIII–XIX вв. подтверждает наличие вышеуказанных признаков и раскрывает некоторые дополнительные признаки.

«Отправила на Кадьяк и на Зубовы острова 2 судна с свежими людьми, товарами, а для поселения – скотом, семянным хлебом и прочими потребностями, прибавя по требованию духовной миссии походную церковь» (1798 г. после октября 7*. Записка Н.А. Шелиховой «Объяснение в успехах Американской компании») [14. С. 343].

В данном контексте реализуется признак «люди» (потребности есть у людей), что соответствует определению.

В целом ряде документов содержатся контексты, указывающие на признак «время» (начало существования): «основать поселение», « заводить поселения», «устраивать поселения», «первые русские поселения».

В следующем контексте реализуется признак «местоположение»: «Я буду наблюдать тот же порядок, в каковом вышепомянутое повеление его высокопревосходительства расположено; в 1-м пункте предписывается мне назначить место к поселению и произвесть строение крепосцы. Противу сего объясню я вам то мое мнение, с коим я представлял правительству о заведении кораблестроения и хлебопашества за мысом Св. Илии» (1794 г. августа 9. Из письма Г.И. Шелихова правителю Северо-восточной компании А.А. Баранову о программе освоения Аляски, образовании Северной американской компании) [14. С. 322].

Что касается признака «жить», представленного в словарной дефиниции, то при ступенчатом анализе определений соответствующего слова по толковым словарям русского языка обнаруживается признак «деятельность», который проявляется во многих контекстах, связанных со словом «поселение»: Таковое же поселение, хлебопашество и компанейское заселение завел он и на 18-м Курильском острову, недалеком от Японии, дабы по времени и с сею страною завести торговую свясь. Таковую же компанию в особливом отряде, состоящем в 200 человеках, учредил он на северных Алеутских, Зубовых, островах для промыслу морских котов и моржевой кости, зделав гоубт-квартиру сей компании на острове Уналашке (1798 г. после октября 7. Записка Н.А. Шелиховой «Объяснение в успехах Американской компании») [14. С. 342].

Контекстуальный анализ позволяет составить следующее описание содержания концепта: место, где живут люди, существующее во времени и пространстве, принадлежащее субъекту и управляемое на основе подчинения.

Сопоставление содержания концепта «колония» в его развитии с двумя другими представлено в таблице.

Сопоставление показывает, что концепт «владение» имеет несколько общих признаков с современным концептом «колония»: «местоположение», «размер», «принадлежность», «подчинение», в то время как содержание концепта «колония» в XIX в. имеет больше общих признаков с концептом «поселение»: «люди», «местоположение», «жить». При этом в исторических документах конца XVIII – начала XIX в. концепт «поселение» обнаруживает и некоторые признаки современного концепта «колония»: «принадлежность», «подчинение».

Сопоставление содержания концептов в концептуальном пространстве «колония»

Колония (XX–XXI вв.)	Колония (XIX в.)	Владение (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.)	Поселение (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.)
Пространство (территория), имеющее размер, являющееся частью целого на основе принадлежности, управляемое субъектом на основе подчинения с применением насилия, существование которого имеет начало и конец, изменяющееся в этот период и оцениваемое негативно или положительно	Группа людей, изменивших свое место-пребывание в результате движения, являющихся иными по сравнению с людьми, которые жили на этом месте, управляемые обладавшим данным местом субъектом	Объект, принадлежащий субъекту, подчиненный ему, имеющий местоположение и размер, оцениваемый положительно или отрицательно	Место, где живут люди, существующее во времени и принадлежащее субъекту

Следует отметить, что хотя тема насилия поднимается в ряде документов XVIII – начала XIX в., обычно с указанием на его запрет: «...а с теми народами ласковую обходительность, не чиня им не только никакого насилия, но и ни малейшей обиды и огорчения под смертною казнию» (1777 г. сентября 2. Промемория канцелярии Охотского порта в Большерецкую канцелярию о предстоящем плавании бригантины «Св. Наталия» П.С. Лебедева-Ласточкина на дальние Курильские острова) [14. С. 156], признак «насилие» в словарных определениях и контекстах, непосредственно окружающих слова «владение», «поселение» или «колония», не реализуется, следовательно, он закрепился в содержании концепта «колония» позже интересующего нас периода.

На основе проведенного анализа можно построить модель концептуального пространства, отражающую эксплицитно изменение содержания концепта «колония» в диахроническом аспекте и во взаимоотношениях с частично заменяющими его концептами (рис. 1).

Заключение

Семантико-когнитивное исследование концепта «колония» в диахроническом аспекте (конец XVIII – начало XIX–XX в.) и в сопоставлении со смежными концептами «владение» и «поселение» в контекстах документов XVIII – начала XIX в. позволило не только раскрыть направления реструктуризации и расширения его содержания за данный период, но и наметить некоторые лингвистические факторы, повлиявшие на этот процесс.

Проанализированные концепты содержат ряд общих для всех признаков: «субъект», «принадлежность» этому субъекту, «управление, осуществляющее субъектом на основе подчинения», а также «существование в пространстве и времени». При этом главный признак концепта «колония» в XVIII – начале XIX в. – «люди» – сближает его с концептом «поселение».

В документах конца XVIII в. концепт «владение» превалирует над концептом «колония» – 47 употреблений в документах в сравнении с одним употреблением слова «колония», так как речь идет именно о территориях, подвластных Российской империи. В документах первой половины XIX в. происходит расширение концепта, появляются дополнительные признаки («принадлежность», «управление»), указывающие на начало процесса реструктуризации.

Ни один из проанализированных концептов в XVIII – начале XIX в. не содержит негативных признаков, таких как «насилие». Этот факт указывает на то, что данный признак возник в содержании концепта «колония» позже.

Сдвиг фокуса в структуре концепта «колония» также произошел позднее XVIII – начала XIX в., когда главным признаком становится признак «пространство», а не «люди». Кроме того, произошло переосмысление отношений между субъектом, которому принадлежит колония и который ею управляет: возникает признак «часть целого», который в контекстах XVIII –

начала XIX в. не реализуется или, по крайней мере, не находится в фокусе внимания.

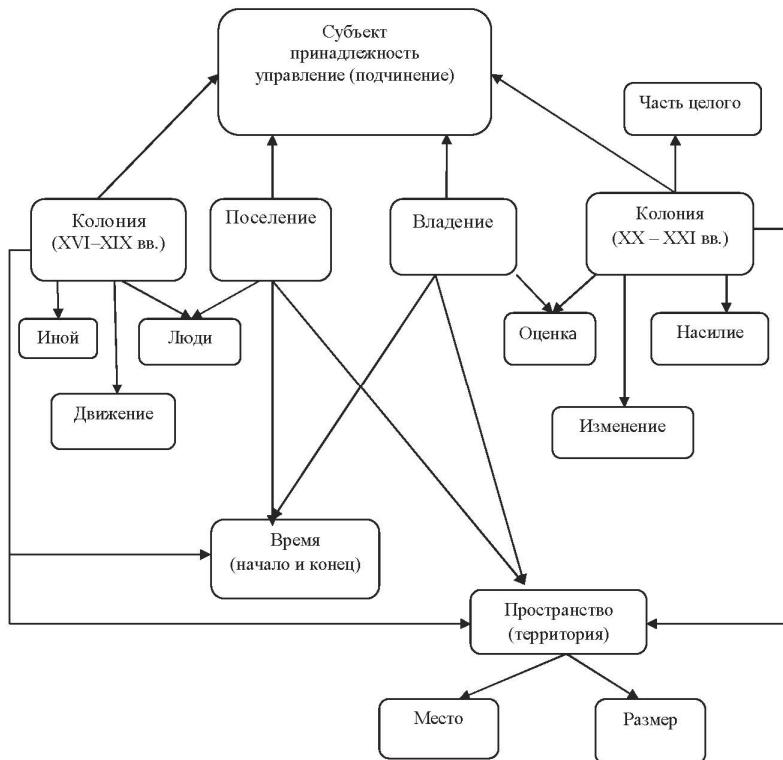

Рис. 1. Модель концептуального пространства «колония» в XVIII–XXI вв.

Изменения в значении слов, так же как и в содержании концептов, – это закономерные процессы развития языковой и концептуальной картин мира. Сдвиги в фокусе внимания в структуре концепта «колония» и, соответственно, в значении и употреблении слова «колония», которые произошли позднее первой половины XIX в., могли стать причиной разногласий в трактовке понятия «колония» представителями гуманитарных и общественных наук, наблюдавшихся в современных дискуссиях.

Список источников

1. Буряк С.О. Война, имперализм и колонии: оценки американской прессы // ЭНОЖ «История». 2019. Т. 10, вып. 6 (80). URL: <https://history.jes.su/s207987840005997-5-1/> (дата обращения: 01.07.2023).
2. Ткачев С.В. Этапы процесса колонизации // Вопросы истории. 2019. № 4. С. 20–33.
3. Рыбаковский Л.Л. Колонизация азиатской части России: особенности осуществления и geopolитические последствия // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 38–47.

4. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Языки славян. культуры, 2004. 560 с.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
6. Слышик Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. 323 с.
7. Шеина И.М. Единицы и способы языковой концептуализации в деловом письме. Рязань : Изд-во РГУ имени С.А. Есенина, 2012. 339 с.
8. Мусатеева М.Ш., Котлярова И.В. Моделирование эмоциональных концептов // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 75. С. 94–119.
9. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный : в 2 т. М. : Русский язык, 2000. 1209 с. URL: <https://www.efremova.info> (дата обращения: 10.07.2023).
10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М. : Азъ, 1994. 907 с. URL: <https://www.ozhegov.info/slovar/> (дата обращения: 10.07.2023).
11. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/?ysclid=ll0ncb89e3962167608> (дата обращения: 11.07.2023).
12. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. 2030 с. URL: <https://dal.slovaronline.com/?ysclid=ll0na4d59o681205090> (дата обращения: 12.07.2023).
13. Россия в Калифорнии: русские документы о колонии Росс и российско-калифорнийских связях, 1803–1850 / сост. и подгот. А.А. Истомин, Дж.Р. Гибсон, В.А. Тишков. М. : Наука, 2004. Т. 1. 752 с.
14. Исследования русских на Тихом океане в XVIII – первой половине XIX в. Сер. «Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в.» : сб. док. / под ред. А.Л. Нарочницкого. М. : Наука, 1989. Т. 2. 400 с.

References

1. Buranok, S.O. (2019) Voina, imperialism I kolonii: otsenki amerikanskoy pressy [War, imperialism and colonies: judgments of the American Press]. ENOZH "Istoriya". 10:6 (80). [Online] Available from: <https://history.jes.su/s207987840005997-5-1/> (Accessed: 01.07.2023).
2. Tkachev, S.V. (2019) Etapy protsessa kolonizatsii [Stages of the colonization process] *Voprosy istorii*. 4. pp. 20–33.
3. Rybakovskii, L.L. (2018) Kolonizatsiya aziatskoy chasti Rossii: osobennosti osutschestvleniya i geopoliticheskiye posledstviya [Colonization of the Asian part of Russia: specific features and geopolitical consequences]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya – Sociological Studies*. 8. pp. 38–47. (In Russian)
4. Kubryakova, E.S. (2004) *Yazyk i znaniye: na puti polucheniya znanii o yazyke: chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznaniyu mira* [Language and knowledge: on the way of getting knowledge about language: parts of speech from the cognitive point of view. The role of language in cognizing the world]. Moscow: Yazyki russkoy kultury.
5. Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoykrug: lichnost', kontsepty, disrurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Volgograd State University.
6. Slyshkin, G.G. (2004) *Lingvokulturnye kontsepty i metakontsepty* [Linguistic and cultural concepts and metaconcepts]. Philology Dr. Diss. Volgograd: Volgograd State University.

7. Sheina, I.M. (2012) *Yedinitsy i sposoby yazykovoy kontseptualizatsii v delovom pis'me* [Units and means of linguistic conceptualization in business letters]. Ryazan: Ryazan State University.
8. Musatayeva, M.Sh. & Kotlyarova, I.V. (2022) Modeling emotional concepts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 75. pp. 94–119. (In Russian).
9. Efremova, T.F. (2000) *Noviy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-obrazovatel'nyi* [New Explanatory Learner Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Russkiy Yazyk. [Online] Available from: <https://www.efremova.info> (Accessed: 10.07.2023).
10. Ohzegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1994) *Tolkovyiy slovar' russkogo yazyka* [Russian Explanatory Dictionary]. 2nd ed. Moscow: Az. [Online] Available from: <https://www.ozhegov.info/slovar/> (Accessed: 10.07.2023).
11. *Russian National Corpus*. [Online] Available from: <https://ruscorpora.ru/?ysclid=ll0ncb89e3962167608> (Accessed: 11.07.2023).
12. Dahl, V.I. (2009) *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow: OLMA Media Group. [Online] Available from: <https://dal.slovaronline.com/?ysclid=ll0na4d59o681205090> (Accessed: 12.07.2023).
13. Istomin, A.A., Gibson, G.R. & Tishkov, V.A. (eds) (2004) *Rossiya v Kalifornii: russkiye dokumenty o kolonii Ross i rossiisko-kaliforniiskikh svyazyah, 1803–1850* [Russia in California: Russian documents about the Ross colony and Russian-Californian relations, 1803–1850]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
14. Narochntskii, A.L. et al. (eds) (1989) *Issledovaniya russkikh na Tikhom okeane v XVIII – pervoi polovine XIX v. Seriya: Russkie ekspeditsii po izucheniyu severnoi chaste Tikhogo okeana vo vtoroi polovine XVIII v.* [Russian research in the Pacific Ocean in the XVIIIth– first half of the XIXth century. Series: Russian expeditions exploring the Northern part of the Pacific Ocean in the first half of the XVIIth century]. Collection of documents. Vol. 2. Moscow: Nauka.

Информация об авторе:

Шеина И.М. – канд. филол. наук, директор института иностранных языков, доцент кафедры лингвистики европейских и восточных языков Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (Рязань, Россия). E-mail: i.sheina@rsu-rzn.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.M. Sheina, Cand. Sci. (Philology), director of the Institute of Foreign Languages, associate professor at the Department of Linguistics of European and Oriental Languages, Ryazan State University named after S.A. Yesenin (Ryazan, Russian Federation). E-mail: i.sheina@rsu-rzn.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.01.2024;
одобрена после рецензирования 10.10.2024; принята к публикации 26.03.2025.

The article was submitted 12.01.2024;
approved after reviewing 10.10.2024; accepted for publication 26.03.2025.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Original article

UDC 823(045.2)

doi: 10.17223/19986645/94/7

Frame stories in contemporary Armenian prose

Sona Kamo Alaverdyan^{1,2}

¹ Goris State University, Goris, Armenia

² Institute of Literature after M. Abegyan of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan, Armenia

^{1,2} sona.alaverdyan@edu.isec.am

Abstract. This paper examines postmodernist influences on the vitality of frame stories in contemporary Armenian prose. Analyzing the socio-political shifts from the last years of Soviet rule to the post-Soviet era, it identifies key factors shaping the new phase of Armenian literature. Furthermore, the study outlines strategies enabling the integration of the frame story with Armenian postmodernist prose, encompassing incredulity towards grand narratives, intertextuality (including irony, parody, and pastiche), fragmentation, and metafiction. Through the examined frame story examples, this paper illustrates that contemporary Armenian prose is aware of the ideological-psychological reflection of national and global movements. It reveals that this reflection made the above-mentioned strategies preferable for Armenian prose writers, resulting in their frequent application and the proliferation of frame stories in contemporary works. This research sheds light on the dynamic interplay between literary form and ideological and socio-political context, providing a nuanced comprehension of the evolution of Armenian prose within postmodernism.

Keywords: frame story, postmodern Armenian prose, incredulity towards grand narratives, intertextuality, fragmentation, metafiction

For citation: Alaverdyan, S.K. (2025) Frame stories in contemporary Armenian prose. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 94. pp. 122–139. doi: 10.17223/19986645/94/7

1. Introduction

When in the course of historical events it became vital for the 15 states to dissolve the political bands connecting them with the Soviet Union, and Armenia, which used to be part of that union, appeared in the range of the world powers with an independent and equal status, the birth of a new, modern period in Armenian literature was also announced. This was the main socio-political factor that became the borderline of the new era of literature¹. However, for the artistic

¹ Due to this major event, many literary critics studying this period prefer to call it Armenian literature of the Independence Period.

reflection of the Armenians' life experience, other changes were no less important: the Karabakh movement, the 1988 earthquake, the war in the aftermaths of the Nagorno-Karabakh Conflict, the internal political upheavals, and the process of the establishment of free market relations.

It is noteworthy that these significant events in social and political life were the result of the changes in human thinking, which put the dominant mindset under question. The process began in the mid-1950s with Khrushchev's "thaw" overcoming the mood of fear left over from Stalin's times and the dissident movement and the activities initiated by the underground organizations¹ of the 1960s. It matured due to Gorbachev's policies of perestroika (reconstruction) that began in the second half of the 1980s and outlined the contour of building a new life, restoring historical truth, the perspectives of solving the Karabakh issue, and overcoming the fear of having independence and freedom without the protection of the imperial state.

Contemporary Armenian works also underwent the influence of some historical and social phenomena molding the modern world (globalization, rapid technological development, etc.). Those factors were crucial in shaping the writers' worldview and led to the transition from one significant cultural paradigm to another in the history of Armenian literature, regardless of their preferences and tastes. The year 1985 can be tentatively considered the beginning of the transitional period when Armenian literature freed itself from the ideological patterns imposed by the dominant socialist realism with the "reconstruction" announced in the Soviet Union.

Fundamental changes had already been taking place starting from the 1960s when the modernist trend started influencing Armenian literature (the representatives of this period were Hrant Matevosyan, Perch Zeytuntsyan, Aghasi Ayvazyan, Vardges Petrosyan, Hovhannes Grigoryan, Henrik Edoyan, Armen Martirosyan, Slavik Chiloyan, Artem Harutyunyan, and others). Since the 1980s, a relatively contemporary tendency has come to replace modernist thinking. It was postmodernism formed based on modernism that acted in response to and rejection of Soviet ideology and Soviet socialist realism, as well as in opposition to modernist models of the relationship between life and reality. However, at the beginning of postmodernism in literature, some works stood at the crossroads of modernism and postmodernism and are still wandering in this or that direction.

Without aiming to consider all the features of Armenian postmodern literature within the framework of this paper, we will confine ourselves to discussing the characteristic features that ensured the vitality of frame stories² in contemporary Armenian literature, particularly those in prose.

¹ The underground organizations operating in Soviet Armenia were Armenian Youth Union, National United Party (later renamed Union for National Self-Determination), *Hay Dat* (*Armenian Cause* in Armenian, later known as National Revival Party), *Miatsum* (*Unification* in Armenian), Krunk (*Crane* in Armenian), Karabakh committee (on the initiative of which the Pan-Armenian National Movement organization was founded) formed based on the Karabakh movement.

² This genre, as defined in literary dictionaries [1. P. 332; 2. P. 101; 3. P. 330], is generally characterized as a story within a story or a series of stories. From its origin, the frame story

2. The dominant in postmodernist Armenian prose

The starting point in determining the close relationship between frame story and Armenian postmodernist prose is what is at the core of postmodernist literature that guarantees the integrity of the system. The American literary critic Brian McHale was the first to discuss it. Relying on the cognitive–post-cognitive distinction made for art by the American theorist, composer, and poet Dick Higgins [4. P. 101], he considers the differences between modernism and postmodernism in *Postmodernist Fiction* noting that if at the core of the modernist philosophical system the dominant is *epistemological* problematics, then *ontological* is that in the postmodernist philosophic system [5. P. xii]. This means that modernist literature focuses on the nature and limits of human knowledge, and cognitive capacities, answering such "cognitive" questions as "How can I interpret this world of which I am a part? And what am I in it?" [5. P. 1, 9], while postmodernist works foreground the diversity of ontologically different worlds, asking such "post-cognitive" questions as "Which world is this? What is to be done in it? Which of my selves is to do it?" [5. P. 1, 10]. According to the theorist, "Other typical postmodernist questions bear either on the ontology of the literary text itself or on the ontology of the world which it projects, for instance: What is a world?; What kinds of world are there, how are they constituted, and how do they differ?; What happens when different kinds of world are placed in confrontation, or when boundaries between worlds are violated?; What is the mode of existence of a text, and what is the mode of existence of the world (or worlds) it projects?; How is a projected world structured? And so on" [5. P. 10].

These ontological questions helped to artistically respond to human concerns (unstable state of the surrounding world, loss of faith in the future, feelings of loneliness and alienation) about the shifts in world history. As far as contemporary Armenian prose is concerned, it is not difficult to assume that these and other similar ontological questions of the philosophical image of the world have been reflected in it even more because the writers wanted to represent their ideas about the "deCentralized." unregulated, chaotic, unstable and uncertain reality, considering the context of historical changes in the period of independence.

It is worth remembering Gurgen Khanjyan's novel *Send People Home* in which many ontological questions are raised: "Where did I come from?", "Where have I been?" and the most difficult one: "Where am I?" that "can also sound like this: "where are we?" or "where are you?" or "where are thou", also "where are they", and all of them are the same as: "where am I, what am I doing?" [6. P. 119]. All these queries aim at the perception of one's existence when vital orientations are missing.

genre, while preserving its general content, the main principles of constructing artistic imagery, and key structural features, has undergone significant modifications across different eras and literary movements. These evolutionary changes lead us to assert that the frame story, in contemporary contexts, serves not merely as a genre but as a technical means for developing literary work. It has become an inseparable part of postmodern literature due to its distinctive features in text creation and perception.

In this regard, it is also worthwhile to remember a part of the interview given by Hrant Matevosyan to *Grakan Tert* [7. P. 2]. In it, along with other issues, the writer also talks about Armenia which took the road towards independence and the Armenian people that were standing at the crossroads of the empire. The writer presents the Soviet years as the times that "have remained in human's minds as one word: there was an order." afterwards adding: "...the upper echelon of the rulers of the republic was the Centre <...>. There is no Center now, nor will ever be, shall we be able not to retreat here, be pure in front of ourselves, be afraid of the prosecutor of the republic, beware of the Armenian reader, the audience, and most importantly, not to lose our ephemeral grandeur of a citizen of the Empire by becoming independent, mere men of this land and water" [7. P. 2].

The following is also heard about the current depressing process: "You slide madly through situations and people that were once your life, you are on the point of perceiving and connecting again, but it doesn't happen, it doesn't happen, from the slippery slopes of knowledge you fall, your mad feet of the mountain of drunkenness, blasphemy, fear, and theft. <...> yesterday's day, which was woven with that hypocrisy, "political science" and other deceptions, and yet it was a humane, merely bearable life, and today's day of many sincerity is very ugly – animality, hatred, murder, robbery are walking in the squares with their heads held high" [7. P. 2].

As one can note, by raising ontological questions, we immediately find ourselves in the field of philosophy, assuming that "the ontological dominant of postmodernist fiction" mentioned by McHale is the same as the ontology of postmodernism. Namely, we get the impression that it discusses the foregrounding ontological issues of text and world and the philosophical thematics of ontology. However, the theorist warns that the above mentioned refers to "literary ontology." that is, to the postmodernist repertoire of strategies that foregrounds ontological thematics: "If postmodernist poetics foregrounds ontological issues of text and world, it can only do so by exploiting general ontological characteristics shared by all literary texts and fictional worlds, and it is only against the background of general theories of literary ontology that specific postmodernist practices can be identified and understood" [5. P. 27].

3. Postmodernist repertoire of strategies for creating new quality frame stories in contemporary Armenian prose

3.1. The incredulity towards grand narratives

In Armenian postmodernist prose, one of the strategies used to generate new quality frame stories is the incredulity towards grand narratives¹. What are grand narratives? According to Lyotard, these are stories that attempt to provide a complete, comprehensive explanation of the world based on universal truth or universal values. Therefore, by deconstructing the grand narratives, in order to understand the world and describe the reality of time, the works, in fact, question,

¹ French philosopher, sociologist, and literary theorist Jean Francois Lyotard was the first one who spoke about this in *The Postmodern Condition*.

juxtapose, compete or contradict either **faith-based metanarratives (myths)**, **rationalized complex mental structures (ideologies)**, or **historical events**, creating an opportunity for multiple sub-narratives within one book.

Vivid examples of literary works created by **deconstructing faith-based metanarratives** are Gurgen Khanjyan's "Kill the Savior," "Hysterias" and "Cursed Fig" that deconstruct and elucidate myths of *Pokr Mher* (Little Mher)¹ and Christ, narratives that are central to the mythologized thinking of the Armenian people and related to the issue of the anticipation of a savior.

In the domain of frame stories that deconstruct faith-based metanarratives, Levon Khechyan's *The Book of Mher's Door* stands out as the most notable, characterized by its complex narrative structure. In his novel, Khechyan endeavors to novelize the Armenian national epic, facing two distinct chronotopes and their characters. These chronotopes represent the temporal dimensions of the main character-narrator, that is to say a lecturer-writer, and the time of the national epic and its characters. With two plotlines and a unified narrator (the writer-lecturer), the novel incorporates two intradiegetic² frames within. One of these frames unfolds in the form of a novel, sharing the title of the work, while the other takes the form of the "Lecturer's Embedded Diary." Opting for the lecture mode of narration in the first frame, Khechyan delineates two metadiegetic frames within it:

1. Text within the text, consisting of parts derived from the 150 narratives of the epic.
2. Text about the text, reflecting subjective interpretations of the epic conveyed in the form of a lecture. This second metadiegesis, in turn, encompasses numerous metametadiegesies that contribute to the interpretation of the epic.

¹ Pokhr Mher is one of the main heroes of the Armenian epic *Daredevils of Sassoun* and is considered an everlasting symbol of Armenian identity. After unknowingly fighting his father, David of Sassoun, he is cursed by his father to be heirless and deathless. The father's curse is fulfilled, as the ground can no longer bear Mher's feet. Sasna's last brave is imprisoned in Raven's Rock near the ancient Armenian city of Van. Since that day, Mher has lived in that cave. According to legend, Mher and his fiery horse must remain in this rock until a grain of wheat is as big as the berry of sweet-briar, and a grain of barley grows to the size of a hazelnut. This is to happen until there is justice, honesty, and peace in the world.

² Examining frame story from the perspective of narrative levels, Gérard Genette, in his work *Narrative Discourse*, distinguishes three narrative levels: extradiegetic, which is the narrative instance outside the main story and encompasses the narrator, along with any information or events not part of the main story but framing it; intradiegetic or diegetic, which constitutes the totality of events presented in the main story, incorporating characters, events, and environments actively involved in the main narrative; and metadiegetic, which is the story embedded at the intradiegetic level, essentially the secondary story. This secondary story, in turn, may contain additional narrative frames, giving rise to fourth, fifth, and subsequent narrative levels [8. P. 228–229]. Genette also discusses another phenomenon: metalepsis. In this case, the boundaries between narrative levels are disrupted, leading to scenarios where the extradiegetic narrator or addressee infiltrates the diegetic world, the diegetic characters penetrate the metadiegetic world, or, conversely, the diegetic characters intrude into the extradiegetic level, and the metadiegetic characters intrude into the diegetic level [8. P. 234–236].

The intradiegetic frame of the diary entries, delving into the lecturer's personality, mirrors the lecturer's being and his relationships with his wife, lover, girl, and familiar artist. It sheds light on the endeavors devoted to composing and completing the novel *The Book of Mher's Door*, encompassing metadiegetic narratives as needed.

It is intriguing that, starting from a certain moment, the boundaries of the textual components in the work gradually weaken. This phenomenon allows the metadiegetic character of Little Mher to extend beyond the confines of his story, making a metaleptic jump into the intradiegetic level where he encounters the lecturer – the one responsible for rewriting and analyzing the myth of Little Mher. This textual interplay, marked by metalepsis, serves the novel's overarching goal: to penetrate Raven's Rock, dissolve the boundaries between myth and reality, and unveil the enigma of the national novel's Little Mher. "In later years, this helped to understand that Mher was the spiritual essence of national memory in Raven's Rock" [9. P. 383]. In other words, by deconstructing this myth, Khechoyan no longer associates the Armenian salvation program with Little Mher. Instead, he perceives this character as a pure genome of Armenian cultural and spiritual heritage that will emerge from the rock after the second "Big Bang."

The novel *The Rope of Sin* by Hovhannes Yeranyan is constructed **through the deconstruction of ideology**, with a central focus on dismantling the elements of the "justice" metanarrative and examining its components (moral and legal). This deconstruction is aimed at challenging the prevailing mentality that asserts making sense of reality, at least from the standpoint of moral justice, is rooted in the Armenian identity. By "hanging" the collective sins of the Armenian people from both the past and present on the rope, the author shoulders the responsibility of seeking justice within his reality through the novel, promoting the transformation, recovery, and preservation of Armenian identity.

The story centers around the tragic murder of Tigran Terteryan, a young soldier, the reverberations of which extend across multiple generations, who directly or indirectly address the mystery of the murder with their narrative voice. Key narrators include the murdered man's grandfather, father, brother, sister, and the son and grandchild of the brother, each deeply engaged in an intense search. On a personal level, the sister seeks psychic harmony, the grandfather seeks the murderer of his grandson, and the father and brother search for the killer of Tigran, and the Smiling King. The latter, masked as Tigran, embodies a salvation model – a synthesis of the national Little Mher-Christ archetype. The son and grandchild of the slain Tigran's brother continue the quests of the Smiling King. At a collective level, the overarching concern is navigating a path towards state regulation, citizenry, and overcoming the crisis of collective identification. This is achieved through layers of reality, metafiction, dream, and exploration of the intricate relationships between sin, punishment, and justice within a unified discourse.

While they grapple with individual and collective challenges, a novel takes shape, comprising an extradiegetic level that includes three intradiegetic narrative frames arranged horizontally: "Son," "Grandson," and "Grand Grandchild." Within these, the largest diegetic frame, "Son," consists of four narratives with

clearly differentiated frames arranged vertically – "Father," "Grandfather," "Daughter," and narratives without clear boundaries.

From the contemplative efforts of a dynasty to comprehend "Armenian identity" and "justice" with the archetypal mask of the "Smiling King," the most successful attempt comes from the representative of the last generation, the grandgrandchild. She successfully overcomes the salvation plan that originated not from Tigran's father, but from Christ and Little Mher. Observing that the Smiling King's endeavor remains unconquered (i.e., he persists in Raven's Rock, or the second coming of the Savior is delayed), she seeks to relinquish the "dynastic" initiative. Realizing the impossibility of this, she deconstructs the image of the Smiling King, undertakes the effort of self-overcoming, leaving out the component of metaphysical gift, retaining only the component of the ideological project – the importance of each citizen's consistent commitment to the recovery of the impaired Armenian identity and the legal regulation of the Armenian environment: "There is no Smiling King, but instead I exist. I'll be the smiling queen because madness is constant, never-ending" [10. P. 269].

The novel concludes with the promise of creating a new anticipated Armenian reality through the destruction of the existing socio-political order. The likelihood of realization is significantly enhanced by the individual implementing it with a "transformed behavior and a reborn nature" [10. P. 251].

Remarkable examples of postmodern **references to historical events** (sometimes less significant episodes) are Levon Khechyan's *King Arshak and Eunuch Drastamat*, Zorayr Khalapyan's *Basil the Great, Armenian Emperor of the Byzantines or King of Jug*, Vahram Martirosyan's *Disguised in the Name of the Cross*, and Vahagn Grigoryan's *Poghos-Petros*. In these historical novels the return to the past, which the literary theorist Linda Hutcheon calls "the presence of the past" [11. P. 4], is not nostalgic.

They do not simply tell us what happened in the past, but take an event, characters, and other necessary details from the past and try to subvert historical "facts" and rewrite them from perspectives different from the accepted interpretation. The aim is to reevaluate the past in the light of a dialogue with the present or, as stated in Vahagn Grigoryan's novel *Poghos-Petros*, to travel "through the labyrinths of the past and the present" for the sake of tomorrow "coming from the past and the present" [12. P. 5]. In this sense, the novel is gripping in that, despite its telling about historical events, namely from the capture of the Yerevan fortress in 1828 to the present day, and from the very beginning the reader comprehends that this work is not an ordinary historical novel. The story emerges through the imagination of the author, who says that he will lead the story from stop to stop. Afterwards the story itself is presented from the perspective of those who might have existed in the margins of the past. Moreover, analyzing the metanarrative of the 200-year-old relationship between the Armenian and Russian nations with the voices of the representatives of one

dynasty, V. Grigoryan essentially challenges the ability of the history to represent the reality and distrusts the reliability of historical knowledge¹.

3.2. Intertextuality: Irony, parody, and pastiche

The use of intertextual narrative devices; irony, parody, and pastiche, should be considered a consequence of the postmodernist awareness of the impossibility of erasing the past and the demand to reinterpret the reality by the confrontation of the past and the present and in the light of each other. It is worth noting that these devices are not aimed at creating work with satirical content, but at ironically reinterpreting the stereotypes of the past. In this regard, Umberto Eco writes: "The postmodern reply to the modern consists of recognizing that the past, since it cannot really be destroyed, because its destruction leads to silence, must be revisited: but with irony, not innocently" [13. P. 67].

Ironic reworking with the frame structure in the contemporary Armenian prose can be found in the artistic space of Levon Khechyan, Gurgen Khanjyan, Zorayr Khalapyan, Vahagn Grigoryan, Armen Ohanyan, and others. Ohanyan's (pen name Armen of Armenia) short story "Radio Yerevan," for instance, stands out for its ironic dialogue between the past and the present. In it the author ironically plays with various quotes taken from well-known songs and fictional works, mainly during "musical pauses."

The use of parody has also become very popular for various experiments in contemporary Armenian prose. The study of postmodern parody allows us to argue that it can either become a means to closely follow the texts of the past or take on the role of subverting them (in both cases, the presence of mockery is not necessary).

Quite a remarkable manifestation of the parody that examines the texts of the past is Aram Pachyan's short story "Robinson," in which the narrative of Daniel Defoe's well-known novel becomes an object of critical examination. From the very beginning of the novel, through the epistolary exchange between Friday and Robinson, Pachyan tries to reinterpret the theme of loneliness. While in Defoe's narrative Robinson considers his appearance on an uninhabited island to be a bitter fate in response to the sins committed, in Pachyan's narrative it is a conscious choice for Robinson (as well as other characters): the island is the salvation area, the comfort zone, in which Pachyan's characters want to appear to rediscover themselves and live in harmony with both themselves and the world around them. The problem, however, is the fact that the new shore of salvation is in the obscurity, and there is no hope that there is another shore left. "Don't waste

¹ This reminds Umberto Eco's observation on *The Name of the Rose*, according to which he wanted to write such a novel about the past, in which "...it is not necessary for characters recognizable in normal encyclopedias to appear. <...> What the characters do serves to make history, what happened, more comprehensible. Events and characters are made up, yet they tell us things about the Italy of the period that history books have never told us so clearly" [13. P. 75].

"your time on that dream" [14. P. 17] says the hero of the short story, "You will be discovered and killed, wherever you go" [14. P. 17].

While Pachyan's *Robinsonade* is tasked to simply interpret the well-known text from the past in a new way, then Ohanyan's *Kikosade*¹ wants to achieve this reinterpretation through the text's destruction.

In the short story "The Return of Kikos," which is also in the book of the same name, Ohanyan deconstructs the tale "The Death of Kikos" presenting a unique reconstruction of that narrative in terms of content and structure by "reliving" Toumryan's *Kikosade*. In the main frame of the story, the central character, Kirakos ("Kikos" for short), first through the intertextual reference reminds us that the story is a parodic interpretation of Toumryan's tale, meanwhile realising that he is a fictional character. Later on, through self-reference and self-reflection he presents the author of the given work, Armen, and his and the author's motivation to create the story by actually deducing that he is a fictional character in this new artistic realm (also acquiring metafictional elements, which will be discussed in part 3.4): "For a long time, after him, I had been looking for somebody to tell the real story of my life and I found him at least. His name is Armen and he is the author of these lines. <...> My author wants to overcome the story of my death because he is convinced that the future success of his people depends on reliving Toumryan's fairy tales. According to him, Armenian time has stood still in the following three great tales: "Panos, the Unlucky Wretch" is the Armenian past, the Armenian luck that didn't strike; "Brave Nazar" is the Armenian present, the Armenian dream and daydream; and "The Death of Kikos" is the anxiety about the future, and he decided to start from the end" [15. P. 124–125].

This is the reason why, at the next, embedded level of the narrative, we see how the author manages to interweave the Kikoses of two fictional worlds with the complex penetration of Toumryan's tale and Ohanyan's short story. As a result, three years after his famous death, Kikos is born and enters a new fictional reality bringing along all the characters of Toumryan's tale (the only exception is Kikos' father, whom the author brings, and when he loses the purpose of his existence in that fictional world and becomes odd, dies). Here he is introduced to the story of his death, which he first hears from his grandmother, then is given an assignment at school and has to learn the story about his death by heart and cry over himself incessantly.

Eventually, with a subconscious feeling he realizes that he cannot live a life on his own because he is a character of a tale by birth, and his identity, the key of his existence, in the form of Thickwood, calls him. He has the same nightmare over and over again: whenever the Thickwood near the fountain calls him, he climbs it up and falls down. He does not realize what it is until he decides to actually climb a tree. And when everything goes as planned, and Kikos can

¹ By the analogy of *Robinsonade*, I found this word convenient to use for the Armenian word *Kikosapatum* (*narrative of Kikos* in Armenian) meaning a fictitious narrative written in imitation of famous Armenian writer Hovhannes Toumryan's tale, "The Death of Kikos," that deals with the heartbroken family mourning of the unborn child's death.

approach the origin of his existence, mount it and not fall, the author's goal to overcome the fear of the future is accomplished. But what happens inside Kikos? Climbing up the tree and not dying when falling down, he passes the border between the two worlds (that is why he does not understand if it is "a story, a life, a dream or literature" [15. P. 135] and no longer obeys the dictates of the narrative of his creator, Toumryan. At that moment, Kikos feels that the story is coming to a happy ending thanks to Armen, and he is afraid that he may die of happiness now. Being well-conscious of the things (perhaps regretful) he realizes that in the case of his second death, a new author and a new world must be pursued, because the current author has already achieved his literary goal in this world, and a new meaning of life must be found to continue living.

As we can see, in the case of parody, the postmodern reverence (rarely mockery) for canonical texts and folklore of the past does not imply a simple imitation of the cited texts, but also a transformation to criticize, interpret, or through these authoritative texts to perceive the phenomena that concern postmodern person and overcome the problems. *Pastiche*, like parody, reverently imitates the classical works of the past. However, unlike parody, which imitates one specific text, *pastiche* (a French word meaning mixture of diverse ingredients) combines both one and more previously created texts¹, genres², or is composed by several authors (for example, the two short stories included in Ohanyan's collection *The Return of Kikos*; "Mysterious Breakfast" and "Flying Bicycle," the former co-authored by Lilit Karapetyan, the latter by Aram Pachyan).

In the period of postmodernism, when parody and *pastiche* significantly departed from their traditional form of perception and definition, it became relatively intricate to distinguish these two intertextual and imitative strategies from one another. However, apart from the main above-mentioned distinguishing feature, other characteristics help differentiate these two phenomena. While parody emphasizes the search for difference through interaction with a text, *pastiche* works by relying on similarity and correspondence. Moreover, as the French literary theorist Genette [17. P. 25] argues that dealing with past texts, parody has a transformative nature, while *pastiche* has imitative nature. For example, in short stories such as Pachyan's "Robinson," Ohanyan's "The Return of Kikos," and Voskanyan's "The Wolf with a Red Hood," the classic narratives that are the basis for these works are significantly changed from the original. While in Khechyan's novel *The Book of Mher's Door*, the 150 narratives of the Armenian epic poem *Daredevils of Sassoun* are mimicked, analyzed, clarified, and interpreted without significant deviations with the complementary help of the used literature mentioned in the reference. As a result of these efforts, a new book has been created as an attempt of Khechyan's reading and rewriting aimed at "approaching the spiritual depth of the national epic" [9. P. 12].

¹ In this case, we are dealing with what the French literary critic Daniel Bilous [16] calls the interstyle, not the intertext; therefore, only imitation of style cannot lead to having a work with a framed structure.

² It is also not possible to get a frame story only through genre penetrations.

3.3. Fragmentation

In the context of the creation of frame stories, it is worth mentioning another preferred way of constructing a postmodern narrative – fragmentation (only intentional) as a literary device to express the rejection of completeness, interconnection, linearity, and order, as well as the establishment of chaos, relativity, randomness, freedom, and pluralism. The widespread use of this literary device is due to the fragmentary nature of a modern person, about which Pachyan talks in one of his interviews: "Scattered feelings, memories, coffee leftovers, incomplete lessons, half-dark and half-light childhood. A summary of found incompleteness-fragmentation in the form of short stories, novels, essays, and featured columns, which will always remain as incomplete, and fragmented, as the consciousness, the mind, the inner will of the imagination are and against which I once unwisely tried to rebel, fight, live with a *vision of completeness*... To fight against something impossible to make it disappear at least from my life. But now everything is clear. We are together, completely immersed in the nature of fragmentation" [18; emphasis in the original].

To achieve fragmentation in the composition of the literary text in contemporary Armenian prose, writers have used various means, such as interweaving separate narratives, connecting different short stories, and cutting-up.

The interweaving of separate narratives can be expressed by paralleling different plots, using different narrative voices, having several beginnings or endings, imitating the forms of reportages, radio programs, movies, popular games, inserting articles from newspapers, encyclopedias, dictionaries, as well as through the diaries and correspondence (text messages, emails, and letters), etc. For example, Khanjyan's novel *Inside Out* was created by paralleling different narratives, in which the "inside" and "outside" stories, narrated by two voices, intersect. The story revolves around an anonymous narrator in his sixties, navigating the "way of finish" grappling with dissociative identity disorder. The inner conflict within the ego is portrayed through the expressive selves of *id* and *superego*, each taking turns to surface and articulate their experiences in unique voices. The two controlling egos lead concealed lives from each other, appearing in turns to fulfill assigned roles and articulate their experiences in distinct voices. For instance, the superego, deeming itself exhausted, initiates the contemplation of identity crystallization – the journey it has traversed: "There is, undoubtedly, a circumstance favoring the peaceful passing of the end's road; it's age, that is, the end's road itself, as you age, your hormones don't erupt, bubble, rebel like champagne on every occasion and without occasion—they are calm, the number is small, the process is lazy, the consciousness remains steady, functions in the correct direction, balanced, calmly summarizes, and draws conclusions" [19. P. 8]. In contrast, the *id*, driven by instinct and impulsive urges, resists accepting biological aging: "*Shave hair, dye beard, dark glasses on the eyes, jeans on the legs and hips, jacket on the waist, silver skull on the index finger <...> Ready, I'm ready to go to a rock concert, hike, crash, even jump... Yes, what if I'm over sixty, don't I have the right to jump?*" [19. P. 21–22; emphasis in the original].

As a result, two intradiegetic narrative frames emerge, both crafted by individuals of the same nationality, gender, and age but possessing distinct thoughts, character traits, and interests – existing within a singular identity. These frames are inserted into one general frame part by part, according to the shift of active selves. Horizontally arranged, they progress with parallel construction, juxtaposing different actions transpiring in the inner (id's) and outer (superego's) realms, creating a mirrored reflection effect. To underscore the separation of the two narratives for the reader, the 7 odd-numbered chapters of the 13-chapter text, forming the inner frame, are presented in regular, straight type. In contrast, the remaining 6 even-numbered chapters, representing the outer frame, are stylized in italics.

Voskanyan's "Yerevan Dreams: A Reportage" short story, as can be inferred from the title, is written by imitating the form of reportage. It is a collection of stories about five different persons' dreams and the impossibility of realizing them in Armenian reality, marked with the author's analyses, comments, and summaries. What unites these stories is the central event of the reportage, the visit of the American-Armenian billionaire Margar Peipunjyan to Armenia, who came to realize his unfulfilled dream, namely to see the national symbol of Armenia, the Biblical mountain Ararat, where Noah's Ark landed after the Great Flood, as well as to die in his motherland. By choosing the citation type of reportage, the author gives the opportunity to the persons related to the central event to speak, by presenting both their own story and that of meeting Peipunjyan in the last days of his life and even after his death.

Some works created in the form of TV and radio shows, as well as through game imitations, can be found in Ohanyan's collection *The Return of Kikos*. Whereas in "Red Beret" the TV show *Visit a Patient* grabs the reader's attention through the multi-stage creative and productive process consisting of episodes, doubles, running lines, and scenes accompanied by song, "Radio Yerevan" presents itself as a radio program created by the combination of a conversation, "music breaks" and stories dedicated to Yerevan, within the framework of one broadcasting. The titles of other short stories such as "Superstar Mario," "Hide-and-seek," and "Who Wants to Become a Millionaire?" easily prompt which game idea, structure, and even plot content (in the case of "Superstar Mario") were used in each of them.

Mher Beyleryan's "Writers' Affairs Commission" is an example of a work based on fragments and statements from fictional newspaper articles. The story touches on some painful issues for contemporary Armenian literature: the unhealthy atmosphere in the environment among writers and literary critics; literary mediocrity and their abundant outputs; the inability or shortfalls of literary critics to evaluate and analyze the literature of the given period in compliance with new standards; the ineffectiveness of the decisions made for the advance of literature, etc. All of these are presented to the reader through the application of references to the articles of various titles of the newly created newspaper *Vkayutyun* (*Testimony* in Armenian) of the Committee of Writers' Issues.

Khanjyan's collage stories, of which "Collage for the Poor" is especially versatile, have been created by intertwining, not only individual narratives but

also various phenomena with narrative value. Here one can find different extracts from several literary works (Grigor Narekatsi's *The Book of Tragedy*, Samuel Beckett's *Waiting for Godot*, Toumalyan's "The Death of Kikos," and William Shakespeare's *Hamlet*), an authored song-insert, a musical notation of one of John Coltrane's songs, as well as some chemical and physical formulas.

In terms of fragmentation, Hovhannes Tekgyozyan's virtual movie-novel *Fleeting City* is quite diverse. It is composed of an author's summarizing frame in the form of a postscript, in which two narratives are included: the first, told from the point of view and voice of one of the main characters, Gagik, and the second, from those of the other character, Grigor. The novel also stands out for its use of significantly different types of texts: psychological interviews, text messages, letters, and episodes of movies. Besides borrowing the opportunities provided by technological innovations, the book is also interesting in that it shows the communication preferences of a modern person (the young characters of the novel communicate with each other through text messages, unlike Gagik's mother, who prefers letters), the forms of writing (the modern Armenian text messages are mostly written in capital Latin letters and deviate from the spelling and grammar of the literary language, unlike Gagik's mother's letter written in pure literary Armenian) and makes us think about the change of epistolary style.

Pachyan's textual realm also has a quite complicated structure and hybrid nature of different narrative forms and narratives, in face of his novel *Goodbye, Bird*. In this novel readers come across journal notes; real and fictional letters; intertexts (from the poem *Divine Comedy* by Dante Alighieri, the song "One of the Few" by Pink Floyd, the prayer book *Book of Lamentations* by Narekatsi); an inserted frame created by parodic imitation of the style and genre of Narekatsi's book; the presentation of the imaginary life of an actor in a movie; discussions of texts related to the character of Christ, etc. Apart from this, *Goodbye, Bird* is a complicated braid of narratives from three points of view (first-person, second-person, and third-person). It is complicated, because it is hard to distinguish whether it's the same narrator who tells the story in the first, second, and third person, or whether we deal with different narrators. Pachyan wants to attempt to reveal the mystery in the afterward written on reprinting the novel but then backtracks on his decision, preferring to leave the question as an unsolved puzzle to the reader's discretion: "I had decided <...> through the attempt of the epilogue to reveal who was the narrator in the novel, why the personal pronouns are being constantly changed, why the second person is becoming increasingly dominant, why I give preference to You in the novel and, in general, the prose that I have written and write. I had decided to think through writing and I thought through writing, there is a possibility that the distractions that do not allow me to focus on the above-mentioned tendency come from the very midst of them, notifying that the studies have begun anyway" [20. P. 227].

Despite this uncertainty, we get the impression that the narrator in the novel is always the same person, only the viewpoints change. The explanation is as follows: a young man portrayed in the novel with the nickname *Bird*, was subjected to severe trials in the army (allegorically, in a closed society), and although five years have passed since his demobilization (leaving the closed

society), he cannot forget the years that left a profound imprint in his life, and finds it hard to get used to reality again and bring life back to normalcy. The young man is already twenty eight years old, which means that he is at the turning point of transition from youth to maturity, and if he does not find courage, power, and determination in himself now to settle scores with that stage of life, he can never have time left to himself, besides Bird (in other words, besides two years spent in the military unit in the army). The protagonist realizes this and decides to act like the German artist Albrecht Dürer when portraying himself: he tries to go towards himself "from deep outer space with a guiding mix of the mind and the senses" [21]. For psychological distance Pachyan uses the second-person narration, due to which, a twenty-eight-year-old young man, who is trying to mature, turns over his journal written in the first-person and from a safe space (because the second-person narrator is separated from the first-person narrator) dialogues with the self of the journal, follows his feelings step by step and analyzes what happened. Through this, he helps himself to realize the fact of liberation from the army, from the closed space, to forget the two years spent in the military unit, and to eliminate inner anxiety. In other words, "you" is the project of the overcoming of "I," that is to say, self-overcoming, and when depicting this process a link, the help of the third-person to move through the thoughts and emotions of the protagonist and his transformed self is necessary to communicate them and to make the dialogue more understandable. When led by logic, the last one of these several attempts (the chapters of the novel: "one," "two," "one," "two," "three") turns out to be successful. In the third attempt of self-communication, the voice of the traumatized self, Bird, is heard only for a short while: "I'm wearing my grandfather's worn woollen fur coat, I'm standing in front of a mirror, and with my right hand, like Albrecht Dürer, *I'm trying to gently bring together the lapels of the coat*" [21; my emphasis].

The third-person narrator then gives the narrative voice irrevocably to the second-person narrator, who gathers the courage to "gently hold the lapels of Dürer's fur coat" [21] with the fingers of his right hand. It symbolizes the fact that the protagonist has seen and understood what happened to him and now, with Dürer's determination and self-confidence, he is ready to close the pages of his youth, say goodbye to Bird, take up his cross, move forward, and have other times left to him.

The next manifestation of fragmentation is the connection of such frames of the work, each of which is a complete story in itself, and the internal connection of these stories must be found by the reader. For example, "Two Love Stories" by Pachyan comprises two frame-narratives "The Suitcase" and "The Box." What interweaves them is the attempt to reunite departed beloved ones in a closed space, a mental hideout. Another memorable short story by Ohanyan is "P(och)ATUM" (roughly translated to cutting off or docking one's tail) which consists of two cut-off tails-narratives. The story is also interesting in that the author offers two versions of the ending, two "tails" (this is one of the ways of interweaving separate stories, which was discussed previously), written by real readers, that complete the narratives. Moreover, the author encourages others, at their discretion, to write a new ending that completes the unfinished, "tailless" work, that is to say, to find new "tails." The ending of the plot looks like this [22. P. 16–18]:

TAIL A

author: KAREN GHARSLYAN, writer

When the student, feeling irritable due to a lack of calcium and recently formed, but not properly utilized excess of sexual energy, licked the short horizontal side at the bottom of the triangle, the other two sides became **YOUR TAIL?** orphan and mourned the loss.

TAIL B

author: SONA, stranger

The teenager, engrossed in his first kiss, failed to notice that his newly chosen lover was wounded. She is in the chalk stream. All that was left of the Right Triangle was the broken corner. That day he ran out of love, and the insatiable teenager was drawing new triangles on the wet blackboard.

In the case of large-volume frame stories of this type, however, it becomes clear that the dividing line between a novel and a collection of short stories is blurred, therefore the fact those are novels is sometimes disputed. Such is, for example, Hovhannes Hovakimyan's (*Not*) *A Novel ((Ch)vep)*, consisting of four fragmentary chapters ("P," "E," "V," and "(Ch)'), which, in their turn, include many short stories. The novel has a frame generalizing the embedded short stories, which is separated from the rest implicitly by italics. In this book, as well as in Ohanyan's short story "P(och)ATUM," we find various manifestations of the interweaving of separate narratives, including two versions of the entry of the work: after the author's "unsuccessful" attempt to move forward with the first three paragraphs opening the book, the narrative begins anew.

Opposed to the method of fragmentation of connecting stories is the principle of scissoring, in which the entire text of the work is scissored, turned into small parts, and rearranged to create a new text. It results in the work consisting of many pieces, each of which has one or more words, sentences, or paragraphs. In contemporary Armenian literature, Pachyan's novel *P/F* was created in this way. In this novel, which is dedicated to his Zen-Buddhist teachers, Pachyan uses the technique of *koans*¹ to portray the Yerevan space. It is possible to get acquainted with the meditation and mental exercises about the past and present of the city presented in fragments, both through the linear and non-linear readings (a feature that is characteristic of most of the scissored works). Additionally, the author consistently employs lowercase letters as a stylistic choice.

story with nothing here	and the story	today, in yerevan the final tram was decommissioned [23. P. 5]	[23. P. 6]
----------------------------	------------------	---	------------

¹ *Koans* are short narratives, dialogues, questions, or statements to ponder, mostly of a paradoxical nature. They are used to teach Zen Buddhist monks to abandon their dependence on reason, encouraging them to acquire sudden, intuitive thinking.

3.4. Metafiction

The last characteristic of contemporary Armenian prose is metafiction or text self-reflection. Although the phenomenon is not a derivative from postmodernism, it's closely related to the latter, because it was during this period that metafiction became a regular phenomenon and attracted the attention of the literary community, leading to its recognition and definition¹. For instance, in *Phaeacian's Misfortune* by Diana Hambardzumyan, the reader's attention is drawn to the imaginative nature of the text from the very beginning of the novel, when the main character, Maneh, contemplates the process of presenting the story to be narrated and the logic of text creation from a higher narrative level: "This is the movie of my life and yours, which I wrote frame by frame, episode by episode..." [25. P. 15]. As a result of self-reflection, the fiction appears. Another example is the historical novel *Hiddens for the Cross* by Martirosyan, in which the presentation and discussion of the fictional character (literary character Matthew of Edessa) are carried out only at the end of the novel through two parts of colophons, composed in the names of Grigor Yerets and Sempad the Constable.

Of course, there are also many works in which the author consistently reminds the reader about the fictionality of the text, regularly throughout the novel, as seen in *Poghos-Petros* by Grigoryan. Here is one such verse: "We certainly understand you, reader, if this text of ours has been fortunate enough to be printed and reach you, then your surprise is quite reasonable: what happened, where did Never go? The wife has passed away, the boy was born an orphan, we learned more or less about everyone's attitude, but not a word about his feelings, actions, the most we have learned is that he was not arrested; he even participated—what a success – in his wife's funeral. Is there nothing to say or mention, or, sorry, the writer's head does not know what his hand is doing. The writer is not impressed with his head and hand, but asks to believe that one does not act independently of the other. He failed due to powerlessness. Unable to understand what's going on with Nver, unable to commit the incomprehensible to paper. Because it is difficult to understand that Nver has become a different person. The outside is the same, the inside is different. But patience, time puts everything in place, opens the brackets" [12. . 403–404].

4. Conclusion

This overview offers a comprehensive exploration of how postmodernist tendencies have influenced the resurgence of frame stories in contemporary Armenian prose. By meticulously examining socio-political shifts from the waning years of Soviet dominion to the post-Soviet era, this study sheds light on the pivotal forces guiding Armenian literature into a transformative phase.

¹ The term "metafiction" was proposed by the American novelist and critic William Gass in 1970. Speaking about the fiction of John Barthes, Jorge Luis Borges, and Flann O'Brien, he writes: "Indeed, many of the so-called antinovels are really metafictions" [24. P. 25].

Additionally, it elucidates the writing strategies facilitating the integration of frame narratives with Armenian postmodernist prose, encompassing incredulity towards grand narratives, intertextuality (including elements of irony, parody, and pastiche), fragmentation, and metafiction.

Incredulity towards grand narratives emerges as a potent tool for dismantling established myths, ideologies, and historical events, thereby creating space for multiple sub-narratives. Intertextuality, which incorporates irony, parody, and pastiche, empowers writers to engage with the past in a playful and subversive manner. The use of fragmentation mirrors the disjointed nature of modern existence, challenging traditional notions of narrative structure. Lastly, metafiction encourages readers to critically contemplate the art of storytelling itself, blurring the boundaries between reality and fiction.

In conclusion, this paper has demonstrated that contemporary Armenian prose serves as an intellectual-psychological reflection of national and global changes, employing these writing strategies and presenting a diverse array of frame stories.

References

1. Abrams, M. & Harpham, G. (2009) *A Glossary of Literary Terms*. Boston: Wadsworth Cengage Learning.
2. Baldick, C. (2001) *The Concise Oxford Dictionary of Literary Terms*. New York: Oxford University Press.
3. Cuddon, J. (1998) *The Penguin Dictionary of Literary Terms and Literary Theory*. Oxford: Blackwell.
4. Higgins, D. (1978) *A Dialectic of Centuries: Notes Towards a Theory of the New Arts*. New York: BOA Editions.
5. McHale, B. (2004) *Postmodernist Fiction*. London and New York: Routledge.
6. Khanjyan, G. (2020) *Stverner xamacikneri pogocum: Mardkanc' tun ugarkir* [Shadows on the Puppets' Street. Send People Home]. Yerevan: Antares.
7. Matevosyan, H. (1991) Asxarhi verjə čē [It's Not the End of the World]. *Grakan Ttert* [Literary Newspaper]. January 1.
8. Genette, G. (1983) *Narrative Discourse: An Essay in Method*. Ithaca, New York: Cornell University Press.
9. Khechyan, L. (2014) *Mheri d'rān girk'ə* [The Book of Mher's Door]. Yerevan: Antares.
10. Yeranyan, H. (2017) *Megk'i paran* [The Rop of the Sin]. Yerevan: Antares.
11. Hutcheon, L. (2004) *A Poetics of Postmodernism: History, Theory, Fiction*. New York and London: Routledge.
12. Grigoryan, V. (2019) *Pogos-Petros* [Poghos-Petros]. Yerevan: Antares.
13. Eco, U. (1984) *Postscript to the Name of the Rose*. San Diego: Harcourt Brace Jovanovich.
14. Pachyan, A. (2020) *Robinson: Short Stories*. Translated by N. Seferian, London: Glagoslav Publications.
15. Armen of Armenia. (2015) "The Return of Kikos." Translated by H. Movsisian, *Trafika, Europe: Armenian Rhapsody* 4: pp. 124–135. [Online] Available from: <https://cld.bz/users/user-N5y4U8g/Trafika-Europe-Quarterly/Trafika-Europe-4-Armenian-Rhapsody/0> (Accessed: 26.02.2024).
16. Bilous, D. (1982) Récrire l'intertexte: La Bruyère pasticheur de Montaigne [Rewriting the Intertext: La Bruyère as a pastiche of Montaigne]. *Cahiers de la littérature du XVIIe siècle*. 4. pp. 101–120. [Online] Available from: https://www.persee.fr/docAsPDF/licla_0248-9775_1982_num_4_1_1133.pdf (Accessed: 26.02.2024).

17. Genette, G. (1997) *Palimpsests: Literaure in the Second Degree*. Translated by Channa Newman and Claude Doubinsky. Lincoln, Nebraska: University of Nebraska Press.
18. Kocharyan, A. (2014) Gitake'ut'yan "ařanjin" patmut'yunə. Pač'yanı "Ōvkianosn" arden graxanut'nerum ē [The "Separate" History of Consciousness: Pachyan's "Ocean" is Already in Bookstores]. *Hetq* [Trace]. November 22. [Online] Available from: <https://hetq.am/hy/article/57463> (Accessed: 26.02.2024).
19. Khanjyan, G. (2020) *Nersudurs* [Inside Out]. Yerevan: Antares.
20. Pachyan, A. (2019) *C'tesut'yun, Cit* [Goodbye, Bird]. Yerevan: Ej.
21. Pachyan, A. (2017) *Goodbye, Bird*. Translated by N. Hakhverdi. London: Glagoslav Publications. [Online] Available from: https://www.scribd.com/read/538854283/Goodbye-Bird#a_search-menu_105101 (Accessed: 26.02.2024).
22. Ohanyan, A. (2013) *Kikosi Veradarja* [The Return of Kikos]. Yerevan: Antares.
23. Pachyan, A. (2020). *P/F*. Yerevan: Ej.
24. Gass, H. W. (1970). *Fiction and the Figures of Life*. New York: Nonpareil Books.
25. Hambarjumyan, D. (2017) *P'ekneri tarabaxtutyun* [Phaeacian's Misfortune]. Yerevan: Zangak.

Information about the author:

S.K. Alaverdyan, lecturer and head of the Department of Quality Assurance and Assessment at Goris State University (Goris, Armenia); Ph.D. student, Department of Modern Armenian Literature at the Institute of Literature after M. Abeghyan of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (Yerevan, Republic of Armenia). E-mail: sona.alaverdyan@edu.isec.am

The author declares no conflicts of interests.

*The article was submitted 03.02.2024;
approved after reviewing 07.03.2024; accepted for publication 26.03.2025.*

*Статья поступила в редакцию 03.02.2024;
одобрена после рецензирования 07.03.2024; принята к публикации 26.03.2025.*

Научная статья
УДК 821.161+821.112.2
doi: 10.17223/19986645/94/8

И.С. Тургенев – читатель трагедии И.В. Гёте «Фауст» (по материалам помет и маргиналий на переводе М.П. Вронченко). Статья 2

Иван Олегович Волков¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, wolkoviv@gmail.com

Аннотация. Вторая статья продолжает исследование помет и маргиналий И.С. Тургенева на страницах первой части «Фауста» И.В. Гёте в переводе М.П. Вронченко (СПб., 1844). Реконструируется картина тургеневского чтения трагедии, начиная с третьей сцены (Кабинет Фауста) и заканчивая последней (Тюрьма). В Фаусте, выходящем на первый план тургеневского восприятия, писателю важно выделить как силу, волю и самостоятельность его стремления к познанию, так и его правоту в этом движении, необходимость и закономерность. С момента вхождения в трагедию образа Маргариты внимание Тургенева всецело сосредоточено на нем.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, И.В. Гёте, «Фауст», библиотека И.С. Тургенева, перевод М.П. Вронченко, пометы

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01110, <https://rscf.ru/project/23-78-01110/>

Для цитирования: Волков И.О. И.С. Тургенев – читатель трагедии И.В. Гёте «Фауст» (по материалам помет и маргиналий на переводе М.П. Вронченко). Статья 2 // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 94. С. 140–171. doi: 10.17223/19986645/94/8

Original article
doi: 10.17223/19986645/94/8

Ivan Turgenev as a reader of Goethe's *Faust* (on Turgenev's personal library). Article 2

Ivan O. Volkov¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
wolkoviv@gmail.com

Abstract. The article considers one of the most important aspects of the so-called "Turgenev vs. Goethe" problem, namely, the study of the reader's reception of *Faust*. For the first time, the writer's marks and marginalia are subjected to a holistic analysis on the pages of the tragedy (its first part) translated by Mikhail Vronchenko (St. Petersburg, 1844). In a purposeful comparative movement between the German original

text and the Russian translation, Turgenev carefully brought to the surface not only the fact of their inconsistency, but also succinctly expressed his understanding both of the development of the plot and the main characters. He often offered his own options for conveying meanings into Russian, and at the same time he extremely valued Goethe's word. In Faust, which comes to the foreground of Turgenev's perception, it is important for the writer to highlight both the strength, will and independence of his desire for knowledge, and his rightness in this movement, necessity and regularity. Freeing the figure of the main character from the superficial definitions of the translator, Turgenev makes explicit the natural-philosophical synthesis carried out by the author, reads the special attitude of man to the natural world, which is also very important and tangibly included within the limits of the writer's reflection. Turgenev is interested in nature in Goethe's tragedy both as an element characterizing the hero and as a landscape component itself. With his notes, Turgenev contrasts the struggle and independence of the tragic personality with the quiet and meek existence of Margarita, who experiences the meeting with Faust in the advantage of feelings of love and suffering. From the moment when the image of Margarita enters the tragedy, the writer's attention is entirely focused on it. Until the end of the entire first part of *Faust*, Turgenev notes in the Russian text exclusively those places in which the translator incorrectly or inaccurately conveyed the features and shades in the image of the girl, as well as in the development of the line of her relationship with the main character. Thus, in Scene 8, Turgenev highlights Margarita's song about the Erlking, which tells about devotion and constancy of feeling until death. Turgenev makes a generalizing remark to the Russian translation of the ballad: "bad!". The subject of Turgenev's special reflection was the scene in prison, where he noted four small excerpts from different remarks of Margarita, reflecting the mad girl's reaction to her fate; these are the stages of a tragic experience (memory of the crime, recognition of her lover, painful return to reality, reproach to Faust).

Keywords: Ivan Turgenev, Johann von Goethe, Faust, translation by Mikhail Vronchenko, Turgenev's personal library, notes

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-78-01110, <https://rscf.ru/project/23-78-01110/>

For citation: Volkov, I.O. (2025) Ivan Turgenev as a reader of Goethe's Faust (on Turgenev's personal library). Article 2. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 94. pp. 140–171. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/94/8

В ходе чтения первых сцен «Фауста» И.В. Гёте в переводе М.П. Вронченко И.С. Тургенев концентрирует свое внимание на внутренней драме главного героя. Писатель в русском тексте трагедии старается обнажить смыслы оригинала, пытается прояснить мятущуюся природу и стремящееся сознание героя. Последующее чтение продолжает и углубляет эту линию. Так, останавливаясь на третьей сцене «Фауста», переносящей действие в кабинет Фауста, Тургенев выделяет постепенно совершающуюся с героем перемену. Сначала он отмечает сохраняющийся в нем душевный подъем, который был вызван гулянием по городу, общением с людьми, празднующими Пасху, и любованием природой:

*Цветы надежды, говорить
Рассудок начинает снова¹*

[1. С. 57].

¹ Пометы, сделанные И.С. Тургеневым, переданы курсивом.

Этот отрывок просто отчеркнут, никаких поясняющих комментариев к нему не дано, что тоже значимо. Тургеневу важно указать на возвращение Фауста к своим занятиям сквозь пережитые впечатления и в преображенном виде – в свете духовного возвышения, которое должно придать новое качество и его поискам. Но очень быстро он начинает ощущать, что лишается обретенной благости, высокая настроенность души снова приходит в расстройство, и писатель следом подчеркивает первое проявление этой перемены: «*Ток удовольствия* не хочет литься боле» [1. С. 57].

К выделенной части строки Тургенев пишет пояснение: «*ретор^{<изм>}*», которое требует от переводчика особенной точности в тот момент, когда герой Гёте оказывается очень близок к отчаянию, уже ему знакомому. Фауст боится потерять совсем не *удовольствие*, как пишет Вронченко, а *удовлетворение* – именно такое значение имеет немецкое «*Befriedigung*». Оно отражает то положение гармонии, которого старался достичь герой, томимый умственной и духовной жаждой. И, конечно, поставленное в пару к *удовольствию* устаревшее слово *ток* еще больше удаляет от ясного и правильного понимания, потому что обретенное состояние Фауста отвечает не поточному, а устойчивому и постоянному. Причина же его истощения заключается как в самом возвращении к отчужденному и уединенному, так и в Мефистофеле, обращенном в собаку, с которым ученый вошел в свой кабинет и с которым он скоро заключит пакт как раз относительно *удовлетворения*.

В попытке сохранить обретенное *Befriedigung* Фауст обращается к новой книге, связанной уже не с мистическим пророчеством, а религиозным вдохновением. Тургенев, внимательный к каждому шагу героя Гёте, следует за ним и в этом, подчеркивая единственное слово и ставя знак «NB» в стихах:

Ей откровение потребно, а оно
Нигде так ясно не заключено,
Как в Божьем *смертному* завете

[1. С. 57].

Фауст обращается к Евангелию как к животворному источнику, способному не только поддержать его силы, но и насытить. Формой взаимодействия с ним становится уже не просто разглядывание знаков и символов и чтение вслух заклинательных фраз, а перевод на родной язык, т.е. он хочет пропустить через себя значение сакральных слов. Однако в переводе Вронченко на первый план выдвинут смысл не диалога со Словом, а противопоставленность человеческого божественному, причем по принципу очевидного неравенства. Тургенев в связи с этим выделил чернилами определение «*смертный*», задающее уничтожительную позицию для Фауста и указывающее на его изначальное подчинительное положение, которому противоречит последующая сцена толкования первой строки Писания, где герой вступает в соперничество с божественным в определении первоначала.

Далее в ходе чтения этой сцены Тургенев отмечает моменты вхождения Мефистофеля в жизненное пространство Фауста, его представление и постепенное установление между героями взаимозависимой связи. Писатель особенно внимателен к тем местам, где происходит домысливание образа

явившегося злого духа, когда в него вносятся чуждые его сущности фарсовые, пошлые черты. В своей статье Тургенев отдельно оговаривает это стремление переводчика сделать из Мефистофеля «мелодраматического чёрта, который в одно прекрасное утро говорит самому себе: “Дай-ка погублю я этого добродетельного человека, Фауста!”» [2. С. 223]. В русском тексте трагедии отмечена активность демонического персонажа уже в обличии пса, акцентируется внимание на том, как в ученый кабинет вносятся шум и суета, несколько раз смущая его тишину с монологичным присутствием голоса одного лишь Фауста. Так, знаком «NB» и подчеркиванием выделены слова героя, обращенные к пуделю:

*Прошу покорно больше
Не лаять и не выть [1. С. 58].*

Тургеневу кажется неуместной форма речевого этикета, которая выдумана переводчиком и не имеет источника в оригинальном тексте трагедии. Это выражение вносит ненужную иронию, которая как будто бы предваряет открытие Фаустом настоящей сущности того, кто скрывается под маской собаки. Иронический оттенок возникает из-за того, что это устоявшееся вежливое обращение в его разговорном употреблении не сочетается как с самой ситуацией, так и с теми, кто ведет диалог. Фауст, сосредоточившись на переводе Библии и переходя от «В начале было Слово» к «В начале было Дело», снова впадает в состояние иступленного творения, а вой и возня пуделя нарушают его полноту и самодостаточность, чем вызывают грозное недовольство, но совсем не иронию:

*Pudel, so laß das Heulen,
So laß das Bellen!¹.*

Оставляя вне специального внимания момент превращения Мефистофеля, Тургенев останавливается на том, как Фауст, догадывающийся о происхождении своего нечаянного гостя, пытается доискаться до настоящего имени Мефистофеля («Wie nennst du dich?»), в котором, по его представлениям, должна быть отражена подлинная суть его обладателя:

*Что же? имя ведь у всех вас, господа,
Про сущность говорит всегда
И никого в обман не вводит,
Как, например: лукавый, злой;
Но ладно, кто ты? [1. С. 62].*

Вся эта реплика отчеркнута одной большой чертой, а напротив на полях сделана выразительная запись: «нелепо». Нелепость перевода заключается в стремлении Вронченко к обобщению и витиеватой рассудительности в вопросительных словах героя. Так появляются апеллятив во множественном числе, мотив намеренного обмана, противостоящего правде, и пара прилагательных, упрощающих и одновременно украшающих свойства Мефистофеля. У Гёте же Фауст обращается во вполне простой и прямой форме, перечисляя известные ему наименования злого духа: «Fliegengott, Verderber, Lügner» (Вельзевул, Сатана, Лжец).

¹ Пудель, так перестань же выть, / Перестань лаять!

Мефистофель объясняется хорошо известной формулой, заключающей в себе противоречие, соединение противоположностей и аналогичный синтез. Тургенев его ответ отчеркивает и помечает на полях знаком «NB» без каких-либо критических замечаний. Отсутствие дополнительных комментариев говорит о безотносительной значимости для писателя афористичных слов героя, выражавших общую философскую проблему, которая не потерялась даже в переводе Бронченко:

*Я частица силы той,
Что вечно хочет зла, а благо производит* [1. С. 62].

Мефистофель оказывается фигурой, связанной «как с Адом, так и с небесным миром» [3. С. 80], и этой антиномичностью он сближается с Фаустом, который чуть раньше в разговоре с Вагнером заявил, что чувствует в себе «две души» и страдает «от их вражды, от их борьбы»¹. Демонический герой Гёте является носителем сознательного зла, к которому он и хочет склонить мятущегося в познании человека. Мефистофель будит в нем неудовлетворенность, заставляя Фауста, и без того взволнованного, находиться в постоянном напряжении, т.е. служит своеобразным катализатором процессов его внутреннего мира, намеренно проводя через разрушения, но неожиданно всё-таки приводя к вознесению. При этом гибельное начало, олицетворенное Мефистофелем, Тургенев в ходе чтения выделяет особо, отчеркивая строки с соответствующим содержанием и записывая рядом привычное «*не то*»:

*Затем-то грех, погибель, вред –
Ну все, что злом у вас зовут –
Моя есть область, мой приют* [1. С. 62].

Писателя возмутила вольность, с которой Бронченко обработал оригинал – умножил разговорность речи Мефистофеля за счет лексического дробления (частица, междометие), повтора и, как следствие, удлинения перечислительной интонации. Кроме того, злой дух вдруг получил приземленную образность, чему особенно способствуют два слова, поставленных в ряд синонимов, но имеющих отличную стилистику: «область» – как отрасль деятельности и «приют» – как последнее пристанище в поиске защиты. Такая разнородная лексика не просто выводит демонического героя на уровень человеческой обыденности, но еще и противоречит тут же проговариваемым смыслам. Тогда как у Гёте Мефистофель объединяет эквиваленты, которыми люди обозначают его сущность, – грех, разрушение, зло – одним точным словом: «*Element*», т.е. «*стихия*», что связано с научными изысканиями, мистическими и религиозно-философскими чаяниями самого Фауста. О неспособности Бронченко отличить разговорный язык от книжного Тургенев говорит в статье, приводя рядом стоящий пример: «“*gute Mähr sagen*” совсем не значит: “рассказать сказочку”, а просто “поболтать”» [2. С. 233].

Последнее, что прицельно отмечает Тургенев в третьей сцене, – это выход героев к возможности заключить договор. Его детали и условия пока

¹ Перевод К.А. Иванова.

никак не обговариваются, но что важно, Мефистофель многозначительно намекает Фаусту на отсутствие каких-то границ в достижении желаемого, т.е. он не будет стеснен никакими внешними условиями. Это ключевой момент в завязке всего остального трагического действия, который предваряет новое развитие идеи главного героя, полное перемещение ее осуществления за пределы человеческой морали: Фауст показывает, что он не боится присутствия дьявола и общения с ним, более того – даже готов вступить в возможное взаимодействие, хотя и сохраняя скепсис. Тургенев указывает на совершенную неточность русского перевода при передаче искуstительной речи Мефистофеля, отчеркивая и подписывая словами «*не то*» самый первый стих его реплики:

Да, мы не любим притеснений,

Что обещаем, в том едва ль возникнет спор [1. С. 65].

Was man verspricht, das sollst du rein genießen,
Dir wird davon nichts abgezwackt¹.

Единственное, что сохраняет Бронченко от оригинала, – это отрицательную форму с частицей «не», в целом же он кардинально меняет смысл подлинника. У Гёте герой дает Фаусту своеобразную гарантию, ручается за то, что у него ничего «не будет отнято». В переводе же получается так, что Мефистофель как будто облагораживается – на первый план выходит не «юридическая» честность злого духа, а его и всех с ним связанных существ природная добродетель. Оксюморонное сочетание, конечно, заставляет Тургенева указать на потерю изначального смысла и его последующее искажение.

Четвертая сцена, рисующая собственно заключение договора между Фаустом и Мефистофелем, интересует Тургенева преимущественно со стороны того, какие изменения происходят с главным героем. Даже когда он выделяет реплики злого духа, в них тоже на первый план выходит именно характеристика Фауста. Так, писатель подробно останавливается на большом монологе героя, который стал реакцией на обещание Мефистофеля открыть ему путь к познанию жизни. Разуверившийся в такой возможности после нескольких тщетных попыток Фауст сомневается и в дьявольской способности проникнуть за пределы неведомого. Его речь – это образец сомнений и скептицизма, подобных тем, что произносит в своих монологах Гамлет Шекспира. Но здесь еще и глубина разочарования в самом себе, приводящая к высшей степени отчаяния, что выражено в последних строках: «Жизнь в тягость мне, а смерть – мое желанье»². Тургенев в пространстве горьких и жестоких фаустовских ламентаций со словами «*не то*» или «*совсем не то*» отчеркивает три фрагмента с очевидной для него неудачей переводчика. Это первые строки, с которых и начинается сетование героя, отвечающего Мефистофелю на предложение начать изменения

¹ Что обещано, тем ты свободно можешь наслаждаться, / Ничего из этого у тебя не будет отнято.

² Перевод К.А. Иванова.

со смены одеяния, чтобы внешне более соответствовать заветным чаяниям. Реакция Фауста закономерна:

In jedem Kleide werd ich wohl die Pein
Des engen Erdelebens fühlen
(В каждом платье я буду чувствовать муку
Тесной жизни на земле).

Он не столь легковерен и податлив, как думает и на что рассчитывает злой дух, его не может прельстить простое переодевание, не изменяющее сути. Этот мотив будет реализован далее в физическом плане, когда смена облика произойдёт путем магического омоложения. Вронченко же при переводе устранил эту деталь и придал словам Фауста патетичность, уснащая метафорами, хотя герою нет дела до возвышенности своих выражений, он сосредоточен на осмыслении тягот и неудач своего стремления:

*Напрасно! Жизни теснота и холод
Все будут жаль меня, студить мне сердца жар* [1. С. 71].

Следом Тургенев в такой же манере обращается к произносимой героем жизненной формуле, которую он с пессимизмом выводит из бесплодности своих прошлых усилий:

Entbehren sollst du! sollst entbehren!
Ты должен обходиться! Должен обходиться!

Так Фауст проговаривает то мрачное мироощущение, которое им завладело и которое всецело определяет движение его чувств и мыслей. Широту прежних претензий к миру, небывалый объем тех надежд и чаяний, что испытывал и пытался достичь, он теперь вынужден заключать в узкие пределы, всё также замыкаясь в границах своей ученой кельи. Происходит нивелирование человеческой природы, сведение ее к минимуму и отказ от жизненной активности ввиду ее изначальной ограниченности и принципиальной безрезультатной невоплотимости. Очень скоро от пессимизма по отношению к индивидуальному Фауст придет к отрицанию всеобщему, т.е. к разрушительной форме мизантропии. Переводя этот единственный стих, Вронченко не обходится без романтической призмы, он поляризует позицию героя, конструируя из его абсолютного нигилизма противопоставление «я и мир» с избирательной деятельностью личности, организующей свое окружение: «Нуждайся в том, умей жить без другого!» [1. С. 71]. И еще более необычно выглядит комментарий, который дает переводчик за текстом: «Тут в подлиннике повторение слова entbehren (нуждаться, обходиться без чего-нибудь) составляет красоту непереводимую» [1. С. 239]. За «красоту непереводимую» он принимает утвердительно-заклинательный характер фаустовского самообращения. Точно держась за эту линию искажения оригинала, Тургенев следом отмечает у Вронченко неверный перевод признания героя в том, что он сам носит в себе то разрушительное начало, которым отправляет собственное же существование:

*Что все надежды наслаждений
Он дерзкою насмешкой истребит* [1. С. 74].

Русский текст демонстрирует разрастание ранее искусственно выстроенной оппозиции между Фаустом и остальным миром, превращая ее в антагонизм человека и некой надличностной силы. Местоимение «он» у Бронченко выражает эту действующую над героям внешнюю стихию, которая парадоксально проистекает у него из обобщения слова «день» («Настанет день – его я с трепетом встречаю») [1. С. 74]. На самом же деле Фауст ясно и определенно говорит о самом себе как источнике сопровождающей его опустошительной дисгармонии:

Напротив – критикой стараюся убить
Саму идею наслажденья¹.

Наблюдая растущую и расширяющуюся в Фаусте силу отрицания, Мефистофель хочет его остановить, поскольку в крайности своего гневного отчаяния он способен опрокинуть всю ту сферу искушений, которая для него подготовлена. И Тургенев отмечает особо эту попытку злого духа «образумить» разгорячившегося человека, привести его в возможное равновесие после монолога-проклятия, который «затрагивает все жизненные ценности, не только эфемерные, иллюзорные, но и истинные», и где «отречение Фауста от жизненного мира приобретает форму его радикальной деструкции» [3. С. 90]. Писатель отчеркивает «успокоительные» слова Мефистофеля, не очень точно переведенные Бронченко:

Ужель тебе лелеять целый век
Как коршун жизнь твою терзающее горе?² [1. С. 74].

Относительно верно передано только сравнение с хищной птицей, первая же строка с центральным в ней глаголом высокого стиля лишает слова демона серьезной направленности. Из-за состояния Фауста, неожиданно впавшего в столь сильную и независимую аффектацию, Мефистофель опасается выпустить его из своих рук, боится не совладать с полным и выдержаным отрицанием, поэтому далее он будет внимателен к глубине его чувственности [4. S. 270]. Вероятно, Тургенев видит в переводе нарушение логики и цельности действий героя: у Бронченко лирико-патетическая окраска выражения не соответствует как сущности, так и намерениям злого духа. Не отвечает она и облику самого Фауста, приписывая его страданиям романтический флёр. Эту ошибку переводчика писатель отмечает в последующей реплике главного героя, соглашающегося рассстаться со своими «мучениями»:

И только их бы не сносить,
А там пусть будет, что должно и может быть [1. С. 75].

Фауста не пугает перспектива расчёта с Мефистофелем после смерти, он не задумывается о том, что его будет ожидать потом, когда дьявол затребует свою плату. Человек отрекается от обоих миров – по ту и эту сторону – из-за терзающего его равнодушия ко всему вообще, а обещание подарить ему

¹ Перевод К.А. Иванова.

² Hör auf, mit deinem Gram zu spielen, Перестань носиться со своей скорбью,
Der, wie ein Geier, dir am Leben frisst; Которая, как стервятник, сжирает тебя живьем...

наслаждение мгновением по неверию не воспринимается всерьез. Употребленный Вронченко глагол «снести» с переносным смыслом (вытерпеть, выдержать) продолжает отмеченную Тургеневым выше линию неуместной трагической восторженности героя, как будто бы пытающегося справиться с внутренней бурей, тогда как в оригинале «*scheiden*» имеет значение «расставаться», «прощаться», т.е. акцент сделан на отказе от рефлексии.

Тургенев внимателен к происходящим в Фаусте движениям, он отмечает его полную готовность заключить договор с дьяволом и сомнение в том, что поставленные условия вообще могут быть выполнены. В русском тексте трагедии писатель отчеркивает с пометой «*не то*» слова, которыми герой сопровождает сделку. Во-первых, это сама суть договоренности – достижение момента высшего и полного наслаждения. Фауст проговаривает ее не без некоторой насмешки, иронического неверия в саму возможность:

Чуть от твоих бесовских обольщений,
Самодовольный сердцем и умом,
Забудусь в неге наслаждений [1. С. 76].

Здесь на первый план выступает еще и отсутствие в нем какого-либо заблуждения, он понимает, каким испытаниям и искушениям его может подвергнуть Мефистофель, чтобы достичь желаемого, и что всё созданное дьяволом не сделается чем-то реальным, а будет лишь чувственным восторгом, иллюзией и самообольщением. Но этот комплекс смыслов Вронченко передает утрированно: в речи Фауста звучит грубость, появляется уничижительная самохарактеристика, а центральным становится мотив забвения. В подлиннике, где герой совсем не говорит о самодовольстве, упор сделан всё-таки на обман, который в стараниях злого духа обретет такую убедительность и привлекательность, что будет способен насытить, исчерпать желание:

Kannst du mich schmeichelnd je belügen,
Daß ich mir selbst gefallen mag,
Kannst du mich mit Genuß betrügen¹.

Важно было Тургеневу выделить описание того, как эсхатологически Фауст представляет себе собственную кончину и триумф Мефистофеля. Главным в явлении смерти для него делается время, прекратившее свое движение. Гёте дает здесь акустический образ колокола и эмблему циферблата с замершей стрелкой:

Dann mag die Totenglocke schallen,
Dann bist du deines Dienstes frei,
Die Uhr mag stehn, der Zeiger fallen,
Es sei die Zeit für mich vorbei!²

Однако Вронченко звуковой символ обобщил, наглядно выразив его одним лишь глаголом, который в паре с существительным получает абстрактное значение, уже не связанное со своим источником. А образ времени, хотя

¹ Если ты сможешь, лястя, лгать мне так, / Что мне даже станет нравиться, / Если ты меня обманешь наслаждением.

² Тогда может прозвенеть похоронный звон, / Тогда ты будешь свободен от своей службы, / Часы могут остановиться, стрелка может упасть, / Пусть время для меня закончится!

сохраняющий оригинальную форму через метафору часов, облекается в лирическую маску, которая придает всем словам Фауста риторическую укращенность, не случайно Тургенев в дополнение к своему обычному замечанию: «*не то*» специально к последней строке пишет на полях: «*казённица*». Переводчик и стилистически, и содержательно придает речи героя чуждые ей свойства, а вместе с этим преломляет и общую его характеристику:

Тогда пусть для меня пробьет
Година смертно-роковая;
Пусть станет стрелка часовая
И кончит время свой полет! [1. С. 77].

Фауст как будто намеренно драматизирует, хотя на самом деле высказывает очень твердо и определенно, без срытых умыслов.

Наконец, в тургеневском чтении сцены с заключением дьявольского договора ставится акцент на предметное закрепление его условий – расписку. Знаком «NB» писатель выделяет просьбу Мефистофеля вместить их устный пакт в пару письменных строк. При этом Тургенев подчеркивает один из аргументов злого духа, который заставляет его настаивать на такой формальности:

Теперь еще одно:
Черкни мне строчки две – оно
Всё лучше, жизни или смерти ради [1. С. 77].

Составляемая расписка имеет значение векселя, даже дьяволу нужен документ, который бы он предъявил ко взысканию, когда протагонист объявит о своей несостоятельности и скончается. При этом ответчиком в случае падения Фауста, очевидно, должен был выступать Господь, открывший путь к искущению и определивший его условия, хотя в finale трагедии Мефистофель не ропщет, как шекспировский Шейлок, требуя уплаты, а только клянет себя. На само же настойчивое предложение составить заверительный акт герой реагирует с недоумением, поскольку полностью отрешился от всего прежнего и настоящего, предоставив себя в полную, как ему кажется, власть дьявола. Тургенев выделяет реплику Фауста, который удивляется педантизму законника ада:

Не то – ведь в свете все непостоянно,
Так запись ли меня *остепенит*? [1. С. 78].

Писатель идет к пониманию того, на чем держится уверенность героя и его презрение к необходимости договора. Фауст, считая любые доказательства сверх своего слова излишними, указывает Мефистофелю, с одной стороны, на непреклонность и неотвратимость своего решения, а с другой – на ничтожность бумажного акта, который жалок и бессилен в сравнении с общим движением мироздания. Подчеркивая слово «*остепенит*», Тургенев выявляет переводческое несоответствие как в смыслах, так и в масштабах. У Гёте герой говорит, конечно, не о возможной степенности или рассудительности, а о силе собственного стремления в отвечающем ему контексте всего окружающего:

Rast nicht die Welt in allen Strömen fort,
Und mich soll ein Versprechen halten!¹

¹ Не мчится ли мир во всех потоках, / И удержит ли меня обещанье?

Еще дважды писатель особо отметит ошибку переводчика именно в том, каким образом он пытается передать мятущуюся и жаждущую природу Фауста после заключения договора. Тургенев обращается к двум противоположным отрывкам в речах героя. Первый дает пример новых желаний, не имеющих преград и границ, – это уже ясный порыв к неизвестному и бесконечному, но кратко возросший и как будто неконтролируемый. Фауст пытается очертить Мефистофелю картину этих чаяний:

Его [человечества] блаженством и страданием упиться,
Объять весь круг, его объемлемый умом,
И дух расширя свой на весь его объем,
С ним вместе в час его кончины сокрушиться [1. С. 80].

Лишь одно место волнует здесь писателя – выспренность последних слов, где выражается представление героя о том, как должен осуществиться синтез, личное соединение с мировым началом в процессе общего распадения. Вронченко использует поэтическую метафору, поверхностно отражающую оригинальный смысл и упрощающую ту фантазию, которой объят человек. У Гёте всё более непосредственно и значительно, поэтом дается изображение распространения фаустовской души, ее разрастание до масштабов всего существования, а в постижении и достижении всеобщего утверждается и закономерность растворения индивидуального:

Mit meinem Geist das Höchst' und Tiefste greifen,
Ihr Wohl und Weh auf meinen Busen häufen,
Und so mein eigen Selbst zu ihrem Selbst erweitern,
Und, wie sie selbst, am End auch ich zerscheitern¹.

Другой пример связан с обратным описанием, Тургенев отчеркивает со словами «*не то*» размышления Фауста о прежней своей жизни в глубинах кабинета, когда он пытался через книжные истины и научное знание постичь природу вещей. Герой снова сознает бесплодность своих усилий, а вместе с ними и вообще неспособность человека подняться над собственной природой:

Действительно, теперь мне ясно,
Что умственных сокровищ я напрасно
В себе так много сгромоздил –
От них в душе не пребывает сил² [1. С. 80].

Вронченко придал выражению Фауста нарочитую небрежность по отношению к самому себе, хотя в подлиннике звучит лишь трезвая оценка, констатация, которая подталкивает его к уверенности – войти в «новую жизнь», обещанную Мефистофелем. Это и окончательное порывание с земным миром, вернее, с осознанно-деятельным в нем существованием. Особенно

¹ Моим духом самое высокое и самое глубокое объемли, / Их благо и боль в мою грудь вложи, / И так расширится мое собственное я до их собственного я, / И, подобно им, в конце также я распадусь.

² Ich fühl's, vergebens hab ich alle Schätze
Des Menschengeists auf mich herbeigerafft,
Und wenn ich mich am Ende niedersetze,
Quillt innerlich doch keine neue Kraft; Я чувствую, напрасно я все сокровища
Человеческого духа схватил,
И когда я наконец схожу на землю,
Внутри не возникает новой силы;

чуждо выглядит использование разговорного глагола «сгромоздить» с явно негативным оттенком смысла, который все ученые штудии Фауста переводят в план материально-бытового: хлам, сваленный в кучу. При том что Гёте для обозначения прежних завоеваний героя в разных сферах выбирает слово «Menschengeistes», дословно переводимое как «человеческий дух», т.е. совокупность действующих процессов души и мысли, а не только лишь умственные усилия, как это намеренно показывает Вронченко.

Фаустовская рефлексия по-прежнему очень волнует Мефистофеля, хотя после заключения договора он не сомневается в том, что ему удастся возобладать над его стремлением, обратив в свое направление. Такая уверенность выражается в монологе злого духа, произносимом им уже в одиночестве. Тургенев трижды обращается к этой торжествующей речи, отчеркивая, подчеркивая и помечая словами «*не то*» фрагменты, точно иллюстрирующие логику и последовательность мысли Мефистофеля. К таким местам относится собственно понимание демоном сложной природы вступившего с ним во взаимодействие человека, он ясно для себя проговаривает наличие в нем неукротимой жаждущей силы, которая в русском переводе получает ограничивающее определение:

Его, я вижу, дерзкий дух
Всё дальше, всё вперед стремится¹ [1. С. 83].

Тургенев подчеркивает слово, сужающее объем устремлений Фауста, – всё сводится лишь к тому, что герой действует как будто из простого бунтарства или несогласия, что снова сковывает его в романтической образности, уподобляя байроническим героям. Следом писатель выделяет ту перспективу искушения, которым Мефистофель думает подвергнуть человека, чтобы и одолеть или заглушить постоянство его стремления, и достичь ранее оговоренного обмана, за границей которого будет потеряна возможность жизни:

Я к пошлостям его и к шумной,
Разгульной жизни увлеку,
Чтоб он метался как безумный,
Всё видя только на скаку² [1. С. 83].

Судя по переводу Вронченко, Фауста ждет беспорядочное кружение в калейдоскопе мимолетных бессвязных влечений. Такие смыслы в оригинале действительно возникают, но в них нет бытовой конкретики (пошлость, шум, разгул), какую на поверхность выдвигает русский переводчик. Мефистофель вырисовывает мир общей грубой чувственности, куда человек именно погрузится, а не просто будет наблюдателем или свидетелем, под-

¹ Ihm hat das Schicksal einen Geist gegeben,
Der ungebändigt immer vorwärts dringt...

Судьба дала ему дух,
Который всегда неукротимо рвется вперед...

² Den schlepp ich durch das wilde Leben,
Durch flache Unbedeutendheit,
Er soll mir zappeln, starren, kleben,
Und seiner Unersättlichkeit...

Я протащу его через бурную жизнь,
Через мелкое ничтожество,
Он должен баражаться, глазеть, липнуть,
И его ненасытность...

черкивается само соприкосновение с внешне реальными формами наслаждения и упоения, но лишенными содержания, поэтому употребляется слово «ненасытность» (Unersättlichkeit), ведущее к роковой невозможности утоления голода. При этом злой дух в конце своего самодовольного монолога подчеркивает трагическую предопределенность судьбы Фауста именно в связи с этой априорной неосуществимостью желаемого:

*Чтоб даже дьяволу не поклонясь душою,
Он гибели не миновал¹ [1. С. 83].*

Тургенев специально выделяет чернилами первую строку, исправляя ошибку перевода, поскольку ни в какое униженное или подобострастное положение перед презираемым дьяволом герой себя не ставил. Это тем более важно, что душа Фауста не способна склониться ни перед чем, она сама и есть выражение той внутренней силы, что безудержно влечет его вперед.

Четвертая сцена представляет разговор Мефистофеля, переодетого в ученика-наставника, с пришедшим в дом Фауста Учеником, который хочет поступить в университет. В ней углубляется характеристика Мефистофеля как «острого и наблюдательного критика всякой схоластики, метафизики, а также врага спекуляции мнимой ученостью» [5. С. 98]. Работая над ее переводом, Бронченко существенно сгущает краски, насыщая реплики персонажей лексикой, проводящей смыслы пренебрежения, высмеивания и просто неуважения, но не ко всякой науке, а именно к философии. И Тургенев, не останавливаясь подробно на сути пародийной беседы-наставления, выделяет здесь исключительно эти извивательные выпады переводчика – «замашки против философии», как он их называет еще ранее, когда отчеркивает обезображенную реплику Фауста по поводу своего отца: «Но сбившись с толку, все к одной головомойной / своей системе приводил». Красноречивы замечания писателя на полях, совокупно иллюстрирующие его общее недовольство как качеством русского текста, так и тем, что искусственная ирония подменяет собой естественно-комическую атмосферу этого камерного действия. Так, Тургенев записывает напротив отчеркнутых стихов, где «ненависть к “мудрствованию”» показалась ему особенно сильной:

<i>за то надо г-на Бронченко посечь не понял подлинника не понял подл<инника> г-н Бронченко!!</i>	<i>Ученик Хочу чём дельным голову набить Мефистофель Хоть что mestится в ум, хоть нет Мефистофель Параграф чередной прочесть, Чтоб после явственней увидеть, что в нем точно Не больше значится, как то, что в книге есть Ученик Не в философию ль залезть мне наконец? [1. С. 84–88].</i>
---	--

¹ Und hätt er sich auch nicht dem Teufel übergeben,
Er müßte doch zugrunde gehn!
И если бы он не отдался дьяволу,
Он должен был бы погибнуть!

По поводу первого случая он, например, говорит в статье, что такие слова «явно противоречат робкому, неопытному и смиренному характеру ученика» [2. С. 222]. То есть им устанавливается прямая зависимость между формой выражения героев и их художественной образностью, которой пре-небрег переводчик, «с намерением искажая смысл подлинника» [2. С. 222]. Тургенев тонко воспринимал трагедию Гёте как художественное единство, в котором все элементы не только взаимосвязаны, но и имеют собственное индивидуальное оформление. В подобной же логике установления деформации оригинала Тургенев прочитывал сатирическую сцену в погребе Ауз-рбаха, периодически помещая на поля преимущественно одну фразу: «не понят подлинник» и единожды сбиваясь на большую резкость: «это что за вздор?». Развернутую рефлексию у него вызывает неточность Вронченко в переводе «Песни о крысе», которую поет Брандер:

Дрожит, пыхтит да стонет;
А повар с смехом говорит:
Ай, славно, кумушка! п – ъ,
Как от любовной страсти! [1. С. 96].

Он записывает напротив на полях: «Это превосходно! В <нрзб> нет никакой славности, а Вронченко, не поняв, переводит *pfeift auf dem letzten Loch... п-ъ!*». В этой песне, обличающей паразитизм монахов, переводчик принимает немецкую идиому «свистеть из последней дырки» за проявление скабрезности (п<ердит>ъ), считая, что именно так подобает выражаться за-всегдатаю винного погреба, распевающему бытовые куплеты¹. Повар в этих стихах действительно не находит ничего славного в том, как крыса от отравы «жалобно хрюпит», он лишь подчеркивает, что грызун находится при последнем издыжании. Это и позволяет простонародному сознанию ловко и остроумно сравнить агонию животного, под которым скрывается сластолюбивый монах, с любовными муками, при этом такая параллель в песне задается с самого начала и комически трижды повторяется в воскли-цианиях хора: «Als hätte sie Lieb im Leibe» (Как будто бы она влюбилась).

Переводу сцены в кухне ведьмы, где происходит преображение Фауста и его перерождение для «новой жизни», Тургенев в целом дает благожела-тельный оценку, подписывая по ее завершении: «Эта сцена хорошо перев<едена>». Однако, даже удовлетворяясь общим строем русского текста, писатель не обходится без указания на частности – важные для него места, в которых происходит затемнение смыслов. Таких моментов он выделяет три. Во-первых, это сцена у зачарованного зеркала, где Фаусту является идеал красоты, которым он тут же желает обладать. Тургенев отчеркивает всего одну строку, как раз передающую неверно это впечатление героя от представшего перед ним образа:

¹ Ср. рассуждение Тургенева по поводу этого места в статье: «Вронченко почел одно весьма обыкновенное выражение: “aus dem letzten Loch pfeifen” (“быть при последнем издыжании” – слово в слово: “свистать из последней дырочки”) за непристойность и, с важностью добросовестного переводчика, перевел это выражение... как? – извольте спра-виться сами, почтенный читатель...» [2. С. 233].

Блаженства ли здесь образ воплощенный,
Простерт на ложе, мне предстал,
Иль точно на земле есть существо такое? [1. С. 113].

Для Фауста прекрасная женщина в отражении олицетворяет не только и не столько блаженство, как переводит Вронченко, снова сужая устремления героя и сводя их к высшей степени удовольствия, но это прежде всего восхитительно-прекрасное и столь объемное в своей полноте, что едва ли способно вместиться в пределы человеческих (земных) представлений. Гёте передает суть этого возвыщенно-чарующего образа словами: «Den Inbegriff von allen Himmeln», т.е. «воплощение всех небес». Фаусту открывается не только мир чувственно-осозаемый, связанный с наслаждением, но и нечто большее, отвечающее его неудержимому влечению к выходу в духовный простор. Эта двойственность проявится в последующих поворотах судьбы, когда герой перейдет от упоения мгновением в объятиях Гретхен к полноте счастья рядом с Еленой.

Следующий шаг Тургенева – это поправка к трактовке образа Мефистофеля. Писатель отчеркивает слова Ведьмы, которая приветствует своего хозяина: «Опять он здесь, господчик-сатана!» [1. С. 116]. Его замечание направлено на употреблённое Вронченко слово «господчик», которое тот посчитал эквивалентом немецкого «Junker». Но он прав лишь наполовину. В оригинале действительно употреблено слово со значением юного дворянина или благородного юноши (от средневерхненемецкого «junc hērre»), но в нем нет той иронически-неодобрительной, уничижительной интонации, какую ведет за собой русский вариант. С «господчиком» уходит акцент на раболепно-угодливое отношение Ведьмы к Мефистофелью, в сочетании же со словом «сатана» дьявольская сущность злого духа подвергается неестественному осмеянию, которое вступает в противоречие с последующим поведением героя. Мефистофель протестует против своего имени, к которому привыкли люди, сделав дьявола героем басен, и принимает на себя титул «Herr Baron» (господин барон), напоминая о своём одеянии, в котором он предстал перед Фаустом в начале четвертой сцены, и таким образом насмехаясь над человеческой привязанностью к внешним знакам знатности и выражениям дворянского достоинства.

Последнее, что поправляет здесь Тургенев, – это смысл слов, с которыми Мефистофель обращается к Фаусту, выпившему зелье. Герой, начавший с помощью ведьмовского колдовства и ухищрений злого духа новый путь восхождения, устремляется к тому прекрасному образу – его возможному воплощению на земле, что был увиден в зеркале. Мефистофель, обещая ему это, произносит фразу двойного значения: «Я научу тебя затем ценить благородное (прекрасное) безделье» (Den edlen Müßiggang lehr ich hernach dich schätzen). Прямой смысл здесь ведет к тому, что Фаусту необходимо совершил прогулку, чтобы омолаживающее зелье распространилось по всему его телу и изнутри совершило свое магическое действие. Оборотная же сторона этих слов наводит на скрытые намерения Мефистофеля, которому важно привести человека к гибели. Он хочет научить его «безделью», т.е. в

иллюзии склонить к бездействию, остановить его стремление (благородное, прекрасное), а для Фауста остановка совершенно точно значит смерть, что и было оговорено в соглашении. Тургенев, понимая эту двусмысленную составляющую в реплике злого духа, отмечает у Вронченко очевидную для него неверность перевода: «*Потом изведаешь, что значит жить без дела*» [1. С. 121]. В таком варианте пропадает, во-первых, активное участие Мefистофеля, который должен искушать, но Фауст сам «изведает», а во-вторых, «жизнь без дела» опять же прозаизирует линию развития героя, внося в нее ненужные акценты – тоски, скуки, пустоты.

С того момента, когда в трагедию входит образ Маргариты, внимание Тургенева будет всецело сосредоточено на нем. До конца всей первой части «Фауста» он отмечает в русском тексте исключительно те места, в которых переводчик неверно или неточно передал черты, оттенки в изображении девушки и в развитии линии ее взаимоотношений с главным героем. Так, он подчеркивает данное Гретхен определение «умна» и записывает на полях оригинал: «*schnippisch*» (насмешливый). Это одно из самых первых впечатлений Фауста от непосредственной встречи с Маргаритой. Тургенев прицельно обращается к нему в статье, проговаривая несуразность такого перевода, поскольку тогда он лишает цельности сам образ «милой, как цветок, прозрачной, как стакан воды, понятной, как дважды два – четыре» [2. С. 212]. девушки. Писатель отстаивает простоту и непрятязательность Гретхен, которая выделяется своей непосредственностью и чувствительностью, но никак не «умом», тем более что и сам «Фауст и не требует особенных умственных способностей от своей возлюбленной» [2. С. 212]. Этому замечанию параллельно подобное же обращение Тургенева к тому, какое действие произвел на Гретхен Фауст. Писатель ставит крестик и отчеркивает строки:

И родом, верно, не простой –
Да, это видно из всего,
А более из смелости его¹ [1. С. 126].

Стихи взяты из следующей сцены, когда Маргарита одна в своей маленькой комнате рассуждает о встреченном незнакомце. Гёте показывает, как Фауст занимает мысли девушки, он возбудил ее интерес, и теперь в ее воображении чувство формирует привлекательный образ. Она пытается угадать, что за человек ей повстречался, представляя его только в приятном свете. Главное, что она пока для себя определяет в нем, – это благородство происхождения, которое прочитывается «у него на лице» и проявляется в дерзости. Тургенев не доволен тем, как эти знаки передал Вронченко, обобщая их: «видно из всего» и меняя связь между первым и вторым. Если в оригинале Гретхен говорит о дерзком поведении Фауста как о неординарности, какую себе может позволить только человек с достоинством («Иначе бы он и не

¹ Und ist aus einem edlen Haus;
Das konnt ich ihm an der Stirne lesen –
Er wär auch sonst nicht so keck gewesen.

И из благородного дома;
Это я смогла прочитать у него на лице –
Иначе бы он и не был таким дерзким.

был...»), то в переводе благородство прямо (а не от обратного) вытекает из смелости и делается преимуществом и доказательством.

Комната Гретхен становится предметом особой рефлексии Фауста, который переносится туда своим демоническим спутником. Злой дух дает желанию героя разрастись, он растревляет его влечение к девушке, но не подает это в низменно-бытовом ключе – а именно такое русло перевода избрал Бронченко, чем Тургенев остался недоволен. Так, когда Мефистофель, удерживая порыв Фауста, обещает ему пребывание в скромном жилище Маргариты, то описывает его как атмосферу «радостей всех будущих надежд» (*aller Hoffnung künftiger Freuden*). Бронченко же вместо абстрактного и лирического описания топорно называет комнату пространством страсти: «Подышишь атмосферой *страстной*» [1. С. 125]. Подчёркивая последнее слово, писатель выявляет его несоответствие как собственно Маргарите, чей образ «дышил стыдливой прелестью невинности и молодости» [1. С. 212], так и тому, как осторожно и тонко ведет линию искушения Мефистофель.

Далее Тургенев со словами «*не то*» и крестиком отмечает три стиха из большого монолога Фауста, которого полностью захватила атмосфера комнаты его возлюбленной:

Перевод М.П. Бронченко Как здесь уместен сумрак сей Ея рука! о, всякий край С ея рукою будет рай!	Подстрочный перевод Добро пожаловать, милый сумеречный свет, О милая рука! столь богоподобная! Скромный уголок через тебя становится небесным чертогом. Как бы, надменный, вдруг смирился, Как бы у ног ее <u>вланился</u> !
[1. С. 127–128].	

Во всех случаях писателя не устраивает то упрощение, с которым переводчик подходит к передаче восторженных реплик взволнованного героя. По сравнению с оригиналом они, с одной стороны, сужены и сокращены, вместо развернутой рефлексии «русскому Фаусту» позволено выражаться небольшими фразами, а с другой – его слова в этой сдержанности звучат шаблонно и неестественно, при этом совсем или только наполовину соответствующе источнику. Так, выражение «сумрак сей», четко и резко определяющее царящую атмосферу как полумрак, не способно передать поэтического настроя фаустовской души, тогда как оригинальное «сумеречный свет» имеет тонкую лирическую окраску – это именно неяркий свет, прорывающиеся лучи солнца, которые герой приветствует и движется им навстречу. Во втором представленном отрывке двойное восхищание сливаются в одно, высокий эпитет устраняется, в результате восторг нежности не получает полноту выражения, не вмещаясь в пределы притяжательного сочетания, повтор которого сужает и последующее содержание. Развернутые определения в положении контраста заменяются простой рифмой, йотированность которой придает стихам неестественную ритмичную краткость.

Отмечает Тургенев и стилистические неточности, ведущие к неверному пониманию. Он специально подчеркивает слово «влачился», меняющее характер фаустовского упоения. Поэтизм не придает речи Фауста возвышенности, напротив, его употребление снижает образ воздыхателя, который не застывает в томлении грусти у ног любимого существа, а тягостно пресмыкается, волочится.

Последней пометой в восьмой сцене Тургенев выделяет песенку Маргариты о Фульском короле, в которой поется о преданности и постоянстве чувства до самой смерти. Эта баллада отражает концепцию любви самой девушки, поскольку верность становится «основным качеством гетевской героини, которое сохраняется у нее до смертного часа» [1. С. 106]. Он делает обобщающее к ее русскому переводу замечание: «плохо», а вдоль нескольких стихов записывает: «перевести это». Писатель обращает свое внимание на слова, содержащие параллель к будущей судьбе Маргариты:

И кончив пир, он кубок
Еще раз осушил,
И осушив, с угеса
В пучину вод пустил.
И в волны, где пал кубок,
Уставил грустно взор [1. С. 130].

Вронченко действительно плохо перевел всю песню, по-прежнему пытаясь вместить оригинал в свою прокрустово ложе. Стихи Гёте за счет поэтической емкости и гармонии сложения и сочетания слов имеют возможность вместить в себя объемную образность, которая у переводчика не помещается в русскую строфику, поэтому он обрезает их, обедня员 изобразительный план. Например, то, что Вронченко передал одним лишь словом «осушил», в подлиннике имеет развернутое выражение: «выпил последний жар жизни», и уже это дает понять, насколько сужается лирическая перспектива. Не менее показателен его перевод последних стихов из приведенного отрывка. Описание кинутого в морские волны кубка сведено к одному лишь слову «пал», тогда как у Гёте это детализированное воспроизведение с опорой на три подряд идущих глагола, которые должны дать не только развернутую наглядность, но и драматическую детальность: «падает, набирает воду / И тонет». Совершенно очевидно, что строки, отчеркнутые с установкой на необходимость дать собственный перевод (вероятно, для статьи, но он так и не был сделан), Тургенев прочитывал как проекцию на ожидающую Гретхен трагедию. Выпитый до дна и брошенный в море кубок метафорически показывает, что точно так же будет испита Фаустом жизнь девушки и отброшена прочь. Параллель ясна в подлиннике благодаря именно той подробности описания, что использует Гёте, которому важно в одушевлении прочертить падение драгоценной чаши. Вронченко же практически лишает свой перевод возможности проспективного восприятия.

Чередой следующих помет в двенадцатой сцене Тургенев прицельно останавливается на образе Маргариты. Прежде всего его интересует то, как

Вронченко не смог передать чистоту и невинность ее образа. Во время прогулки в саду с Фаустом девушка сама старается доказать герою свою нравственную твердость, которая находится в союзе с набожностью. Но при этом Гретхен представляет собой натуру абсолютно мирскую, на которую любовь действует с непреодолимой и непостижимой для нее силой. Понимая, что не может устоять перед чувством, она, во-первых, говорит Фаусту, что знает повадки лживых обольстителей, которые покидают, лишь совратив: «Да, и из памяти, как с глаз!», а во-вторых, оправдывается перед ним тем, что не только скромно себя повела, повстречав его снова в саду: «*А как же! Я глаза тотчас же опустила*» [1. С. 151], но и что не поддалась его дерзости, когда выходила из ворот собора: «*Мне стало грустно; и во сне / Я не встречала случая такого*» [1. С. 152]. Маргарите важно подчеркнуть перед Фаустом свою индивидуальность, чтобы он не думал о ней как об одной из ряда известных своей развязностью особ и увидел в ее взаимности отклик на искренние порывы сердца. Тургенев помечает все эти реплики крестиками, указывая таким образом на их значимое и значительное отличие от подлинника. Он не принимает в них все того же упрощения, а также произвольных замен. Так, в первом случае неверно переведено устойчивое сочетание «aus den Augen, aus dem Sinn» (вон из глаз, вон из дум), в нем вдруг появляется слово «память», которое не отвечает полноте и простоте сознания Маргаритой лёгких побед разных обольстителей. Это понимание она утверждает уверенно и с большой силой именно в пословичной форме. Восклицание «А как же!» искусственно заменяет искреннее признание девушки в своей скромности, которая не могла остаться лишь прикрытием, но должна была дать о себе знать открыто: «*Saht Ihr es nicht*» (Разве вы этого не видели). В последнем случае слово «грусть» плохо перекликается с тем, что говорит Маргарита в оригинале: «*Ich war bestürzt*» (Я была смущена). Именно смущение отражает стыдливость девушки, а грусть уводит в сторону. Здесь же переводчиком прибавляется слово «сон», которое говорит, что девушка даже в грёзах не могла помыслить об испытанном ею смущении. Но Гёте дает проявиться невинности и неопытности Маргариты прямо – с ней «такого никогда не случалось» (*war das nie geschehen*), т.е. в подтверждение она приводит весь свой жизненный опыт, переживая именно в реальности встречу с Фаустом.

В этой сцене Тургенева волнуют еще две детали. Одна связана с прежде уже отмеченной им пророческой составляющей слов Гретхен. Отражение будущей драмы писатель теперь находит в ее рассказе о младшей сестре. Здесь на первый план выходит образ не просто маленького ребенка, но именно младенца, значительно контаминируя с новорожденной дочерью Маргариты, которую мать в приступе безумия и страха позже утопит своими же руками. История ребенка, оставшегося по смерти отца и болезни матери всецело на руках девушки, показывает Гретхен в череде постоянных забот, которые, по ее же признанию, принесли много труда и тягот. Но она бы даже «вдвое на себя взяла», потому что: «*Так мил ребенок мне казался и хороши*» [1. С. 146]. Эти слова Тургенев помечает крестиком, недовольный

тем, как Вронченко меняет оригиналную объективность (данность и уверенность) на субъективность (вероятность и неустойчивость), т.е. производит замену глагола «быть»: «Так мил был мне ребенок» (So lieb war mir das Kind). Кроме того, переводчик добавляет определение, повторяющее предыдущее и называющее новый качественный признак. Неверность перевода писатель замечает и в тех словах, что звучат из уст Гретхен своеобразным обобщением: она признается, что после тягостных хлопот были особенно «приятны пища и покой» [1. С. 150]. Вронченко сводит два доступных ей утешения к одной «приятности», хотя у Гёте они все-таки разделены между собой и каждое имеет свое свойство: «Но зато как вкусна еда, как сладок покой» (Doch schmeckt dafür das Essen, schmeckt die Ruh). В перевернутом виде отмеченные Тургеневым моменты будут выражены в полубезумных речах Гретхен, заключенной в тюрьме. Радость и трогательность ее подробных воспоминаний о сестре обернутся неутешным и разъедающим горем.

В логике тургеневского чтения откровения Маргариты в саду сменяются осознанием Фаустом своего нового состояния. Для этого герой стремится к уединению и удаляется в лесную пещеру, которая, по его мысли, должна укрыть от внешнего мира и дать возможность свободного и деятельного размышления. Любовь к чистой и невинной девушки стала для Фауста источником «душевного подъема, всеохватывающего пантеистического чувства», возникшего из состояния влюблённости» [1. С. 106]. Из большого монолога, произносимого в пещере и в отсутствие Мефистофеля, Тургенев не отмечает ничего, что связано с созерцающим взглядом героя, направленным на восторженное единение с природой. Но он обращается к возникшему вследствие этого ощущению примиряющей гармонии. Фауст, который уже не требует обладания всеми силами бытия, ключами самой природы, проговаривает свое настроение:

Слетают тени населявших мир
В протекшие века, и освежают
От созерцаний напряженный ум [1. С. 158].

Тургенев отчеркнул эти стихи и поставил на полях: «*не то, не то*». Его несогласие вызвал как непосредственно сам план изображения, лишенный живописности и объемности, так и ограниченный способ называния этого элегического движения, что в этот момент совершают душа героя. Вронченко «тениями» заменил колоритно описанные «серебряные фигуры древности» (Der Vorwelt silberne Gestalten), а «напряженный ум» у него запечатывает богатую и живую «строгую радость размышлений» (der Betrachtung strenge Lust). Неверно на русском языке передан глагол, которым Гёте связывает внешнее впечатление и внутреннюю переходность Фауста: обожествленная дивная природа не «освежает» героя, принося как будто временное облегчение в нестерпимом жаре жизни, но именно «умеряет» (lindern), т.е. смягчает и успокаивает человека в вечном дерзании.

Далее внимание Тургенева переходит к возникающему в конце фаустовского монолога воспоминанию о прекрасном образе из зеркала. Писатель

подчеркивает и называет неестественным (на полях: «*каз<еницина>*») подобранную Вронченко форму для его выражения:

Деятельно он к ней – к *той красоте* –

Мне в сердце дикий разжигает пламень! [1. С. 158].

«Той красотой» заменяется оригинальное «тот прекрасный образ» (*jenes schöne Bild*). Из перевода следует, что Фаусту приходится снова переживать не конкретно явленное отражение, а красоту – абстрактную и, парадокс, типичную в своей уникальности. При этом он выходит к заветному и желанному образу на волне чрезвычайного душевного подъема, вызванного именно конкретной, земной красотой и порожденным ею всеобъемлющим чувством. «Фауст встает перед проблемой, что же ему делать дальше» [1. С. 106], его сомнение и неуверенность выливаются в финальных строках монолога, где Тургенев подчеркивает лишь одно слово, считая его неверно переведенным:

Так от желанья *мчусь* я к наслаждению,
А в наслаждении тоскую по желанию [1. С. 158].

Герой Гёте не «мчится» между двумя формами своего самочувствия – завершенности и полноты, с одной стороны, и непрерывности и незаконченности – с другой, но он колеблется («taumeln»), находится в очаровании выбора – это двойственность на основе целостности. С приходом Мефистофеля ситуация неопределенности для него заканчивается, злой дух «доводит до логического конца фаустовскую рефлексию, уничтожая высокий мир, созданный сознанием героя, у которого в груди две души» [1. С. 110]. Мефистофель возвращает Фауста из прекрасных возвышенных сфер в реальное состояние, он жестоко напоминает ему о его неспособности быть удовлетворенным земным. Созерцание в гармонии сменяется страстью в разрушении, на пути которой оказывается Гретхен. В изменившемся настрое Фауста Тургенев отмечает полное сознание им собственного нерадостного положения, что станет главным содержанием его последнего монолога. И эта финальная рефлексия обрушивает созидательные смыслы начальной. Писатель выделяет слова саморазоблачения, горького и беспощадного признания тщетности своей земной природы, неспособной к соединению с высшим и бесконечным:

Не я ль беглец тот, *сопостат*
Без цели бытия, что в дерзости нелепой,
Как по утесам бьющий водопад,
Стремился к бездне жадно и свирепо? [1. С. 162].

Он отчеркнул этот отрывок и записал рядом: «плохо». Вронченко не сумел передать масштабность и изобразительность фаустовской самообращенной деструкции. У Гёте каждый стих в выделенном фрагменте несет на себе след мощной и грандиозной чувственной экспрессии, явно унаследованной от шекспировского короля Лира (монолог-проклятье в объятой бурей степи). Герой, презирая свою принадлежность к земле и свою зависимость от материального, называет себя не просто беглецом, как это демонстрирует Вронченко, но еще и «бесприютным скитальцем» (*der Unbehauste*), чем подчеркивает одиночку неудовлетворенность души.

Страждущее и жаждущее состояние без какой бы то ни было надежды на разрешение и утоление заставляет его уподобиться «чудовищу» (Der Unmensch). Тургенев дополнительно акцентирует это несоответствие подлиннику, выделяя чернillas архаизм «сопостат», более всего выбивающееся из стилистики монолога. При этом переводчик здесь трансформирует пару «без цели и покоя» (ohne Zweck und Ruh) в отвлечённое, сбивающееся на пустое философствование словосочетание «без цели бытия». Наконец, обедняется выразительное сравнение Фаустом череды своих попыток прорваться за пределы материальной обусловленности с водопадом (ein Wassersturz), который «свергался со скалы на скалу» (von Fels zu Felsen brauste). В русском тексте водный поток только «бьет по утесам», т.е. энергия внутреннего мира героя выражается односторонне, а не распространяясь в беспрерывности, и слишком прозаически, без полноты свойств, заимствованных у величественной и грандиозной природы. Эту развернутую характеристику Тургенев новым отчеркиванием сополагает с образом прямо противоположным, вытекающим из дальнейшей рефлексии Фауста. Необузданная сила самосокрушения человека, ставшегося сделаться титаном, словно бы нависает над хрупким и нежным существом – Гретхен. Писатель со словами «*не то*» выделяет описание героя своей возлюбленной:

Щастлива в хижине укромной,
Была она, и жизни скромной
Ей не смущали гордые мечты [1. С. 162].

Вронченко сделал из Маргариты сентиментальную фигуру, представляя ее жизнь в пасторально-романтических красках, всё так же лишая образ подробностей, которые бы индивидуализировали его и делали бы общую картину распространенной и многосоставной. Гёте устами своего героя совсем не идеализирует девушку, но прежде всего дает изображение общечеловеческой простоты и детской наивности. Фауст, прекрасно понимая суть и закономерность жизни Гретхен, делает упор на категории естественного и обыкновенного, представляя существование возлюбленной как исключительный в своем привычном и самодостаточном движении микромир:

В хижине на альпийском лугу,
И все ее домашние занятия
Заключены в маленьком мире¹.

Вслед за автором контрастно сталкивая два этих небольших выразительных и изобразительных отрывка, Тургенев, очищая русский текст от туманной завесы, в качестве своеобразного синтеза или итога обращается к решению Фауста. Герой хочет идти до конца в своих отношениях с Маргаритой, не заботясь о ее будущем, он бросает ее беззащитной и одинокой в своем несчастье. Со словом «плохо» писатель отчеркивает строки:

¹ Im Hütchen auf dem kleinen Alpenfeld, / Und all ihr häusliches Beginnen / Umfangen in der kleinen Welt.

Пусть неизбежное скорее совершится –
Пусть гибну я, ея подавленный судьбой;
Пусть гибнет и она со мной! [1. С. 163].

Тургенева не устраивает, как переведено почти молитвенное, заклинальное восклицание Фауста, как передана сознательно принятая им на себя роль губителя. Анафорой Вронченко делает из фаустовских заветов равные и ровные отрезки, сливает разность их смыслов в один поток. Фауст не просто вершит неизбежное – то, что нельзя предотвратить, но он дает произойти тому, что именно «должно произойти» (*Was muß geschehn, mag's gleich geschehn!*), то есть не столько роковое, сколько необходимое, мыслимое и совершающееся героем в пределах своей судьбы. Нарушена в переводе и выстраиваемая Фаустом связь между драмой своей индивидуальности и трагедией Гретхен. Вронченко на первый план выдвигает все же фигуру героя и при этом ставит его в зависимость от девушки, соотнося их в категориях жертвы и виновника соответственно. У Гёте в центре фаустовской рефлексии принципиально стоит Маргарита: «Пусть ее судьба обрушится на меня» (*Mag ihr Geschick auf mich zusammenstürzen*), прежде всего именно ее участье волнует героя, а собственная гибель делается закономерным итогом погубленной жизни: «И она погибнет вместе со мной!» (*Und sie mit mir zugrunde gehn!*). Последние строки монолога должны настраивать читателя на некоторый позитивный план, утверждая жертвенную или искупительную роль Фауста: он не позволит себе жить (в прямом или переносном смысле) после того, как обрек на страдание невинное и любящее его создание. Но в итоге это обещание самому себе остается лишь на словах, которые будут позабыты. И Тургенев это хорошо понимал, не случайно он в статье сравнивает двух кротких и безгрешных героинь – Гретхен и Офелию, проводя четкое различие между их губителями: «Гамлет, разрушив ее, разрушается сам, между тем как в начале второй части трагедии Гёте мы видим Фауста, спокойно отдыхающего весной на траве, под пение сильфов...» [2. С. 215].

После сокрушительного фаустовского монолога картина действия кардинально меняется, не теряя четкости трагической линии, и читатель оказывается в комнате Гретхен. Эта сцена – «великая лирическая исповедь героини, любовное чувство показывается через призму сознания Гретхен» [3. С. 112]. Переводческую неудачу Вронченко, который не сумел показать силу и сложность переживания любви, объявившей девушку и не до конца самой ей понятной, Тургенев отмечает одним словом: «плохо», которое записано рядом с ремаркой: «Комната Гретхен. Гретхен одна за самопряткой». В самой же сцене он со словами «не то» отчеркивает только один – финальный – фрагмент из песни Гретхен:

Его б целovala,
Сколько могла;
Целуя бы, душу
Творцу отдала [1. С. 165].

Очевидно, Тургенев выделяет последние строки не только с формальной стороны – они плохо переведены, как об этом им сказано с самого начала, но еще и потому, что их и именно их здесь нужно было перевести верно.

От внешнего восприятия писатель пошел к содержанию, которое почти прямо соотносится со смыслами предшествующих слов героя. К этому моменту Гретхен в своем пении доходит до мотива смерти от любви Фауста («An seinen Küssen»¹). Это то, что составило суть своеобразной клятвы героя, но девушка придает трагическому поэтическое звучание: гибель не несет разрушение, от чувственного наслаждения в ее представлении происходит растворение в мире – тот процесс, которого так добивался Фауст, хотя он и понимал его в трансцендентном смысле. Девушка заканчивает песню восклицанием: «Vergehen sollt!», глагол «vergehen» переводится не просто как «умирать» (hinsterben), но он несет значение «исчезать» или «пропадать». Вронченко поворачивает радость смерти в религиозное русло, представляя ее в вознесении – к Творцу.

Критическое чтение сцены в саду Марты практически полностью отражено Тургеневым в статье. Это в основном несуразности перевода, из-за которых реплики главных героев делаются излишне напыщенными и сложными. Фразистость и риторизм речи сковывают естественность и свободу выражения, которая присуща всем действующим в первой части трагедии лицам. Показателен, например, его разбор слов Гретхен, которая признается Фаусту в чувстве неприятия, возникающем у нее при Мефистофеле:

Твой товарищ мне,
Противен в сердца глубине [1. С. 169].

Подчеркнутый оборот подписан на полях: «NB. Сделать замечание». И замечание Тургенев делает, в статье он признает, что эта фраза переведена «слово в слово», но такая точность не приносит Вронченко соответствия стилистического, наоборот, он создает «неловкий и тяжелый оборот!» [2. С. 230], который придает ненужную романтическую окраску интуитивному чувству Гретхен, подозревающей о темной сущности фаустовского спутника. «Ретор<изом>» Тургенев назвал и последующее словосочетание в реплике Маргариты, признающейся в том, что испытывает душевную муку в присутствии Мефистофеля: «При нем я стражду, как под тяжким илом» [1. С. 170]. «Тяжкое иго» со всей нелепостью должно было передать оригинальное «so sehr» (столь сильно).

Чрезвычайно грубую ошибку писатель отметил в допущенной переводчиком неверности – замена слов «Name» (имя) и «Natur» (природа) в стихах главного героя:

Природа ж – звук и дым,
Темнящий огнь небесный [1. С. 168].

Здесь еще и искажение смысла. Во-первых, слово «Name» продиктовано содержанием самой сцены, где Маргарита пытается выяснить, живет ли в Фаусте вера в бога. Тот отвечает глубокомысленно, запутанно и слишком уклончиво, его рассуждения производят сильное впечатление на девушку, малопонимающую слова о духовной сущности мира, но принимающей их в своих ассоциациях с христианской проповедью, которую она слышала от

¹ От его поцелуев.

священника в церкви. Вопрос о вере Фауст сводит к невозможности определить название высшего начала, поэтому он и говорит, что имя – это всего лишь «звук и дым». Много позже в письме к А.И. Герцену от 28 апреля 1862 г. Тургенев воспользуется словами героя для того, чтобы объяснить свои убеждения: «В мистицизм я не ударился и не ударюсь; – в отношении к богу я придерживаюсь мнения Фауста:

Wer darf ihn nennen,
Und wer bekennen:
Ich glaub' ihn!
Wer empfinden
Und sich unterwinden
Zu sagen: Ich glaub' ihn nicht! [6. С. 51].

Во-вторых, замена на «Natur» профанирует как само отношение героя к природе, так и его пантеистическое понимание бога. Фауст, преклоняющийся перед природой, который до этого в лесной пещере испытал в созерцании состояние единства с движением жизни, а затем через колоссальные образы натуры низводил и опровергал себя, не мог бы себе позволить назвать вечную стихию чем-то пустым и несущественным. Это противоречие, вносящее глубокий диссонанс в целостное представление драмы его образа.

Тургенев продолжает внимательно вести линию Гретхен и доходит до ее трагического конца. В сценах у колодца и крепостной стены он делает по одному важному акценту. Во-первых, отмечает последние строки одинокого монолога девушки, который выражает сложное смешение вины, страха и не угасшей, но проявившей свою преступность любви к Фаусту. Гретхен приходит в такое смятение после сплетни Линхен, рассказавшей ей о бесчестье знакомой молодой девицы. В этой истории мужского обольщения и предательства она видит отражение своей собственной, точно так же отвергнутая презывившимся человеком и оставшаяся в своей самоотверженной любви без помощи. Со словами «не то» Тургенев отчёргивает стихи, в которых высказывается именно эта самоотверженность чувства, прорывающаяся сквозь признание собственной греховности и угадывание будущей участии:

За чем же все, что в грех вводило,
Так было хорошо и мило! [1. С. 175].

Вороненко изменил направление смысла, сделал ударение на то, что Гретхен каётся в своей любви, в испытанном рядом с Фаустом счастье. В подлиннике же девушка не вопрошает о том, почему падение совершилось под такой радостный и сладостный аккомпанемент, а, наоборот, утешается единственno оставшейся ей памятью о мгновениях полного и всеобъемлющего счастья самозабвенной любви. Она даже начинает с отрицания и выражения противоположности:

Doch – alles, was dazu mich trieb,
Gott! war so gut! ach, war so lieb!¹

¹ Однако все, что меня к этому привело, / Господи! было так хорошо! ах, было так мило!

Восклицая в последнем порыве к прекрасному, Гретхен обращается к Богоматери, но не с тем, чтобы покаяться, а как будто оправдать себя. И это второй акцент, который делает Тургенев. Писатель не отчеркивает и не пишет замечаний к самой молитве, произносимой без слов раскаяния, но он, что особенно важно, отмечает крестиком начало сцены с вводными ремарками:

Церковная ограда.

В углублении стены образ Скорбящей Богоматери; пред ним кружки с цветами.

Гретхен ставит в кружку свежие цветы [1. С. 176].

Хотя здесь есть минимальные разночтения с оригиналом, перевод не повлиял на правильность общего восприятия, которое так интересует Тургенева. Авторские указания в отношении обстоятельств лирического действия настраивают читателя на элегический лад, который организуется чрезвычайным душевным смятением Маргариты, обращающейся не за прощением, а за спасением от мучительного позора, общественного осуждения. Изваяние *Mater dolorosa* и поставленные перед ним свежие цветы, собственно-ручно сорванные, создают двусоставную атмосферу – это и расположение религиозного чувства, которому искренне отдается Гретхен, и одновременно мирское состояние, ее живая связь с действительным и обыкновенным. В молитве она попытается примирить эти начала, а позже общество и церковь, бюргерская мораль и религиозное ханжество отнимут у нее надежду и прямо подтолкнут к последнему преступлению – детоубийству, равно противному обоим догмам, которое станет венцом ее трагической судьбы.

О своей роковой роли в падении и неминуемой гибели Гретхен зачарованный Фауст вспоминает только в Вальпургиеву ночь. Шабаш ведьм на Блоксберге, по замыслу Мефистофеля, должен был внутренне его умертвить, расчеловечить, но вдруг появляется видение Маргариты, возвращающее его в действительный мир с сознанием чувственной любви прошлого и пониманием печальной участи ее дарителя. Тургенев за чтением этой сцены отмечает именно двойственность фаустовской рефлексии, когда воспоминание вторгается в его новое состояние. Противоречие возникает в момент явления туманной тени, которая принимает его же душевным усилием очертания знакомого и близкого образа:

Да, мертвые глаза! и видно, что с участем

Никто их веждей не закрыл!

Вот грудь, на коей я восторги пил!

Вот Гретхен, бывшая мне радостью и счастьем!¹ [1. С. 204].

¹ Да, мертвые глаза! и видно, что с участем
Никто их веждей не закрыл!

Вот грудь, на коей я восторги пил!

Вот Гретхен, бывшая мне радостью и счастьем!

Fürwahr, es sind die Augen einer Toten,
Die eine liebende Hand nicht schlöß.

Das ist die Brust, die Gretchen mir geboten,

Das ist der süße Leib, den ich genoß.

Тургенев отчеркнул эти строки и надписал рядом: «плохо». Проблема перевода здесь связана с тем, как Вронченко отразил, с одной стороны, трагический мотив – смерть Гретхен, о которой говорится в первых двух стихах, а с другой стороны, предельную чувственность отношений влюбленных, со-поставленную с мортальным образом. В оригиналеFaуст выражается определенно и точно, очерчивая девушку в двух реальных и равных планах восприятия: это покойница (*Toten*), лишенная последнего утешения, и «милое тело» (*der süße Leib*), дарившее наслаждение. В общем виде русский текст дает отвлеченное, романтически возвышенное описание, в котором восклициания, отсутствующие в источнике, не отделяют одно изображение от другого, а делают их последовательно сменяющимися, отчего противоречие теряет силу и резкость. Открытие Faустом трагической участи Гретхен у Вронченко словно снимается его воспоминанием о «радости и счастье», которые произвольно заменяют значение немецкого глагола «*genießen*» (вкусить, наслаждаться).

Последние пометы Тургенева, выявляющие смысловое несоответствие между переводом и оригиналом с целью обозначить ключевые моменты действия, будут связаны с отдельными эпизодами сцены в тюрьме. Писатель ставит в центр образ страдающей Гретхен, которая на границе реальности и безумия пытается осмысливать случившееся с ней несчастье, к чему ее подталкивает явление Faуста. Мучительную рефлексию Маргариты писатель закольцовывает, выделяя две реплики героя. Сначала он отчеркивает вырвавшееся из уст Fausta восклицание при виде состояния девушки, которая принимает вошедшего в темницу за палача:

*О скорбь, превыше всех скорбей!*¹ [1. С. 224].

Отчеркивая, писатель записывает напротив: «*Не то. В подл<инник>*: *Перенесу ли я это горе!*». Таким образом он делает акцент на том, что герой, смотря на полубезумную Гретхен и слушая ее мольбы, не может говорить столь выспренно и риторически, как будто проходя мимо этой мучительной картины и выражая лишь косвенное сочувствие. Faust здесь не просто наблюдатель, он открывает в страданиях Маргариты часть себя, воспринимая их живо и непосредственно. Затем Тургенев со словами «*не то*» отчеркивает его фразу в конце сцены, очень похожую на первую:

*Зачем родиться присудил мне рок!*² [1. С. 231].

Замечание к ней он предъявляет точно такое же, хотя и не дает своего перевода. Речь Fausta выглядит слишком напыщенной и обращенной в никуда. Кроме того, Вронченко привносит в нее совершенно лишний элемент – риторическое вопрошение, связанное с осмыслиением своей судьбы как подчиненной чужой воле или движущейся по предопределенному пути. Faust называет проблему рока, которая при этом в его устах соотносится не

¹ Werd ich den Jammer überstehen! (Как мне перенести это горе!).

² O wär ich nie geboren! (О был бы я никогда не рожден!).

с трагедией Гретхен, а с его собственной нестерпимой мукой быть свидетелем чужого горя. Тогда как у Гёте герой выражает боль, возникшую именно от осознания своей катастрофической роли в жизни возлюбленной, кончающейся в терзаниях. Он проклинает свое рождение, а вместе с ним и все существование, сделавшееся источником бедствий и приведшее к смерти чистое и наивное существо.

В кольце этих двух фаустовских фраз в чтении Тургенева оказываются четыре небольших отрывка из разных реплик Маргариты, отражающих разную же ее реакцию на свою участь, это своеобразные стадии трагического переживания. Так, он отчеркивает ее рефлексию по поводу совершенного преступления (невольное убийство матери и собственноручное убийство дочери) – после воспоминания, мгновением проносящегося в ее сознании, она находит его отражение в сказке и произносит:

*Про то есть сказка; но она
Не обо мне же сложена [1. С. 224].*

Выделив эти стихи, Тургенев на полях записал свой перевод с немецкого: «*В подл<иннике>: Зачем же ее толкуют*». То есть он возвращает словам девушки их оригинальное направление. Она мучится совсем не от того, что давнее предание само по себе имеет сходство с ее судьбой, но потому, что людская молва издевательски сделала из ее истории подходящую иллюстрацию к сказке, в пересудах назвала личное нравоучительным примером народной мудрости. Далее писатель останавливается на призывае Гретхен, обращенном к все еще не узнанному Фаусту, опуститься на колени и в молитве просить об избавлении от мук. Она делает это, видя перед глазами картину развернувшегося ада, которую нарисовало ее воображение, воспаленное снедающим чувством вины. Тургенев подчеркивает лишь одно слово в ее начальном восклицании: «Так, так, с мольбами / Падем перед Богом!» [1. С. 224] и пишет напротив: «*В подл<иннике>: Святые*». Это уточнение немаловажно, поскольку Гретхен действительно не смеет обратиться к богу, не только потому что ее религиозное сознание не считает возможным получить прощение от всевышнего, но еще и потому, что в ней по-прежнему нет раскаяния за начальный свой проступок, свое падение. Следующий шаг Тургенева – это момент признания девушкой в посетителе тюрьмы своего возлюбленного. Как и в предыдущем случае, он подчеркивает только одно слово: «Дай руку! Да, рука *похожа*» [1. С. 229]. Маркируя его замечанием «*не то*», писатель точно указывает на несоответствие подлиннику. Маргарита, проговаривая свое преступление, называет Фаусту и его собственное – убийство Валентина. Она узнает героя, но это происходит в тесном сочетании с воспоминанием о конкретном грехе и зле вообще. Узнавание не приносит облегчения, а с удвоенной силой ведет за собой лишь мучительное переживание. Тургенев акцентирует возвращение девушки в реальность, новое соприкосновение с которой еще более жестоко, тогда как состояние полусна-полубреда давало ей хоть какое-то облегчение. Словом «*похожа*» Вронченко заменил именно это раз-очарование, выход из состояния неопределенности, неконкретности: «*Es ist kein Traum!*» (Это не сон!). Наконец,

последняя тургеневская помета связана с прямым упреком Гретхен в сторону Фауста. Тургенев отчёргивает с тем же «*не то*» два стиха:

*Не мучь меня! За то ли это,
Что для тебя на все была готова я?* [1. С. 230].

Это реакция девушки на попытку героя принудительно увести ее из тюрьмы, освободить против воли. В словах Гретхен ясно звучит двойственность: физическая боль, которую Фауст причиняет ей ради спасения от казни, пересекается с насилием, которое он совершил прежде, что и подвело ее к эшафоту. Когда Фауст берет Маргариту за руку, она называет его прикосновение «убийственным» (*mörderisch*), намекая на то, что прямо или косвенно он погубил абсолютно всё, до чего смог дотронуться. Не случайно ранее она указала ему на кровь на его ладонях, которая мерецится ей (как леди Макбет). До боли сжатая ладонь как олицетворение большого насилия кажется ей незаслуженной жестокостью, поскольку она всегда была покорна и не противилась его желаниям: «Ведь я делала все ради тебя» (*Sonst hab ich dir ja alles zulieb getan*). Вронченко «спасительное» физическое насилие заменил муками, что в целом лишает слова Маргариты внутренней двусмысленности оригинала и сглаживает общее развитие главной линии. Кроме того, он задает неправильную логику прочтения второй строки, поскольку причиняемые сейчас муки абсурдным образом являются (в восприятии девушки) как будто местью за безропотную любовь. То есть вместо взаимообусловленного смешения физического и абстрактного на первый план выходит только уровень отвлеченного, что не позволяет точно передать глубокий разлад внутреннего мира Гретхен и изобразить всю сложность переживания ею своей драмы. В свою очередь, это должно снижать и степень внутреннего напряжения Фауста, которому передаются все движения измученной души его возлюбленной, возбуждая в нем самом бурю чувств и мыслей, не имеющих выхода во вне, – не случайно реплики героя в этой сцене почти все (кроме первой) предельно кратки.

Таким образом, пометы и маргиналии Тургенева на русском тексте «Фауста» раскрывают портрет читателя, хорошо знакомого с немецким оригиналом и стремящегося извлечь из погрешностей, несуразностей и как будто намеренных искажений перевода центральные смысловые линии трагедии. Именно перевод дает по сравнению с чтением подлинника (к сожалению, неизвестным) более яркое и углубленное представление, поскольку на процесс нового знакомства с «Фаустом» накладывалось первое впечатление, уже сложившееся в отдельную картину восприятия. Тургенев хорошо знает, чего требовать от Вронченко, чья «ограниченность поэтического дарования не дала ему возможности полноценно передать необычайное богатство поэтического строя произведения» [7. С. 47]. Сохраняющееся на протяжении всей первой части пристальное внимание к моментам несоответствия выявляет и саму логику их восстановления и заполнения лакун, движущей силой которой делается широкое нравственно-философское понимание человеческой трагедии – Фауста и Гретхен. Несмотря на резкость тона, присутствующего в статье, Тургенев во время чтения перевода Вронченко проявил

большую чуткость к концепции личности, выведенной Гёте. В Фаусте, выходящем на первый план восприятия, ему важно выделить как силу, волю и самостоятельность его стремления к познанию, так и его правоту в этом движении, необходимость и закономерность. В том, как Тургенев проясняет облик Фауста из наносных определений переводчика, можно увидеть характеристику, которую много позже писатель выведет по канве созданного им образа Евгения Базарова: «...фигура сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая из почвы, сильная, злобная, честная» [6. С. 59]¹. Но рисуется она еще и в натурфилософском синтезе, особом отношении человека к природному миру, который тоже очень важно и ощутимо входит в пределы его рефлексии, становится неотъемлемой его частью². Природа у Гёте, лишенная в антропологическом аспекте трагического начала, интересует Тургенева прежде всего как характеризующая героя стихия [10. С. 31], хотя он подчеркивает ее важную роль и в качестве собственно пейзажа.

Вместе с фигурой главного героя писатель старается добиться ясности и в представлении Мефистофеля, постепенно вступающего в союз с Фаустом, завладевающим его духовной жаждой. Тургенев, отмечая парадоксальность происходящего синтеза образов человека и демона, настаивает на равноправии существ, оспаривает переводческое преображение Мефистофеля в карикатурно сниженный тип. Подчеркивая деструктивное начало злого духа, писатель в переводе Вронченко укрепляет данное ему в оригинале основание, делает упор на его мощную движущую силу.

Борьбе и самостоянию трагической личности Тургенев противопоставляет существование тихое, краткое, чистое и самоотверженное, переживающее это контрастное столкновение в преимуществе двух чувств – любви и страдания. И в том, как внимательно он отнесся к последней сцене первой части «Фауста», видно, что для него трагическое положение двух героев в конце как будто уравнивается, и он желал бы такого исхода «Фауста», когда вознесению Гретхен соответствовало бы низведение Генриха. Читая перевод с уже явным намерением написать специальную статью о трагедии Гёте, Тургенев ставит свои акценты на полях и в тексте не только для себя одного, но и для всей русской публики, которой, по его убеждению, необходимо настояще представление об этом произведении. В глазах писателя «Фауст» оказывается важнейшим явлением словесной культуры не только немецкой, но и мировой, с полематическим проблемным комплексом – это трагедия философская и лирическая, не лишенная комических черт и затрагивающая остро также социально-этическую сторону человеческой жизни.

¹ См. любопытную параллель между деталями комнаты Фенечки из романа «Отцы и дети» и обстановкой дома Гретхен: [8. С. 75].

² Н.П. Генералова отмечает явную перекличку натурфилософского финала «Отцов и детей» с символикой «Фауста», см.: [9. С. 56].

Список источников

1. *Фауст*. Трагедия. Соч. Гете. Перевод первой и изложение второй части М. Вронченко. СПб., 1844 // Библиотека Пушкинского Дома (Отдел БАН при ИРЛИ РАН). Архив Полонских. Шифр. хр. 17 %.
2. *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. М. : Наука, 1978. Т. 1. С. 197–235.
3. *Аствацатуров А.Г.* Поэзия. Философия. Игра: Герменевтическое исследование творчества И.В. Гёте, Ф. Шиллера, В.А. Моцарта, Ф. Ницше. СПб. : Геликон Плюс, 2010. 496 с.
4. *Rickert H.* Goethes Faust. Die dramatische Einheit der Dichtung. Tübingen, 1932. 544 S.
5. *Anikst A.A.* Гёте и Фауст: от замысла к свершению. М. : Книга, 1983. 271.
6. *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 18 т. М. : Наука, 1980. Т. 5. 640 с.
7. *Левин Ю.Д.* Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода. Л. : Наука, 1985. 299 с.
8. *Беляева И.А.* Творчество И.С. Тургенев: фаустовские контексты. СПб. : Нестор-История, 2018. 248 с.
9. *Генералова Н.П.* Оправдание Человека: К трактовке финала «Фауста» Гёте (И.С. Тургенев и А.А. Фет) // Русская литература. 1999. № 3. С. 42–57.
10. *Головко В.М.* И.С. Тургенев и искусство художественного философствования. М. : Флинта, 2018. 344 с.

References

1. Pushkin House Library (Department of the Library of the Academy of Sciences at the RAS Institute of Russian Literature). Polonsky Archives. Item 17%. Goethe, J.W. *Faust. Tragedia* [Faust. A tragedy]. Translation of the first and exposition of the second part by M. Vronchenko. St. Petersburg, 1844.
2. Turgenev, I.S. (1978) *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t.* [Complete works and letters: In 30 vols.]. Vol. 1. Moscow: Nauka. pp. 197–235.
3. Astvatsaturov, A.G. (2010) *Poeziia. Filosofia. Igra: Germenevicheskoe issledovanie tvorchestva I.V. Gёte, F. Shillera, V.A. Motsarta, F. Nitsshe* [Poetry. Philosophy. Play: A hermeneutic study of the works of J.W. Goethe, F. Schiller, W.A. Mozart, and F. Nietzsche]. St. Petersburg: Gelikon Plus.
4. Rickert, H. (1932) *Goethes Faust. Die dramatische Einheit der Dichtung*. Tübingen.
5. Anikst, A.A. (1983) *Gёete i Faust: ot zamysla k sversheniiu* [Goethe and Faust: From conception to completion]. Moscow: Kniga.
6. Turgenev, I.S. (1980) *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 18 t.* [Complete works and letters: In 30 vols. Letters: In 18 vols.]. Vol. 5. Moscow: Nauka.
7. Levin, Yu.D. (1985) *Russkie perevodchiki XIX veka i razvitiye khudozhestvennogo perevoda* [Russian translators of the 19th century and the development of literary translation]. Leningrad: Nauka.
8. Beliaeva, I.A. (2018) *Tvorchestvo I.S. Turgeneva: faustovskie konteksty* [The works of I.S. Turgenev: Faustian contexts]. St. Petersburg: Nestor-Istoriia.
9. Generalova, N.P. (1999) Opravdanie Cheloveka: K traktovke finala "Fausta" Gёete (I.S. Turgenev i A.A. Fet) [The justification of man: On the interpretation of the finale of Goethe's Faust (I.S. Turgenev and A.A. Fet)]. *Russkaia literatura*. 3. pp. 42–57.
10. Golovko, V.M. (2018) *I.S. Turgenev i iskusstvo khudozhestvennogo filosofstvovaniia* [I.S. Turgenev and the art of philosophical fiction]. Moscow: Flinta.

Информация об авторе:

Волков И.О. – д-р филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: wolkoviv@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.O. Volkov, Dr. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wolkoviv@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.12.2023;
одобрена после рецензирования 17.05.2024; принята к публикации 26.03.2025.*

*Статья поступила в редакцию 02.12.2023;
одобрена после рецензирования 17.05.2024; принята к публикации 26.03.2025.*

Научная статья
УДК 82-3 + 82-6
doi: 10.17223/19986645/94/9

Авто(био/агио)графический нарратив как инструмент формирования персонального мифа о писателе «из народа»: случай Г.Д. Гребенщикова

Александр Юрьевич Горбенко¹

¹ Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,
Красноярск, Россия, al_gorbenko@mail.ru

Аннотация. В статье обсуждается итоговая книга Г.Д. Гребенщикова «Егоркина жизнь», ставшая важнейшей манифестацией его персонального мифа о писателе «из народа». В этой книге Гребенщиков использует ресурсы русской классической литературы («Евгений Онегин» А.С. Пушкина, «автобиографические» трилогии Л.Н. Толстого и М. Горького), агиографии (прежде всего – Жития Сергия Радонежского) и автоагиографии (в первую очередь – Житие протопопа Аввакума), создавая сложно устроенный синтез autobiographical повести и (авто)агиобиографии.

Ключевые слова: Г.Д. Гребенщиков, «Егоркина жизнь», жизнетворчество, автобиографический нарратив, автоагиографический нарратив, литература русской эмиграции

Для цитирования: Горбенко А.Ю. Авто(био/агио)графический нарратив как инструмент формирования персонального мифа о писателе «из народа»: случай Г.Д. Гребенщикова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 94. С. 172–206. doi: 10.17223/19986645/94/9

Original article
doi: 10.17223/19986645/94/9

Auto(bio/hagio)graphic narrative as a tool of formation of a personal myth about a writer "of the people": The case of Georgii Grebenschchikov

Aleksandr Yu. Gorbenko¹

¹ Krasnoyarsk State Pedagogical University,
Krasnoyarsk, Russian Federation, al_gorbenko@mail.ru

Abstract. The article discusses the mechanisms of synthesis of autobiographical and autohagiographical discourses in the text of the book *Egorka's Life* by Georgii Grebenschchikov. The subject of the study determined the range of materials used – Grebenschchikov's prose (*Egorka's Life*, *The Churaevs*) and the corpus of his ego-documents (primarily letters); works by Alexander Pushkin, Leo Tolstoy and Maxim Gorky; Russian (auto)hagiography (primarily the Life of St. Sergius of Radonezh and the Life of the Archpriest Avvakum); some archival documents. The

article aims to consider how autobiographical and autohagiographical elements of poetics correlate in *Egorka's Life* and to analyze the role that Grebenshchikov's final work played in the process of forming a myth about himself as a writer "of the people". We can trace the mechanisms and pragmatics of Grebenshchikov's work with samples of classical secular quasi-autobiographical prose (Tolstoy, Gorky) and, in particular, with the domestic (auto)hagiographical canon. The analysis led to a number of conclusions. Throughout his half-century literary career, Grebenshchikov systematically worked on constructing his own personal literary mythology. The most suitable field for such narrative operations was the array of his ego-documentary texts: the *autobiographical* texts are adjoined by epistolary and literary works containing the author's version of certain events of his biography. The book *Egorka's Life* can be considered as the apotheosis of this hard work. In the sense of poetics and life-creative pragmatics of Egorka's Life, the correlation of the elements of an autobiographical story and hagiographic autobiography in its text and the effect that arises from the synthesis of these genre models became central. In Russian culture, the genre tradition of hagiographic autobiography, to which Grebenshchikov's book gravitates, goes back to the lives of the Archpriest Avvakum, Epiphanius and Eleazar of Anzersky – the first autohagiographical works in the history of Russian culture. Grebenshchikov used almost all the topoi of the monk's life in *Egorka's Life*, fusing them with elements of other types of hagiographies. As a result, the writer created the figure of a person from the people – the peasant boy Egorka, destined for a special mission from his very birth, and with Egorka's help he ultimately formed a narrative, brought to its logical limit, about a writer "of the people" who overcame all of the numerous difficulties and joined the "light" of culture and – more specifically – literature, which became one of the key phenomena of the "*undivine sacred*" for Russian culture of the New Age. From the 1930s to the 1950s, Grebenshchikov turned from a *hagiobiographer* (in the book *Radonega*) into an *auto-hagiobiographer* (in *Egorka's Life*), which matches the general dynamics of the genre of hagiographic (auto)biography in the culture of the Russian diaspora.

Keywords: Georgii Grebenstchikov, "Egorka's Life", life-creating, autobiographical narrative, autohagiographic narrative, literature of Russian emigration

For citation: Gorbenko, A.Yu. (2025) Auto(bio/hagio)graphic narrative as a tool of formation of a personal myth about a writer "of the people": The case of Georgii Grebenshchikov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 94. pp. 172–206. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/94/9

Важная особенность литераторов-самоучек рубежа XIX–XX вв., по проницательному наблюдению А.И. Рейтбата, состояла в том, что они «обычно писали и публиковали автобиографии». Исследователь объясняет склонность таких авторов к созданию автобиографических текстов тем, что «[в]ыдающиеся люди с удачной судьбой чрезвычайно редко пишут мемуары; обычно берутся за перо те из них, кто считает себя ущемленным, недооцененным. Оказавшись не у дел, они стремятся обелить себя, прояснить мотивы своих поступков, описать совершенную по отношению к ним несправедливость» [1. С. 188].

Случай Г.Д. Гребенщикова (1883(?)–1964), сибирского писателя-автодидакта¹, эмигрировавшего из России в 1920 г. и прожившего вторую полно-

¹ О Гребенщиковой как автодидакте см. прежде всего: [2, 3].

вину жизни (1924–1964) в Америке, хорошо вписывается в отмеченную Рейблатором закономерность. На протяжении всей своей полувековой литературной карьеры (середина 1900 – середина 1950-х гг.) Гребенщиков последовательно конструировал собственную литературную биографию и – шире – персональную писательскую мифологию¹. Писатель периодически прибегал к «переписыванию» и реинтерпретации отдельных мотивов и эпизодов своего автобиографического дискурса, неустанно ища оптимальную версию персонального мифа, во многом именно для того чтобы переосмыслить собственное место как литератора, культуртрегера и практического деятеля.

Наиболее подходящим полем для таких нарративных операций стал массив это-документальных текстов Гребенщикова: к собственно «автобиографическим» здесь примыкают эпистолярные и художественные сочинения, содержащие авторскую версию тех или иных событий его биографии. Апофеозом этой напряженной работы можно с полным основанием считать книгу «Егоркина жизнь».

Эта книга впервые увидела свет в 1966 г., через два года после смерти автора, в «Славянской типографии» (Southbury, Connecticut), в 1920-е гг. организованной Гребенщиковым в Чураевке и прежде носившей название «Алатас». Еще в середине 1950-х гг. он пробовал опубликовать «Егоркину жизнь». В письме к И.И. Сикорскому от 10 января 1953 г., сообщив о том, что «только что закончил <...> книгу под заглавием “Егоркина жизнь”», писатель делился планами ее публикации, в частности, в авторском переводе на английский: «Издательство имени Чехова как будто заинтересовано, но будущий, то есть этот год, у них уже заполнен. Поэтому я хочу использовать этот срок и сам переписать книгу по-английски» [5. С. 163]². Особую же активность писатель проявил в 1956 г. 25 января этого года он написал рекомендованной ему редактором «Нового русского слова» переводчице Лоре Сегал, что «Егоркина жизнь» должна быть представлена под его именем, а не как перевод: «...я сам не только пишу по-английски, но и преподаю в колледже изящную словесность на английском языке. Но мой английский ЛИТЕРАТУРНЫЙ стиль, конечно, ближе к Нижегородскому и требует хоршой полировки» [7. Ед. хр. 519/61. Л. 1]. Далее, предварительно попытавшись снять неминуемо возникавшую неловкость с помощью автоиронической «грибоедовской» аллюзии («ближе к Нижегородскому»), Гребенщиков перешел к условиям, спрашивая, какой будет цена: «а) за Ваш самостоятельный перевод с перепиской в двух экземплярах и б) за переписку моего текста с Вашей полировкой» [7. Ед. хр. 519/61. Л. 1]. Несколько месяцев спустя, в письме к литературному редактору «Издательства имени Чехова» В.А. Александровой от 13 июня 1956 г. он «предлага[л] <...> срочно (к октября 1956 г.!) напечатать <...> “Егоркин[у] жизнь”, причем часть расходов

¹ Подробнее об этом см.: [4].

² Гребенщиков так и не перевел «Егоркину жизнь» на английский язык целиком; в его архиве сохранились автопереводы отдельных фрагментов книги. Анализ этих автопереводов см.: [6. С. 69–79].

<...> собирался возместить сам» [8. С. 661]. Однако эти усилия остались безуспешными, поскольку именно в это время начинался процесс ликвидации «Издательства имени Чехова»¹.

«Егоркина жизнь», жанр которой автор определял как автобиографическую повесть², изначально задумывалась с идеологическим заданием – в качестве «крестьянской автобиографии» [2. С. 33–43]. Сложность жанровой природы этой книги, писавшейся около тридцати лет и, как уже было сказано, ставшей последней и наиболее детальной манифестацией писательского мифа³, не раз останавливало внимание исследователей. Так, посвятившая «Егоркиной жизни» несколько работ Т.Г. Черняева считала, что «замысел автобиографического повествования Гребенщикова на самых ранних этапах его формирования тяготеет к <...> областническому роману» [10. С. 90]⁴. В качестве автобиографической повести рассматривает «Егоркину жизнь» и Т.А. Полякова (см.: [12, 13]). Другой современный исследователь относит гребенщиковскую книгу к автофикациональному дискурсу [14]⁵.

Писательские же автокомментарии так или иначе сводятся к более или менее полному отождествлению себя с героем. В письме к своему сибирскому другу И.Г. Савченко от 1 мая 1945 г. Гребенщиков сообщал: «Написал ряд очерков из жизни “Егорки”. Конечно, о своем детстве. И, дивное дело, что я не большевик, а эмигрант, и, когда прочтешь “Первую копейку”, то представь себе картину: Егорка через пятьдесят лет своего пути в торжественной обстановке» [15. Т. 6. С. 435]⁶. Через несколько лет в письме к тому же адресату (от 18 ноября 1952 г.) он характеризовал «Егоркину жизнь» уже как «автобиографию, написанную в третьем лице» [16. С. 142]. А спустя еще

¹ Подробнее об этом см.: [8].

² Любопытно, что именно под таким названием – «Автобиографическая повесть» – книга была переиздана Т.Г. Черняевой в 2004 г. См.: [9]. Это издание стало первой публикацией «Егоркиной жизни» в России.

³ Ср. замечание Т.Г. Черняевой: «Актуальность для Гребенщикова автобиографического замысла, в общих чертах оформившегося к 1915 г., объясняется, по крайней мере, двумя причинами: глубоко личным, внутренним стремлением к самоопределению, с одной стороны, и желанием вступить в литературную полемику – с другой» [2. С. 33]. Исследовательница справедливо предлагает рассматривать знаменитое «автобиографическое» письмо Гребенщикова к Л.Н. Клейнборту и очерк «В детстве» (1915) «как конспективное изложение» «Егоркиной жизни» [2. С. 8].

⁴ Исследовательница опирается на бахтинское определение областнического романа. См.: [11. С. 476].

⁵ Не имея возможности подробно обсуждать здесь эту работу, отметим ряд содержащихся в ней довольно существенных, на наш взгляд, противоречий и недочетов. Главный из них состоит в том, что О.А. Ковалев, «веря на слово» прозаику, в самом начале статьи постулирует «тождество авторского “я” и героя повести <...>» [14. С. 142], допуская тем самым классическую нарратологическую ошибку. Любопытно при этом, что в конце статьи автор, ссылаясь на В. Шмидта, уже заявляет, что «проблема идентичности повествующего и повествуемого “я” в автобиографической прозе хорошо известна в нарратологии <...>» [14. С. 149].

⁶ Далее ссылки на это издание даются в тексте в круглых скобках с указанием тома и страницы.

два месяца, в письме к И.И. Сикорскому от 10 января 1953 г., Гребенщиков оповещал знаменитого авиаконструктора и своего друга о том, что «...только что закончил о периоде своего детства книгу под заглавием “Егоркина жизнь”. Герой мой пишется в третьем лице, и ты будешь, надеюсь, удовлетворен подходом к сюжету» [5. С. 163].

Авторское послесловие к «Егоркиной жизни» начинается так: «Под именем Егорки здесь описаны, по силе разуменья, детство, отрочество и начало юности пишущего эти строки, уже пожилого автора этой книги, который, конечно, не мог не упустить множество подробностей и даже, в ущерб себе, некоторыми подробностями загромоздил текст книги. Но все же есть еще отблески прошлого, не отраженные в воображаемом фильме этого повествования» (6, 292). Слово «послесловие» сопровождается сноской: «Ниже помещаются воспоминания автора, дополняющие повесть о Егоркиной жизни, отчасти составленные им для этой книги, а отчасти заимствованные из изданного ранее. Чтобы не нарушать единства повести, они помещены в виде послесловия. – Издательство “Славянская Типография”» (6, 292).

Спустя несколько лет в машинописи посвящения и издательского предисловия, датированных ноябрем 1956 г., книга была охарактеризована как «роман-хроника», в котором использованы «автобиографические данные об авторе», и было сказано, что Гребенщиков фигурирует в ней «под именем Егорки, который, однако, не является главным персонажем <...> а потому и изображается в третьем лице» [17. Ед. хр. 416/4. Л. 1]¹. В этом предисловии местоположение издательства «Алатас» указывалось следующим образом: «Русская деревня Чураевка, основанная “Егоркою” в 1925 году». Гребенщиков обвел слово «Егоркою» и вписал ниже от руки слово «автором» [17. Ед. хр. 416/4. Л. 1], восстанавливая тем самым стирившуюся в машинописном тексте дистанцию между собою как конкретным автором² и протагонистом своей книги.

¹ В 1955 г. супруга писателя Т.Д. Гребенщикова в машинописи под названием «Вместо предисловия» также с самого начала уравнивала автора и заглавного героя (задавая, впрочем, некоторую дистанцию между ними с помощью кавычек, в которые она поместила имя «Егорка» –ср. аналогичный ход самого Гребенщикова, предпринятый в послесловии к «Егоркиной жизни»; исходя из обоих контекстов, можно предположить, что супруги не осознавали этого неизбежного в данной ситуации эффекта): «После описанных в этой книге приключений, жизнь “Егорки” предлагает ему следующие зигзаги испытаний его будущей судьбы <...>» [17. Ед. хр. 699/18. Л. 1]. Ср. в finale, суммирующем итоги «зигзагов испытаний»: «Таков “Егорка”, которого Чеховское Издательство, за “недостатком” фондов, не могло выпустить и который в Из<дательст>ве Посева предлагается на суд читателей в убеждении, что таких Егорок Россия создала не мало, но не каждому удалось с таким упорством и энтузиазмом достигать славы не для себя, а для той же Великой и непобедимой нашей Родины России» [17. Ед. хр. 699/18. Л. 7].

² Мы используем здесь понятие, предложенное В. Шмидом, считающим, что «конкретный автор» представляет собой «реальную, историческую личность, создателя произведения» – инстанцию, существующую автономно и независимо от этого произведения [18. С. 46].

Нам представляется, что центральным в плане поэтики и жизнетворческой прагматики «Егоркиной жизни», книги, которой свойственно описанное выше напряжение между инстанцией конкретного автора и создаваемого ею протагониста, является соотношение в тексте элементов автобиографической повести и житийной автобиографии и тот эффект, который возникает при синтезе этих жанровых моделей.

Создавая «Егоркину жизнь» на протяжении нескольких десятилетий, Гребенщиков привлекал самые разные агиографические и литературные образцы. Одним из важнейших источников книги стала трилогия Горького, ориентацию на которую исследовала Т.Г. Черняева (см. прежде всего: [2. С. 34–40]). По словам исследовательницы, «замысел Гребенщикова <...> в определенной степени был полемически противопоставлен» горьковской трилогии и «художественным биографиям тех писателей, которые “эксплуатировали” мрачные стороны жизни низших сословий», например, «Повести о днях моей жизни, моих радостях и злоключениях» И. Вольнова [2. С. 34].

К этим наблюдениям можно добавить, что в жанрово-стилевом отношении горьковская трилогия послужила своего рода резервуаром, из которого Гребенщиков черпал материал, чтобы придать своей итоговой книге черты житийной автобиографии. Чтобы продемонстрировать потенциал сочинений Горького в этом отношении, приведем типологически сходный и принципиально важный пример. Е.А. Добренко, рассуждая о процессе агиографизации автобиографической трилогии Горького в экранизациях М.С. Донского, показал, что главным приемом режиссера стали монтажные стыки и переделки, выводящие скрыто присутствующую у Горького житийную фабулу из «латентного состояния», в результате чего «[о]тобранные сцены выстраиваются в новый, уже агиографический сюжет путем монтажа идеологем-блоков» [19. С. 214, 217]¹. Перед Горьким не стояло задачи создания собственной (авто)агиобиографии, для появления которой понадобилась фигура режиссера-«посредника». Гребенщиков же, поставив перед собой такую задачу, решал ее самостоятельно, но при этом с помощью принципов, схожих с теми, к которым прибегал Донской, а именно – тщательного подбора и монтажа мифологизированных фактов собственной биографии, ре-presentируемых отчасти сквозь призму горьковской трилогии.

Гребенщиковская ориентация на писательскую мифологию Горького была в первую очередь обусловлена сходством биографических обстоятельств авторов: бедность, тяжелое детство, ранняя необходимость трудиться и т.д.² Помимо этого, горьковская трилогия не могла не быть близка или хотя бы крайне любопытна Гребенщикову в силу того, что она стала результатом

¹ Отметим, что название цитируемой – пятой – главы монографии Е.А. Добренко стало источником первой части заглавия нашей статьи.

² В науке довольно подробно описана парадигмальная для писателей-разночинцев начала XX в. роль фигуры Горького, «который становится русским писателем № 1 в первом десятилетии XX в. и уже этим фактом стимулирует других литераторов из низов повторить свой успех» [20. С. 29].

активной мифологизации Горьким своей биографии¹. Наконец, сибирский литератор описывал свои отношения с Горьким в терминах ученичества, именуя маститого литератора своим «первым учителем» и «первым литературным вождем» (4, 478). Экзотическая для своего времени в «большой» литературе репутация «пролетарского писателя», принесшая Горькому литературный и социальный успех², была, как показывают исследователи, важнейшим хронологически близким образцом, который Гребенников учился, работая над мифологией «крестьянского писателя»³.

При этом Гребенников, строго говоря, не принадлежал к крестьянскому сословию: его отец был горнорабочим, совмещавшим эту стезю с крестьянским трудом⁴, а мать – казачкой⁵. Несмотря на это, он регулярно и настойчиво идентифицировал себя как крестьянина. В 1915 г. в письме к литературному критику Л.Н. Клейнборту Гребенников нашел вполне эзотерическую⁶ и принципиально неверифицируемую формулу, позволившую удачно разрешить формальные затруднения, с которыми он мог столкнуться в процессе социальной самоидентификации: «Собственно, отец крестьянин по духу, по положению он – горнорабочий» [27. С. 33]. Спустя пять лет литератор на короткое время изменил стратегию социальной самопрезентации, написав в «Автобиографической заметке 1922 года»: «<...> несмотря на свое пролетарское происхождение, я всей душой презираю ложь и хамство <...>» (3, 442). Вероятнее всего, эта автохарактеристика обусловлена двумя

¹ См. об этом статью Эндрю Баррата с выразительно-точным подзаголовком «The Lure of Myth and the Power of Fact»: [21].

² Как отмечал еще Б.М. Эйхенбаум, «успех Максима Горького вначале имел не столько литературный, сколько социальный характер. В русской литературе явился какой-то самовольный писатель, самоучка, не интеллигент, не земец и даже не разночинец. Важно было не столько то, что он писал о «босяках», сколько то, что он сам жил в этой среде и из нее вышел. Важно было, что он видел, знал и умел делать то, чего русский писатель не видел, не знал и не умел делать» [22. С. 114]. «За его рассказами с самого начала стояла легенда об его жизни», – резюмирует Эйхенбаум [22. С. 114].

³ Специально об отношениях начинающего сибирского литератора с Горьким см.: [23, 24, 25. С. 6–40].

⁴ Ср. очерк «У Льва Толстого» (1925), где Гребенников приводит свой ответ на вопрос Толстого «Ну, а вы-то ведь из политических? <...> Или из чиновничьей среды?»: «Нет, я из горнорабочих, но мой отец теперь крестьянин» (4, 423). Двадцатью годами позднее, 22 мая 1946 г., в письме к К.М. Симонову Гребенников атtestовал себя как «сына алтайского рудокопа, знающего терни нищеты и унижений детства и юности <...>» (6, 437). Ср. также слова рассказчика в «Егоркиной жизни»: «В крестьянском сословии Митрий (отец Егорки, чье имя совпадает с именем отца Гребенникова. – А.Г.) не состоял. По паспорту он пишется – обыватель рудника Николаевского» (6, 22).

⁵ В 1926 г. в одном из «Писем с Помпера» Гребенников писал о ней так: «Мать моя, одна из семи дочерей простой вдовы-казачки, хотя и воспиталась в нужде, но была действительно нежная и хрупкая, малопригодная к тяжелому труду женщина, к тому же немножко грамотная, взращенная на ковыльных просторах Иртыша, мечтательница, боломолица» (4, 305).

⁶ Об эзотеризме, присущем рассуждениям о «народе» и «народности» (прежде всего в национал-патриотических кругах), см.: [26. С. 105–145].

взаимосвязанными причинами. Во-первых, примером «пролетарского писателя» М. Горького, с которым Гребенщиков в 1922 г. еще продолжал эпистолярное общение¹. Во-вторых, регулярно декларируемым желанием автора «Чураевых» вернуться на родину, которую он покинул двумя годами ранее. Гребенщиков, внимательно следивший за событиями в России, не мог не понимать, что «самая желанная классовая идентичность в нэповской России – пролетарская» [29. С. 66]. Показательно, что впоследствии писатель больше не возвращался к теме своего «пролетарского» происхождения (как и то, что Гребенщиков, в отличие от Горького, не делал пролетариев героями своих произведений).

Итак, Гребенщиков сделал главным героем своей итоговой книги и собственным нарративным alter ego крестьянского мальчика. Однако для решения своих задач писатель не мог ограничиться этим ходом, поскольку ему требовалось не просто утверждение крестьянского субъекта, но его сакрализация. Поэтому он обратился к имеющемуся в репертуаре русской культуры богатейшему опыту.

Жанровая традиция житийной автобиографии, к образцам которой, наряду с обсуждавшимися образцами автобиографической повести, тяготеет книга Гребенщикова, в русской культуре восходит к житиям проповедника Аввакума, Епифания и Елеазара Анзерского – первым автоагиографическим сочинениям в истории русской культуры. Как замечает М.Б. Плюханова, «появление автоагиографических произведений не означало еще секуляризации объекта прославления» [30. С. 128], скорее, они знаменовали обратный феномен – автосакрализацию². Создатель автоагиографического текста не профанировал объект житийного прославления, а, наоборот, сакрализовал объекты, ранее являвшиеся профанными, – собственные личность и биографию³. По словам М.Б. Плюхановой, «автоагиография стала возможна и житие стало описывать человека не потому, что оно секуляризировалось, а потому, что человек был поднят над сферой профанного, в которой до сих пор преимущественно пребывал» [30. С. 128].

Трудно сказать, читал ли Гребенщиков, три века спустя решавший типологически сходную задачу автосакрализации, сочинения Епифания и Елеазара Анзерского. Однако он, безусловно, был хорошо знаком с житием проповедника Аввакума, впервые опубликованным в 1861 г., более того, высоко ценил Аввакума как писателя. К примеру, в 1925 г. Гребенщиков утверждал, что «святитель Аввакум <...> оставил самое лучшее литературное описание

¹ В особенности если учесть хорошо известное отношение Горького к крестьянству. Достаточно вспомнить его программную статью [28]. Здесь ненависть Горького к крестьянскому сословию сталкивается в очевидном конфликте с апологией крестьянства у Гребенщикова.

² Подробнее о феномене автосакрализации см.: [31].

³ Критику этой идеи М.Б. Плюхановой см.: [32. С. 23].

своего путешествия в Сибирь» [33. С. 43]¹. Вместе с тем Гребенщиков заимствовал у основоположника автобиографического дискурса в отечественной культуре и одного из создателей литературы Сибири Нового времени² не столько конкретные элементы поэтики, сколько сам конструктивный принцип соединения житийного и автобиографического начал, что несомненно важнее.

Кроме трудов пионеров автоагиографического жанра, автор «Егоркиной жизни» опирался также на сочинения более поздних литераторов, с самого начала своей книги встраивая ее в контекст «высокой» русской литературы XIX столетия. Так, в стихотворном посвящении содержатся вполне отчетливые отсылки к «Евгению Онегину»³, а в самом начале первой главы еще более эксплицитно обозначено следование модели толстовской трилогии: «Егоркина жизнь» – «биография <...> детства, отрочества и отчасти юности» (6, 9–10).

Важнее, однако, обратить внимание на значимое отличие «Егоркиной жизни» от ее классических источников. Очевидны различия, обусловленные социальными факторами. «Детство» Л.Н. Толстого, которое Э.Б. Вахтель справедливо рассматривал в качестве яркого образца специфически русской жанровой формы «псевдо-автобиографии» [36. Р. 15–36], – книга о детстве *дворянина, аристократа* («<...> Толстой изобрел русское дворянское отношение к детству» [36. Р. 57]), тогда как «Егоркина жизнь» – рассказ о *крестьянском* детстве. Кроме того, как показал Вахтель, трилогия Толстого стояла у истоков мифа о счастливом детстве. Егоркино же детство едва ли можно назвать счастливым, по крайней мере в светском понимании (при всех хитросплетениях исторической и культурной изменчивости понятия счастья, которое никоим образом не является некоей кросскультурной универсалией [37. С. 11]). Так, нарратор, характеризуя детство Егорки, прибегает к оксюморону и называет его «беспечным, богатым невероятной нищетой» (6, 15). В этом смысле гребенщиковская версия детства, опирающаяся скорее на горьковский (при всех тех оговорках, которые были сделаны выше), нежели на толстовский образец, является скорее полемической по

¹ Любопытно, что почти одновременно с этим великий сибиревед М.К. Азадовский в одной из основополагающих для изучения литературы восточной окраины Российской империи статье 1927 г. писал: «”Житием” Аввакума открывается история сибирского пейзажа в русской литературе, и с него же ведет начало та интерпретация сибирской жизни и природы, которая станет надолго основной в русской литературе» [34. С. 504].

² О роли, которую опальный протопоп сыграл в процессе формирования литературы Сибири, см. специальную работу: [35].

³ Например, вполне «пушкинская» характеристика книги как «плода», погруженная, впрочем, в совсем иной, нежели в первоисточнике (а именно – патриотически-серъезный, совсем не «пушкинский») контекст: «Сей плод любви к родной стране я посвящаю каждому, / Кто ценит мудрость в простоте <...>» (6, 9). Предположение о «пушкинском» характере посвящения поддерживается реминисценцией из «Пророка», содержащейся там же, – продолжим цитату: «<...> Кто озарен или томим духовной жаждою <...>» (6, 9).

отношению к версии Толстого, предложившего парадигмальную в этом отношении для русской литературы модель.

Помимо этого, здесь важны различия нарратологического порядка. По сравнению и с пушкинским романом в стихах, и с квазиавтобиографической трилогией Толстого Гребенщиков сокращает дистанцию между собой как конкретным автором и персонажем настолько, насколько это вообще возможно в художественном тексте. Помимо приводившихся выше деклараций, этот эффект достигался использованием двух взаимосвязанных средств. Во-первых, с помощью полного тождества не только имен автора и главного героя (Егорка и Георгий¹), но и других персонажей с их прототипами. Во-вторых, с помощью соответствия фактографического материала канве мифологизированной биографии писателя, изложенной в уже упоминавшемся письме к Л.Н. Клейнборту, суммировавшем в 1915 г. ключевые коллизии, мотивы и детали мифо-биографического нарратива Гребенщикова.

Так Гребенщиков дистанцировался от авторитетных литературных образцов². Как справедливо замечает по поводу толстовского «Детства» И. Паперно, «несмотря на автобиографическую форму повести (повествование от первого лица и биографический сюжет), Толстой не думал о “Детстве” как об истории собственной жизни» [39. С. 48]. По словам А.Л. Зорина, предпринятое Н.А. Некрасовым «произвольное исправление (заглавия повести. – А.Г.) побуждало читать текст как автобиографический, что нарушило тщательно выдержаный автором баланс» [40. С. 31]. Зорин, конечно, имеет в виду именно интересующий нас баланс между конкретным автором и протагонистом. Оба исследователя – и Паперно и Зорин – основываются в приведенных рассуждениях на резкой реакции Л.Н. Толстого, которая была спровоцирована тем, что Некрасов изменил авторское название «Детство» на «Историю моего детства», тем самым недопустимо, по мнению Толстого, сузив объект презентации. В письме к Некрасову от 27 ноября 1852 г. Толстой сетовал: «Заглавіє: *Дѣтство* и нѣсколько словъ предисловія объясняли мысль сочиненія; заглавіє же *Ист[орія] М[оего] Дѣтства* напротивъ, противорѣчить ей. Кому какое дѣло до исторіи моего дѣтства?» [41. Т. 59.

¹ Тогда как Толстой уже на номинативном уровне подчеркивал разницу между собой и протагонистом трилогии, дав ему имя Николеньки Иртеньева, а пушкинский рассказчик, при всей автобиографичности одной из своих ипостасей, остается вообще безымянным.

² Специального внимания заслуживает сопоставление «Егоркиной жизни» с двумя (псевдо)автобиографическими книгами, созданными в 1920–1930-е гг. Первая из них – повесть А.Н. Толстого «Детство Никиты» (1920), впервые изданная в Берлине в 1922 г. Гребенщиков вполне мог читать ее, живя в Европе, где он (в Париже) встречался с Толстым и откуда перебрался в Америку только в 1924 г. Вторая – роман И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» (1927–1929, 1933), который Гребенщиков читал вне всякого сомнения. (В этом последнем случае особенно характерно, что заглавие «Егоркина жизни» построено по той же модели, что и название книги Бунина.) Переписку Гребенщикова с Буниным и сведения о сложной истории их взаимоотношений см.: [38].

С. 214]. Крайне любопытно, что аналогичную операцию проделал уже упоминавшийся кинорежиссер М.С. Донской, давший своей картине 1938 г. название «Детство Горького» вместо горьковского «Детства».

В конечном итоге гребенщиковский Егорка стал литературным alter ego автора, призванным решить, как кажется, центральную прагматическую задачу Гребенщикова – создание автоагиографического текста, подводящего итог длительной работе по формированию персонального мифа о Гребенщикове как писателе «из народа». Однако этот прямолинейный ход – максимально возможное в фикциональном повествовании отождествление автора с персонажем житийной автобиографии, неминуемо создающее эффект самосакрализации, отчасти должен был сниматься в открывающем последнюю главу фрагменте: «Затянулась наша повесть. Такая длинная история о таком маленьком человеке. Пора ее кончать. <...> Без преувеличений и без ненужных, унижающих человека преуменьшений примем эту жизнь так, как она здесь рассказана, как жизнь одного из сынов простого и все-таки великого народа. Ведь о народе и был наш главный сказ» (6, 286). Здесь «маленький человек» Егорка оказывается метонимией «простого и все-таки великого народа». И вместе с этим не просто главный, а заглавный персонаж книги риторически отодвигается на второй план, уступая первенство внутри системы персонажей коллективному телу народа¹.

Гребенщиков инвертирует здесь этикетный прием самоуничижения средневекового агиографа. Последний, как хорошо известно, подчеркивал собственную ничтожность по сравнению с объектом описания и прославления. В «Егоркиной жизни», напротив, рассказчик извиняется перед читателем за «ничтожность» заглавного героя, аналогично тому, как это делает Ф.М. Достоевский в романе «Братья Карамазовы»². У Достоевского рассказчик, в главке «От автора» фигурирующий в ипостаси «ограниченного в

¹ Ср. в уже цитированном письме Гребенщикова к И.И. Сикорскому от 10 января 1953 г.: «Народ мой там основной герой, и вышел он весьма красочен, масса картин быта и жизни, калейдоскоп событий» [5. С. 163].

² В пользу того, что это не случайная параллель, а результат прямого, историко-генетического влияния романа Достоевского на гребенщиковскую поэтику, свидетельствуют разнообразные аллюзии на «Братьев Карамазовых», обнаруживающиеся в других произведениях Гребенщикова. А.П. Казаркин обоснованно писал об ориентации персонажной системы романа «Чураевы» на последний роман Достоевского. См.: [42. С. 67]. Эта идея исследователя нашла продолжение в работе: [42. С. 271]. О том, что «Братья Карамазовы» находились в поле внимания Гребенщикова во время работы над «Чураевыми», свидетельствует начертанный рукой писателя на обороте перечня имен к одному из томов эпопеи список книг, в котором название романа Достоевского соседствует с Талмудом, Кораном, «Адом» Данте, «Дон Кихотом» и «Фаустом» [17. Ед. хр. 58342/73. Л. 7]. Наконец, в позднейшей статье «Нормально ли современное человечество», написанной в 1950-е гг., Гребенщиков говорит об атеизме как одном из ключевых слагаемых современности и характеризует эпоху взятыми в кавычки словами «все позволено» [17. Ед. хр. 56739/223. Л. 2], создавшими интертекстуальную перекличку с известной формулой Ивана Карамазова, ставшей одним из лейтмотивов последнего романа Достоевского.

своем знании хроникера» [18. С. 69]¹, говорит об отсутствии аргументов, которые могли бы обосновать значимость героя романа и необходимость уделить ему читательское внимание. В предведомлении «От автора» читаем:

<...> хотя я и называю Алексея Федоровича моим героем, но, однако, сам знаю, что человек он отнюдь не великий, а посему и предвижу вопросы вроде таковых: чем же замечателен ваш Алексей Федорович <...>? Что сделал он такого? Кому и чем известен? Почему я, читатель, должен тратить время на изучение его жизни? [45. Т. 14. С. 5]².

Гребенщиковский же нарратор, поставивший одной из своих задач написать своеобразное коллективное житие, житие «простого народа», поясняет необходимость «тратить время» на «изучение жизни» персонажа своего рассказа тем, что оно эквивалентно изучению народа. Характерно при этом, что Гребенщиков, как мы видели, помещает схожий пассаж не в начало произведения, как это было у Достоевского, а в его конец, т.е. перемещает его в еще более сильную позицию. Ср. в самом начале «Егоркиной жизни»:

<...> избрали мы Егоркину жизнь не потому, что он сын бедняка и что жизнь его полна будет обидами и нищетой, а потому, что <...> хлеб его выкорчит, вода вымоет, а что из него выйдет – гадать не будем. А главное, потому, что повезло Егорке родиться в той среде, в которой он рос, как в бурьяне, пропахший горькою травой-польниью, а польнь, как известно, даже и коровы не едят, а блохи от польни скачут во все стороны (6, 18).

Впрочем, в «Егоркиной жизни» возникает противоречие между цитированными нарраторскими декларациями принадлежности главного героя к народу и логикой фабулы, согласно которой Егорка впоследствии во многом отделяется от народного (для Гребенщикова – по преимуществу крестьянского) тела, «выламывается» из него, выбрав путь (само)просвещения. В этом смысле Гребенщиков прибегает здесь к своему излюбленному конфликту между стремящимся к «свету» культуры из «тьмы» невежества и нищеты одаренным юношей и враждебным ему, косным и консервативным окружением³.

Так или иначе, Гребенщиков, прибегавший в «Егоркиной жизни» к использованию широкого репертуара агиографической топики⁴, реализовал в

¹ О колебании нарратора в «Братьях Карамазовых» между всеведущей и вездесущей инстанцией, с одной стороны, и ограниченной в своей нарративной компетенции фигурой хроникера – с другой, см.: [18. С. 69]. Специально о предисловии к «Братьям Карамазовым» см.: [44. С. 200–223].

² Ср. общую трансформацию житийных традиций в романе Достоевского, связанную, в частности, с активизацией элементов агиографической поэтики в нарративном плане. Как отмечает В.Е. Ветловская, повествователь в «Братьях Карамазовых» восходит к фигуре средневекового агиографа [46. С. 24].

³ Об этом конфликте, пронизывающем существенную часть корпуса художественных и автодокументальных сочинений Гребенщикова, а также ряд его публицистических выступлений, см., например: [3. С. 349].

⁴ Типологию топики корпуса русских житий см. в фундаментальной статье [47]. Специально о топике житий преподобных см. работу [48], на которую мы опирались прежде

этой книге множество важнейших элементов структуры преподобнического жития (топика которых, по замечанию Т.Р. Руди, «является, пожалуй», «наиболее разнообразной и особенно детально разработанной» [47. С. 78]):

– рождение от «христолюбивых родителей»¹: этому критерию соответствуют и набожная, «богомольная» мать героя, мечтающая постричься в монахини (6, 96), и отец, грубость которого, ранящая маленького Егорку, детерминирована суровыми жизненными обстоятельствами;

– исключительность героя и проявление склонности к избранному пути с детства (изначальная предназначенностя служению, открывающаяся матери и – позднее – ему самому)²;

– неучастие в детских играх (как и в праздниках взрослых)³;

– уход из родительского дома (мотивированный в случае Егорки необходимостью выбиться «в люди», о чем ему регулярно говорит мать – последнее обстоятельство маркирует сдвиг в структуре житийного топоса);

– усердное посещение церковной службы (святой «первым приход[ит] в храм и последним его покида[ет] <...>» [48. С. 470]; в случае Егорки храм замещается школой – подробнее об этом речь пойдет ниже);

– презрение к «богатым одеждам», которым предпочитаются «“худые” ризы <...>» [48. С. 474] (ср. постоянные акценты на жалком внешнем виде Егорки, делающиеся на протяжении большей части книги);

– аскетические подвиги;

– борьба святого с бесами.

В гребенщиковской книге отсутствует описание кончины главного героя, а изображения чудес трансформированы (речь в данном случае идет не о чудесах, творимых мощами святого, а о чудесах или их секуляризованных эквивалентах, сопровождающих жизнь героя) и ограничены прижизненными примерами, поскольку жизнеописание Егорки длится до его девятнадцати лет, «порога юности» героя⁴.

всего. Исследовательница выделяет 19 основных топосов, присущих преподобническому житию, добавляя к ним 7, «свойственных в основном житиям основателей монастырей, составляющим подгруппу житий преподобных <...>» [48. С. 499].

¹ Ср.: «Сый преподобный отец наш Сергие родися от родителя добродорну и благовърну: от отца, нарицаемаго Кирила, и от матерее именем Мариа, иже бѣста Божии угодници, правдиви пред Богомъ и пред человекы, и всяческими добродѣтелми испльнени же и украсени, яко же Богъ любитъ» [49. С. 262].

² Ср.: «Яко и прежде рождения его Богъ прознаменаль есть его <...>» [49. С. 270].

³ Е.Н. Грачева указывает на то, что «мотив отказа от развлечений (и его модификаций – мотив[а] усиленных занятий в предназначено для отдыха время)», имевший, вероятно, «житийное происхождение», был укоренен уже в описаниях детства поэтов XVIII в. [50. С. 326].

⁴ В данном случае уместно привести наблюдение, сделанное Е.Н. Грачевой на материале отечественных жизнеописаний рубежа XVIII–XIX вв.: «По сути дела, мотив осознания своего предназначения условно обозначал конец детства как предыстории <...>» [50. С. 328].

Образ Егорки, в полном соответствии с житийным трафаретом, с самого начала книги подается как исключительный, но понимание этой исключительности доступно сперва лишь его матери – в моменты «надземных, надбудничных видений»¹: «Ни сам он, никто из его близких не могли предвидеть что к чему. И только мать его, Елена Петровна, изредка, когда была минутка помечтать в уединении и под тихие напевы старых песен, в которых все укладывалось в надземные, надбудничные виденья, понимала, что в Егорке что-то дано ей в утешу» (6, 93) – что воспроизводит мотив Жития Сергея Радонежского. Мать Егорки «наметила <...> его Богу посвятить, а как – не знает. Боится, что при следующих родах умрет, а до этой воли Божией хотелось ей свою волю как-то закрепить» (6, 97). Но Божий промысел помогает матери разгадать предназначение Егорки: <...> когда шла домой, воля Божья сама постучалась в ее раскрытое сердце просто и тепло: «Подрастет, отдам его в учение, поручу его Воле Божьей». Кто же это так просто и твердо сказал в ней или над ней? Даже и мечтой угадывать не посмела» (6, 97)².

Провиденциальная отмеченность Егоркиной судьбы подчеркнута, помимо прочего, тем, что его жизнь постоянно, начиная с младенчества, подвергается риску, но он каждый раз остается жив: мальчик чудом не сгорает от уроненной им в избе свечи – спасает то, что «рубашонка оказалась мокрая» (6, 12); падает с печки в подполье, но избегает травм оттого, что приземляется на спину спустившейся за картошкой матери; вопреки ожиданиям матери выздоравливает после тяжелой и затяжной болезни; спасается во время смертельной опасности на сплаве бревен и т.д. «А сколько раз был на краю могилки»; «Много было с ним беды, всего не перескажешь», – резюмирует нарратор (6, 11, 12).

Моменты опасности, потенциальной смерти и ее преодоления приобретают (и по логике фабулы, и в прямых высказываниях на этот счет повествователя) телеологическую окраску – Егорка не умирает не просто так, а именно в силу некоего особого предназначения. В соответствии с логикой синтеза двух дискурсов – агиографического и автобиографического – этот житийный мотив несколько ослабляется беллетристической декларацией нарраторского «незнания» судьбы героя: «<...> пересмотрим прошлое Егорки, которому, быть может, суждена долгая и полная еще более пестрых приключений жизнь» (6, 287). Егорка не выбирает своей судьбы, он, подобно житийному святому, изначально предназначен для миссии, которая нуждается только в расшифровке, достигающейся с помощью прозрения³.

¹ Исключительность героя рифмуется с неординарностью его матери. Например, мудрому деревенскому старику Вяткину она кажется «необычайной, не простой, не малограмотной, а очень сильной мудростью, и мудрость ее в простоте и в этой чистой покаянной кротости» (6, 96–97).

² Ср. сцену Егоркиной теофании, которая будет обсуждаться ниже.

³ По словам М.Б. Плюхановой, «важнейшая особенность традиционной агиографической системы состоит в том, что не герой жития выбирает святость, а святость уже выбрала его прежде, чем он стал объектом житийного прославления» [30. С. 122].

Исключительность героя коррелирует с его социальной обособленностью: как и древнерусский святой, Егорка не участвует в окружающих его играх, забавах и празднествах. Эта выключенность из органичного для ребенка контекста может иметь различные мотивировки: с соседскими детьми Егорка не играет потому, что не может оставить без присмотра младшего брата (6, 84); в веселой и шумной свадьбе своей тетки Ольги мальчик «один <...> оставался не у дел», потому что у него не было сапог (6, 166)¹. Житийная мотивировка здесь ослабляется (святой не играет со сверстниками потому, что он изначально изъят из «профанной» сферы, Егорка же не имеет «технической» возможности включиться в эту сферу), но семантика остается аналогичной.

С отмеченной выделенностью героя из своей семьи и – шире – среди любопытным образом соотносится его жалкий вид. С одной стороны, духовная чистота героя диссонирует с телесной грязью и болезнями: «<...> ноги его в цыпках (цыпки и сопли – постоянные атрибуты детства и отрочества героя. – А.Г.), грязные и в ссадинах, то ноготь сорван, то колено распухло от ушиба, то где-нибудь сидит на его теле мучительный чирей» (6, 93). С другой же стороны, «постоянно жалкий» вид Егорки тоже выделяет его на фоне других членов семьи. Однажды мать, глядя на него, заплакала навзрыд, потому что сын «показался ей таким несчастным, таким жалким»:

И личико его курносое шелушится: кожа на лице много раз обгорела еще на пашне, слезает перхотью и застrevает в белом пушке на щеках, а нос опять мокрый, и рваная рубашка <...> испачкалась. Ни Миколка, ни Оничка, ни даже маленькая Фенька (братья и сестры Егорки. – А.Г.) никогда не бывают такими жалкими (6, 94).

Показательно, что рассказчик нигде однозначно и исчерпывающе не говорит о том, к какому именно служению предназначен Егорка. В мечтах матери ориентир для него – судьба Ломоносова (что, в свою очередь, полностью укладывается в «ломоносовскую» канву персонального писательского мифа Гребенщикова²):

¹ В этом эпизоде повествователь постоянно делает акцент на сапогах других персонажей,вольно или невольно подчеркивая выделенность главного героя из ряда пирующих и веселящихся на свадьбе и его одиночество. Егорка любуется отцом, который «в новых сапогах <...> казался выше ростом и моложе и красивее» (6, 166); жених Ольги Александр «в черных брюках навыпуск поверх черных лаковых сапог» (6, 166).

² Эта деталь актуализирует в новом контексте проблему просветительской рецепции жанра жития. Гребенщиков, активно опираясь на образцы древнерусской агиографии (в первую очередь Житие Сергия Радонежского) и автоагиографии (прежде всего Житие протопопа Аввакума), мог учитывать и более поздние образцы отечественной словесности, в которых тоже, в свою очередь, трансформировалась агиографическая поэтика. Например, радищевское «Житие Федора Васильевича Ушакова», уже само название которого, содержащее в себе «несовместимые слова “житие” и “Федор” (вместо “Феодор”)», сигнализирует о желании автора «сблизить, синтезировать противоположные

А все-таки почему бы не случиться чуду?.. Ведь летят же птицы – на лето из теплых стран на север, а на зиму опять же на теплые моря далекие... Ведь не все же сказки, и не все из книжек вычитала... Был же ведь и Михаила Василич Ломоносов из бедняков... Это у Елены уже зарождается мечта о будущей судьбе Егорки (6, 95).

Сына в свои мечты Елена Петровна не посвящает: «Егорка еще мал и глуп, с ним рано делиться такими думами <...>» (6, 95).

В то же время функцию «небесного покровителя» мальчика выполняет А.С. Пушкин, чей образ контаминируется в воображении Егорки с фигурой его матери, в «бурланливую ночь» читающей в избе «Буря мглою небо кроет...»:

<...> постучался кто-то столь родной и близкий и столь великий, столь все понимающий и знающий все подробности их жизни, что он никогда-никогда их не оставит, а Егорку поведет через тернистые пути его будущей жизни и поможет, поможет все перенести, все вытерпеть (6, 141).

В перспективе ломоносовского мифа, усиленного пушкинскими обертонами (напомним, что Пушкин, наряду с Л.Н. Толстым, был ключевой для Гребенщикова фигурой русского литературного пантеона XIX в.¹), неудивительно, что знание и его источник – школа – наделены в «Егоркиной жизни» семантикой святости. Так, в «Послесловии» прототип учительницы Егорки, учительница Г.Д. Гребенщикова Ольга Афиногеновна, прямо названа «святой» (6, 296). В сознании автора (как уже говорилось, во многих отношениях – как, например, в этом случае, – совпадающем с сознанием протагониста, хотя, повторим, и не тождественным ему) святость синонимична красоте, поэтому учительница, которая сравнивается с матерью (изначальным эталоном «красоты» и «святости» и для автора, и для Егорки), оказывается «красивее» и, следовательно, «свяще» последней: «Может быть, самая красивая и самая святая во всем мире для меня» (6, 296)².

С учительницей связана и значимая художественная манифестация гребенщиковского литературоцентризма – ее красота рифмуется с символизирующими знание «идеальной красоты прописными буквами», которые она выводит на доске. Впоследствии учительница «никогда не вышла замуж, может быть, из-за руки (поврежденной в юности. – А.Г.), а может быть, потому, что отдала себя школе, как монастырю» (6, 297). Завороженный сакрализованной в его сознании учительницей, Егорка приходит в школу раньше

традиции», а вместе с тем может быть прочитано «как свидетельство отрыва от церковнославянской стихии» [51. С. 158]. Пока не обнаружено свидетельств знакомства Гребенщикова с книгой А.Н. Радищева, исследователю остается ограничиваться констатацией наличия очевидных типологических связей «Егоркиной жизни» и «Жития Федора Васильевича Ушакова».

¹ Подробнее об этом см.: [52].

² Ср. также в письме Гребенщикова к Клейнборту: «В учительницу был влюблен, <как> в святую, и все ее слова запоминал как заповедь» [27. С. 35].

других ребят и уходит позже, потому что школа становится для него про странством святости и чистоты, контрастирующим с домом, где он то и дело обнаруживает грубое обращение отца с матерью, ссоры, вызванные нищетой, и прочие непотребства¹.

Функцию помехи в учении Егорки, аналогичную функции помехи свя тому в изучении церковных книг и служении Христу в житиях, выполняет член семьи заглавного героя – его брат Миколка². Он издевается над Егор кой и даже бьет его за то, что тот учится в школе³: «Егоркины книжки и тетрадки раздражали Миколку, и он все грозился сжечь их, да матери побаивался, хотя и на нее косился – это ее затея из Егорки “писаря доспеть”» (6, 214). Остальные жители деревни тоже высмеивают Егорку-ученика, с по дачи Миколки презрительно называя его «конторским» (6, 184).

Важнейшим аргументом в пользу исключительности героя, соотнесен ным с мотивом прозрения им собственной судьбы и мотивом сохранения Егоркиной жизни высшими силами, является визионерство (ср. визионер ство Аввакума⁴ или Епифания). Во время продолжительной болезни ослабевшего Егорку привозят на пашню. Там происходит теофания, подгото вленная и мотивированная пограничным состоянием героя: «<...> в это неза быываемое утро маленькой душе Егорки, едва теплившейся в иссохшем в долгом, невинном страдании тельце, открылся Бог во всем Своем сиянии, во всей Своей беспредельности и светозарной⁵ красоте» (6, 181).

Там же, на пашне, происходит видение измученного долгой болезнью Егорки – плывущее по небу облако оказывается ангелом:

Внизу сверкала тихая речка возле мельницы <...> и упльывающее вдали белое облако тоже смеялось оттого, что унеслось уже так далеко – никто не догонит, не поймет. Тут Егорка прищурил глаза – подождите! Это же ангел Божий летит. Самый настоящий, с перистыми, заостренными на концах крыльями. Точь-в-точь такой, но только еще лучше, как он видел где-то у мамы на картинке в книжке. И

¹ Ср. «сгущение» темы, приводящее к описанию школы как рая в письме к Клейнборту: «Любил в школу приходить раньше других, особенно весной, и чувствовал себя в ней как в раю. Особенно после того домашнего греха, в котором постоянно <...> находилась моя семья» [27. С. 35].

² Аналогичный конфликт был разработан Гребенщиковым уже в пьесах «Сын народа», где содержатся сцены притеснения главного героя Федора Правдина отцом и старшим братом Савелием за чтение книг, и «Джаксы джигит» (здесь этот конфликт «модерного» героя, тянувшегося к «свету» знания и патриархального окружения, всячески препятствующего этому, выражен менее отчетливо, но всё же занимает в структуре драмы важное место).

³ Исследователь древнерусской книжности отмечает «значимость родственных <...> отношений святого и его врагов для сюжета страстотерпческой агиографии» [63. С. 122], следы поэтики которой очевидны в структуре «Егоркиной жизни».

⁴ О видении Аввакума, структурирующем в его сознании собственную жизнь как единий текст и придающем ейteleологическое измерение, см.: [53. С. 242].

⁵ Это характерное для рериховского лексикона слово можно рассматривать как пример «рецидива» хорошо известного в гребенниковедении влияния семьи Рерихов на Г.Д. и Т.Д. Гребенниковых, которое было наиболее интенсивным в середине 1920-х гг.

вспомнил он старичка седеньского, которого мать приютила в их избе на весь Великий Пост. Да, мама называла его ангелом. Есть ангелы! Есть! Егорка от усталости закрыл глаза и не мог их открыть. Сон одолевал его, он с непривычки упился запахами поля, свежей пшеницы и медунок, что держали его слабые, сморщеные, восковые ручонки (6, 181–182)¹.

Другое видение героя происходит во время сплава бревен:

Он видел сон наяву. <...> Егорка как будто задремал на своем коне, и ему казалось – откуда-то из книжек – он видит на себе отражение былинной правды, он взрослый и даже очень старый, старый человек… Нет, он не богатырь перед распутьем трех дорог, он неизвестный, безымянный старый человек, которому суждено увидеть все, что сейчас перед ним, и понести эту правду-быль из века давно-давно прошедшего в века, далеко уходящие в будущее. Вот именно здесь, на этой высоте, он впервые вырос в высоту недетского прозрения: он все это унесет с собой далеко в пространстве и во времени (6, 212).

Показательно, что образы обоих этих видений подготовлены в сознании героя книжными впечатлениями: ангела «он видел где-то у мамы на картинке в книжке» и себя «неизвестным, безымянным старым человеком» тоже видел «откуда-то из книжек». Кроме того, в этих неясных пророчествах, выполненных с помощью несобственно-прямой речи, вполне различима писательская судьба Егорки («…суждено увидеть все, что сейчас перед ним, и понести эту правду-быль из века давно-давно прошедшего в века, далеко уходящие в будущее»). Затем, уже в предпоследней главе, эта перспектива будет очерчена гораздо более определенно. Приехавший с ревизией товарищ прокурора скажет судье Цвилинскому, помощником которого был уже повзрослевший Егорка, о составленных последним протоколах допросов: «Вы знаете, господин судебный следователь, когда я был мировым судьею, я никогда не применял… – он замялся, подыскивая подходящее слово. – Не применял, так сказать, беллетристической формы. А у вас тут, я вижу, целый роман записан. Все в диалогах» (6, 278).

Еще одно видение является Егорке по дороге в город, куда он отправляется с отцом. На третий день пути, «под вечер на ровном и туманном горизонте, на желто-красном предзакатном небе показалось нечто странное, невиданное – город» (6, 221). Однако это видение города оказывается псевдовидением, переключая повествование из высокого регистра видения города (формирующего соответствующий горизонт читательского ожидания, в рамках которого реципиент ориентирован на подобие видения Небесного

¹ Ср. «одно детское видение» самого Гребенщикова, описанное им в книге «Гонец. Письма с Помперага»: «Когда и где оно запечатлелось, я не знаю, может быть, во сне, может быть, в мечтах бессонного глядения на звездное небо, когда в звездную полночь я просыпался на родной земле, на пашне, среди снопов и сена. Передо мною возвышался образ Богоматери – неописуем лик Ее, склоненный к Младенцу Сыну, но с плеч спадает складками синий плат, весь в звездах, значит, целое небо, все мироздание служит Ей покровом – так величественен был Ее образ…» (4, 352).

Иерусалима) в русло скорее натуралистической зарисовки. Впервые узревший город Егорка принял за мираж реальные очертания Семипалатинска. Однако в жизни Егорки было и настоящее видение города: «...однажды <...> в полудремоте или в бреду» Егорка видел «неправдишное небо и неправдишный город, но тонкий и прозрачный, насквозь был виден весь, как сотканный из полотна <...>» (6, 221).

Это (квази)видение, в котором оказалось «много мечетей, больше, нежели церквей» (6, 221), можно объяснить двояко. Во-первых, Егорка прозревает в нем свое попадание в Семипалатинск, «одноэтажную деревянную столицу прииртышской Киргизии» (6, 243), где ему суждено будет прожить важный этап жизни. Не случайно одно из первых городских впечатлений мальчика – вид татарского муллы рядом с мечетью и звуки утреннего намаза, раздающиеся «с отдаленных концов города» (6, 223). В то же время обыденное для Семипалатинска доминирование мечетей над православными храмами на символическом уровне поэтики книги, возможно, отсылает к важнейшей для историософской рефлексии Гребенщикова эпохе монгольского нашествия¹. Такое прочтение поддерживается «подсвеченностю» образа другого литературного alter ego создателя «Егоркиной жизни» – визионера и историософа Василия Чураева – фигурай Сергея Радонежского, святого-духовидца, с чьим именем привычно ассоциировалась победа над Золотой Ордой. В «Чураевых» преподобный Сергий является Василию и разрешает нестыковки историософской концепции героя, ищащего телесного оправдания жестокостям и «крови» Московского царства. Выходя из старообрядческой церкви на Рогожском кладбище, Василий «вдохнул в себя струю свежего воздуха», после чего «над ним раздался мощный благовест и, как живой, встал образ Сергия Радонежского. Вот о ком забыл он, когда обвинял Московскую Русь» [55. С. 138]. Колокольня храма кажется Василию «похожею на сказочного гиганта-вityязя, смотревшего с горы куда-то вдаль» [55. С. 138]. «Могучий витязь точно ожил. В красной кольчуге, в тяжелом сером шлеме с остроконечным верхом, заканчивающимся золотым крестом, он зычно повторял какое-то одно могучее, большое, еще никем не понятое слово» [55. С. 138]. Примечательно, что герой «Чураевых» расшифровывает этот символ как призыв возвращаться домой, в родную керкацкую деревню (напомним, что это возвращение будет предшествовать окончательному разрыву Василия с семьей).

¹ Вполне возможно, что одновременно с этим обсуждаемая сцена восходит к «Воспоминаниям» одного из учителей и покровителей Гребенщикова «старшего» областника Г.Н. Потанина, который, рассказывая о своем детстве, писал: «С переезда в Семирязк я начинаю помнить факты моей жизни, хотя и не в хронологическом порядке, а отрывками, в виде отдельных картин. Так, я запомнил оригинальную семирязскую церковь с двумя колокольнями, которые не примыкают к центральному зданию с куполом, а выстроены в виде отдельных башен, одна к северу, другая к югу от церкви, купол над центральным зданием плоский, и весь ансамбль этого сооружения скорее напоминает мечеть, чем церковь» [54. С. 29]. Это предположение поддерживается в числе прочих и тем обстоятельством, что Семирязк находится неподалеку от Семипалатинска.

Принципиально важна здесь эта концентрация визионерской мотивики – геюро-духовидцу предстает святой, в свою очередь тоже являющийся визионером. Как показал еще Г.П. Федотов, Сергий Радонежский был первым в русской агиографии визионером, имевшим видения не только темных сил [56. С. 116 и след.]: в ранней русской агиографии видения «являлись искушением». Кроме того, святые могли быть наказаны «ложными видениями» за «высокомерие чрезмерных подвигов» [30. С. 124].

Как уже говорилось, Гребенщиков в «Егоркиной жизни» довольно точно следует канону преподобнического жития. Составленное Епифанием Примурдрым Житие Сергия Радонежского, главного, по мнению Гребенщикова, святого в отечественной истории, вообще стало центральным агиографическим источником «Егоркиной жизни». Вспомним, что один из лейтмотивов составленного Жития Сергия Радонежского состоял в том, что от рода Сергий был мало учен и ему с большим трудом давалась грамота¹. Вне всякого сомнения, фигура преподобного Сергия, которая вообще была крайне важна и для дискурсивных, и для жизнетворческих практик Гребенщикова, в данном случае могла быть ценной для сибирского писателя-самоучки, раз за разом подчеркивавшего сложную траекторию пройденного им пути автодидакта, особой (авто)психологической ценностью². Кроме того, Егорка, как и древнерусский святой, с детства был наделен особым зрением³, позволившим ему со временем разгадать свое предназначение.

¹ Ср.: «<...> не скоро выкнула писанию, но медлено нѣкако и не прильжно» [49. С. 274].

² Подробнее об отношении Гребенщикова к этому святому см.: [57]. Ср.: [58. С. 8, 13–14].

³ Для «Егоркиной жизни» вообще характерен акцент на зрении, которое становится в книге не только главным анализатором, которым наделены персонажи, и важным мотивом, но и продуцирует особую значимость в тексте пространственного плана реализации точки зрения перспективы (по В. Шмиду). Основная, фикциональная, часть книги открывается главой «Что первыми увидели глаза» (о литературном топосе первого переживания см.: [59]), а заканчивается словами из гипотетической молитвы Егорки, которой завершается фикциональная часть книги: «Возьми, Господи, мой разум, мою память, мой слух и все иные Твои блага, но оставь мне по ту сторону жизни глаза мои – дивный и извечный дар Твой. Ибо глазами возлюбил я и благословил всю мудрость творения Твоего... Глазами я увидел небо на земле» (6, 291). Вообще говоря, такой акцент вполне типичен и для (хотя бы отчасти) автобиографического нарратива, и для художественных произведений, лишенных автобиографического начала. Ср., например, заглавия книг не похожих друг на друга писателей (при этом практически полных ровесников Гребенщикова), которые создавались одновременно с долго писавшейся «Егоркиной жизнью»: «Подстриженными глазами» (впервые опубликована отдельной книгой в 1951 г. в парижском издательстве YMCA-PRESS, отдельные главы выходили начиная с 1929 г. [60. С. 538]) А.М. Ремизова, написанная в эмиграции (где Ремизов встречался с Гребенщиковым), «Полугораглазый стрелец» (1933) Б.К. Лифшица или «Что я видел» (1939) советского литератора Б.С. Житкова. Подобные примеры без труда можно множить – квантитативное исследование частотности подобного рода названий в русской литературе первой половины XX в. может стать отдельной многообещающей исследовательской темой. Важно, однако, что Гребенщиков разрабатывал «офтальмологическую» тему крайне интенсивно и систематически, почти с начала и до самого конца своего долгого литературного пути. Так, прищуренные глаза, которые встречаются и в «Егоркиной жизни», стали

Переездом в город, являвшийся мальчику в видениях, символизирован его окончательный отрыв от семьи и начало «служения». В житиях осуществлению подвижнического пути святого предшествует его пространственное перемещение – удаление «от мира», в монастырь или в пустыню. В «Егоркиной жизни» перемещение героя из деревни в город выполняет внешне иную, но по сути идентичную функцию – приобщения его к миру сакрализованного знания, сосредоточенного именно в городском пространстве. Весь городской этап жизни Егорки как бы обобщен с помощью метафоры лестницы – как «восхождение» героя со ступени на ступень. Так, появление Егорки по службе в аптеке, описанное в главе XIX под характерным названием «Егоркино счастье» и сопровождающееся перемещением из подвала аптеки в «надземную» часть здания, «было <...> для него как бы восхождением от земли к небеси» и породило намерение переодеться в «новые рубашку и штаны», поскольку, выбравшись из «каморки» на свет, «надо быть чистеньkim» (6, 253). Показательно, что происходит это пространственное и вместе с тем символическое перемещение героя на Пасху.

Такая пространственная семиотика, восходящая в русской культуре к средневековым текстам [61. С. 112–117], позволяет Гребенщикову показать путь своего alter ego как постепенное восхождение от «тьмы» (невежества, грязи, греха) к «свету» (знанию, чистоте, святыни). Здесь Гребенщиков варьирует топику «света» и «тьмы», детально разработанную уже в самых ранних версиях его мифо-биографического нарратива. Ограничимся здесь одним примером, взятым из письма Гребенщикова к Е.А. Ляцкому от 14 июня 1915 г., в котором содержится выразительное органицистское самоописание:

Я знаю многих степных киргизят, которые в науках совсем зачахли и выродились физически. Это от пересадки на новую почву, менее здоровую, но богатую соблазнами к знаниям, свету и всему тому, что высасывает соки без остатка. Вот я борюсь и с тьмой в себе, и с сильным светом, и все же я тоскую, я как бы не здоров совершенно. Мне горько, что я ужасно мало знаю, мало читаю, мало учусь, и страшно всецело отдать свое собственное под обаятельную власть книги и науки, где, конечно, все мои личные грани сотрутся и я не буду похож на себя (1, 558)¹.

Но сюжетогенный потенциал житийного мотива избраннысти героя, телеснологически структурирующего его судьбу от рождения до смерти, остался в «Егоркиной жизни» не исчерпанным до конца, поскольку книга обрывается главой «Первая любовь», в конце которой герою только девятнадцать лет.

характерной мимической чертой многих гребенщиковских героев, как правило – главных. Ср. героев «Чураевых», «Ханства Батырбека», «Любавы», «Былины о Микуле Буяновиче» и многих других произведений Гребенщикова. Эта черта дает богатый материал для анализа, выходящего далеко за пределы сфер антропологии и мимики.

¹ Крайне важно, что в «Егоркиной жизни», при сохранении антитезы «тьмы» и «света», коннотированных как полюса невежества и просвещения, будет утрачена эта напряженность процесса самоидентификации: Егорка однозначно выбирает полюс книжного знания, не боясь «отдать свое собственное под обаятельную власть книги и науки».

Тема греховности города, контрастирующей с «чистотой» деревни, в «Егоркиной жизни», по сравнению с житийными образцами, как и в романе «Чураевы», оказывается ослабленной. В городе, который в житиях с их бинарной пространственной семиотикой обычно изображался как локус греха, набожный Егорка сталкивается с искушениями. Важно, однако, что искушения, как и переживания собственной греховности, сопровождали героя уже в деревенском детстве. Так, на праздничных катаниях с горки мальчик поцеловал, по обычаю, поповскую дочку Маничку, которая рассердилась на него за этот поцелуй. Егорка же несколько недель мучился, не мог заниматься в школе и считал себя «грешником», будучи «уверен, что батюшка не даст ему Причастия. Если батюшка не простила, то и Бог не простит» (6, 196)¹.

Через несколько лет после отъезда Егорки в город происходит его встреча с матерью. Этот эпизод опять-таки с точностью дублирует житийные образцы. Узнав от богомолок, что мать, идущая в сопровождении других странниц «на богомолье к Абалацкой Божьей Матери», герой выходит навстречу и на пыльной дороге перевязывает ей и другой женщине ноги, «растертые песком, набившимся в дырявые обутки» (6, 267). Эти мотивы с очевидностью восходят к евангельскому топосу врачевания и омовения ног. Ср., например, сцены омовения ног Иисуса Марией Магдалиной (Иоанн 12: 1–8) или омовения Иисусом ног апостолов (Иоанн 13: 1–20).

После этого Егорка вместе с паломницами отправился в обитель, где «... провел весь следующий день, истратил все свои лекарства» – так, что «не хватило ни бинтиков, ни присыпок» (6, 268). После посещения обители становится яснее мечта Егорки – лечить «больных и страждущих», которых «много не только в больницах, но и при святых обителях» (6, 268). В этом смысле траектория егоркиной жизни полностью укладывается в отмеченную М.Н. Климовой тенденцию, в рамках которой «духовные устремления “новых святых” русской литературы XX в., как правило, направлены не столько “вовнутрь”, на личное спасение души подвижника, сколько “вовне”, воплотившись в деятельной и самоотверженной помощи окружающим» [62. С. 35].

Традиционный евангельский, а впоследствии и житийный, мотив способности героя к врачеванию (в частности, к враачеванию ног) служит одним из элементов лайтмотивной связи, придающим схожесть образам Егорки и его матери: именно от нее Егорка наследует особую чуткость и любовь к людям, которая деятельно воплощается в его врачебной службе (в том числе и в той помощи, которую он оказывает матери и другим паломницам). Несадолго до смерти у матери героя открывается особый дар к исцелению.

¹ Горячая вера Егорки проявляется также в его переживаниях на литургии. В Страстную субботу «новым с головы до ног и новым изнутри почувял себя Егорка, когда они подходили к храму» (6, 250). Лицо Егорки изображается как лик: «<...> когда из церкви полился поток света <...> Егоркино лицо, подернутое белым пушком, такое еще детское и чистое, озарилось не только светом его собственной свечи, но и сиянием настоящего счастья» (6, 251).

В уже неоднократно цитированном послесловии Гребенщиков, стирая дистанцию между собой и повествователем и используя отсутствовавшее в фикциональной части книги нарративное «Я», пишет: «Она всегда всем помогала чем могла. А последние годы ездила лечить и повивать по множеству окрестных сел и деревень. Слава о ее лечении была так велика, что и врачи с нею дружили» (6, 294). Показательно, что Егорка, постоянно находясь рядом с заразными больными, остается здоровым. Мать же его прототипа, «видимо, простудившись или заразившись от больных, внезапно умерла в тридцати верстах от дома» (6, 294). (В фикциональной части книги сведений о смерти матери нет.) Сам герой, находясь от дома намного дальше, избежал опасности, что можно расценивать как секуляризованный эквивалент чудес, сопровождавших жизнь и посмертие святых¹.

Егорка, после многочисленных городских «мытарств» служащий в больнице, регулярно наблюдает телесные муки, натуралистически описанные в тексте. Этот мотив плотских страданий, которые герой помогает врачевать, поддержан мотивом своеобразного умерщвления им собственной плоти, являющимся, в свою очередь, результатом трансформации житийного топоса. Но, в отличие от умерщвления плоти святыми, которое является актом сознательного подражания Страстям Христовым, частью *imitatio Christi*, аскетизм Егорки², подчеркиваемый рассказчиком, становится осознанным только отчасти – он обусловлен одновременно внешними причинами и особой «стыдливостью» героя. Так, Егорка не любил книг «о любви», поскольку в больнице, будучи учеником фельдшера, он «отвратился от любви» (6, 256). При-

¹ Ср. слова Гребенщикова из уже многократно цитированного письма к Клейнборту: «Здоров я был на удивление. Меня запрут в палату с рожистым, или с “сибирской язвой”, или с пятнистым тифом, и я хоть бы подумал об опасности. Теперь я с ужасом вспоминаю, что 300 раз мог заразиться. Однако – Бог хранил» [27. С. 36].

² Ср. декларации аскетизма самого Гребенщикова, часто встречающиеся, например, в его письмах американского периода. Ограничимся двумя отличающимися друг от друга в смысле модальности и стилистики примерами, но объединенными при этом общей темой упорного аскетического труда и терпения. Первый – из письма к Н.К. и Е.Н. Рерихам от 10 августа 1924 г., написанного в самом начале американского периода жизни четы Гребенщиковых, находившихся в это время под влиянием рериховского учения: «<...> будьте спокойны за Нару и Тарухана (эзотерические “рерихианские” имена Т.Д. и Г.Д. Гребенщиковых. – А.Г.), они многое прошли за это лето в полном одиночестве, и дальнейшее пойдет легче хотя бы потому, что испытали, набрались терпения и проверили силу Руководства. И трудимся мы, трудимся непрерывно и не зная никакого отдыха, но что же делать – слабы еще силы человеческие» (4, 466). Второй – из письма к И.А. Бунину от 12 мая 1936 г., в котором рассказ о преодоленных трудностях уже окрашен горькой самоиронией: «<...> вот и мы (супруги Гребенщикovy. – А.Г.) в смысле испытаний прошли здесь (в США. – А.Г.) все, подобно цирковым актерам: от кормления животных и дрессировки моржей <...> до полета на трапециях... Могла бы в пыль нас растоптать механическая, сумасшедшая в спешке Америка, но не растоптала, не дала... Сами овладели всей техникой типографских машин: набираем на линотипе, печатаем, верстаем, переплетаем, продаем книжки на лекциях» (5, 375).

чины этого «отвращения» кроются в двух эпизодах, помещенных в последнюю главу книги под характерным «инициационным» названием «На пороге юности». В первом Егорка становится свидетелем вскрытия тела молодой красивой девушки, соблазненной, брошенной и покончившей жизнь самоубийством. Во время вскрытия Виктор совершил непристойности над трупом, потом все куски плоти, им отрезанные под видом изучения анатомии, побрал в открытую полость живота и, ощеривши желтые кривые зубы, приказал Егору: – Теперь зашивай все! – И, вымывши руки, ушел (6, 261).

Во втором эпизоде случается восходящая к агиографическому сюжету соблазнения святого блудницей «шуткой» помощника фельдшера Виктора, заманившего Егорку в палату с проститутками, одна из которых была в этот момент обнаженной. Первый эпизод содержал в себе момент религиозного искушения¹, второй же «хуже, нежели от мертвого трупа девушки, отвратил его от живой женской плоти» (6, 261). Характерно, что одна из проституток увидела Егоркино лицо и его строгое и невинное выражение, какого ей, видимо, никогда, нигде не приходилось видеть <...> прикрылась платьем и бросилась на Виктора разъяренной львицей: – Убирайся отсюда, ты, холуй! (6, 261).

Впоследствии Виктор «не успокоился и не устыдился», а «стал добиваться, чтобы Егор заменил его при осмотре доктором девиц, а их приезжало около двадцати» (6, 261). От преследований Виктора Егорку спасло только заступничество старшего врача (6, 261).

Учитывая наличие в структуре «Егоркиной жизни» различных агиографических топосов, можно утверждать, что функция искусителя Егорки Виктора одновременно аналогична функции бесов, искушающих преподобного, и функции врага святого-страстотерпца в мистериях. А.М. Ранчин указывает, что «роль антагонистов святого-страстотерпца в “протосюжете” о его убиении <...> исключительно велика. Она связана с “анти-”, “не-человеческими” характеристиками убийц» [63. С. 127]. В образе Виктора доминирует семантика «не-человеческого», зооморфного, проявляющаяся прежде всего в его волосатости² и косящих глазах³: «<...> самый неприятный чело-

¹ Ср. в гребенниковском письме к Клейнборту: «Тогда я очень верил в Бога, в бессмертие души, и вид изрезанного человеческого тела оскорблял меня. Не выдержал я больничной обстановки» [27. С. 37].

² Ср. описание «волосатого» героя романа «Чураевы» учителя Мальчевского, декларирующего свой «уход» «из рода человеческого в звериное сословие, так сказать, по собственному приговору» [55. С. 124]. О «плохматости» дьявола, к парадигмальной фигуре которого восходят подобные «плохматые» инфернальные персонажи, см., например: [64. С. 75].

³ Ср. кривизну Егоркиного брата Миколки, постоянно преследующего главного героя. Впрочем, косящие глаза не обязательно окрашены в «Егоркиной жизни» в негативные тона. Так, помощник провизора Рафаил Маркович «очень понравился Егорке <...> просто потому, что сразу показался он ему хорошим, а главное, красивы были у него глаза, чуть с прикосью, красивы той же самой грустью, какая была у Егоркиной матери, когда она пела “задумные” песни» (6, 247).

век в больнице. Низенький, сухой и прыщеватый, с прямыми космами, падающими на глаза, он ходит, склонивши голову, и смотрит на людей не прямо, а как-то сбоку и сквозь космы черных волос» (6, 259)¹.

Мотивная перекличка с эпизодами издевательств Виктора над центральным персонажем содержится в одном из описаний жалкого внешнего вида маленького Егорки, другие примеры которого приводились выше: «<...> рубашка у него всегда разорвана на животе, запачкана потеками от арбуза или дыни, так что мухи постоянно его одолевали» (6, 93). Этот фрагмент содержит слишком богатую мифopoэтическую семантику, чтобы можно было ее проигнорировать: как известно, в христианской традиции, релевантность которой для обсуждаемой книги кажется бесспорной, за мухой закреплено значение «носительницы зла, моровой язвы, греха <...>» [66. С. 188]. Мухи, «одолевающие» героя в детстве, в этой перспективе отчетливо рифмуются с зооморфным искусствителем юного Егорки – «виеподобным» Виктором. Ср., кроме того, топос житий преподобных – «добровольное самоистязание святого, подставляющего свое тело на съедение комарам» [48. С. 434]. Здесь, в процессе «светской» рецепции этого житийного топоса, происходит его очевидная трансформация: «добровольность самоистязания» сменяется невольными мучениями.

Проанализированный мотивный комплекс актуализирует, с одной стороны, типичную для жития-мartyрия коллизию сознательно осуществляющего принцип *imitatio Christi* и, следовательно, принимающего страда Христовы мученика и его мучителя, с другой – топос искушения бесами святого в преподобническом житии.

Аскетизм заглавного героя гребенниковской книги реализуется и в любовной линии: при описании первой любви Егорки обильно используется романтическая топика, подчеркивающая литературно окрашенную в сознании героя «святость» любовного переживания. Плоть для него по-прежнему одухотворена:

«...> он как-то сразу был поднят на самую вершину обожания и сразу вырос, и сразу затаих, и сразу понял нечто более трагическое, нежели страх когда-либо потерять это счастье. Он просто сразу, тут же, без раздумий, в одну минуту убедил себя, что он никогда не должен прикасаться к ней, потому что он ее не стоит... (6, 290).

Однако вполне «земная» Аннушка вскоре вышла замуж «за серьезного, за взрослого... За настоящего мужчину... За станового пристава...» (6, 291). Егор же, увозящий «с собой запах ее платья, запах ее волос», в своем гипотетическом разговоре с Богом, моделируемом рассказчиком, сможет, по

¹ Подобно гоголевскому Вилю, вероятному источнику этого образа, Виктор не способен видеть, не осуществив предварительно специальную «техническую» операцию «прозрения»: «То одною, то другою рукою он все время подбрасывает волосы назад, а они тотчас же падают» (6, 259). Ср. требование Вия: «Подымите мне веки: не вижу!» [65. С. 217]. В обоих случаях антагонист стремится погубить главного героя либо физически – как гоголевский Вий, либо духовно – как гребенниковский Виктор. Очевиден также контраст, возникающий между особым зрением Егорки и тоже особым, но уже коннотированным исключительно негативно (ущербным и «инфериernalным») зрением Виктора.

словам последнего, оправдаться верой в Бога и тем, что «первую любовь свою не оскорбил даже помышлением!..» (6, 291).

В конечном итоге в «Егоркиной жизни» отсутствуют какие-либо признаки физической, плотской любви главного героя. Не случайно последняя глава книги носит «тургеневское»¹ название «Первая любовь». В ней чувство героя описывается как обожание идеала. Стыдливость Егорки, его аскетизм функционально соответствуют аскетизму святого и отказу последнего от брака – необходимым элементам преподобнического жития.

В своей итоговой книге Гребенщиков с помощью синтеза жанровых компонентов автобиографической повести и автоагиографии создал произведение, жанр которого точнее всего было бы определить как житийная автобиография. «Егоркина жизнь», построенная по агиографическим лекалам и отчасти опирающаяся на литературные образцы (А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский), может быть с полным основанием прочитана как попытка дискурсивной самосакрализации. Согласно проницательному наблюдению Е.Р. Пономарева, «общей тенденцией второй половины 1920-х – первой половины 1930-х становится осовременивание религиозной проблематики, связанное с pragматической направленностью теософских поисков эмиграции <...>» [67. С. 95], не чуждых (вновь напомним) Гребенщикову с его увлечением перихианством. «Популярный жанр – “новое житие” – приобретает ряд беллетристических черт. “Житийное” и “литературное” смешиваются» [67. С. 95]. «Егоркина жизнь» Гребенщикова отчетливо вписывается в этот контекст, тем более что к моменту написания этой книги ее автор уже имел опыт соединения житийного и литературного начал. Агиобиография «Радонега», носящая подзаголовок «Сказание о неугасимом свете и о радужном знамении жития Преподобного Сергия Радонежского»², была написана Гребенщиковым в 1930-е гг., т.е. именно в то десятилетие, на которое пришлась «волна биографий русских деятелей искусств (преимущественно писателей)», получивших «яркую житийную окраску» [67. С. 95, 96]. С 1930-х по 1950-е гг. Гребенщиков прошел путь от агиобиографа в «Радонеге» до автоагиобиографа в «Егоркиной жизни», что соответствует об-

¹ Известно, что Гребенщикова относился к Тургеневу с большим пietetом, отводя ему одно из главных мест в собственной версии русского литературного канона. Например, в одном из писем он атtestовал его, Л.Н. Толстого и М. Горького как «три великие ступени Русской Литературы» (4, 478–479).

² В начале книги Гребенщиков, не чуждый практики произвольной этимологизации, разъясняет читателю, что «Радонега как слово происходит от древних русских понятий, столь созвучных и даже дополняющих одно другое слов <...>, – «Радуница», «Радуга» и «Радость» [68. С. 181–182]. Любопытно, что эта книга, как и «Егоркина жизнь», открывается стихотворной частью («Вместо посвящения»), состоящей из гребенщиковского стихотворения «Гонец» (с самого начала связывающего «Радонегу» с еще одной важнейшей книгой Гребенщикова «Гонец. Письма с Помпера»).

щей динамике жанра житийной (авто)биографии в культуре русской диаспоры¹. После Второй мировой войны этот еще недавно популярный жанр (в полном соответствии с тыняновской моделью литературной эволюции) «застухает», а в оставшихся образцах (таких, например, как романы-биографии Б.К. Зайцева «Жуковский» 1951 г. и «Чехов» 1954 г.), по словам Е.Р. Пономарева, «направленность текста на жизнь биографа становится <...> основной чертой» [67. С. 107–109].

Слой мессианских и провиденциальных мотивов, связанных с судьбой Егорки, явственно соотносился с размышлениями Гребенщикова об особом предназначении русской эмиграции и участии писателя-изгоя внутри нее, регулярно звучавшими в его публицистике и эпистолярии эмигрантского периода. В «Егоркиной жизни» Гребенщиковых создает фигуру выходца из народа, с самого рождения предназначенного к особой миссии, и с его помощью окончательно оформляет доведенный до логического предела нарратив о писателе «из народа», преодолевающего на своем пути все множественные и разнообразные трудности и приобщающегося к «свету» культуры и – более конкретно – к литературе, которая стала одним из ключевых для русской культуры Нового времени феноменов «небожественного сакрального»².

Список источников

1. Рейтблат А.И. Биографируемый и его биограф (к постановке проблемы) // Рейтблат А.И. Писать поперек: Статьи по биографии, социологии и истории литературы. М. : Новое литературное обозрение, 2014. С. 179–188.
2. Черняева Т.Г. Творчество Г.Д. Гребенщикова: сибирский период: учебное пособие. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. 47 с.
3. Толстоноженко О.А. Провинциальный интеллигент в столице: рефлексия травмы в раннем творчестве Г.Д. Гребенщикова // Алтайский текст в русской культуре : сб. ст. / под. ред. М.П. Гребневой. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. Вып. 6. С. 342–357.

¹ В этом отношении кажется не вполне справедливым вывод, который делает А.М. Гравева в обстоятельной статье, посвященной анализу повести Ремизова как опыта «авангардной агиографии»: «<...> можно сделать вывод, что <...> Ремизов <...> написал авангардное произведение, необычное и новаторское по жанру. Только очень условно его допустимо назвать “повестью”. Писатель воспользовался агиографическим жанровым каноном, соединив в своем тексте черты, присущие поджанрам мартирания и похвального жития. Сюжетная схема, способы изображения геройни, целеполагающая дидактическая задача повествования – все эти составляющие поэтики житий были применены им для создания идеального образа Серафимы Павловны – праведницы и мученицы» [69. С. 216]. К 1952 г., когда американское Издательство имени Чехова опубликовало ремизовский роман «В розовом блеске» (и даже в более раннее время, когда создавалось произведение «В розовом блеске: Из Пролога»), предпринятая Ремизовым попытка синтеза секулярного художественного и агиографического дискурсов уже трудно назвать «необычным и новаторским по жанру», особенно в богатом на подобные сочинения литературном контексте первой волны русской эмиграции, важной частью которого был писатель.

² Мы опираемся здесь на предложенное С.Н. Зенкиным понимание небожественного сакрального как «тех концепций и художественных выражений сакрального, которые возникают вне церковно-теологической мысли и вне представлений о личностно определенном божестве и об отношениях человека с ним» [70. С. 14].

4. Горбенко А.Ю. Жизнестроительство Г.Д. Гребенщикова: генезис, механизмы, семантика, контекст : дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2016. 206 с.
5. Росов В. «Исповедь царя» длиной в целый век: Из переписки Г.Д. Гребенщикова и И.И. Сикорского // Алтай. 2018. № 4. С. 157–185.
6. Масяйкина Е.В. Литературное наследство сибирского областничества: на материале архивов Г.Н. Потанина и Г.Д. Гребенщикова : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2020. 196 с.
7. ГМИЛИКА. Фонд Г.Д. Гребенщикова.
8. Трибунский П.А. Ликвидация «Издательства имени Чехова», Христианский союз молодых людей и «Товарищество объединенных издателей» // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2014. № 5. С. 646–715.
9. Гребенников Г.Д. Автобиографическая повесть / предисл., примеч. Т.Г. Черняевой. Барнаул: [Б. и.], 2004. 320 с.
10. Черняева Т.Г. «Егоркина жизнь» Г.Д. Гребенщикова: опыт реконструкции замысла // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2007. Вып. 8 (71). С. 85–91.
11. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Собрание сочинений : в 7 т. Т. 3 : Теория романа (1930–1961 гг.) / под ред. С.Г. Бочарова, В.В. Кожинова. М., 2012. С. 340–512.
12. Полякова Т.А. Автобиографическая повесть Г.Д. Гребенщикова «Егоркина жизнь»: от реального факта к художественному вымыслу // Филологос. 2009. № 1–2 (5). С. 195–204.
13. Полякова Т.А. Путь духовного возрастания автобиографического героя в повести Г.Д. Гребенщикова «Егоркина жизнь» // Вестник Тамбовского государственного университета. Гуманитарные науки. Филология. 2010. Вып. 10 (90). С. 132–136.
14. Ковалев О.А. Поздний автофикшн Г.Д. Гребенщикова: нарративные стратегии в повести «Егоркина жизнь» // Филология и человек. 2022. № 3. С. 142–150.
15. Гребенников Г.Д. Собрание сочинений : в 6 т. / сост., подгот. текста, вступ. ст. Т.Г. Черняевой. Барнаул : Издательский Дом «Барнаул», 2013.
16. Георгий Гребенников. Из эпистолярного наследия (1924–1957) / сост. В.К. Корниенко. Барнаул : ГМИЛИКА : ОАО «Алтайский Дом Печати», 2008. 172 с.
17. ГМИЛИКА. ОФ.
18. Шмид В. Нарратология. 2-е изд., испр. и доп. М. : Языки славянской культуры, 2008. 304 с.
19. Добренко Е. Музей революции: советское кино и сталинский исторический нарратив. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 424 с.
20. Рейтблат А.И. Русская литература как социальный институт // Рейтблат А.И. Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М., 2014. С. 11–32.
21. Barratt A. Maksim Gorky's Autobiographical Trilogy: The Lure of Myth and the Power of Fact // Journal of the Australian Universities Language and Literature Association: A Journal of Literary, Language, and Cultural Studies. 1993. № 80. P. 57–79.
22. Эйхенбаум Б.М. Писательский облик М. Горького // Эйхенбаум Б.М. Мой временной. Маршрут в бессмертие. М. : Аграф, 2001. С. 112–118.
23. Примочкина Н. «Первым своим учителем считаю М. Горького»: (М. Горький и Георгий Гребенников: к истории литературных отношений) // Новое литературное обозрение. 2001. № 48. С. 146–156.
24. Примочкина Н.Н. «В небрежном отношении – не повинен» (Г. Гребенников) // Примочкина Н.Н. Горький и писатели русского зарубежья. М., 2003. С. 137–150.
25. Суматохина Л.В. М. Горький и писатели Сибири. М. : ИНФРА-М, 2013. 237 с.
26. Богданов К.А. О крокодилах в России: Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М. : Новое литературное обозрение, 2006. 352 с.

27. Гребенников Г.Д. Письма (1907–1917). Кн. 2 / сост., авт. предисл., примеч. (при участии В.К. Корниенко и К.В. Анисимова), указателя имен, Хроники жизни и творчества Т.Г. Черняева. Бийск : Бия, 2010. 200 с.
28. Горький М. О русском крестьянстве. Берлин : Издательство И.П. Ладыжникова, 1922. 45 с.
29. Фицпатрик Ш. Срывают маски!: Идентичность и самозванство в России XX века / пер. с англ. Л.Ю. Пантиной. М. : РОССПЭН, 2011. 375 с.
30. Плюханова М.Б. К проблеме генезиса литературной биографии // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 683: Литература и публицистика. Проблемы взаимодействия. Тарту, 1986. С. 122–133.
31. Плюханова М.Б. О национальных средствах самоопределения личности: самосакрализация, самосожжение, плавание на корабле // Из истории русской культуры. Т. 3: XVII – начало XVIII века. 2-е изд. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 380–459.
32. Сочиба Т. Становление индивидуального самосознания в русской литературе накануне Нового времени (на основе изучения «Книги толкований и нравоучений» проповедника Аввакума) // Вера и личность в меняющемся обществе: Автобиографика и православие в России конца XVII – начала XX века : сб. ст. / под ред. Л. Манчестер, Д.А. Сдвижкова. М., 2019. С. 20–28.
33. Гребенников Г.Д. Моя Сибирь. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. 214 с.
34. Азадовский М.К. Поэтика «гиблого места»: (Из истории сибирского пейзажа в русской литературе) // Азадовский М.К. Статьи о литературе и фольклоре. М. ; Л., 1960. С. 503–543.
35. Holl B.T. Avvakum and the Genesis of Siberian Literature // Between Heaven and Hell. The Myth of Siberia in Russian Culture / ed. by G. Diment, Y. Slezkine. New York : St. Martin's Press, 1993. P. 33–45.
36. Wachtel A.B. The Battle for Childhood: Creation of a Russian Myth. Stanford : Stanford University Press, 1990. 262 p.
37. Скорин-Чайков Н. Топография счастья, новый диффузионизм и этнографические карты модерна // Топография счастья: этнографические карты модерна : сб. ст. / сост. Н. Скорин-Чайков. М., 2013. С. 11–37.
38. И.А. Бунин и Г.Д. Гребенников: Переписка / вступ. ст., публ. и примеч. В.А. Родова // С двух берегов: Русская литература XX в. в России и за рубежом / под ред. Р. Дэвис, В.А. Келдыш. М., 2002. С. 220–276.
39. Паперно И. «Кто, что я?»: Толстой в своих дневниках, письмах, воспоминаниях, трактатах / пер. с англ. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 232 с.
40. Зорин А. Жизнь Льва Толстого: опыт прочтения / пер. с англ. М. : Новое литературное обозрение, 2020. 248 с.
41. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. М. : ГИХЛ, 1928–1958.
42. Казаркин А.П. Сибирская областная эпопея // Сибирский текст в русской культуре. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2002. С. 63–77.
43. Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 304 с.
44. Бэгби Л. Первые слова: о предисловиях Ф.М. Достоевского / пер. с англ. Е. Цыпина. СПб. : Academic Studies Press / БиблиоРоссика, 2020. 272 с.
45. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1972–1990.
46. Ветловская В.Е. Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». СПб. : Пушкинский Дом, 2007. 640 с.
47. Руди Т.Р. Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика / под ред. С.А. Семячко, Т.Р. Руди. СПб., 2005. С. 59–101.
48. Руди Т.Р. О композиции и топике житий преподобных // Труды отдела древнерусской литературы. 2006. Т. 57. С. 431–500.

49. Житие Сергия Радонежского / подгот. текста Д.М. Буланина; пер. М.Ф. Антоновой и Д.М. Буланина; коммент. Д.М. Буланина // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. Т. 6: XIV – середина XV века. СПб., 1999. С. 254–411.
50. Грачева Е.Н. Представления о детстве поэта на материале жизнеописаний конца XVIII – начала XIX вв. // Лотмановский сборник. Т. 1 / ред.-сост. Е.В. Пермяков. М., 1995. С. 323–333.
51. Лотман Ю.М. Литература в контексте русской культуры XVIII века // О русской литературе. СПб., 1997. С. 118–167.
52. Горбенко А.Ю. «Наследник по прямой»: механизмы и функции литературной автотрансформации Г.Д. Гребенщикова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 76. С. 282–305.
53. Ранчин А.М. Автобиографические повествования в русской литературе XVI–XVII вв. («Повесть Мартирия Зеленецкого, Записка Елеазара Анзерского, Жития Аввакума и Епифания»): проблема жанра // Ранчин А.М. Вертугград Златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М., 2007. С. 233–247.
54. Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Т. 6. Новосибирск, 1983. 336 с.
55. Гребеников Г.Д. Чураевы: Братья Чураевы: роман в трех частях. Спуск в долину: роман. Барнаул : [Б.и.], 2006. 384 с.
56. Федотов Г.П. Святые Древней Руси // Собр. соч. : в 12 т. Т. 8: Святые Древней Руси / сост., примеч. С.С. Бычков. М. : Мартис, 2000. 268 с.
57. Горбенко А.Ю. К механизмам жизнестроительства Георгия Гребенщикова: Чураевка как релика скита Сергия Радонежского // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4 (64), т. 3. С. 193–197.
58. Десятов В.В. Скит искусств: жизнестроительство Георгия Гребенщикова // Сибирский филологический журнал. 2018. № 1. С. 5–18.
59. Баак Й. ван О поэтике первых переживаний // Analysieren als Deuten. Wolf Schmid zum 60 / ed. by L. Lazar Fleishman, Christine Götz, Aage A. Hansen-Löve. Geburtstag. Hamburg : Hamburg University Press, 2004. S. 259–276.
60. Ремизов А.М. Собрание сочинений. Т. 8: Подстриженными глазами. Иверень / ред. кол.: А.М. Грачева (гл. ред.), Т.Г. Иванова, А.В. Лавров, Н.Н. Скатов, О.П. Раевская-Хьюз, Н.М. Солнцева. М. : Русская книга, 2000. 704 с.
61. Лотман Ю.М. О понятии пространства в русских средневековых текстах // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб., 1997. С. 112–117.
62. Климова М.Н. От протопопа Аввакума до Федора Абрамова: Жития «грешных святых» в русской литературе. М. : Индрик, 2010. 136 с.
63. Ранчин А.М. «Дети дьявола»: убийцы страстотерпца // Ранчин А.М. Вертугград Златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М., 2007. С. 121–127.
64. Махов А.Е. Сад демонов – Hortus daemonum: Словарь инфернальной мифологии Средневековья и Возрождения. М. : INTRADA, 1998. 320 с.
65. Гоголь Н.В. Вий // Полн. собр. соч. / гл. ред. Н.Л. Мещеряков; ред. изд. В.В. Гиппиус, В.А. Десницкий, В.Я. Кирпотин и др. Т. 2: Миргород / ред. В.В. Гиппиус. М. : Изд-во АН СССР, 1937. С. 175–218.
66. Топоров В.Н. Муха // Мифы народов мира : энцикл. : в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М. : Рос. энцикл., 1994. Т. 2. С. 188.
67. Пономарев Е. Россия, растворенная в вечности: Жанр житийной биографии в литературе русской эмиграции // Вопросы литературы. 2004. № 1. С. 84–111.
68. Гребеников Г.Д. Чураевы: Лобзание змия : роман. Радонега. Статьи. Воспоминания. Барнаул: [Б.и.], 2007. 352 с.

69. Грачева А.М. Опыт авангардной агиографии: повесть А.М. Ремизова «В розовом блеске: Из Прólogo» // Русская литература. 2023. № 3. С. 210–217.

70. Зенкин С.Н. Небожественное сакральное: Теория и художественная практика. М. : РГГУ, 2012. 537 с.

References

1. Reitblat, A.I. (2014) Biografiyuemyi i ego biograf (k postanovke problemy) [The Biographhee and His Biographer (On the Problem Statement)]. In: Reitblat, A.I. *Pisat poperek: Stat'i po biografike, sotsiologii i istorii literatury* [Writing Across: Articles on Biography, Sociology, and Literary History]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 179–188.
2. Chernyaeva, T.G. (2007) *Tvorchestvo G.D. Grebenschchikova: sibirskii period: uchebnoe posobie* [The Works of G.D. Grebenschchikov: The Siberian Period: A Study Guide]. Barnaul: Altai State University.
3. Tolstonozhenko, O.A. (2015) Provintsial'nyi intelliget v stolitse: refleksiya travmy v rannem tvorchestve G.D. Grebenschchikova [A Provincial Intellectual in the Capital: Trauma Reflection in the Early Works of G.D. Grebenschchikov]. In: Grebneva, M.P. (ed.) *Altayskii tekst v russkoi kul'ture* [The Altai Text in Russian Culture]. Vol. 6. Barnaul: Altai State University. pp. 342–357.
4. Gorbenko, A.Yu. (2016) *Zhiznestroitel'stvo G.D. Grebenschchikova: genezis, mehanizmy, semantika, kontekst* [The Life-Building of G.D. Grebenschchikov: Genesis, Mechanisms, Semantics, Context]. Philology Cand. Diss. Krasnoyarsk.
5. Rosov, V. (2018) "Ispoved' tsarya" dlinoy v tselyi vek: Iz perepiski G.D. Grebenschchikova i I.I. Sikorskogo ["The Confession of a Tsar" a Whole Century Long: From the Correspondence of G.D. Grebenschchikov and I.I. Sikorsky]. *Altay*. 4. pp. 157–185.
6. Masyakina, E.V. (2020) *Literaturnoe nasledstvo sibirskogo oblastnichestva: na materiale arkhivov G.N. Potanina i G.D. Grebenschchikova* [The Literary Heritage of Siberian Regionalism: Based on the Archives of G.N. Potanin and G.D. Grebenschchikov]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
7. State Museum of the History of Literature, Art and Culture of Altai (GMILKA). *Fond G.D. Grebenschchikova* [Grebenschchikov's Collection].
8. Tribunskii, P.A. (2014) Likvidatsiya "Izdatel'stva imeni Chekhova," Khristianskii soyuz molodykh lyudei i "Tovarishchestvo ob"edinennykh izdatelei" [The Liquidation of "Chekhov Publishing House," the YMCA, and the "United Publishers Partnership"]. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya im. Aleksandra Solzhenitsyna*. 5. pp. 646–715.
9. Grebenschchikov, G.D. (2004) *Avtobiograficheskaya povest'* [Autobiographical Tale]. Barnaul: [s.m.].
10. Chernyaeva, T.G. (2007) "Egorkina zhizn'" G.D. Grebenschchikova: opyt rekonstruktsii zamysla [G.D. Grebenschchikov's "Egorka's Life": An Attempt at Reconstructing the Concept]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*. 8 (71). pp. 85–91.
11. Bakhtin, M.M. (2012) Formy vremeni i khronotopa v romane [Forms of Time and Chronotope in the Novel]. In: Bocharov, S.G. & Kozhinov, V.V. (eds) *Sobranie sochinений* [Collected Works]. Vol. 3. Moscow. pp. 340–512.
12. Polyakova, T.A. (2009) *Avtobiograficheskaya povest'* G.D. Grebenschchikova "Egorkina zhizn'": ot real'nogo fakta k khudozhestvennomu vymyslu [G.D. Grebenschchikov's Autobiographical Tale "Egorka's Life": From Fact to Fiction]. *Filologos*. 1–2 (5). pp. 195–204.
13. Polyakova, T.A. (2010) Put' duchovnogo vozrastaniya avtobiograficheskogo geroya v povesti G.D. Grebenschchikova "Egorkina zhizn'" [The Path of Spiritual Growth of the Autobiographical Hero in G.D. Grebenschchikov's Tale "Egorka's Life"]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. Filologiya*. 10 (90). pp. 132–136.

14. Kovalev, O.A. (2022) Pozdnii avtifikshn G.D. Grebenshchikova: narrativnye strategii v povesti "Egorkina zhizn" [G.D. Grebenshchikov's Late Autofiction: Narrative Strategies in the Tale "Egorka's Life"]. *Filologiya i chelovek*. 3. pp. 142–150.
15. Grebenshchikov, G.D. (2013) *Sobranie sochinienii* [Collected Works]. 1–6. Barnaul: Izdatel'skii Dom "Barnaul."
16. Kornienko, V.K. (ed.) (2008) *Georgii Grebenshchikov. Iz epistolyarnogo naslediya (1924–1957)* [Georgii Grebenshchikov: From His Epistolary Legacy (1924–1957)]. Barnaul: GMILIKA: OAO "Altayskii Dom Pechati."
17. State Museum of the History of Literature, Art and Culture of Altai (GMILIKA). *OF*.
18. Shmid, V. (2008) *Narratologiya* [Narratology]. 2nd ed. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury.
19. Dobrenko, E. (2008) *Muzei revolyutsii: sovetskoe kino i stalinskii istoricheskii narrativ* [Museum of Revolution: Soviet Cinema and Stalinist Historical Narrative]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
20. Reitblat, A.I. (2014) Russkaya literatura kak sotsial'nyi institut [Russian Literature as a Social Institution]. In: Reitblat, A.I. *Pisat poperek: Stat'i po biografike, sotsiologii i istorii literatury* [Writing Across: Articles on Biography, Sociology, and Literary History]. Moscow. pp. 11–32.
21. Barratt, A. (1993) Maksim Gorky's Autobiographical Trilogy: The Lure of Myth and the Power of Fact. *Journal of the Australian Universities Language and Literature Association: A Journal of Literary, Language, and Cultural Studies*. 80. pp. 57–79.
22. Eikhenbaum, B.M. (2001) Pisatel'skii oblik M. Gor'kogo [The Writer's Image of M. Gorky]. In: Eikhenbaum, B.M. *Moi vremennik. Marshirut v bessmertie* [My Chronicle: A Route to Immortality]. Moscow: AgraF. pp. 112–118.
23. Primochkina, N. (2001) "Pervym svoim uchitelem schitayu M. Gor'kogo": (M. Gor'kii i Georgii Grebenshchikov: k istorii literaturnykh otnoshenii) ["I Consider M. Gorky My First Teacher": (M. Gorky and Georgii Grebenshchikov: On the History of Their Literary Relationship)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 48. pp. 146–156.
24. Primochkina, N.N. (2003) "V nebrezhnom otnoshenii – ne povinen" (G. Grebenshchikov) ["Not Guilty of Neglect" (G. Grebenshchikov)]. In: Primochkina, N.N. *Gor'kii i pisateli russkogo zarubezh'ya* [Gorky and Writers of the Russian Diaspora]. Moscow. pp. 137–150.
25. Sumatokhina, L.V. (2013) *M. Gor'kii i pisateli Sibiri* [M. Gorky and Siberian Writers]. Moscow: INFRA-M.
26. Bogdanov, K.A. (2006) *O krokodilakh v Rossii: Ocherki iz istorii zaimstvovanii i ekzotizmov* [On Crocodiles in Russia: Essays on the History of Borrowings and Exoticisms]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
27. Grebenshchikov, G.D. (2010) *Pis'ma (1907–1917)* [Letters (1907–1917)]. Vol. 2. Biysk: Biya.
28. Gorky, M. (1922) *O russkom krestianstve* [On the Russian Peasantry]. Berlin: Izd-vo I.P. Ladyzhnikova.
29. Fitzpatrick, S. (2011) *Sryvaite maski!: Identichnost' i samozvanstvo v Rossii XX veka* [Tear Off the Masks!: Identity and Imposture in 20th-Century Russia]. Translated by L.Yu. Pantina. Moscow: ROSSPEN.
30. Plyukhanova, M.B. (1986) K probleme genezisa literaturnoi biografii [On the Problem of the Genesis of Literary Biography]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*. 683. pp. 122–133.
31. Plyukhanova, M.B. (2000) O natsional'nykh sredstvakh samoopredeleniya lichnosti: samosakralizatsiya, samosozhzenie, plavanie na korabli [On National Means of Self-Determination: Self-Sacralization, Self-Immolation, and Ship Voyages]. In: *Iz istorii russkoi kul'tury* [From the history of Russian culture]. Vol. 3. 2nd ed. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. pp. 380–459.

32. Sochiva, T. (2019) Stanovlenie individual'nogo samosoznaniya v russkoi literature nakanune Novogo vremeni (na osnove izucheniya "Knigi tolkovani i nравоучений" protopopa Avvakuma) [The Formation of Individual Self-Consciousness in Russian Literature on the Eve of the Modern Era (Based on Archpriest Avvakum's "Book of Interpretations and Moral Teachings")]. In: Manchester, L. & Sdvizhkov, D.A. (eds) *Vera i lichnost' v menyayushchemsy obshchestve: Avtobiografika i pravoslavie v Rossii kontsa XVII – nachala XX veka* [Faith and Personality in a Changing Society: Autobiography and Orthodoxy in Russia from the Late 17th to Early 20th Century]. Moscow. pp. 20–28.
33. Grebenschikov, G.D. (2002) *Moya Sibir'* [My Siberia]. Barnaul: Altai State University.
34. Azadovskii, M.K. (1960) Poetika "giblogo mesta": (Iz istorii sibirskogo peizazha v russkoi literature) [The Poetics of the "Cursed Place": (From the History of Siberian Landscape in Russian Literature)]. In: Azadovskii, M.K. *Stat'i o literature i fol'klore* [Articles on Literature and Folklore]. Moscow; Leningrad. pp. 503–543.
35. Holl, B.T. (1993) Avvakum and the Genesis of Siberian Literature. In: Diment, G. & Slezkine, Y. (eds) *Between Heaven and Hell. The Myth of Siberia in Russian Culture*. New York: St. Martin's Press. pp. 33–45.
36. Wachtel, A.B. (1990) *The Battle for Childhood: Creation of a Russian Myth*. Stanford: Stanford University Press.
37. Ssorin-Chaikov, N. (2013) Topografiya schast'ya, novyi diffuzionizm i etnograficheskie karty modern [Topography of Happiness, New Diffusionism, and Ethnographic Maps of Modernity]. In: Ssorin-Chaikov, N. (ed.) *Topografiya schast'ya: etnograficheskie karty modern* [Topography of Happiness: Ethnographic Maps of Modernity]. Moscow. pp. 11–37.
38. Rosov, V.A. (ed.) (2002) I.A. Bunin i G.D. Grebenschikov: Perepiska [I.A. Bunin and G.D. Grebenschikov: Correspondence]. In: Davies, R. & Keldysh, V.A. (eds) *S dvukh beregov: Russkaya literatura XX v. v Rossii i za rubezhom* [From Two Shores: 20th-Century Russian Literature in Russia and Abroad]. Moscow. pp. 220–276.
39. Paperno, I. (2018) "Kto, chto ya?": Tolstoi v svoikh dnevnikakh, pis'makh, vospominaniyakh, traktatakh ["Who, What Am I?": Tolstoy in His Diaries, Letters, Memoirs, and Treatises]. Translated from English. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
40. Zorin, A. (2020) *Zhizn' L'va Tolstogo: opyt prochteniya* [The Life of Leo Tolstoy: An Attempt at Reading]. Translated from English. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
41. Tolstoy, L.N. (1928–1958) *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. Vols 1–90. Moscow: GIKhL.
42. Kazarkin, A.P. (2002) *Sibirskaya oblastnaya epopeya* [The Siberian Regional Epic]. In: *Sibirskii tekst v russkoi kul'ture* [The Siberian Text in Russian Culture]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 63–77.
43. Anisimov, K.V. (2005) *Problemy poetiki literatury Sibiri XIX – nachala XX veka: Osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noi literaturnoi traditsii* [Problems of the Poetics of Siberian Literature in the 19th – Early 20th Centuries: Features of Formation and Development of a Regional Literary Tradition]. Tomsk: Tomsk State University.
44. Bagby, L. (2020) *Pervye slova: o predloviyah F.M. Dostoevskogo* [First Words: On F.M. Dostoevsky's Prefaces]. Translated from English by E. Tsypina. St. Petersburg: Academic Studies Press / BiblioRossika.
45. Dostoevsky, F.M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. Vols 1–30. Leningrad: Nauka.
46. Vetlovskaya, V.E. (2007) *Roman F.M. Dostoevskogo "Brat'ya Karamazovy"* [F.M. Dostoevsky's Novel "The Brothers Karamazov"]. St. Petersburg: Pushkinskii Dom.
47. Rudi, T.R. (2005) Topika russkikh zhiti (voprosy tipologii) [The Topoi of Russian Hagiography (Typological Questions)]. In: Semyachko, S.A. & Rudi, T.R. (eds) *Russkaya agiografiya: Issledovaniya. Publikatsii. Polemika* [Russian Hagiography: Research, Publications, Polemics]. St. Petersburg. pp. 59–101.

48. Rudi, T.R. (2006) O kompozitsii i topike zhitii prepodobnykh [On the Composition and Topoi of Monastic Hagiography]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. 57. pp. 431–500.
49. Bulanin, D.M. (ed.) (1999) *Zhitie Sergiya Radonezhskogo* [The Life of Sergius of Radonezh]. In: Likhachev, D.S. et al. (eds) *Biblioteka literatury Drevnei Rusi* [Library of Old Russian Literature]. Vol. 6. St. Petersburg. pp. 254–411.
50. Gracheva, E.N. (1995) Predstavleniya o detstve poeta na materiale zhizneopisanii kontsa XVIII – nachala XIX vv. [Conceptions of the Poet's Childhood Based on Late 18th – Early 19th-Century Biographies]. In: Permyakov, E.V. (ed.) *Lotmanovskii sbornik* [Lotman Collection]. Vol. 1. Moscow. pp. 323–333.
51. Lotman, Yu.M. (1997) Literatura v kontekste russkoi kul'tury XVIII veka [Literature in the Context of 18th-Century Russian Culture]. In: Lotman, Yu.M. *O russkoi literature* [On Russian Literature]. St. Petersburg. pp. 118–167.
52. Gorbenko, A.Yu. (2022) "The Heir in a Straight Line": Mechanisms and functions of George Grebenschchikov's literary self-canonicalization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 76. pp. 282–305. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/76/13
53. Ranchin, A.M. (2007) Avtobiograficheskie povestvovaniya v russkoi literature XVI–XVII vv. (Povest' Martiriya Zelenetskogo, Zapiska Eleazara Anzerskogo, Zhitiiya Avvakuma i Epifaniya): problema zhanra [Autobiographical Narratives in 16th–17th-Century Russian Literature (The Tale of Martiry Zelenetsky, Eleazar Anzersky's Notes, The Lives of Avvakum and Epifaniy): The Genre Problem]. In: Ranchin, A.M. *Vertograd Zlatoslovnyi: Drevnerusskaya knizhnost' v interpretatsiyakh, razborakh i kommentariyakh* [The Golden-Worded Garden: Old Russian Literature in Interpretations, Analyses, and Commentaries]. Moscow. pp. 233–247.
54. Potanin, G.N. (1983) Vospominaniya [Memoirs]. In: *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Vol. 6. Novosibirsk.
55. Grebenschchikov, G.D. (2006) *Churaevy: Brat'ya Churaevy: roman v trekh chastyakh. Spusk v dolinu: roman* [The Churaev Brothers: A Novel in Three Parts. Descent into the Valley: A Novel]. Barnaul: [s.n.].
56. Fedotov, G.P. (2000) *Svyatye Drevnei Rusi* [Saints of Ancient Rus']. In: Bychkov, S.S. (ed.) *Sobr. soch.* [Collected Works]. Vol. 8. Moscow: Martis.
57. Gorbenko, A.Yu. (2015) K mekhanizmam zhiznestroitel'stva Georgiya Grebenschchikova: Churaevka kak replika skita Sergiya Radonezhskogo [On the Mechanisms of Georgii Grebenschchikov's Life-Building: Churaevka as a Replica of Sergius of Radonezh's Hermitage]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4 (64):3. pp. 193–197.
58. Desyatov, V.V. (2018) Skit iskusstv: zhiznestroitel'stvo Georgiya Grebenschchikova [The Hermitage of Arts: Georgii Grebenschchikov's Life-Building]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. 1. pp. 5–18.
59. Baak, J. van. (2004) O poetike pervykh perezhivanii [On the Poetics of First Experiences]. In: Lazar Fleishman, L., Götz, C & Hansen-Löve, A.A. (eds) *Analysieren als Deuten. Wolf Schmid zum 60*. Hamburg: Hamburg University Press. pp. 259–276.
60. Remizov, A.M. (2000) Podstrizhennymi glazami. Iveren' [With Clipped Eyes. Iveren']. In: Gracheva, A.M. et al. (eds) *Sobranie sochinienii* [Collected Works]. Vol. 8. Moscow: Russkaya kniga.
61. Lotman, Yu.M. (1997) O ponyatiyu prostranstva v russkikh srednevekovykh tekstakh [On the Concept of Space in Medieval Russian Texts]. In: Lotman, Yu.M. *O russkoi literature* [On Russian Literature]. St. Petersburg. pp. 112–117.
62. Klimova, M.N. (2010) *Ot protopopa Avvakuma do Fedora Abramova: Zhitiiya "greshnykh svyatyykh" v russkoi literature* [From Archpriest Avvakum to Fyodor Abramov: Lives of "Sinful Saints" in Russian Literature]. Moscow: Indrik.
63. Ranchin, A.M. (2007) "Deti d'yavola": ubiitsy strastoterptsa ["Children of the Devil": The Murderers of the Passion-Bearer]. In: Ranchin, A.M. *Vertograd Zlatoslovnyi:*

- Drevnerusskaya knizhnost' v interpretatsiyakh, razborakh i kommentariyakh* [The Golden-Worded Garden: Old Russian Literature in Interpretations, Analyses, and Commentaries]. Moscow. pp. 121–127.
64. Makhov, A.E. (1998) *Sad demonov – Hortus daemonum: Slovar' infernal'noi mifologii Srednevekov'ya i Vozrozhdeniya* [Garden of Demons – Hortus daemonum: A Dictionary of Infernal Mythology of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow: INTRADA.
65. Gogol, N.V. (1937) *Viy*. In: Gippius, V.V. (ed.) *Poln. sobr. soch.* [Complete Works]. Vol. 2. Moscow: USSR AS. pp. 175–218.
66. Toporov, V.N. (1994) *Mukha* [The Fly]. In: Tokarev, S.A. (ed.) *Mify narodov mira* [Myths of the Peoples of the World]. Vol. 2. Moscow: Ros. entsikl. p. 188.
67. Ponomarev, E. (2004) *Rossiya, rastvorennaya v vechnosti: Zhanr zhitiihoi biografii v literature russkoi emigratsii* [Russia Dissolved in Eternity: The Genre of Hagiographic Biography in Russian Émigré Literature]. *Voprosy literatury*. 1. pp. 84–111.
68. Grebenschikov, G.D. (2007) *Churaevy: Lobzanie zmiya: roman. Radonega. Stat'i. Vospominaniya* [The Churaevs: The Serpent's Kiss: A Novel. Radonega. Articles. Memoirs]. Barnaul: [s.n.].
69. Gracheva, A.M. (2023) *Opyt avangardnoi agiografii: povest'* A.M. Remizova "V rozovom bleske: Iz Próloga" [An Experiment in Avant-Garde Hagiography: A.M. Remizov's Tale "In Pink Radiance: From the Prologue"]. *Russkaya literatura*. 3. pp. 210–217.
70. Zenkin, S.N. (2012) *Nebozhestvennoe sakral'noe: Teoriya i khudozhestvennaya praktika* [The Non-Divine Sacred: Theory and Artistic Practice]. Moscow: RSUH.

Информация об авторе:

Горбенко А.Ю. – канд. филол. наук, доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Красноярск, Россия). E-mail: al_gorbenko@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.Yu. Gorbenko, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: al_gorbenko@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.06.2024; одобрена после рецензирования 02.07.2024; принята к публикации 26.03.2025.

The article was submitted 18.06.2024; approved after reviewing 02.07.2024; accepted for publication 26.03.2025.

Научная статья
УДК 81'25
doi: 10.17223/19986645/94/10

С.В. Шервинский – переводчик осетинской поэзии: к вопросу о переводческом методе

Елизавета Борисовна Дзапарова¹

¹ Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук», Владикавказ, Россия, L-dzaparova@mail.ru

Аннотация. С.В. Шервинский (1892–1991) своими переводами мировой классики на русский язык внес большой вклад в межкультурный диалог XX в. Однако эта сторона его многогранной творческой деятельности никогда не становилась предметом научных изысканий. В статье впервые рассматриваются его русскоязычные переводы из осетинской поэзии, дается анализ специфики переводческой концепции, делается вывод о том, что в переводах С. Шервинского вполне совместимы концепции адекватного и свободного перевода.

Ключевые слова: С.В. Шервинский, осетинская литература, поэзия, художественный перевод, переводческий метод, прагматика перевода, авторские интенции, национальная специфика

Для цитирования: Дзапарова Е.Б. С.В. Шервинский – переводчик осетинской поэзии: к вопросу о переводческом методе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 94. С. 207–227. doi: 10.17223/19986645/94/10

Original article
doi: 10.17223/19986645/94/10

Sergei Shervinsky as a translator of Ossetian poetry: On the translation method

Elizaveta B. Dzaparova¹

¹ V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies
(Affiliate of the Vladikavkaz Science Centre of the Russian Academy of Sciences),
Vladikavkaz, Russian Federation, l-dzaparova@mail.ru

Abstract. The article attempts to consider the translation activities of the famous Russian poet, writer, art critic Sergei Vasilyevich Shervinsky (1892–1991). This side of his multifaceted work is being studied for the first time. Based on the material of translations of Ossetian poetry into Russian, the question of his translation method is raised. The study aims to examine the features of Shervinsky's poetic translation: the realization of the semantic space of the original, the transfer of national color, idiosyncrasy, a complex of author's intentions, etc. The main research method is comparative analysis. In the course of comparing multilingual texts, the main translation solutions

are identified in overcoming the difficulties associated with the specifics of the Ossetian language by the translator. The article analyzes the poetic works of the classics of Ossetian literature K.L. Khetagurov, A.Z. Kubalov, Niger (I.V. Dzhanaev) translated by Shervinsky; the problem of translation interpretation is raised. The study found that Russian texts retain the meaning of the originals, national flavor, imagery – the dominants of the translation are realized when the literary text moves to another cultural environment. However, Shervinsky did not convey all the implicit meanings and not all the author's intentions were realized. So, when translating Khetagurov's poem "Kubady", he omits some strokes in the guise of the lyrical hero, which, it seems, influenced the understanding of the completed image of the character by the translation recipient. The translator makes stylistic and syntactic changes; in some places the lines in the translation sound differently. Here, in comparison with other translations, the creative individuality of the translator is manifested to a greater extent. Niger's poem "Feast at Badel's" in Russian translation actually fully corresponds to the original, translated by equivalent lexical, stylistic means of the target language. Shervinsky reproduced the ethno-cultural component. The lines in the translation are equirhythmic (the two-foot iambic is preserved). The style of the work and translation is laconic, which allows preserving the dynamism of the narrative. The poem "Afhardty Khasan" by Kubalov is complex in terms of the author's intentions. To translate it into Russian required the skills of translating folklore and literary texts. The work blends the genres of the poem, the folk song, and the lamentation. The part of the poem in Russian was translated using equivalent semantic and stylistic means of the Russian language. Nominative-connotative words/phrases that increase the emotional tone of the tragic events narrated in the poem are reflected in their primary meanings. However, in the literal translation of units with national-cultural semantics, a part of the meaning imprinted in them remains unknown to the recipient. The elimination of some fragments of the original deprives the translated text of the author's intention.

Keywords: Sergei Shervinsky, Ossetian literature, poetry, literary translation, translation method, translation pragmatics, author's intentions, national specificity

For citation: Dzaparova, E.B. (2025) Sergei Shervinsky as a translator of Ossetian poetry: On the translation method. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 94. pp. 207–227. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/94/10

Перевод произведений художественной литературы как один из действенных способов сближения народов и межнационального общения играл важную роль на каждом этапе культурного развития нашей страны. Однако не всегда его идеально-политическая востребованность осознавалась временем. Понимание значимости художественного перевода в СССР 1920–1930-х гг., в военное и послевоенное время сменяется отсутствием к нему должного интереса. Внимание авторов привлекали в основном поэтические жанры и очерковые формы оригинальной литературы.

К концу 1940-х – началу 1950-х гг. искусство перевода достигает своего расцвета. Всплеск внимания к художественному переводу был обусловлен несколькими причинами и прежде всего причиной внелитературного характера (политического). Популяризация идеи интернационализма, демонстрация «расцвета национальных культур в условиях победившего социализма» [1. С. 323] пробудили интерес к переводу произведений зарубежной литературы.

туры, писателей малых народов СССР. Переводческие кадры осознавали социально-культурное, художественно-эстетическое значение этой деятельности. В переводческий процесс были вовлечены лучшие представители русской литературы XX в., в их числе А. Ахматова, Б. Пастернак, С. Маршак, Н. Заболоцкий, Н. Тихонов, М. Зощенко, Л. Озеров и мн. др.

Расцвет стихотворного перевода в середине XX в. связан с деятельностью известного русского поэта и писателя Сергея Васильевича Шервинского. С юных лет увлекшись этим искусством, он не изменял ему на протяжении всей своей жизни. Для С. Шервинского в переводческой деятельности характерна смена принципов и подходов к оригинальному тексту. Из воспоминаний В.Г. Перельмутера: «Однажды я вскользь назвал его «переводчиком». Шервинский тут же прервал беседу – поправил: «Я – поэт. А перевод – лишь форма моей работы. Переводчиков в поэзии нет и не может быть. Ведь поэзия непереводима» [2. С. 179]. Постулат Шервинского о том, что переводчик не переводит, а передает поэзию поэзией, переосмысливает заново ситуацию в другой культурной/языковой среде. При этом он признает – постичь совершенство оригинала в переводе невозможно: «Я всегда точно знал, что даже самый лучший перевод неизбежно уступает оригиналу, не может достигнуть его. Не говоря уже – превзойти. Ну, а то, что в переводе можно сделать лучше оригинала, и переводить не стоит. Важно только чувствовать меру допустимого “проигрыша” оригиналу. Иначе этой истиной можно оправдать любой провал» [2. С. 175]. И метаморфозу обращения в 30-х гг. к буквальному переводу объяснял отсутствием опыта: «Просто я тогда еще не очень хорошо умел *переводить*» (выделено нами. – Е.Д.) [2. С. 166]. Постепенно Шервинский совершенствовал свое мастерство, нередко обращаясь и к ранее сделанным переводам (например, повторно перевел поэму Овидия «Метаморфозы»).

Доказательством мастерства Шервинского-переводчика являются признанные специалистами образцы античной, средневековой арабской поэзии, произведения многих европейских и восточных поэтов XX в. Один из лучших переводчиков и исследователей «Слова о полку Игореве», С.В. Шервинский обучил практическим навыкам несколько поколений поэтов-переводчиков.

С. Шервинский внес немалый вклад в укрепление интернациональных и культурных связей. Его художественные переводы с десятка языков составляют богатейшее наследие. Тем удивительнее то, что его переводческая деятельность не исследована вовсе.

Особый творческий интерес для С. Шервинского представляла работа по переводу национальных литератур на русский язык. Переводы Шервинским выполнялись «с большим волнением и сочувствием» [3], иногда настолько увлекали переводчика, что вдохновляли на собственное творчество. К некоторым переводным изданиям им написаны вступительные статьи с оценкой поэтического стиля автора.

В 1940-х – начале 1950-х гг. С. Шервинский привлекался центральными издательствами в качестве редактора-консультанта по переводу и изданию

национальных литератур на русском языке. Результатом этого сотрудничества стал выход антологий и сборников молдавской, армянской, грузинской, таджикской и поэзии других народов. Так, в 1952 г. в г. Москве вышла и первая антология осетинской литературы [4]. Редактором издания, соавтором предисловия (совместно с С. Бритаевым) и одним из переводчиков произведений значился С.В. Шервинский. В обстоятельном предисловии авторы уделяют внимание этапам развития осетинской литературы. Некоторые сведения, конечно же, даны под давлением советской идеологии. А творчество отдельных писателей, стоявших у истоков зарождения и становления осетинской литературы, не упомянуто вовсе, так как в конце 1930-х гг. они стали жертвами политических репрессий (А. Кубалов, Г. Малиев, И. Арнигон, Г. Бараков и др.).

С. Шервинский привлек известных русских поэтов к участию в переводах для этого издания [5. С. 69]. Как известно, А. Ахматова дружила с семьей Шервинских, не раз гостила у них на даче в Старках под Коломной (подробнее см. [6]). При содействии С. Шервинского А. Ахматовой удалось перевести для этого сборника несколько поэтических произведений, видное место среди которых занимает поэма основоположника осетинской литературы К.Л. Хетагурова «Кто ты?». Тесной была и литературная связь поэтов. Нередко Ахматова читала Шервинскому свои новые стихи, ей было важно его мнение. Ахматова и Шервинский работали совместно и в области художественного перевода. Из воспоминаний Шервинского: «Последние лет пятнадцать жизни Ахматова много занималась поэтическим переводом. В этой области творчество ее неровно. Мне много раз приходилось высказывать ей замечания, большую частью по деталям, к ее стихотворным переводам, главным образом из наших национальных литератур. В этой области Анна Андреевна доверяла мне всецело и даже дала разрешение вносить в ее переводы поправки по моему усмотрению. Этим доверительным правом я никогда не пользовался, но поправок требовал» [6. С. 295–296].

Другим крупнейшим русским поэтом, чье имя значится в числе переводчиков этого издания, был Н. Заболоцкий. Внесший весомый вклад в развитие переводческого дела в России Н. Заболоцкий уделял внимание произведениям писателей, принадлежавших к малым народам. В антологию вошли переведенные им поэма И. Ялгузидзе «Алгузиани», стихотворение К. Хетагурова «На кладбище» (подробнее см.: [7]).

С. Шервинского связывала личная и творческая дружба с некоторыми осетинскими писателями, о чем можно судить по эпистолярному наследию из фондов РГАЛИ. Это письма С. Бритаева, Т. Бесаева, Р. Асаева, Г. Плиева, Г. Дзагурова к С. Шервинскому. Часть из них дополняет сведения о его переводческой деятельности. Из письма известного осетинского поэта и драматурга Гриша Дзамболатовича Плиева (1913–1999) становится известно о переводах С. Шервинского, не вошедших в антологию. Среди них и одно из лучших стихотворений Плиева о войне «Солдат». Осетинский писатель в письме благодарит Шервинского за труд и просит прислать ему этот и дру-

гие сделанные им переводы [8. Л. 1]. При этом, как известно, Г. Плиев скептически относился к переводу собственных произведений на русский язык и не раз отказывался от них по причине искажения переводчиками стиля автора.

Письма С. Бритаева к С. Шервинскому содержат некоторые подробности их совместной работы над проектом; оценивается вклад, внесенный русским поэтом в издание антологии. Из письма от 22 марта 1953 г.: «Хотя с большим опозданием, но поздравляю Вас с выходом такой капитальной работы, как книга «Осетинская литература». Больше, чем кому бы то ни было, мне известна Ваша роль в подготовке этой книги к изданию. Вы знаете, что я не сторонник лести, поэтому скажу откровенно: если бы не Вы, а в Гослитиздате Екатерина Иосифовна (редактор издания Е.И. Цингватова. – Е.Д.), то книга не увидела бы свет... Этую Вашу роль знают и здесь. Я думаю, что мы будем помнить ту большую услугу, которую Вы оказали осетинской советской литературе... Отклики на антологию хорошие, она здесь стала настольной книгой...» [9. Л. 3]. В РГАЛИ также хранятся многочисленные рецензии на данное издание (подробнее см.: [10]).

Охват жанрового диапазона в переводах С. Шервинского широк и разносторонен. Произведения устного народного творчества (песни), поэмы и стихотворения К.Л. Хетагурова, А.З. Кубалова, Нигера (И.В. Джанаева), Г.Х. Кайтукова, К.Т. Казбекова, Д.Г. Дарчиева, Б.А. Муртазова, М.Г. Коцикова составляют его переводческое наследие из осетинской поэзии. Значительная часть переводов сделана С. Шервинским для указанной антологии. Обратимся к параллельному лексико-семантическому анализу некоторых переведенных С.В. Шервинским произведений. Для исследования были выбраны наиболее известные произведения авторов, чье художественное творчество повлияло на развитие эстетических систем в осетинской литературе второй половины XIX – первой трети XX в.

Стихотворение основоположника осетинской литературы К.Л. Хетагурова (1859–1906) «Кубады» отражает нелегкую долю бедняка. «Огромной силой обобщения, – пишет известный осетинский ученый В.И. Абаев, – обладает созданный Коста образ народного певца Кубады. Нищий, одетый в лохмотья пастух, которому ежеминутно угрожает расправа алдара (феодала), находит в себе духовные силы, чтобы подняться над своей горькой судьбой. Чудесный дар песни, унаследованный от прошлых поколений народных певцов, дает ему ту внутреннюю свободу, которой не могут лишить человека никакой гнет, никакое насилие» [11. С. 10]. Существующие русские переводы стихотворения не всегда отражали интенции автора. Прежде всего, лишали переводной текст лаконичности [12. С. 28–29]. Перевод С. Шервинского сохраняет идеино-тематическое содержание оригинала – в тексте на русском языке воссоздается символ бедности и запечатленный автором в облике лирического героя Кубады образ странствующего народного певца. Однако за рамками переведенного текста остаются детали, играющие немаловажную роль при создании завершенного образа персонажа. Автор с первых строк дает несколько штрихов, которые являются определяющими в печальной судьбе Кубады. Пример первой и второй строф:

Сәрдәй, зымағәй,
Гүбыр, тызмәгәй,
Йә кәрцы мидәг,
Ныхасы бады
Зәронд Хъуыбады,
Нә фәндирдәгъәдәг...

Кәйдәр дзәгъәләзәд,
Ләнпүйә бazzад
Йә сау бындурыл...
Кәдәм-иу бафтыыд,
Уым-иу фәкафыд
Кәрдзыны мурлы... [13. Т. 1. С. 72]

И летом, и зимой,
Сгорбленный, суровый,
В своей шубенке,
Сидит на нихасе
Старый Кубады,
Наш гармонист.

Чей-то безродный (сын),
Мальчиком остался
У черного (остывшего) своего очага...
Там, куда он попадал,
Он долго плясал
За кроху чурека...¹

Незавидная доля героя-сироты в переводе С. Шервинского передана следующим образом:

И в холод, и в зной
В шубенке худой,
Согбенный бедой,
Все ходит у нас
Певец на нихас, –
Кубады седой.

И сам сирота,
И сакля пуста, –
Так начал он век.
Коль кто позовет,
Он спляшет, споет,
Получит чурек [4. С. 96].

Заданный Коста Хетагуровым мотив забитости и обреченности героя находит свое отражение и в переводе Шервинского. Но сам образ слепого гармониста в переводе подан несколько искаженно. Странствующий музыкант в переводе стал певцом. Частично переводчик справился с передачей значения осетинской идиомы «баззайын сау бындурыл» ('остаться одному, ни с чем; потерять кров') – «И сакля пуста». В переводе наблюдается реконструкция колорита исходной культуры. С. Шервинский осетинскую идиому передает лексическими средствами переводящего языка. Смысл передан, но единица перевода потеряла образность и экспрессивность. Компенсация национального колорита наблюдается при транслитерации оронима, топонимов, реалий («Адай», «Дигорский край», «Кабарда», «Ир», «Тифлис», «фандыр», «ныхас»). С. Шервинский насыщает текст этнокультурными маркерами, демонстрирует умение ориентироваться и самоопределяться в рамках ситуационного контекста. Отдельные штрихи, столь запоминающиеся в образе Кубады в последующих отрывках, что немаловажно, воспроизведены С. Шервинским и в русском варианте. Кубады в переводе приобретает узнаваемые черты, которые неразрывно связаны в сознании осетинского читателя с данным образом, став своего рода символом обездоленности («Хæфсытæ уасыд / Йә къахы скъуыдтæй...» ‘Лягушки квакали / Из трещин его ног’ – «A в трещинах ног / Лягушки поют»).

Мысль о том, что при переводе С. Шервинский обходил стороной подстрочки, высказываемая исследователем Ф. Найфоновой [14], не подтверждается дальнейшим переводом стихотворения К.Л. Хетагурова. Основу

¹ Здесь и далее подстрочный перевод наш. – Е.Д.

сюжета составляет рассказ о жизненных перипетиях героя: сиротское детство, жизнь в пастухах, пропажа овец, бегство от князя, обездоленная жизнь певца-гармониста, скитания и возвращение на родину слепым стариком. Событийный ряд в переводе воспроизведен, но предложен читателю не в близких единицах перевода – слова, словосочетания и в целом предложения переданы Шервинским неэквивалентными средствами. Достаточно привести следующий пример:

Уæд фос күyd уарзта? –	А вот скотину как любил (он)?!	Друг первый – овца!
Фæсал ¹ сын ласта	Сухую траву им доставал	В обувку сенца
Иæ салд æрчъийæ..	Из своего промерзлого арчи ² ...	Пастух подложил, –
Йæ зард næ уагъта, –	Не оставлял он пение, –	Нет, овцам отдаст!
Фæндыр æскъахта	Фандыр себе смастерил	Играть был горазд –
Бæрз-бызычъийæ...	Из напльва (нароста) березы...	Фандыр смастерил

[13. Т. 1. С. 74].

[4. С. 97].

Индивидуальная манера перевода С. Шервинского, как видим, не учитывает лексические особенности подлинника, в том числе слова с национально-культурным компонентом значения («арчи» → «обувка», «фæсал» → «сенцы»). Стремление подобрать рифмообразующие звуки вынуждает переводчика прибегать к вольности, созданию простых созвучий в концах строк (овца → сенцы). Порой смысл в отрывках полностью меняется (например: Уæд фос күyd уарзта ('А вот скотину как любил (он)?!) – Друг первый – овца!).

Одной из невыполнимых задач для переводчика стала передача фонетических языковых средств выразительности, стилистических фигур:

– звукописи оригинала:

Бын бауай, <i>иунæг</i> ,	Погибни одинокий,
Дзылаетæй <i>иу лæг</i>	Которого в мире ни один [из народа]
Кæй næ раевдыдта!	Не приласкал!

Лæгдзарм <i>тæнæг</i> у,	Человечья кожа тонка,
Æлдар фылдæг у...	Алдар – изверг...

– встречающихся повторов (чаще анафоры):

Дæу урс æхсырæй,	Тебя белым молоком,
Дæу худгæ-хурæй	Тебя смеющимся солнцем
Чи næ бафæста!..	Которая не насытила!

– синтаксического параллелизма:

Йæ къах næ фæллад,	Его ноги не уставали,
Йæ зард næ фенад...	Его песня не надоела [не опротивела] (никому)...

¹ Стелька из сухой травы в горской обуви.

² Арчи – обувь из сырой кожи.

– эллиптических предложений:

*Бæгънаэг, бæгъаеввад,
Æстонг, уысмаэннад
Хуыцауы раестай!*

В лохмотьях, босой,
Голодный, регулярно битый
Перед Богом [будучи] неповинный.

Оригинальные строки в переводе претерпевают изменения: утраченные фонетические и синтаксические средства художественной выразительности передаются Шервинским другими лексическими и поэтическими средствами; смысл строк искажается (напр., «*Йæ* къах næ фæллад, / *Йæ* зард næ фенад / *Йæ* цæугæ царды...») ('Его ноги не уставали / Его песня не надоела [не опротивела] никому) / В его скитальческой жизни' – «*Ходил он года, / Но песнь молода, / Хоть древен певец*»). Очевидно, что в переводных строках теряются особенности индивидуального стиля писателя, ритмика оригинала.

Если рассматривать переводческую эквивалентность на pragматическом и семантическом уровнях, то не всегда переводчиком она достигается. Образность подменяется собственными единицами перевода, а денотативное значение исходных слов растворяется в новых понятиях. Видимо, использование переводчиком подобной трансформации продиктовано стремлением попасть в рифму. Приведем пример следующей строфы:

<i>Цæргæсес бæллын,</i>	Орла стремление (порыв),	<i>Орел над горой,</i>
<i>Уæларвы наэрын,</i>	Неба громыхание,	<i>Удар громовой,</i>
<i>Дымгæйес хъарæг,</i>	Ветра рыданье (причитание),	<i>Потока волна,</i>
<i>Цæф сæгуыты маst,</i>	Боль раненой косули,	<i>Дрожащая тень,</i>
<i>Æксæрдзæны хъазт –</i>	Жалоба водопада –	<i>Стенящий олень –</i>
<i>Фыйайуы зарæг...</i>	(Все это) песня пастуха...	<i>Вот песнь чабана</i>

[13. Т. 1. С. 76].

[4. С. 97].

Как видим, в строфе, структурированной единым предложением, лексические образные единицы в переводе представлены другими. Адекватная передача образно-семантической структуры подлинника нарушена отсутствием равносмысловых выразительных средств (особенно в 3-й и 4-й строках), но для воплощения в тексте перевода сложной образной системы оригинала С. Шервинскому понадобилось обращение к собственным стилистическим средствам. Строки на русском языке хоть и не совсем отвечают эквивалентности в передаче номинативных значений слов, но сохраняют синтаксические особенности строфы, представленной простым предложением с осложнющими его структуру элементами – однородными членами предложения.

Безусловно, многие потери при переводе носят объективный характер, объясняются межязыковыми различиями, «асимметрией культурных реалий» [15. С. 283] и т.д. На степень адекватности перевода могут влиять и субъективные факторы – неспособность переводчика понять интенции автора, расшифровать смысловой код, запечатленный в оригинале. Так, в переводе опущена строфа, в которой автор дает оценку творчеству певца-скиталяца и показывает силу воздействия на слушателей его песен и сказаний,

не оставляющих никого равнодушным, способных вызвать двоякие чувства – безудержное веселье и крайнюю печаль. Трудности у Шервинского при переводе вызывала, видимо, и поэтическая форма (синтаксический параллелизм, анафорические стихи, чередование парной и кольцевой рифм, подобие Ронсаровой строфы без укороченного 2-го и 5-го стиха).

В стихотворении К.Л. Хетагуров стремился показать натуралистический образ бедняка, в котором угадываются и некоторые автобиографические черты (раннее сиротство, одиночество, скитания). К сожалению, образ главного героя в переводе не столь колоритен, некоторые штрихи опущены (слова-образы, характеризующие лирического героя: *фæндырдзæгъдæг* ‘гармонист’ – *певец*, его тяжелую жизнь: *фækафыд кæрдзыны мурыл* ‘долго плясал за кроху чурека’ – *споет, получит чурек*, строки-афоризмы (*Фæлæ нæ амонд / Ёнæ сærнывонд / Нæ хæссы бира!* ‘Но наше счастье / Без принесения себя в жертву / Непродолжительно!’) и т. д.), что в целом влияет на достижение желаемого эмоционального воздействия, оказываемого на реципиента текстом на русском языке.

Творчество другого видного осетинского поэта Нигера (И.В. Джанаев, 1896–1947) в переводческом наследии С.В. Шервинского представлено поэмой «Пир у Баделят», стихотворениями «Это было недавно», «Исповедь», «Кончита Мало». Среди перечисленных произведений своим идейно-художественным содержанием отличается поэма «Пир у Баделят» (1935), посвященная доколониальной осетинской действительности. В одном из значительнейших своих произведений Нигер ставит социально-этические проблемы, противопоставляет спесивых алдаров Кубатиевых и бедного их прислужника Фацбая. Поэт критикует существовавшие нравы феодального общества, бесчеловечная сущность которых приводит к трагической гибели молодого Фацбая. В переводе С. Шервинского сюжет представлен без отклонений от оригинала. Русскоязычный текст сохраняет лаконичность повествования. Переводчик лишает текст избыточных, нерелевантных по значению слов. Особое место в произведении занимают образы персонажей: описания феодалов Кубатиевых и бедняка Фацбая. Портретные характеристики афористичны и на русском языке, в основе их – антитеза: *надменный* (Афай), *Язык – что вата, а сердце – шип* (Сафар), *бритый, лощеный, глаза и щеки огнем пылают* (Инал), *морду воротит, взор отвела, / гордая, злая, княжна-городячка* (Залихан) → *широкоплечий, высокий, смиренный, ловкий, смелый* (Фацбай). Равным функциональным параллелизмом в разноязычных текстах характеризуются денотативный, коннотативный, этнокультурный компоненты. Основная интенция автора – показать антинародную сущность феодальной знати, несовместимость их идеологии с жизнью простых людей, трагизм угнетенных и своеобразие угнетателей – транслируется С. Шервинским адекватными языковыми средствами. В переводе воспроизводятся стилистическая тональность поэмы, внешние атрибуты стиха (эквилинерность, отсутствие рифмы), строки эквиритмичны оригиналу (сохраняется двустопный ямб). Поэма в переводе сохраняет черты национальной специфики подлинника: описание пира, изображение быта и нравов феодалов объективны, учтен историко-культурный контекст представленной в поэме эпохи.

План содержания переводного текста доносит до читателя основную мысль произведения, представленную в строках:

*Того не будет,
Чтоб оказалось
Мир и согласье
Междуд алдаром
И угнетенным
Им батраком.
Свари их вместе
В котле едином,
Батрак отдельно
Свой даст навар,
Навар отдельный
Даст и алдар* [4. С. 97].

Прием параллелизма природного и человеческого миров, встроенный в ткань повествования для более глубокого раскрытия идейного содержания поэмы (аналогия свободолюбивого скворца с Фацбаем и растерзанного псыми оленя с расправой в дальнейшем над юношей, изменения пейзажного фона) С. Шервинским воспроизведены элементами первичной образности. Переводчик создает равноэмоциональную тональность, демонстрирует коннотативные возможности языка.

<i>Ныккодтой күйтæ</i>	Кинулись собаки	<i>На лань собаки</i>
<i>Гъе, уыцы иу цеф</i>	Эй, одним ударом	<i>Кинулись разом,</i>
<i>Сæхи аæмхуызон</i>	Все разом	<i>Мясо оленье</i>
<i>Нæ сærðжын сагыл.</i>	На нашего оленя.	<i>Собаки реут.</i>
<i>Рæдувыңц күйтæ</i>	Рвут собаки	<i>Лань застонала,</i>
<i>Йæ фыдтæ сагæн.</i>	Мясо оленье.	<i>Смолкла, упала...</i>
<i>Æрхадта... Нал уыд –</i>	Упал... Не стало больше –	<i>Сердце оленье,</i>
<i>Йæ зæрдæ бандад.</i>	Его сердце остановилось.	<i>Впредь не стучи!</i>
<i>Æрттывта наæуыл</i>	Блистала на поляне	<i>Кровь на поляне</i>
<i>Йæ туг æртæхгай,</i>	Его кровь каплями,	<i>Каплями блещет,</i>
<i>Æмæ дзы надта</i>	И купало в них	<i>В каплях трепещут</i>
<i>Йæ тынитæ буц хур</i>	Свои лучи изнеженное солнце.	<i>Солнца лучи</i>

[16. С. 260–261].

[3. С. 201].

Как видим, С. Шервинский в переводе остается близок к оригиналу. В отрывке наблюдается замена денотата (саг = олень/олениха → лань). Подобная трансформация применима, так как не искажает смысл исходного текста (самка оленя → лань). Заменой переводчик только усиливает трагичность повествования в приведенном фрагменте (растерзанная лань, отличающаяся изяществом)¹.

¹ Отличительные особенности оленя → лани обнаруживаются нами в семантике образа. В традиционной культуре осетин *олень* – и жертвенное и тотемное животное одновременно, что подчеркивается и исследователем М.В. Дарчиевой [17. С. 139–153]. Образ оленя фигурирует во многих жанрах осетинского фольклора, в частности в осетинской

Верность в передаче основных компонентов содержания подлинника, воссоздание краткости слога, стилистических оборотов (перевод обогащается тропами, например: *райсом... / тæмæнтаे калы / сæ хъæу Хъуыбаттæн* ‘утро... / сияет / село Кубатиевых’ – *сияет / омытый утром / аул Кубати, рæу-уддзæф тауы / фæйнæрдæм зараег* ‘легкий ветерок разносит / вокруг песню’ – *а ветер утра / песню разносит / легким крылом*, *хур арвыл хъазы* ‘солнце на небе играет’ – *играет солнце* и др.), особенностей ритмической организации (сохраняется равное количество строк, размер) – в этом и заключалась переводческая концепция С. Шервинского.

Работа по переводу осетинской литературы на русский язык Шервинским была продолжена в дальнейшем. В 1960 г. под его редакцией выходит «Антология осетинской поэзии», куда вошли часть сделанных им ранее переводов и новые. Его переводы стихотворения К. Хетагурова «Кубады» и поэмы Д. Дарчиева «Сафират» в антологии были заменены другими. Хотя по своему содержательно-формальному соответствию более адекватными являются переводы С. Шервинского.

В новое издание включено и творчество посмертно реабилитированных в 1950-х гг. осетинских поэтов – А. Кубалова, Ш. Абаева, Г. Малиева, Г. Баракова. Благодаря переводу С. Шервинского явлением русскоязычной культуры стало самое известное произведение А.З. Кубалова (1871–1937) – поэма «Афхардты Хасана» (1894). Творческие установки С. Шервинского-переводчика позволяют проследить, как в его переводческой работе нашли воплощение разные грани оригинала. Поэма написана в духе фольклорного произведения. Сюжетом послужил социальный конфликт между представителями княжеского рода Мулдарта и бедняка Хасана из фамилии Афхардты (с осет. дословно «униженный», «оскорбленный»).

Поэма начинается со вступления – обращения автора к слепому сказителю Бибо Зугутову, который и будет повествовать трагическую историю Хасана Афхардты. Основная часть поэмы (без вводной части) состоит из четырех глав. У С. Шервинского некоторые отрывки опущены (вступление сливаются с первой главой, а вторая, третья и четвертая сокращаются в переводе и объединяются в отдельную самостоятельную главу). Поэтому в русскоязычном варианте поэмы представлены лишь две главы. Произведение труднопереводимо по заключенным в нем авторским интенциям. Переводчику необходимо было передать не только основную сюжетную линию, но и сохранить эмоциональную тональность текста А. Кубалова. В поэме ощущается связь с жанром народного плача. Сочетание в произведении колоритных батальных сцен с плачем, песней, заклинанием, причитанием сближает поэму А. Кубалова с памятником древнерусской литературы «Слово о полку Игореве», в котором видится соединение элементов плача и

волшебной сказке как чудесный помощник (чаще золоторогий олень, которого нельзя убивать). Образ золоторогого оленя – покровителя охотников Авсати в сказке обстоятельно рассмотрен Д.В. Сокаевой [18. С. 55].

«славы». Да и обращение автора в предисловии к сказителю – вещателю истории – также характерно для «Слова» (Баян → Бибо Зугутов).

При сопоставлении разноязычных текстов обнаруживается симметричность передачи в переводе плана содержания. События поэмы и в переводе плавно перетекают из одного в другое: убийство отца Хасаны представителями княжеского рода Мулдарты, оскорбление матери-вдовы Госама Кудайнатом Мулдарты, бегство Госама с малолетним сыном Хасаной в лес, наказ сыну отомстить роду Мулдарты за нее и отца, кровомщение Хасаны (занимает большую часть поэмы), смерть Хасаны. Сужение исходного текста не повлияло, как представляется, на воспроизведение его pragматического потенциала, и в переводе поэма оказывает желаемое воздействие на реципиента. События в переводе хронологически совместимы с их последовательностью в оригинале. Сокращению подвергаются отрывки, которые не влияют на развитие сюжета в произведении.

Зачин поэмы представляет нам образ повествователя, облик которого в русскоязычном тексте столь же детализирован и противоречив, как и в оригинале: внешний вид (бедный, слепой) дисгармонирует с данным ему даром песнетворчества. Хотя характеристика певца-сказителя в переводе не всегда совпадает с описанием А. Кубалова:

Гъе, мæгүыр куырм Бибо!.. Гъе, мæгүыр зæронд лæг!..
Дæ бон дыл баталынг, де 'хæв дыл бамыр ис:
Нал уыныс арвы цæх, нал уыныс зæххы сау!..
Баџи дыл сау талынг наэ рæсусуғъд урс дуне.

И далее антитеза:

Гъе, хъæздыг куырм Бибо!.. Гъе, тыхджын зæронд лæг!..
Радта дын Уастырджи сау хъисæй хууысæр,
Радта дын зæрдæргъæвд, радта дын дзырдамонд.
Фыдалты кадджытæ сеппæт дæр куы зоныс,
Сеппæт дæр куы цæгъдыс сау хъисын фæндыраей [19. С. 24].

Эй, бедный слепой Бибо!.. Эй, бедный старик!..
Твой день для тебя погас, твоя ночь глуха для тебя:
Не видишь больше голубое небо, не видишь больше землю черную...
Стал для тебя черной теменью наш красивый белый свет.

Эй, богатый незрячий Бибо!.. Эй, сильный старик!..
Дал тебе Уастырджи струну от скрипки
[умение играть на этом инструменте. – Е.Д.],
Дал тебе способность (дар), дал тебе силу слова.
Старинные легенды ведь все ты знаешь,
Все их исполняешь на скрипке.

С. Шервинским подобраны лексико-семантические средства переводящего языка, по своей национальной специфике близкие к русской действительности. Переводчик использует архаизированную лексику. Стилизация

позволила С. Шервинскому создать впечатление хронологической отдаленности описанных событий в произведении. Читаем:

Ой, бедный Бибо! Ой, слепец злополучный!
Твой день беспросветен, глуха твоя ночь.
Ни синее небо, ни черную землю
Не видят померкшие очи твои...

Незрячий Бибо! Ой, богач! Ой, могучий!
Сам Уастырджи дал тебе знатный фандыр,
И память на диво, и речь золотую,
Все дедов сказанья знакомы тебе [20. С. 111].

В представленном отрывке демонстрируется переводческая концепция С. Шервинского. Перевод осуществлен, как видим, семантическими аналогами подлинника. Индивидуально-авторская интерпретация переводчика создается системой образов, которые, на наш взгляд, адекватны словесному оформлению образов оригинала. С. Шервинский также наделяет черты сканителя собственными оценочными эпитетами, чем в большей мере поэтизирует его облик, придает особую эстетичность поэзии А. Кубалова на русском языке. В переводе Шервинский усиливает звучность стиха, почти прозаические по фразовой интонации строки переданы ритмичным стихом.

Первая часть поэмы – колыбельная песня-плач матери сыну об убийстве отца, наставление и наказ отомстить обидчикам – транслирована переводчиком равнозначными семантическими и стилистическими средствами русского языка. Правильно отражены прямые и номинативно-коннотативные значения слов, повышающие эмоциональную тональность повествуемых трагических событий. В произведении А. Кубалова можно встретить устойчивые народные формулы, которые органично вплетаются в общую поэтическую форму. В поэме встречается лексика, присущая фольклорному жанру причитаний. Здесь тропы (*Æффаердты џæхæрæст Солæман ‘Афхарды остроглазый Соламан’ – Афхардты орел остроглазый, ыæ сырх уадултæс цикъяеæс фæлурсðæр ‘его алые щеки бледнее белой ткани’ – белой полотна его алые щеки, сызгъерин џæхæртæс ‘золотые искры’ – золотой перун, маestæй фæцçайсыгъдтæн ‘от гнева чуть не сгорел’ – от гнева пылая*), побудительные предложения, обращения, повторы, проклятия, цветовая символика (красный (цвет крови), черный (траур)):

Ахуысс уал, маæ лæппу! Ахуысс уал, маæ уарзон,
Цалынмаæ наæ зоныс фыбыллыз, фыдаебон.
Уæ, туг сырл ныуара, сæ туджы фæмæцой
Дæ фыды марджытæс, Мулдарты хъал мыггаг!

Поспи пока, мой мальчик! Поспи пока, мой любимый,
Пока не знаешь беды, страдание.

О, пусть кровью залются, в своей крови (собственной) изваляются
Убийцы твоего отца, Мулдарты гордый род!

Спи, мальчик мой милый, доколе не знаешь
Беды и страданий, младенец ты мой!..

*Пусть кровью зальются, в крови захлебнутся
Мулдарты, убийцы отца твоего!*

*Йæ фарсыл сбаста йæ цыбыр æхсаргард,
Йæ цыбыр æхсаргард, йæ фæтæн сау хъама.*

На пояс привязал свою короткую саблю,
Свою короткую саблю, свой широкий черный кинжал.

*Повесил на пояс короткую саблю,
Короткую саблю да острый кинжал*

Рæзгæ уал, мæ лæппу, рæзгæ уал, мæ уарzon...

Расти пока, мой мальчик, расти пока, мой любимый...

Расти же, мой милый, расти мой любимый...

*Кæннод дæ цæргæйæ рухсы цыыртт ма базон,
Мæрдты та, зындоны, дæ 'ккой фæбадæнт,
Ехсæй дæ күыд тæрой де 'фхæрд ныййарджытæ!..*

Не то в течение жизни частичку белого света не познай,
А на том свете, в аду, на спине твоей (пусть) сидят,
Плетью погоняя тебя твои оскорбленные родители!..

*Не то не узнаешь ты светлого солнца,
И сядут на шею тебе, на том свете,
Родители, плетью тебя иссекут!*

Перевод представленных фрагментов – пример создания «аналогичного оригиналу единства содержания и формы» [21. С. 46]. Русскоязычный текст верно отражает смысл, композиционные особенности, образную структуру, поэтическое звучание произведения. В языках, вовлеченных в процесс перевода, находит отражение соразмерность между минимальной единицей перевода и фразой, абзацем в целом. Подбор слов-эквивалентов С. Шервинским осуществляется с учетом их идентичных значений в языке оригинала, национально-культурных особенностей.

Большую часть поэмы занимает месть Хасаны обидчикам: кровавые схватки героя с представителями рода Мулдарта. Картины борьбы героя за существование, эпизоды расправы с врагами за социальную ненависть колоритны, а строки насыщены лексикой с национально-культурной семантикой. Национальное своеобразие особенно ярко проявляется в этих двух главах перевода. Передача инокультурного текста здесь подвергается различным трансформациям, не всегда обусловленным учетом национальной принадлежности реципиента. Национально-специфические элементы подвергаются С. Шервинским адаптации, нередко переданы дословно. Примером может послужить презентация бранных формул/проклятий и причитаний, прямой перевод которых, по справедливому мнению В.С. Модестова, «не всегда возможен как из-за отсутствия адекватных аналогов, так и потому, что значительная часть подобной лексики тесно связана с местной средой

обитания использующих ее персонажей» [22. С. 246]. Вследствие этого словесная передача в переводной текст таких конструкций не всегда адекватно интерпретируется в принимающей этнокультурной среде, неосознанно оценивается адресатом «в “кодах” своей культуры» [23. С. 340].

Например, при дословном переводе проклятий, причитаний *хур дыл аерныгуылдæн* ‘солнце на тебя закатится’ (в значении ‘умереть’ либо ‘быть очень печальному событию’) – ...*еще до заката, судзгæ дын фæбадон, дудгæ дын фæбадон...* ‘пребывать бы мне в горении, пребывать бы мне в зудении’¹ – *ої, лучшє б сгорела, ої, лучшє бы замерзла..., уæ, марг дын аербауой, уæнгæл дын аербауой / мæ дзæбæхдзинæдтæ, мæ риуы ’хсыры цъырт* ‘о, пусть отравой тебе станут, ненавистными тебе станут / мое добро / капля молока из моей груди’ – *Да станут отравой тебе и проклятьем / любовь моя, груди моей молоко!* вне поля зрения реципиента остается часть запечатленного в них смысла, снята эмоционально-экспрессивная нагрузка, стерт этнографический контекст, скрываемый за представленными явлениями действительности. Эксплицитное присутствие в тексте выражений с национально-культурным компонентом значения вынуждают С. Шервинского обращаться к опущению в переводе не являющейся коммуникативно релевантной национально-маркированной лексики либо к замене денотата в основе идиом. Так, не представлены в русском тексте фразеологизмы *туджы фыцын, зæрдæ бахъарм ис, уый цæстмæ хъазын, сæр аербайсафын*. С. Шервинский прибегает и к другим способам перевода: к замене фразеологизма семантическим эквивалентом, построенным по другой фразеологической модели: *ссыди йæ рагон маст* (‘прошла его давняя обида’) – *сердце засияло, калын урс цæссыг* ‘лить белые (прозрачные) слезы’ – *лить горючие слезы*; переводит соответствующей в коннотативном отношении фраземой *адæмы зæрдæтæ фехалын* ‘разбить людские сердца’ – *заставить дрогнуть людские сердца* либо лексическим эквивалентом, либо семантически близким свободным сочетанием слов: *мæ хæдзар фехæлди* (букв. ‘мой дом разрушился’) – *пришла моя гибель, Йæ хъарæг цæудзæни къонайы рæбынæй / Ёртхутæг кæндзæни цæхæры зынгимæ* ‘Ее рыдания будут слышны у очага / Будет делать пепел с искрой огня’ – *Начнет убиваться у цепи очажной, / Застынет золою, как жар в очаге и др.*

Этнокультурные особенности отражены в представленных в главах поэмы народных верований и обычаях, суровых картинах быта: оскорбление очага, осквернение надочажной цепи, кровная месть, посвящение коня покойнику. Репрезентация национально-культурных особенностей адресату осуществляется семантическими эквивалентами, но понимание сути представленных в тексте явлений, их символический смысл требуют «дополнительных фоновых знаний для декодирования» [25. С. 188]. Так, вряд ли из-

¹ В.И. Абаев значение глагола *дудын* трактует так: «dûdyn – и. ‘зудеть’, ‘гореть (о коже)’ – mæ bwar dûdy «мое тело зудит»; dûdgæ fæbadæj или sûzgæ fæbadaj «пребывай в зудении (горении)» (проклятие)» [24. Т. 1. С. 372].

вестно русскому читателю о существовавшей вплоть до начала XX в. культовой роли надочажной цепи в семейной обрядности осетин (см. подробнее [26. С. 23–29]).

Проблема одиночества в поэме является ключевой. Ее социальные корни раскрывает автор на примере борьбы одинокого Хасана с многочисленным родом Мулдарты. «Мерилом бедности и богатства является число мужчин в роду. Самой высокой категорией, которой мыслит сказитель, является род», – пишет Н.Г. Джусойты [27. С. 102]. Родовое превосходство стало основой конфликта двух враждующих фамилий Мулдарты → Афхардта. Только сильная многочисленная фамилия способна постоять за себя. Численность рода – основное преимущество на поле браны – мотивация Мулдарты вступить в конфликт. Отсутствие заступничества у немногочисленного рода Афхардта приводит их к трагической гибели. В поэме судьба Одинокого показана в образе Соламана, Госама, Хасаны, Хамырза. Их судьбы трагичны. На протяжении всей поэмы А. Кубалов рефреном иллюстрирует свою мысль – одинокий, бедный тот, у кого нет родичей, близких, взрослого потомства, нет заступников. В переводе С. Шервинского соответствующие абзацы опущены. Сжат и финал поэмы, в котором звучит призыв сказителя к укреплению родовых связей, поскольку только таким образом можно обеспечить защиту одинокому человеку [27. С. 108].

Социальные корни проблемы одиночества от русскоязычного читателя скрыты. Опущение в переводе этих отрывков меняет и суть конфликта, задаваемого лишь кровной местью, тогда как авторская интерпретация совсем иная. Поэтому в переводе замысел автора полностью не реализован.

Перевод С. Шервинским строится на стремлении отразить изложенный в поэме А. Кубалова событийный ряд, передать комплекс изобразительно-выразительных средств в аспекте сохранения их коммуникативно-прагматического потенциала, за счет чего у реципиента создается, как нам кажется, адекватное эстетическое впечатление от прочитанного текста. Недостатки перевода связаны с опущением Шервинским некоторых текстовых фрагментов, благодаря которым постигается истинная суть конфликта в произведении, с необходимостью эксплицировать информацию, неизвестную получателю текста.

Итак, осуществленных С. Шервинским переводов из осетинской литературы немного. Однако благодаря его деятельности известные произведения впервые обрели свое поэтическое звучание на русском языке. Анализируя переводы С. Шервинского, сталкиваешься со способностью интерпретировать произведение, отрываясь от буквы подлинника, и находить собственную концепцию для передачи исходной мысли. В анализируемых текстах представлены разные подходы к переводимому тексту. Приоритетной задачей для переводчика было воспроизведение смыслового содержания подлинника, однако при определении других уровней соотношения между оригиналом и переводом обнаруживаются разные степени эквивалентности. Частичная эквивалентность достигается С. Шервинским при переводе стихотво-

рения К. Хетагурова «Кубады». На смысловом уровне переводной текст инвариантен исходному. В переводе находит отражение и национально-культурный контекст. Заданная оригиналом художественная детализация в переводе С. Шервинского утрачивается. Вносимые в переводной текст слова-образы в некоторой степени противоречат идейному и художественному смыслу стихотворения К. Хетагурова. Не во всех переведенных отрывках С. Шервинский добивается формально-смысловой точности, лексические и синтаксические опущения и дополнения связаны с pragматической адаптацией, ориентированной на ментальность носителя языка перевода.

При переводе поэмы Нигера «Симд у Баделят» проявляет себя концепция динамической адекватности, заключающаяся в идейно-художественной близости разнозычных текстов, бережном отношении к образной системе подлинника, к идиолекту автора. В переводе реализуются pragматический, семантический, синтаксический уровни эквивалентности (см. подробнее [15. С. 295–302]).

При сопоставлении поэмы А. Кубалова «Афхардты Хасана» с ее русским переводом обнаруживаются некоторые формально-композиционные несоответствия. Текст подвергается С. Шервинским сокращению, что в конечном счете, как нам кажется, повлияло на понимание реципиентом истинной природы конфликта, изложенной писателем. Интенции автора оказались гораздо сложнее. В основе поэмы образ Одинокого, А. Кубаловым «вскрываются социально-исторические корни понятия “родовой одинокости”» [28. С. 122].

Итак, художественный перевод с 1920–1930-х гг. занимает ведущее место в творчестве С. Шервинского¹. С годами его переводческое мастерство совершенствуется и достигает своего расцвета к середине XX в. В 1940–1950-е гг. С. Шервинский все больше придерживается в переводе принципа динамической адекватности, ориентированной на получателя художественного произведения и способность реципиента понять и декодировать исходную информацию. Отсюда не всегда учитываются интенции автора (см. перевод поэмы «Афхардты Хасана»), на наш взгляд, больше по причине отсутствия у переводчика фоновых знаний, связанных с ментальностью народа, которому принадлежит оригинальный текст, незнанием исходного языка и работой с подстрочником. Приоритетной задачей для С. Шервинского было сохранение содержания, смысла оригинала. Контаминация свободного и адекватного перевода – ориентировка на культуру и вкусы реципиента, с одной стороны, и текст оригинала – с другой, вполне себя оправдывает на фоне преобладавшего в обозначенный период принципа творческого переосмысливания подлинника при переводе осетинской поэзии (см.: [29, 30]). Мысль подтверждается и М.Л. Гаспаровым, характеризующим в предисловии к переводам С. Шервинского господствующий принцип перевода, предполагающий воссоздание из художественной действительности

¹ Мир переводческого искусства открыл С. Шервинскому основоположник русского символизма В.Я. Брюсов. Благодаря Брюсову несколько переводов С. Шервинского были включены в сборник «Поэзия Армении народная – средневековая – новая» (1916).

подлинника то, что «близко и дорого, с собственным творческим размахом» (цит. по: [31. С. 10]).

Список источников

1. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней) : учеб. пособие. 2-е изд. М. : Флинта: МПСИ, 2008. 416 с.
2. Перельмутер В. Фрагменты о Шервинском // Вопросы литературы. 2010. № 1. С. 161–199.
3. Поэт Сергей Шервинский: «Истинного изумления достойно то, как армянский народ отстаивал свою родную землю» // Армянский музей Москвы и культуры наций. URL: <https://www.armmuseum.ru/news-blog/sergey-shervinsky> (дата обращения: 03.01.2024).
4. Осетинская литература / ред. С. Бритаев, С. Шервинский. М. : Гослитиздат, 1952. 361 с.
5. Наифонова Ф.Т. Анна Ахматова – переводы из осетинской поэзии // Известия СОИГСИ. 2014. Вып. 11 (50). С. 67–74.
6. Шервинский С.В. Анна Ахматова в ракурсе быта // Шервинский С.В. Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991. С. 281–298.
7. Дзапарова Е.Б. Н.А. Заболоцкий-переводчик: структурно-семантический анализ стихотворения К.Л. Хетагурова «Уәлмәрдтү» («На кладбище») // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022. № 6. С. 69–76. doi: 10.20339/PhS.6-22.069
8. Письмо Плиева Григория Дзамболатовича к С.В. Шервинскому. [1950] // РГАЛИ. Ф.1364. Оп. 3. Ед. хр. 536. 1 л.
9. Письма Бритаева Созрыко Аузбиевича С.В. Шервинскому // РГАЛИ. Ф. 1364. Оп. 4. Ед. хр. 240. 8 л.
10. Рецензии на Осетинскую литературу // РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 7. Ед. хр. 571. 44 л.
11. Абаев В.И. Осетинский народный поэт Коста Хетагуров // Весь мир – мой храм: К 130-летию со дня рождения К.Л. Хетагурова. Орджоникидзе : Ир, 1989. С. 3–16.
12. Дзахов И.М. О переводах «Осетинской лиры» Коста. Орджоникидзе : Ир, 1996. 160 с.
13. Хетагуров К.Л. Собрание сочинений в 5 т. Т. 1. Владикавказ : Республиканское издательско-полиграфическое предприятие им. В.А. Гассиева, 1999. 486 с. (на осет. яз.).
14. В Юношеской библиотеке им. Гайто Газданова состоялась презентация сборника «Анна Ахматова. Переводы из осетинской поэзии». URL: <https://osradio.ru/literatura/88864-literatura.html?ysclid=lke39e9ik6124161120> (дата обращения: 26.07.2023).
15. Гарбовский Н.К. Теория перевода. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.
16. Нигер. Произведения. Цхинвал : Иристон, 1988. 482 с. (на осет. яз.).
17. Дарчиева М.Д. Образ оленя (саг, хъуз / гъәуанз) в осетинской Нартиаде // Известия СОИГСИ. 2020. Вып. 38 (77). С. 139–153. doi: 10.46698/q6736-8363-4852-z
18. Сокаева Д.В. Сакральные персонажи и символы фольклорной прозы осетин: генезис, семантика, этнографический контекст. М. : Наука, 2021. 431 с.
19. Кубалов А. Произведения. Орджоникидзе : Ир, 1978. 376 с. (на осет. яз.).
20. Антология осетинской поэзии. М. : Гослитиздат, 1960. 391 с.
21. Эткинд Е. Исследования по истории и теории художественного перевода. Кн. I. Поэзия и перевод. СПб. : Петрополис, 2018. 424 с.
22. Модестов В.С. Художественный перевод: история, теория, практика. М. : Изд-во Лит. ин-та им. А.М. Горького, 2006. 463 с.
23. Художественный перевод : терминологический словарь-справочник. М., 2014. 379 с.
24. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка : в 4 т. Т. 1. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. 655 с.

25. Мирзоева Л.Ю., Сюрмен О.В. Воссоздание семантических и pragматических характеристик обряда в турецко-русском переводе (на материале романа О. Памука «Имя мне – Красный» и его русской версии) // Cuadernos de Rusística Española. 2018. № 14. С. 187–197. doi: 10.30827/cre.v14i0.6431
26. Салбиеев Т.К. Сакральность осетинской надочажной цепи (истоки и семантика культа) // Вестник Владикавказского научного центра. 2019. № 4, Т. 19. С. 23–29. doi: 10.23671/VNC.2019.4.43316.
27. Джусойты Н.Г. История осетинской литературы : в 2 кн. Кн. 1: XIX в. Тбилиси : Мецниреба, 1980. 331 с.
28. Мамиева И.В. Основные вехи развития осетинской поэзии: имена и тенденции // Известия СОИГСИ. 2016. Вып. 22 (61). С. 120–139.
29. Дзапарова Е.Б. Поэты-шестидесятники как переводчики осетинской поэзии // Научный диалог. 2020. № 6. С. 236–264. doi: 10.24224/2227-1295-2020-6-236-264
30. Дзапарова Е.Б. Варлам Шаламов – переводчик Бориса Муртазова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 79. С. 190–207. doi: 10.17223/19986645/79/10
31. Азов А. Поверженные буквалисты: Из истории художественного перевода в СССР в 1920–1960-е годы. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 304 с.

References

1. Nelyubin, L.L., & Khukhuni, G.T. (2008) *Nauka o perevode (istoriya i teoriya s drevneyshikh vremen do nashikh dney)* [The Science of Translation (History and Theory from Ancient Times to the Present Day)]. 2nd ed. Moscow: Flinta: MPSI.
2. Perel'muter, V. (2010) Fragmenty o Shervinskom [Fragments about Shervinsky]. *Voprosy literatury*. 1. pp. 161–199.
3. Armyanskiy muzei Moskvy i kul'tury natsiy [Armenian Museum of Moscow and the Culture of Nations]. (n.d.) Poet Sergey Shervinskiy: "Istinnogo izumleniya dostoyno to, kak armyanskiy narod otstaival svoyu rodnyuyu zemlyu" [Poet Sergei Shervinsky: "The way the Armenian people defended their native land is truly amazing"]. [Online] Available from: <https://www.armmuseum.ru/news-blog/sergey-shervinsky>. (Accessed: 3.01.2024).
4. Britaev, S., & Shervinskiy, S. (eds) (1952) *Osetinskaya literatura* [Ossetian Literature]. Moscow: Goslitizdat.
5. Nayfonova, F.T. (2014) Anna Akhmatova – perevody iz osetinskoy poezii [Anna Akhmatova: Translations from Ossetian Poetry]. *Izvestiya SOIGSI*. 11 (50). pp. 67–74.
6. Shervinskiy, S.V. (1991) *Vospominaniya ob Anne Akhmatovoy* [Memories of Anna Akhmatova]. Moscow: Sovetskij pisatel'. pp. 281–298.
7. Dzaparova, E.B. (2022) N.A. Zabolotskiy-perevodchik: strukturno-semanticheskiy analiz stikhotvoreniya K.L. Khetagurova "Uælmærðty" ("Na kladbischche") [Nikolai Zabolotsky the Translator: Structural and Semantic Analysis of Kosta Khetagurov's Poem "Uælmærðty" ("At the Cemetery")]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly*. 6. pp. 69–76. DOI: 10.20339/PhS.6-22.069
8. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 1364. List 3. Item 536. Page 1. *Pis'mo Plieva Grigoriya Dzambolatovicha k S.V. Shervinskomu. [1950]* [Letter of Grigory Dzambolatovich Pliev to S.V. Shervinsky. [1950]].
9. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 1364. List 4. Item 240. Pages 1–8. *Pis'ma Britaeva Sozryko Auzbievicha S.V. Shervinskomu* [Letters of Sozryko Auzbievich Britaev to S.V. Shervinsky].
10. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 613. List 7. Item 571. Pages 1–44. *Retsenziï na Osetinskuyu literaturu* [Reviews of Ossetian literature].
11. Abaev, V.I. (1989) Osetinskiy narodnyy poet Kosta Khetagurov [Ossetian folk poet Kosta Khetagurov]. In: *Ves' mir – moy khram: K 130-letiyu so dnya rozhdeniya*

- K.L. Khetagurova [All the World is My Temple: On the 130th anniversary of K.L. Khetagurov's birth]. Ordzhonikidze: Ir. pp. 3–16.
12. Dzakhov, I.M. (1996) *O perevodakh "Osetinskoy liry" Kosta* [On Translations of Kosta's Ossetian Lyre]. Ordzhonikidze: Ir.
13. Khetagurov, K.L. (1999) *Collected Works*. Vol. 1. Vladikavkaz: Respublikanskoe izdatel'sko-poligraficheskoe predpriyatiye im. V.A. Gassieva. (In Ossetian).
14. Osetinskoe radio i televizionye [Ossetian Radio and Television]. (n.d.) *V Yunosheskoy bibliotekye im. Gayto Gazdanova sostoyalas' prezentaцыya sbornika "Anna Akhmatova. Perevody iz osetinskoy poezii"* [The presentation of the collection "Anna Akhmatova. Translations from Ossetian Poetry" took place at the Gaito Gazdanov Youth Library]. [Online] Available from: <https://osradio.ru/literatura/88864-literatura.html?ysclid=lke39e9ik6124161120>. (Accessed: 26.07.2023).
15. Garbovskiy, N.K. (2007) *Teoriya perevoda* [Translation Theory]. Moscow: Moscow State University.
16. Niger. (1988) *Works*. Tskhinval: Iriston. (In Ossetian).
17. Darchieva, M.D. (2020) Obraz olenya (sag, khuaz / g"æuanz) v osetinskoy Nartiade [The image of a deer (sag, khuaz/g"æuanz) in the Ossetian Nartiada]. *Izvestiya SOIGSI*. 38 (77). pp. 139–153. DOI: 10.46698/q6736-8363-4852-z
18. Sokaeva, D.V. (2021) *Sakral'nye personazhi i simvolы fol'klornoy prozy osetin: genezis, semantika, etnograficheskiy kontekst* [Sacred Characters and Symbols of Ossetian Folklore Prose: Genesis, semantics, ethnographic context]. Moscow: Nauka.
19. Kubalov, A. (1978) *Works*. Ordzhonikidze: Ir. (In Ossetian).
20. Anon. (1960) *Antologiya osetinskoy poezii* [Anthology of Ossetian Poetry]. Moscow: Goslitizdat.
21. Etkind, E. (2018) *Issledovaniya po istorii i teorii khudozhestvennogo perevoda* [Studies in the History and Theory of Artistic Translation]. Book 1. Saint Petersburg: Petropolis.
22. Modestov, V.S. (2006) *Khudozhestvennyy perevod: istoriya, teoriya, praktika* [Literary Translation: History, theory, practice]. Moscow: Maxim Gorky Literature Institute.
23. Rareno M.B.(ed.) (2014) *Khudozhestvennyy perevod: terminologicheskiy slovar'-spravochnik* [Literary Translation: Terminological dictionary-reference book]. Moscow: INION RAS.
24. Abaev, V.I. (1958) *Istoriko-etimologicheskiy slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR AS.
25. Mirzoeva, L.Yu., & Syurmen, O.V. (2018) Vossozdanie semanticeskikh i pragmatischekikh kharakteristik obryada v turetsko-russkom perevode (na materiale romana O. Pamuka "Imya mne – Krasnyy" i ego russkoy versii) [Recreation of semantic and pragmatic characteristics of the rite in the Turkish-Russian translation (based on the novel My Name is Red by Orhan Pamuk and its Russian version)]. *Cuadernos de Rusística Española*. 14. pp. 187–197. DOI: 10.30827/cre.v14i0.6431
26. Salbiev, T.K. (2019) *Sakral'nost' osetinskoy nadochazhnay tsepi (istoki i semantika kul'ta)* [Sacredness of the Ossetian Nadochchnaya Chain (Sources and Semantics of the Cult)]. *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra*. 4 (19). pp. 23–29. DOI: 10.23671/VNC.2019.4.43316
27. Dzhusopty, N.G. (1980) *Istoriya osetinskoy literatury* [History of Ossetian Literature]. Book 1. Tbilisi: Metsniereba.
28. Mamieva, I.V. (2016) *Osnovnye vekhi razvitiya osetinskoy poezii: imena i tendentsii* [The main milestones in the development of Ossetian poetry: names and trends]. *Izvestiya SOIGSI*. 22 (61). pp. 120–139.
29. Dzaparova, E.B. (2020) Poety-shestidesyatniki kak perevodchiki osetinskoy poezii [Poets of the sixties as translators of Ossetian poetry]. *Nauchnyy dialog*. 6. pp. 236–264. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-6-236-264
30. Dzaparova, E.B. (2022) Varlam Shalamov - a translator of Boris Murtazov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 79. pp. 190–207. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/79/10

31. Azov, A. (2013) *Poverzhennye bukvalisty: Iz istorii khudozhestvennogo perevoda v SSSR v 1920–1960-e gody* [Defeated Literalists: From the History of Literary Translation in the USSR in the 1920s–1960s]. Moscow: HSE.

Информация об авторе:

Дзапарова Е.Б. – канд. филол. наук, старший научный сотрудник отдела фольклора и литературы Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиала Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук» (Владикавказ, Россия). E-mail: L-dzaparova@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.B. Dzaparova, Cand. Sci. (Philology), senior research fellow, V.I. Ablaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies (Affiliate of the Vladikavkaz Science Centre of the Russian Academy of Sciences) (Vladikavkaz, Russian Federation). E-mail: l-dzaparova@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.08.2023;
одобрена после рецензирования 01.03.2024; принята к публикации 26.03.2025.*

*The article was submitted 17.08.2023;
approved after reviewing 01.03.2024; accepted for publication 26.03.2025.*

Научная статья
УДК 130.2:8Бахтин
doi: 10.17223/19986645/94/11

**«С огромным интересом читал три Ваших работы...»:
М.М. Бахтин в читательском диалоге с Л.Е. Пинским
(по материалам архива и личной библиотеки мыслителя)**

Светлана Анатольевна Дубровская¹

¹ Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва,
Саранск, Россия, s.dubrovskaya@bk.ru

Аннотация. Реконструируется читательский диалог М.М. Бахтина с Л.Е. Пинским, разворачивающийся в 1960-х – начале 1970-х гг. Предметом исследования являются маргиналии Бахтина на статьях Пинского в «Вопросах литературы», фрагменты переписки, сохранившейся в бахтинском архиве. Анализ помет, сделанных Бахтиным, позволяет выявить места, представляющие особый интерес для Бахтина-читателя, и сделать вывод о понимании ученым близости позиций Пинского его концепции раблезианского смеха.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, Л.Е. Пинский, Шекспир, Рабле, Сервантес, маргиналии, читательский диалог, архив мыслителя, личная библиотека, «Вопросы литературы»

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-00061 «Маргиналии М.М. Бахтина на изданиях из личной библиотеки ученого и других книгохранилищ: опыт публикаций, комментария и реконструкции контекстов»).

Для цитирования: Дубровская С.А. «С огромным интересом читал три Ваших работы...» М.М. Бахтин в читательском диалоге с Л.Е. Пинским (по материалам архива и личной библиотеки мыслителя) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 94. С. 228–242. doi: 10.17223/19986645/94/11

Original article
doi: 10.17223/19986645/94/11

**"With great interest I read three of your works...":
Mikhail Bakhtin in a reader's dialogue with Leonid Pinsky
(based on the materials of the thinker's archive
and personal library)**

Svetlana A. Dubrovskaya¹

¹ National Research Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation, s.dubrovskaya@bk.ru

Abstract. The article reconstructs the reader's dialogue between Mikhail Bakhtin and the literary scholar Leonid Pinsky in the 1960s and early 1970s. The subject of analysis

is Pinsky's articles in the *Voprosy Literatury* journal and fragments of correspondence preserved in Bakhtin's archive. The study of the notes made by Bakhtin in the copies of journals in his library makes it possible to identify places of particular interest to Bakhtin the reader and to draw a conclusion about the scholar's understanding of the closeness of Pinsky's positions to Bakhtin's concept of Rabelaisian laughter. As the author emphasises, the identification and study of Bakhtin's marginalia forms an important part of contemporary Bakhtin studies. It allows us to visualise the image of Bakhtin the reader, to reveal the sequence of his work with this or that material. The transformation of "selected places" in Bakhtin's outline or Bakhtin's text provides an insight into the mechanism of adapting not only the "other word" but also the Other's thought and integrating them into a note or outline, working materials, and eventually directly into a book or article. The dialogue between Bakhtin and Pinsky on the literature of the European Renaissance, on the works of Rabelais and Shakespeare throughout the 1960s and early 1970s takes different forms – from correspondence and real communication to internal "readers' dialogue, when the conversation with the author, agreement or dispute with him are expressed in the form of marginalia or continue in the creative transposition of the ideas of the "interlocutor", as is the case with the evaluation of Pinsky's book *Renaissance Realism in The Works of François Rabelais and the Popular Culture of the Middle Ages and the Renaissance*. This article centres on a detailed analysis of Bakhtin's notes on the pages of Pinsky's four articles in *Voprosy Literatury*: "The Tragic in Shakespeare" (1958), "On the Comic in Rabelais" (1959), "The Plot of 'Don Quixote' and the New European Novel" (1960), and "The Spanish Rascal Novel and the Baroque" (1962). Bakhtin not only reads Pinsky's articles carefully and marks the fragments that interest him: the number of strikethroughs, varying from one to four, serves as a basis for identifying the most significant or fundamentally important points for Bakhtin the reader. For example, in Pinsky's article "On the Comic in Rabelais", which he carefully read, he emphasises ideas that are consonant with his own position. Traces of Bakhtin's work with these articles by Pinsky are found in the subtext of his book on Rabelais, where Pinsky is presented as the author of the best Soviet work on Rabelais. Accordingly, for Bakhtin, Pinsky's scholarly position and his vision of the literature of the European Renaissance and its individual authors (primarily Rabelais and Shakespeare) became an important confirmation not only of the faithfulness of his own scholarly position, but also of the demand for his creative research by the best representatives of Soviet literary studies. Archival materials, Bakhtin's marginalia in the pages of Pinsky's works are introduced into the academic discourse.

Keywords: Mikhail Bakhtin, Leonid Pinsky, Shakespeare, Rabelais, Cervantes, marginalia, reader's dialogue, thinker's archive, personal library, "Voprosy Literatury" (Problems of Literature)

Acknowledgments: The research was carried out at the expense of the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00061 "M.M. Bakhtin's Marginalia on editions from the scholar's personal library and other book repositories: an attempt of publication, commentary, and reconstruction of contexts".

For citation: Dubrovskaya, S.A. (2025) "With great interest I read three of your works...": Mikhail Bakhtin in a reader's dialogue with Leonid Pinsky (based on the materials of the thinker's archive and personal library). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 94. pp. 228–242. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/94/11

Личность и труды выдающегося российского мыслителя Михаила Михайловича Бахтина прочно вошли в историю мировой науки и культуры, представляя собой одно из высших достижений российской гуманитарной мысли. О том, насколько успешно развивается современное бахтиноведение, говорят публикации ученых из разных стран – России, США, Индии, Китая и др. С 1970-х гг. мировое бахтиноведение прошло несколько этапов – от предварительного осмыслиения доступных текстов и фактов биографии ученого до погружения в его философские замыслы и принципы диалогического мышления, до постижения историко- и теоретико-литературных открытий. Особую роль в этом процессе сыграла публикация собрания сочинений М.М. Бахтина, благодаря чему научное сообщество получило текстологически достоверные и качественно прокомментированные труды ученого [1]. Сегодня даже скептически настроенные представители западной науки признают высочайший уровень издания собрания сочинений и обозначают его как единственный источник бахтинских текстов [2, 3].

В то же время завершение издания собрания сочинений ученого поставило перед исследователями новые задачи. Это прежде всего изучение и подготовка к публикации материалов его личного архива, в силу разных причин не вошедших в собрание сочинений, детальная реконструкция научных и культурных контекстов идей и трудов Бахтина, определение контуров его диалога с современниками и предшественниками, подготовка научной биографии мыслителя. В последние годы эта работа активно велась в России В.Л. Махлиным, Н.И. Николаевым, О.Е. Осовским, Н.А. Паньковым, И.В. Пешковым, И.Л. Поповой, а за рубежом К. Брэндистом, С. Сандлером, Г. Тихановым, К. Хиршкопом, К. Эмерсон, Ш. де Камарго Грилло, М. Фрайзе (подробнее см.: [4, 5]).

Особое место в этом контексте занимает изучение маргиналий Бахтина на страницах отдельных изданий, сохранившихся в личной библиотеке ученого, а также в российских книгохранилищах. Отметим, что речь идет об источнике, который ранее почти не использовался. Несмотря на то, что отдельные издания с пометами Бахтина уже становились предметом исследовательского анализа той или иной степени глубины [6, 7], упоминались в комментариях к собранию сочинений [1. Т. 5. С. 425–437. С. 619, 657 и др.; Т. 6. С. 545–585, 595 и др.], изучение бахтинских маргиналий как специальная проблема была сформулирована относительно недавно [8].

Проблема бахтинских маргиналий оказывается в общем тренде работ отечественных исследователей, занимающихся изучением авторских помет на различного рода изданиях. В этом смысле продуктивными представляются подходы и методы, которые предлагают современные ученые [9, 10].

Издания из личной библиотеки Бахтина многие годы хранились у Л.С. Мелиховой. В 2008 г. большая часть бахтинских книг и журналов¹ была передана в Национальную библиотеку им. А.С. Пушкина Республики

¹ Их описание было составлено в 2010 г. саранскими исследователями И.В. Клюевой и Л.М. Лисуновой [11].

Мордовия. Сегодня они вошли в специальную коллекцию в составе «Отдела редких книг и работы с книжными памятниками». В 2015 г. оставшаяся часть библиотеки была передана в Центр М.М. Бахтина [12]. Среди изданий большое количество книг и журналов содержат пометы Бахтина. Например, несколько томов «Трудов по знаковым системам», «За и против. Заметки о Достоевском» В.Б. Шкловского, сборники «Достоевский в русской критике», «Герцен», отдельные номера «Вопросов литературы», «Русской литературы», «Вопросов философии» и др. Кроме того, в фондах Научной библиотеки им. М.М. Бахтина Мордовского государственного университета нами были обнаружены издания с пометами ученого, в частности книги А.Н. Веселовского, отдельные тома из собрания сочинений И.В. Гете и др. Некоторые издания с бахтинскими маргиналиями сохранились в личных библиотеках его близких знакомых и коллег по кафедре литературы¹.

Среди современников, чьи работы Бахтин читал наиболее внимательно, следует выделить Л.Е. Пинского. Его по праву можно назвать одной из самых ярких и неординарных фигур в окружении Бахтина 1960-х – начала 1970-х гг. По общему мнению исследователей культурного пространства послевоенной Москвы, Пинский был в числе заметных участников литературной жизни столицы в период оттепели и в последующие десятилетия. Об этой стороне жизни ученого подробно рассказано в воспоминаниях его вдовы, переводчицы Е.М. Лысенко. Не менее выразительные портреты Пинского на фоне 1950-х – начала 1960-х гг. остались его младшие современники, в частности В.В. Кожинов [13].

Научно-педагогическая карьера литературоведа начинается в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в Киеве и Тирасполе. Обучение в московской аспирантуре под руководством Ф.П. Шиллера, сотрудничество с В.Р. Грибом, М.А. Лифшицем и Д. Лукачем, публикации в журнале «Литературный современник», лекции в ИФЛИ – приметы предвоенной биографии Пинского. Крайне важна для сюжета нашей статьи тема диссертации Пинского. В своем первом письме к Бахтину от 10 ноября 1960 г. он укажет: «В 1936 году защитил диссертацию на тему “Рабле и реализм Возрождения” (не напечатанную)» [14. Л. 1].

После недолгого пребывания на фронте Пинский возвращается к педагогической деятельности: он один из самых ярких лекторов на филологическом факультете Московского университета. Однако независимость, острый ум и острый язык, популярность у студенческой аудитории превращают успешного доцента кафедры всеобщей литературы в объект критики и гонений. Пинский оказался в числе тех преподавателей зарубежной литературы, на которых обрушилась вся мощь начавшейся борьбы с космополитизмом:

¹ К сожалению, сегодня неизвестно местонахождение ряда изданий, упоминаемых в комментарии к собранию сочинений Бахтина и в списке Клюевой и Лисуновой. Это, в частности, монография «О языке художественной прозы» В.В. Виноградова, первый том академической «Истории французской литературы», подаренный Бахтину М.В. Юдиной и др.

«Доцент Л.Е. Пинский давал эстетскую оценку произведениям литературы, исходя из теории “искусство для искусства” <...> В лекционных курсах по зарубежной литературе излагалась исключительно литература Англии, Германии, Франции, США и замалчивалась богатая литература стран новой демократии», – отмечалось в протоколе заседания коллегии Министерства высшего образования СССР (цит. по: [15. С. 387]).

Однако даже в этих условиях масштаб педагогического таланта Пинского был настолько очевиден, что в ходе обсуждения итогов проверки прозвучали слова в его защиту. Так, профессор кафедры истории русской литературы Н.А. Глаголев, соглашаясь в целом с выводами комиссии, не побоялся сказать несколько слов в защиту Пинского как «ценного специалиста советского типа», отметив следующее: «В докладе говорится о Пинском – талантливый преподаватель, есть у него серьезные ошибки эстетического порядка и [идеологического] порядка. Это человек, в отношении которого нужно поставить вопрос так – сумеем ли заставить в ближайшее время по настояющему, полностью свои ошибки изжить <...> Мы не можем полностью оголить весь фронт и выбросить людей, которые могут быть полезны. Тут не может быть огульного подхода» (цит. по: [15. С. 427]).

Впрочем, судьба Пинского была предрешена: в 1951 г. он был арестован по доносу и смог вернуться в Москву только в 1956 г. после нескольких лет заключения. Пребывание в лагере серьезно отразилось на внутреннем состоянии Пинского: он отказался от преподавания, сосредоточившись на научной, редакторской и переводческой работе. В письме к Бахтину, он говорил об этом так: «После пятилетнего перерыва – по причинам “от меня не зависящим” – вернулся в Москву, но не желая возобновить педагогическую деятельность, перешел на литературно-критическую работу (журнальные и вступительные статьи, комментарии и редактирование)» [14. Л. 1].

К концу 1950-х гг. литературоведом был опубликован ряд статей, посвященных особенностям европейского реализма эпохи Возрождения и XVII–XVIII столетий. Вместе с другими материалами они послужили основой монографии «Реализм эпохи Возрождения» [16]. Сам автор в письме к Бахтину указывал: «Летом этого года я сдал в Гослитиздат книгу “Реализм Возрождения” (23 п.л.) – шесть очерков, среди которых главный – “Смех Рабле”» [14. Л. 1].

На завершающем этапе подготовки книги Пинский познакомился с диссертацией Бахтина о Рабле. О ее существовании ему сообщил ленинградский шекспировед А.А. Смирнов, выступавший по просьбе издательства рецензентом монографии «Реализм эпохи Возрождения». Он, в частности, отмечал сходство в понимании Пинским смеха Рабле с точкой зрения Бахтина. Поскольку основная работа над рукописью к этому времени была завершена, Пинский, на которого баhtинский труд произвел огромное впечатление, ограничился лишь небольшой вставкой почти технического характера, в которой он, однако, смог дать восторженный отзыв о диссертации Бахтина: «В неопубликованной диссертации М.М. Бахтина “Ф. Рабле в истории реализма” концепция “карнавального” и “амбивалентного” смеха Рабле, отличного от

сатиры, юмора и забавно-комического <...> обоснована <...> связью Рабле с неофициальной линией народного искусства Средних веков, с традицией “готического реализма”. Рукопись этого высокоталантливого исследования исключительного интереса (с которой я познакомился, когда настоящая книга уже была в наборе) находится в архиве Института мировой литературы им. Горького» [16. С. 203].

Еще более решительно о значительности сделанных Бахтиным открытий Пинский высказался непосредственно в письме ученому: «...я разыскал Вашу работу в архиве института им. Горького и прочитал ее в октябре <...> Она меня поразила. Я повторю то, что уже сказал некоторым моим друзьям (Д.Д. Обломиевскому, Е.М. Евниной, Е.М. Мелетинскому и др.): за последние двадцать лет я ничего не читал столь значительного по теории и истории литературы. Это действительно работа, “составляющая эпоху”» [14. Л. 1 об.].

С момента знакомства с рукописью Бахтина Пинский становится ее активным пропагандистом и чуть ли не первым высказывает мысль о том, что в том или ином виде этот труд следует опубликовать. По свидетельству Кожинова, Пинский сыграл определенную роль в продвижении рукописи о Рабле в издательстве «Художественная литература» и оказал Бахтину немалую помощь в процессе доработки книги [17. С. 545–567].

Трудно сказать, насколько первое знакомство Пинского с диссертацией Бахтина действительно изменило его восприятие европейского Возрождения и творчества отдельных писателей. Однако очевидно, что тексты Пинского, появившиеся в 1960-е гг., несут на себе отпечаток бахтинского влияния. Не случайно в рецензии на монографию Бахтина о Рабле Пинский отмечал: «Это исследовательская монография, в которой автор избегает шаблонов и проторенных дорожек и опровергает многие традиционные представления. Но бесспорное и спорное, привычное и необычное <...> составляют стройное целое. Огромная аргументация, множество фольклорных и литературных материалов заставляют каждого непредубежденного читателя считаться с развивающейся концепцией, которой нельзя отказаться в правах научной теории. Потребуется еще ряд исследований, исходящих из этой основополагающей работы, для того чтобы все в ней стало общепризнанным» [18. С. 205].

Бахтин также очень высоко оценивает первые статьи Пинского, опубликованные на страницах журнала «Вопросы литературы». Для него принципиален именно тот подход, который реализован в статье «О комическом у Рабле» [19]. В ответном письме Пинскому в ноябре 1960 г. он замечает: «О Вас я уже давно и много слышал и с огромным интересом читал три Ваших работы: (о Шекспире, Сервантесе и Рабле), опубликованные в “Вопросах литературы”. Я знаю также Вашу статью и комментарии к Эразму. Больше всего поразила меня, конечно, статья о Рабле, и я с нетерпением буду ожидать выхода книги, о которой Вы пишете. Даже в Вашей краткой статье я нашел много нового и в высшей степени для меня интересного...» [20. С. 57].

В этом контексте особое значение приобретают бахтинские маргиналии. Это не только безусловные маркеры внимания и интереса Бахтина-читателя к тем или иным мыслям и наблюдениям Пинского, но и своего рода бахтинские реплики в большом интеллектуальном диалоге, находящие продолжение непосредственно в бахтинском тексте в виде цитат, отсылок и аллюзий, а также полемических возражений.

Как справедливо отмечает М.Г. Уртминцева, «анализ маргиналий способствует расширению исследовательского горизонта, т.к. дает дополнительный материал для характеристики особенностей восприятия писателем мира чужих идей, которые в той или иной степени получают выражение в созданных им произведениях» [21. С. 101]. Несмотря на то, что замечание литературоведа относится к пометам раннего М. Горького, высказанное наблюдение справедливо и по отношению к пометам любого автора – идет ли речь о писателе, литературоведе или историке культуры. Действительно, анализ бахтинских помет позволяет проследить, какие трансформации в новом тексте Бахтина претерпевает «чужое слово», во что превращаются «маргинализированные» фрагменты и какой завершающий вид приобретает диалог, складывающийся подобным образом.

Можно предположить, что первоначально интерес Бахтина к текстам Пинского возникает в общем контексте его интереса к новому литературоведческому журналу. «Вопросы литературы» привлекли внимание ученого с момента их появления. По крайней мере, подписчиком журнала он стал с его первого номера, получая экземпляры по сарanskим адресам: улица Советская, 34-21 (до № 7 1959 г.) и затем – улица Советская, 31–30 [11. С. 113]. В личной библиотеке Бахтина сохранились комплекты «Вопросов литературы» за 1957–1974 гг. Журналы составили часть бахтинской библиотеки, и в настоящий момент хранятся в Национальной библиотеке им. А.С. Пушкина Республики Мордовия.

Первой публикацией Пинского в журнале «Вопросы литературы» стала статья «Трагическое у Шекспира» [22]. Свою цель автор видел в том, чтобы «установить объективные основания» трагедий Шекспира [22. С. 139]. Соответственно, автора интересует не специфика конкретных трагедий, а эстетика и поэтика трагического начала, то что сам он формулирует как постановку вопроса «не об отдельных ветвях и стволе, но о корне и почве дерева» [22. С. 139]. Эта установка Пинскогоозвучна тому взгляду Бахтина на Шекспира, который возникает ученого в «Дополнениях и изменениях к “Рабле”» [1. Т. 5. С. 80–129], где он, в частности, замечает: «Шекспир космичен, пределен и топографичен; поэтому его образы – топографичные по природе своей – способны развить такую необычайную силу и жизненность в топографическом и сплошь проакцентуированном пространстве сцены» [1. Т. 5. С. 87].

Статья Пинского «Трагическое у Шекспира» важна не только как первая публикация литературоведа в этом журнале. В ней автор предлагает радикальный пересмотр феномена шекспировской трагедии и в контексте того,

что традиционно именуется кризисом гуманизма, и в целом – на фоне большой истории европейской словесности. Очевидно, что Бахтину не могла не показаться интересной та схема, в которую Пинский встраивает шекспировскую трагедию. В ее основе – отношения между эпосом и романом, из древности и средневековья переходящие к буржуазному XVIII в., а затем и XIX в. ренессансная трагедия оказывается в своеобразном историческом промежутке, будучи представлена Шекспиром и его современниками, а затем и творчеством испанских драматургов. Оригинальность этой трагедии особенно заметна на фоне «искусственности» французского классицизма, впрочем, продолжающего эту линию. Пинский критически относится к достижениям современного буржуазного литературоведения, начиная с Гундольфа, однако и советское шекспироведение, по его мнению, не во всем соответствует запросам времени, оставаясь на социологических позициях 1930-х гг. В статье подчеркивается необходимость нового взгляда на трагическое у Шекспира, что и предлагает Пинский, а Бахтин обращает на него особое внимание. Так, уже в самом начале статьи он на полях отмечает одной чертой фразу, отражающую сущностный смысл целеустановки Пинского: «Ни идеальное богатство наследия Шекспира, ни даже его художественный метод в собственном смысле слова здесь не имеется в виду» [22. С. 139]. И уже двумя линиями отчеркивает ее продолжение: «но скорее сознательная или бессознательная историческая правда трагического, гарантирующая ему естественность в развитии героической коллизии, без которой нет трагедии. Именно этот *реализм* трагического и был, как известно, предметом удивления и зависти для драматургов последующих веков» [22. С. 139].

Бахтин отмечает двумя чертами и критику Гундольфа, и взгляд «советского исследователя и режиссера», соглашаясь с общей оценкой советского шекспироведения, отчеркнув эти абзацы одной линий [22. С. 141]. Тремя отчеркиваниями отмечена вытекающая из этого анализа мысль Пинского о кризисе ренессансного гуманизма и его влияния на само понимание трагического у Шекспира.

Не менее важны для Бахтина и конкретные наблюдения литературоведа. Его особое внимание привлекают размышления Пинского об отличии героя трагедии от героя средневекового эпоса, яркая мысль автора о «пружиных сюжетах» и весь европейский историко-литературный контекст, из которого, собственно, и вырастает шекспировская трагедия, сопоставление сюжетных коллизий эпоса и трагедии. На этом фоне очевиден интерес к интерпретациям Пинским шекспировского Гамлета: эти фрагменты Бахтин последовательно отмечает двумя и тремя отчеркиваниями [22. С. 142–152].

Примечательно, что не вся статья прорабатывается Бахтиным так тщательно: характеристики других персонажей Шекспира, постшекспировское развитие сюжета фактически остаются без помет Бахтина. Как можно предположить, эта сторона шекспировского творчества, вопросы драматургической техники и эволюции жанра трагедии не представляют для него особого интереса.

Напротив, статью «О комическом у Рабле» [19] Бахтин прорабатывает до самого конца. Можно с уверенностью утверждать, что эта статья Пинского воспринимается Бахтиным какозвучная его собственным мыслям и наблюдениям. Иногда он отчеркивает развернутые пассажи, касающиеся источников комического, раблезианского гротеска, посвященные анализу жизнерадостной природы романых образов. Иногда его внимание привлекает только вывод литературоведа. Так, оставив без помет проделанный Пинским анализ раблезистики, в котором, как можно предположить, для Бахтина не было ничего нового, он отчеркивает двумя жирными линиями вывод автора: «Эволюция оценок Рабле в веках показывает, что плодотворным всегда оказывалось только то понимание великого гуманиста, когда комическое начало не отделяется от свободительных и прогрессивных идей “Гаргантюа и Пантагрюэля”. Во все века Рабле оставался для читателя прежде всего гением комического. Развеять “туман, напущенный Февром”, может только смех самого Рабле – единственный “ключ” к его мудрости. Необходимо изучить прежде всего источники этого смеха – историческую почву комического у Рабле и его гуманистическое представление о человеческой природе. Затем – назначение комического, роль, которую играет смех у автора для познания жизни и человеческого счастья» [19. С. 174].

Особое внимание Бахтина привлекает завершающая статью часть «Цель смеха. Смех и мудрость» [19. С. 189–195]. Фактически каждая мысль Пинского отмечена двумя и тремя отчеркиваниями. Дополнительной горизонтальной линией выделено начало развернутого пассажа о «чисто комическом» смехе Рабле. Тремя линиями Бахтин отмечает близкие ему выводы Пинского о природе смеха Рабле: «В отличие от сложных и переходных видов смех Рабле можно назвать “чисто комическим”. Смех как синоним “радости”, внутренне родственный сельскому комосу (“тулящая компания”) древней Аттики, из которого, как известно, постепенно возникла комедия Аристофана. Это прежде всего смех человека, которому весело, – самое элементарное, общечеловеческое, народное чувство комического <...> Да и в целом комическое у Рабле, главный источник которого <...> движение времени, внутренне родствен духу карнавала, празднеств, связанных с переходом от зимы к весне, от старого года к новому» [19. С. 192].

Не остается без помет Бахтина и сравнительно небольшая статья Пинского «Сюжет “Дон Кихота” и новый европейский роман» [23]. Близость Бахтина взгляда Пинского на роман Сервантеса можно усмотреть в том, что весь текст сопровождается одинарным отчеркиванием. Более всего Бахтина интересует предложенная в статье формула движения романа, вырастающая из дилеммы «сюжет-фабула» и «сюжет-ситуация», результатом которого становится появление новых романых разновидностей: «“Дон Кихот” Сервантеса возвещает художественный метод Нового времени. “Воспитательный роман”, “роман карьеры”, “роман о художнике”, “роман о лишенном человеке” и т.д. также строятся на особой в каждом произведении фабуле, с особыми героями, развивая некий общий сюжет-ситуацию» [23. С. 172].

Нельзя не заметить, насколько размышления Пинского созвучны той типологии романа, которая была предложена Бахтиным еще в 1930-е гг. [1. Т. 3. С. 181–339].

Ощущает Бахтин и единство замысла, объединяющего статьи Пинского в журнале «Вопросы литературы»: если в очерке о Рабле он фиксирует появление Сервантеса [19. С. 188], то в статье о «Дон Кихоте» для него важен возникающий на фоне Сервантеса Шекспир [23. С. 172].

Статья «Испанский плутовской роман и барокко» [24] публикуется в журнале уже после выхода «Реализма эпохи Возрождения»¹. Фактически продолжая то, о чем Пинский писал в своей монографии, статья обозначила дальнейшие тенденции в развитии европейского романа в постсерванцевскую эпоху, т.е. по сути Пинский приближается к выводам, сделанным Бахтиным в его работах 1930-х гг. по истории европейского романа, в частности в «Формах времени и хронотопа в романе» [1. Т. 3. С. 341–511].

Исходя из количества и качества бахтинских помет, можно сказать, что эту статью ученый читает с наибольшим вниманием, о чем свидетельствует число страниц, где встречается по три или четыре отчеркивания на полях. Прежде всего внимание Бахтина привлекают размышления автора о характере смеха в испанском плутовском романе и его отличие от смеха ренессансного. Он выделяет тремя и четырьмя чертами следующий фрагмент: «Субъективный источник комического у Алемана – не избыток жизненных сил, не их игра, как в “абсолютном смехе” Ренессанса, а недостаток сил, бессилие перед жизнью <...> Это относительный смех: автору, его герою, да и читателю не совсем смешно, потому что они участвуют не в “карнавальной игре бога” <...> а скорее в дьявольских игрищах Фортуны, богини собственнического мира» [24. С. 149].

Привлекает внимание Бахтина и явная аллюзия Пинского к размышлениям о сказе в «Проблемах творчества Достоевского»: «Одна из основных форм комического в “Гусмане” – это слово, рассчитанное как бы не на глаз, а на сказ. Рассказчик спорит с читателем, обращается с ним коротко на “ты”, огрызается, рекомендует набраться терпения, насмехается над читательницей <...> В тоне сказа непосредственно передан тонус жизни – сочетание раздражения и смирения, страха и надежды, иллюзий и глумления» [24. С. 150].

Закономерно, что Бахтин отчеркивает тремя чертами выводы о судьбах испанской пикарески и ее роли в развитии европейского романа: «Истоки нового европейского романа восходят к классической испанской литературе в большей мере, чем к какой-либо иной, – к роману Сервантеса и его современников, начиная с автора “Гусмана де Альфараче”» [24. С. 152].

Еще более примечательно то, как идеи Пинского, его интерпретация тех или иных аспектов европейского Возрождения возникают на страницах бахтинской монографии о Рабле, где «Реализму эпохи Возрождения» уделено

¹ На выход книги Пинского «Вопросы литературы» отклинулись небольшой рецензией Кожинова, несколько фрагментов которой также были отмечены Бахтиным (подробнее см.: [25]).

немало внимания. В ходе анализа достижений европейской и отечественной раблезистики Бахтин специально останавливается на том, что сделано Пинским, определяя его работы как «самое значительное событие в нашей раблезистике» [1. Т. 4 (II). С. 156].

Развернутое представление книги Пинского в монографии «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» позволяет утверждать, что фраза Бахтина о внимательном чтении «Реализма эпохи Возрождения»¹ не была данью вежливости. Хотя он анализирует исключительно одну главу – «Смех Рабле» – проведенный разбор с максимальным количеством цитат дает основание говорить, что Бахтин не просто перечитывал Пинского, но настойчиво обозначал созвучие идей автора своим собственным, особенно в понимании раблезианского смеха: «В отличие от большинства раблезистов, Л.Е. Пинский считает смех основным организующим началом романа Рабле, не внешней, а внутренней формой самого раблезианского видения и понимания мира. Он не отделяет смех ни от мироощущения Рабле, ни от идейного содержания его романа. Под этим углом зрения Л.Е. Пинский дает критический очерк понимания и оценок Рабле в вехах» [1. Т. 4 (II). С. 152].

Текст Пинского цитировался по «Реализму эпохи Возрождения», хотя Бахтин указал и место первой публикации очерка – журнал «Вопросы литературы» [1. Т. 4 (II). С. 153]. Отметим, что подавляющее большинство приведенных в монографии цитат уже было выделено Бахтиным в журнальном варианте очерка Пинского. При этом необходимо учитывать, что для публикации в книге очерк о Рабле был серьезно доработан автором.

Таким образом, можно сказать, что читательский диалог Бахтина с Пинским выводится на новый уровень – слово единомышленника становится органичным элементом бахтинской аргументации.

Диалог Бахтина и Пинского продолжается и после выхода монографии о Рабле. Нам уже приходилось говорить о роли Пинского в появлении рецензий на книгу Бахтина в «Вопросах литературы», о его активной деятельности по представлению открытых ученого широкому кругу научной общественности, о фактическом введении бахтинской концепции комического в официальный литературоведческий дискурс (подробнее см.: [25]).

Бахтин также выступает рецензентом Пинского. В 1967 г. по просьбе издательства «Советская энциклопедия» он пишет отзыв о статье Пинского «Рабле» для «Краткой литературной энциклопедии» (подробнее см.: [25]), в 1970 г. он рецензирует рукопись книги «Шекспир: Основные начала драмы».

¹ В особом комментарии нуждается история бахтинского экземпляра «Реализма эпохи Возрождения», который был подарен ему Пинским, о чем свидетельствует письмо Бахтина от 21 февраля 1963 г.: «Но, хотя я и не писал Вам – все это время я общался с Вами самым существенным образом: читал и перечитывал Вашу замечательную книгу» [20. С. 58]. К сожалению, последующая судьба книги неизвестна. По крайней мере, среди изданий, переданных в Саранск, она отсутствует.

тургии» [1. Т. 6. С. 440–450]. При этом тактичность Бахтина-рецензента сочетается с принципиальностью. Не случайно замечания, которые высказывает Бахтин, принимаются Пинским с огромным уважением и вниманием: в письме к режиссеру Г.М. Козинцеву, говоря о пожелании Бахтина по поводу его книги о Шекспире, отмечает: «Бахтин, также высоко о ней отзавшися, но выдвинувший (в крайне тактичной форме) одно принципиальное возражение против “слишком исторического” обоснования <моего> траг<ического> начала у Ш<експира> (всесильно относящегося лишь к моей старой статье “Траг<ическое> начало”), возражение, окончательно убедившее меня не включать эту статью (в прежнем – слишком схематизированном – виде) в книгу» [26. С. 54–55].

Таким образом, диалог Бахтина и Пинского по проблемам литературы европейского Возрождения, о творчестве Рабле и Шекспира на протяжении 1960-х – начала 1970-х гг. обретает разные формы – от переписки и реального общения до внутреннего читательского диалога, когда разговор с автором, согласие или спор с ним выражаются в форме маргиналий, продолжаются творческим переложением идей «собеседника» или же их цитированием в собственном тексте. Можно констатировать, что в основе диалога ученых лежит тот принцип «диалогического чтения», о котором Бахтин писал в работе «Проблема текста» [1. Т. 5. С. 306–326]. В случае Пинского архив и личная библиотека Бахтина предоставляют материал для реконструкции всех форм этого диалога и позволяют говорить о том, что научное и человеческое общение Бахтина и Пинского превращалось в большой диалог в большом времени, важный для обоих участников. Не случайно Пинский в письме к Козинцеву признавался: «Кроме М.М. Бахтина, нет человека, мнением которого я так бы дорожил» [26. С. 58]. Для Бахтина научная позиция Пинского, его видение литературы европейского Возрождения и творчества отдельных авторов (прежде всего Рабле и Шекспира) становилась не только важным подтверждением верности собственной научной позиции, но и свидетельством востребованности его творческих поисков лучшими представителями советской литературной науки.

Список источников

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. М. : Русские словари: Языки славянских культур, 1996–2012.
2. Hirschkop K. The Cambridge Introduction to Mikhail Bakhtin. Cambridge : Cambridge University Press, 2021. XVI, 250 р.
3. Understanding Bakhtin, Understanding Modernism / ed. Philippe Birgy. Bloomsbury Publishing, 2024. XVI, 310 р.
4. Осовский О.Е., Дубровская С.А. Бахтин, Россия и мир: рецепция идей и трудов ученого в исследованиях 1996–2020 годов // Научный диалог. 2021. № 7. С. 227–262.
5. Осовский О., Киржаева В. «Умение познать и умение выразить себя»: размышления над книгой о диалогических методах в современной гуманитаристике // Вопросы философии. 2022. № 11. С. 24–33.
6. Дубровская С.А., Осовский О.Е. О цитатах из Герцена в исследовании М.М. Бахтина о Рабле // Русская литература. 2020. № 3. С. 252–255.

7. Popova I.L. «Citons ici la dernière monographie fondamentale concernant Rabelais...» // Revue des études slaves. XCII–2. 2021. P. 325–336. URL: <https://journals.openedition.org/res/4509> (дата обращения: 02.05.2024).
8. Осовский О.Е. «Из советских работ большую ценность имеет книга О. Фрейденберг»: бахтинские маргиналии на страницах «Поэтики сюжета и жанра» // Бахтинский сборник. Вып. 4 / под ред. В.Л. Махлина. Саранск, 2000. С. 128–134.
9. Коростелев О.А., Кузнецова Е.В. Поэтические принципы Ивана Бунина и Александра Блока (на материале маргиналий И. Бунина на однотомнике А. Блока 1946 г.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 58. С.196–224.
10. Павлович К.К. Авторские пометы А.В. Никитенко на страницах «Фрегата “Паллада”» И.А. Гончарова (к вопросу о философии синтеза и эстетике живописания) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 491. С. 24–30.
11. Клюева И.В., Лисунова Л.М. М.М. Бахтин – мыслитель, педагог, человек. Саранск : [Б.и.], 2010. 468 с.
12. Собрание инскриптов на изданиях из личной библиотеки М.М. Бахтина / авт.-сост. И.В. Клюева, Н.Н. Земкова ; науч. ред. Н.И. Воронина. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2020. 320 с.
13. Два монолога об одном диалоге: Е.М. Лысенко и В.В. Кожинов рассказывают о М.М. Бахтине и Л.Е. Пинском // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1992. № 2. С. 108–118.
14. Пинский Л.Е. Письма и телеграммы к Бахтину М.М. 1960–1970 // РГБ. ОР. Ф. 913. Оп. 12. Ед. хр. 23. 40 л.
15. Дружинин П.А. Филологический факультет Московского университета в 1949 году: Избранные материалы // Литературный факт. 2016. № 1–2. С. 380–452.
16. Пинский Л.Е. Реализм эпохи Возрождения. М. : Гослитиздат, 1961. 367 с.
17. Паньков Н.А. Вопросы биографии и научного творчества М.М. Бахтина. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2009. 720 с.
18. Пинский Л. Рабле в новом освещении // Вопросы литературы. 1966. № 6. С. 200–206.
19. Пинский Л. О комическом у Рабле // Вопросы литературы. 1959. № 5. С. 172–195.
20. Письма М.М. Бахтина к Л.Е. Пинскому // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1994. № 2. С. 57–62.
21. Уртминцева М.Г. Становление художественного сознания раннего Горького (по маргиналиям из личной библиотеки писателя в Нижнем Новгороде) // Новый филологический вестник. 2017. № 3 (42). С. 100–108.
22. Пинский Л. Трагическое у Шекспира // Вопросы литературы. 1958 № 2. С. 139–171.
23. Пинский Л. Сюжет «Дон Кихота» и новый европейский роман // Вопросы литературы. 1960 № 4. С. 168–181.
24. Пинский Л. Испанский плутовской роман и барокко // Вопросы литературы. 1962. № 7. С. 121–152.
25. Дубровская С.А. «За последние двадцать лет я ничего не читал столь значительного...»: Л.Е. Пинский в диалоге с М.М. Бахтиным // Литературоведческий журнал. 2024. № 1(63). С. 41–64.
26. Пинский Л.Е. Почему Бог спит: Самиздатский трактат Л.Е. Пинского и его переписка с Г.М. Козинцевым / сост., подгот. текста, comment., предисл. и заключит. ст. А.Г. Козинцева. СПб. : Нестор-История, 2019. 136 с.

References

1. Bakhtin, M.M. (1996–2012) *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [Collected works: In 7 vols]. Moscow: Russkie slovarei:azyki slavianskikh kul'tur.

2. Hirschkop, K. (2021) *The Cambridge Introduction to Mikhail Bakhtin*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Birgy, P. (ed.) (2024) *Understanding Bakhtin, Understanding Modernism*. Bloomsbury Publishing.
4. Osovskii, O.E. & Dubrovskaia, S.A. (2021) Bakhtin, Rossiiia i mir: retseptsiia idei i trudov uchenogo v issledovaniakh 1996–2020 godov [Bakhtin, Russia and the world: Reception of the scholar's ideas and works in studies from 1996–2020]. *Nauchnyi dialog*. 7. pp. 227–262.
5. Osovskii, O. & Kirzhaeva, V. (2022) "Umenie poznat' i umenie vyrazit' sebia": razmyshleniya nad knigoi o dialogicheskikh metodakh v sovremennoi gumanitaristike ["The ability to know and the ability to express oneself": Reflections on a book about dialogical methods in modern humanities]. *Voprosy filosofii*. 11. pp. 24–33.
6. Dubrovskaia, S.A. & Osovskii, O.E. (2020) O tsitatakh iz Gertsena v issledovanii M.M. Bakhtina o Rable [On quotes from Herzen in Bakhtin's study of Rabelais]. *Russkaia literatura*. 3. pp. 252–255.
7. Popova, I.L. (2021) "Citons ici la dernière monographie fondamentale concernant Rabelais...". *Revue des études slaves*. XCII–2. pp. 325–336. [Online] Available from: <https://journals.openedition.org/res/4509> (Accessed: 02.05.2024).
8. Osovskii, O.E. (2000) "Iz sovetskikh rabot bol'shuiu tsennost' imet kniga O. Freidenberg": bakhtinskie marginalii na stranitsakh "Poetiki siuzheta i zhanra" ["Among Soviet works, the book by O. Freidenberg is of great value": Bakhtin's marginalia in "Poetics of Plot and Genre"]. *Bakhtinskii sbornik*. 4. pp. 128–134.
9. Korostelev, O.A. & Kuznetsova, E.V. (2019) The Poetic Principles of Ivan Bunin and Alexander Blok (On the Material of Bunin's Marginalia on Blok's One-Volume Book of 1946). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 58. pp. 196–224. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/58/12
10. Pavlovich, K.K. (2023) Aleksandr Nikitenko's marginalia on the pages of Ivan Goncharov's Frigate "Pallada" (On the philosophy of synthesis and the aesthetics of painting). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 491. pp. 24–30. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/491/3
11. Klueva, I.V. & Lisunova, L.M. (2010) *M.M. Bakhtin – myslitel', pedagog, chelovek* [M.M. Bakhtin – Thinker, teacher, person]. Saransk: [s.n.].
12. Klueva, I.V. & Zemkova, N.N. (eds) (2020) *Sobranie inskriptov na izdaniiaakh iz lichnoi biblioteki M.M. Bakhtina* [Collection of inscriptions on editions from M.M. Bakhtin's personal library]. Saransk: Mordovian State University.
13. *Dialog. Karnaval. Khronotop*. (1992) Dva monologa ob odnom dialogue: E.M. Lysenko i V.V. Kozhinov rasskazyvaiut o M.M. Bakhtine i L.E. Pinskom [Two monologues about one dialogue: E.M. Lysenko and V.V. Kozhinov talk about M.M. Bakhtin and L.E. Pinsky]. 2. pp. 108–118.
14. Russian State Library. Manuscripts Department. Fund 913. List 12. Item 23. 40 P. Pinsky, L.E. (1960–1970) *Pis'ma i telegrammy k Bakhtinu M.M.* [Letters and telegrams to M.M. Bakhtin].
15. Druzhinin, P.A. (2016) Filologicheskii fakul'tet Moskovskogo universiteta v 1949 godu: Izbrannye materialy [The philological faculty of Moscow University in 1949: Selected materials]. *Literaturnyi fakt*. 1–2. pp. 380–452.
16. Pinsky, L.E. (1961) *Realizm epokhi Vozrozhdeniya* [Realism of the Renaissance]. Moscow: Goslitizdat.
17. Pan'kov, N.A. (2009) *Voprosy biografii i nauchnogo tvorchestva M.M. Bakhtina* [Questions of M.M. Bakhtin's biography and scholarly work]. Moscow: Moscow State University.
18. Pinsky, L. (1966) Rable v novom osveshchenii [Rabelais in a new light]. *Voprosy literatury*. 6. pp. 200–206.

19. Pinsky, L. (1959) O komicheskem u Rable [On the comic in Rabelais]. *Voprosy literatury*. 5. pp. 172–195.
20. Dialog. Karnaival. Khronotop. (1994) Pis'ma M.M. Bakhtina k L.E. Pinskomu [Letters from M.M. Bakhtin to L.E. Pinsky]. 2. pp. 57–62.
21. Urtmintseva, M.G. (2017) Stanovlenie khudozhestvennogo soznaniia rannego Gor'kogo (po marginaliam iz lichnoi biblioteki pisatelia v Nizhnem Novgorode) [The formation of early Gorky's artistic consciousness (based on marginalia from the writer's personal library in Nizhny Novgorod)]. *Novyi filologicheskii vestnik*. 3 (42). pp. 100–108.
22. Pinsky, L. (1958) Tragicheskoe u Shekspira [The tragic in Shakespeare]. *Voprosy literatury*. 2. pp. 139–171.
23. Pinsky, L. (1960) Siuzhet "Don Kikhota" i novyi evropeiskii roman [The plot of "Don Quixote" and the new European novel]. *Voprosy literatury*. 4. pp. 168–181.
24. Pinsky, L. (1962) Ispanskii plutovskoi roman i barokko [The Spanish picaresque novel and the Baroque]. *Voprosy literatury*. 7. pp. 121–152.
25. Dubrovskaya, S.A. (2024) "Za poslednie dvadtsat' let ia nichego ne chital stol' znachitel'nogo...": L.E. Pinskii v dialoge s M.M. Bakhtinym ["In the last twenty years, I have read nothing so significant...": L.E. Pinsky in dialogue with M.M. Bakhtin]. *Literaturovedcheskii zhurnal*. 1 (63). pp. 41–64.
26. Pinsky, L.E. (2019) *Pochemu Bog spit: Samizdatskii traktat L.E. Pinskogo i ego perepiska s G.M. Kozintsevym* [Why God sleeps: L.E. Pinsky's samizdat treatise and his correspondence with G.M. Kozintsev]. St. Petersburg: Nestor-Istoriia.

Информация об авторе:

Дубровская С.А. – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка как иностранного Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). E-mail: s.dubrovskaya@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.A. Dubrovskaya, Dr. Sci. (Philology), professor, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation). E-mail: s.dubrovskaya@bk.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.05.2024;
одобрена после рецензирования 17.05.2024; принята к публикации 26.03.2025.

*The article was submitted 04.05.2024;
approved after reviewing 17.05.2024; accepted for publication 26.03.2025.*

Original article

UDC 821.11

doi: 10.17223/19986645/94/12

Artistic response to ecological problems in contemporary English-language ecopoetry

Evgeniia V. Zimina¹, Mariana S. Sargsyan²

¹ Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation, ezimina@rambler.ru

² Yerevan State University, Yerevan, Republic of Armenia, marianasargsyan@ysu.am

Abstract. The paper summarizes the results of analysing contemporary British and American ecological poetry. The research aims to compare the approaches to composing British and American poetic texts focused on ecology. The results proved our hypothesis only in part. The new increasing number of ecological poems does not mean the shift towards ecoactivism. American poets tend to be more ecoactive, whereas British poets take an ecocritical stance. The major theme of the British poems under study is the lament of the gone English landscapes while American poems call for action. At the same time there is a visible growth in the number of English-language poems written by poets from countries that do not have a long tradition of environment protection.

Keywords: ecopoetry, criticism, British, American, sentimentalism, ecodiscourse, political agenda

For citation: Zimina, E.V. & Sargsyan, M.S. (2025) Artistic response to ecological problems in contemporary English-language ecopoetry. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 94. pp. 243–256. doi: 10.17223/19986645/94/12

1. Theoretical background

During the last decades, nature poetry has undergone significant changes. Scenes of natural beauty and vivid imagery capturing the surrounding world have been widely used in poetry over centuries to appeal to readers and make them observe, penetrate and ponder upon the beauty and the mystery of nature. However, the growing concerns about climate change, global warming, ecological disasters and man-made damage resulted in a shift to a more critical stance toward man-nature relationships. The increasing interest in ecological problems urges new solutions for maintaining ecologically sustainable human existence. The impending threats to nature led literary circles to develop a new approach that would precisely address the environmental changes and challenges facing the world and would urge more proactive measures. The new ecocritical approach emerged as a literary response to study how individuals in society behave and react in relation to nature.

There are several studies which tend to consider that ecocriticism emerged as a literary trend in the 1980s in the USA and later, in the 90s in the UK and Europe.

In the mid-1980s, scholars began to work collectively to establish ecocriticism as a genre, primarily through the work of the Association for the Study of Literature and Environment at the Western Literary Association [1]. William Rueckert is believed to be the first to use the term "ecocriticism" in his essay entitled "Literature and Ecology: An Experiment in Ecocriticism" [2], where the focus is to explore how ecology and ecological concepts can be employed in the study of literature [3]. Ecocriticism is also associated with the idea called "literary ecology" (Meeker 1972, cited in [1]) and was later coined as "ecocriticism" [1].

In the seminal work "The Eco-criticism Reader" [4], it is suggested that "ecocriticism is the study of the relationship between literature and the physical environment." [4. P. xviii]. As noted by Cheryll Glotfelty, "Environmental critics explore how nature and the natural world are imagined through literary texts." [4. P. xviii].

It is essential to highlight that in contemporary ecocritical writing, nature is not the mere focus; moreover, ecocritics are not interested in the study of nature representation. The topics in American ecopoetry are diverse [4. P. xxiii], including wilderness, animals, rivers, mountains, deserts, natives, garbage, alienation from nature, human dominance in nature, disasters, human behavior, man-made challenges, restoration and other problems. Contemporary poetry is focused on transmitting values having profound ecological implications and aims to contribute to the raising of people's consciousness. The underlying argument of the ecocritical approach, as noted by Glotfelty, is that this kind of poetry takes the premise that human culture is connected to the physical world; it affects the world and is affected by it.

Ecocriticism is a broad approach involving "green (cultural) studies", "ecopoetics", and "environmental literary criticism". Ecoliterature is also viewed as a form of ecoactivism, since very often poets are actively engaged in environmental movements. Due to this form of engagement, a new context is created in poetry which forces readers to move from the traditional role of an observer or a passive onlooker, at the same time guides readers to explore the surrounding world and questions men's behaviour in the treatment of nature. Let us note that there are even broader interpretations of ecocriticism suggesting that the approach aims at investigating the global ecological crisis through the intersections of literature, culture, and the physical environment.

As a comparatively new trend in literature, ecocriticism is developing and expanding its research framework. One of the recent branches is the so-called "deep ecology". The term was coined by Arne Naess, a Norwegian philosopher, which emphasizes the basic interconnectedness of all life forms and natural features, in this opposing anthropocentrism to ecocentrism (biocentrism). The main argument that deep ecologists are pushing forward is that nature has an inherent value irrespective of its usefulness to humans [5].

As far as the term "ecopoetry" is concerned, it was coined relatively recently. It is difficult to say who coined it, but *Wordsense*, an online dictionary, defines ecopoetry as poetry with a strong ecological message or emphasis and quotes sources in which the term was used [6].

The earliest mention dates back to 2000. It is a quotation from the book by Jonathan Bate, *The Song of the Earth* [7]. Bate analyses the way nature is represented in English literature as well as studies the relationship between man and nature as shown in English literary texts. Bate, however, indicates that "ecopoetry" is not synonymous with writing that is pragmatically green: "A manifesto for ecological correctness will not be poetic because its language is bound to be instrumental..." Bate insists that "ecopoetry" should "present the experience of dwelling". In this way, Bate takes the traditional stance of English sentimentalism on a man's relationship with nature.

However, later works in the area define "ecopoetry" from a different point of view. In the preface to "*The Ecopoetry Anthology*" [8], the authors attempt to combine all the possible definitions of "ecopoetry" and divide it into three categories: nature poems that consider nature as subject matter and inspiration; environmental poetry directly engaged with active and politicized environmentalism; and, finally, ecological poetry that investigates the relationship between nature and culture, language and perception.

John Shoptaw in his paper "Why Ecopoetry?" argues that an ecopoem needs to be environmental and it needs to be environmentalist [9]. Timothy Clark in "*The Value of Ecocriticism*" argues that ecopoetry involves a protest stance [10].

Ecocriticism focuses on an analysis of the ecological component of literary works. Poets, using language and images, try to convey their perception of nature and urge the reader to penetrate the deeper meaning of its beauty. They explore the relationship between man and nature through metaphors, symbols, or simply describing natural phenomena. Ecocritics draw attention to the human impact on the environment and call for a change in our relationship with it.

However, it is not always analysis and verbal descriptions that can make the reader act. This is where eco-activism in poetry comes in – a voice that celebrates the environment and demands action in its defence. Poets seek to inspire profound change through their work, evoking emotions and awakening their conscience. They become the voice of nature, the voice of the relentless activist who stands for balance in the ecosystem.

In contemporary literature, the interaction of ecocriticism and eco-activism in poetry results in a unique blend of aesthetic and emotional experiences. The poets skillfully use the element of words and elegance of form to convey the importance of the issue and our ability to make a difference. They act not only as artists but also as environmentalists.

The art of poetry makes the reader realize that nature is an important part of our existence and that preserving the environment is a global responsibility for each and every one.

Thus, ecocriticism and eco-activism in poetry play an essential role in contemporary literature, inspiring people to take actions and reminding them to care for nature. Poets become voices that carry important messages about our existence in a world where every step counts.

Further, we will attempt to analyse some poems selected because of their blend of ecocritical and ecoactivist approaches.

Sometimes definitions include elements that feature both ecocritical and ecoactivist approaches. Thus, the online resource *dVerse* repeats the definition given in the Wordsense dictionary but adds that ecopoetry explores nature and its relationship with humans, with ecopoets treating nature as a separate and equal other. Ecopoetry is also about the desire to create change – it is urgent, it aims to unsettle. It has a desire to issue a "warning" of some kind [11]. Probably, this definition suits the purpose of our paper best, because we intend to analyse not simply poems about nature, but poems that contain unsettling, alarming images of nature when it is influenced by people.

It is also significant to refer to the marked difference in the matters that American ecocriticism is concerned with in contrast to British ecopoetry. One of the typical features of American ecocriticism is its spiritual orientation. In addition, researchers mention that it is more concerned with wilderness in nature rather than natural history or native environment, while British ecocriticism is primarily concerned with the native elements of the environment, landscape, and pastoral elements, equally touching upon urban and rural nature. Lawrence Buell contends that European ecocriticism, including the British, deals with pastoral modes and "the physical and social realities of landscape and their representation in literature" [12. P. 15]. Another significant feature is the connection between culture and environment which is prominent in American ecocriticism. According to Jonathan Bate, both are held together in a "complex and delicate web" [7. P. 23]. Yet, another difference is that American poets are more inclined to associate nature with national identity more strongly than the British do.

2. Ecology as a sentimental issue

The Age of Reason and, later, the Industrial Revolution, changed attitudes to nature in two ways and split the society roughly into two parts. While industrialists believed that natural resources should be used to the maximum, other people, including Romantic poets, opposed industrialization. One of the reasons was the damage inflicted on peaceful, eye-pleasing landscapes by new mechanical inventions. It was by no means the only reason; however, poets of the time focused on this aspect of industrialization more often than on unemployment or lower wages.

The first half of the 19th century saw the introduction of factories, railways and other inventions, which did not pass unnoticed by poets and other artistically minded people, some of whom praised the new developments. A renowned Victorian Romantic artist Joseph Turner created a visual hymn to industrialization with his *Rain, Steam and Speed – The Great Western Railway*. Very few artists saw mechanisms as artistic objects, and very few understood the potential of such inventions as the steam engine. The general attitude of Romantic poets was explicitly negative. One notable example is *On the Projected Kendal and Windermere Railway* by William Wordsworth [13]. The poem was written at approximately the same time when Turner painted his masterpiece. Wordsworth was neither an ecologist nor an environmentalist in the contemporary

understanding of the words, that is why he views the railway as an eyesore and a potential threat to the quietness of rural life rather than a threat to the environment. The railway, in his opinion, will ruin that part of the world that remains pure amid the busy life. The words *blight, assault, and ruthless change* demonstrate an extremely negative attitude to "a false utilitarian lure". It is worth mentioning that the poet calls for protests, but at the same time admits that if people fail to do so, nature itself should protest with winds and torrents:

(...) and, if the human hearts be dead,
Speak, passing winds; ye torrents, with your strong
And constant voice, protest against the wrong.

The poet, therefore, believes that technological progress is unnecessary; the poet's point of view is understandable in 19th-century agrarian England – still mostly agrarian, but extremely rapidly turning into industrial. Peter Ackroyd [14. P. 103] states that by the middle of the 19th century, the share of the population engaged in industrial production exceeded the share of farmers. In the 1830s, England was the sole exporter of steam engines in the world. At the same time, Ackroyd claims that as late as the 1840s many inventions were still considered miracles, i.e. many people did not believe in the systemic changes going on.

Wordsworth was, probably, among the first poets whose poems started the tendency in later literary works: either praise the technological progress or praise the good old days of the English countryside, associated with quiet, peace, and natural beauty. Even when Romanticism went out of fashion, the tendency survived, and those writers and poets who wrote much later than Wordsworth can be roughly divided into opponents and supporters of technology. This tendency was observed not only in poetry but also in prose. Tolkien's orcs were characterized by their love for mechanisms; the first sight Frodo sees upon his return to Hobbit Shire is an ugly factory emitting smoke and soot. However, we may safely say that Tolkien was driven by emotion.

Emily Lawless, an Irish poet, in her poems, addressed the place of people in the universe. As a post-Darwinist poet, she uses the language of science to speak of this issue, which, according to Hansson [15. P. 7] makes her extremely different from those poets who regret the loss of beautiful landscapes.

Darwinism enabled people to understand the position of men in the natural world and to realize the interconnections of biological species and phenomena. Although this understanding was a considerable step towards eco-consciousness, it disregarded a powerful driving force that made people act in eco-unfriendly ways: profit-making. Wordsworth spoke about the utilitarian nature of the projected railway, but the financial aspect was not mentioned.

The economy vs. ecology dichotomy is clearly seen in *Going, Going*, a poem by Philip Larkin [16]. Larkin also regrets the loss of the beautiful countryside, sounding almost like Wordsworth.

... And that will be England gone,
The shadows, the meadows, the lanes,

*The guildhalls, the carved choirs.
There'll be books; it will linger on
In galleries; but all that remains
For us will be concrete and tyres.*

However, ironically, he does not deny the necessity of modern technologies: speaking about urban life he says *We can always escape in a car*.

The poet explains the unreasonable behaviour (chuck filth in the sea) by consumerism and greed of the younger generation.

*...The crowd
Is young in the M1 cafe;
Their kids are screaming for more—
More houses, more parking allowed,
More caravan sites, more pay.
On the Business Page, a score*

*Of spectacled grins approve
Some takeover bid that entails
Five per cent profit (and ten
Per cent more in the estuaries): move
Your works to the unspoilt dales
(Grey area grants)!*

Making a profit has become the meaning of life, and in this, the poet sees the end of traditional England. The poem is both pessimistic and escapist – the poet is certain that the end is inevitable, and hopes that he will not live to see it happen.

Philip Larkin was not the only poet who, after World War II, started to resort to ecoactivist ideas rather than ecocritical. In the mid-80s Ted Hughes not only wrote about environmentalist issues, but took an active part in a campaign to clean the River Torridge [17]. Although researchers call Hughes both an ecocritical poet and a green activist, his activism is mixed with a mystical perception of nature, e.g. in *To Paint a Water Lily* and *Hawk Roosting*.

3. Shift from Wordsworthianism: Materializing environmental crisis in contemporary ecopoetry

Jay Parini, American poet and critic, explains in his introduction to *Poems for a Small Planet: Contemporary American Nature Poetry*, "Nature is no longer the rustic retreat of the Wordsworthian poet... [it] is now a pressing political question, a question of survival." [18. P. 7].

Distinct from nature poetry, ecologically oriented poetry explores the complex connections between people and nature, often written by poets who are concerned about our impact on the natural world. Poets today are witnesses to climate change while bringing attention to important environmental issues. Despite the fact that eco-poetry is concerned with the connection of man and nature, what makes this type of poetry different from nature poetry, as John Shoptaw [9] argues, the

former is "ecocentric rather than anthropocentric", which means that human domination of nature is no longer a prevalent perspective in the study of man-nature relationships.

This argument can be observed in Parini's *Some Effects of Global Warming in Lackawanna County* poem [19].

*The maples sweat now, out of season.
Buds pop eyes in wintry bushes
as the birds arrive, not having checked
the calendars or clocks. They scramble
in the frost for seeds, while underground
a sobbing starts in roots and tubers.
Ice cracks easily along the bank.
It slides in gullies where a bear, still groggy,
steps through coiled wire of the weeds.
Kids in T-shirts run to school, unaware
that summer is a long way off.*

The poem captures the implications of climate change by emphasizing that climate change has affected everyone and everything. In the poem, all the seasons have gone out of order which resulted in unusual changes easily observable just outside the classroom window. The poem is built on personification, which helps bring to the fore the connection between nature and human beings – birds who did not check their clocks or calendars are looking for seeds in the frost, roots and tubers sob, as a groggy bear wakes up too early from his hibernation. The personification emphasizes that the effects of the global warming are equally negative for the wildlife and humans:

*As for me, my heart leaps high—
a deer escaping from the crosshairs,
skipping over barely frozen water
as the surface bends and splinters underfoot.*

The metaphoric image (*comparison of a heart to a deer, that tries to escape the strange weather by skipping on barely frozen water, that threatens to break*) shows how vulnerable men are in the situation.

As mentioned earlier, one of the marked features of contemporary eco-poetry is that many of the poets are environmental activists who have first-hand knowledge of environmental issues and whose responses to problems are reflected in their poetry in real-time. This aspect makes the poetic discourse true to fact, as readers are not provided with imaginary problems but real ones happening in the present. Through the language of the poetry, readers are provided with a true picture of reality. The tone of voice in ecopoetry is that of calling for a change in the attitude toward nature.

Linda Hogan is among those American-Indian poets who write extensively about the environment and its impact on the American-Indian community. She is also an environmental activist whose views and works, including poetry, have

contributed to shaping the discourse on environmental issues and the immanent dangers of continuing degradation.

In her *Dark. Sweet* collection [20] it is interesting to explore in what ways ecological problems permeate into the poetic text and how imagery helps create a world fraught with ecological disasters. The poem *Song for the Turtles in the Gulf* [21] is a response to one of the largest ecological crises that ensued in a month-long oil spill in the Gulf of Mexico in 2010 [22]. The disaster made many headlines in newspapers. The catastrophic damage to the wildlife and coral reef were reported repeatedly. The damage to the surrounding ecosystem has not been estimated yet as the oil spills happen up to now involving damages that are not visible to the eye [23].

The poem has many layers of meanings that open up as the reading progresses. It opens with the memories of the author as a child swimming with a turtle in the ocean. The first few lines impart the peace and harmony of the man-nature connection:

*We had been together so very long,
you willing to swim with me
just last month, myself merely small
in the ocean of splendor and light,*

The still memories filled with splendour and light are marred by the dead body of the turtle covered with the red-black oil in a plastic bin of death, where the nostalgic song develops into a lament for the death of the turtle, represented through simple but true to life images (*dead, plastic bin of death, covered with red-black oil, torched and pained*) which impart the harsh picture of the catastrophe. The reference "the man from British Petroleum" locates the poem in a particular location and time and puts the poem into the context of real events.

*and now when I see the man from British Petroleum
lift you up dead from the plastic
bin of death,
he with a smile, you burned
and covered with red-black oil, torched
and pained, ...*

The lament is mixed with the feelings of anger and the admiration of the majestic beauty of the turtle that no man can create.

*the very air you exhaled when you rose,
old great mother, the beautiful swimmer,
the mosaic growth of shell
so detailed, no part of you
simple, meaningless,
or able to be created
by any human,*

The personification (you, swimmer, old great mother) brings to the fore the idea that wildlife and men are equally a part of nature, so why should men's welfare be achieved at the expense of destroying the beauty of mother nature? Apart from the ecological aspect of the poem, it contains a marked reference to the culture of the Native Americans. The turtle is not only a generic representation of nature, but it also serves as a symbol of cultural identity. In mythology, it represents wisdom, spirituality, resilience, longevity, protection, and fertility. According to some Native American beliefs, the turtle contributed to the creation of Mother Earth and offered its shell for protection. As such, the death of the turtle symbolizes the death of the earth. By referring to the turtle as "Old great mother", the poem articulates the strong connection between the environment, identity and culture that is one of the marked elements of Hogan's ecopoetry.

The poet voices the stored-up anger with men's selfishness, greed, and the irreversible harm done to nature. The last part of the poem voices the deep regret for being thrown off and treating nature as a commodity. Forgetting the primacy of nature is a trespass and forgiveness should be sought for:

*Forgive us for being thrown off true,
for our trespasses,
in the eddies of the water
where we first walked.*

The ecopoetic nature of the poetry is supported by the presentation of the two types of human behaviour; that of the child who looks at nature with concern and admiration and is able to ask for forgiveness for the death of the turtle and the BP man (*he with a smile*), doing his job unaware of the harm of his actions cause to nature. This is a call to consider the mannerism in the treatment of nature, offering choices between sympathy and selfishness; admiration and neglect, rationalism and greed.

The poem *Warned* by Sylvia Stults [24] is another demonstration of the continuing degradation of nature and its resources. The first three stanzas of the poem mention how damaged the environment is, while the first line mentions that the fearful picture has come into being over a vast period of time, as skies were once blue, stars were bright, the waters crystal clear, fish abundant, birds were chirping in the trees. The author touches upon all the aspects of climate change – atmosphere, living organisms, water, and forests, which are all necessary conditions for life on the planet. It is an awareness-raising call to think about what was given to people for free.

*The sands of time have rendered fear
Blue skies on high no longer clear
Stars were bright whence they came
Now dimmed, obscured, pollution's haze*

It is essential to note the application of the contrastive adjectives to demonstrate both the virginity and the degradation of nature (blue skies- no longer

clear; Bright stars -now dimmed and obscure; Sandy white ocean floors – brown, littered), where "blue, bright and sandy white" indicate the intrinsic value of nature which exists at its own right. All aspects in nature are meant to underpin human existence, whereas human interference has devalued nature by risking their own existence.

The last two stanzas of the poem reveal the causes of the ongoing degradation. The proverb "you reap what you have sown" establishes the connection between human behaviour and its immediate consequences. The poem's message is revealed in the last few lines, which articulate the call to reap better seeds, which will protect the waters, skies, wildlife and trees which can pave the way for an ecologically rational co-existence of humankind and nature:

*One can't blame pollution alone
As they say, you reap what you've sown
So let us plant a better seed
Tear out old roots, cultivate, weed*

*Protect what has been given for free
Our waters, skies, wildlife and trees
For once they're gone, don't you say
Consider yourself warned of that fatal day*

This direct address to readers is the warning of the fatal day. The author appeals and urges us to take actions to protect the environment and the resources that have been given to us for free. Nature abuse should be replaced by a more judicious attitude and by sowing the right seeds consistent with ecological wisdom. By this, the poem emphasizes the ideas of cooperation, co-existence and mutual benefit. It is the collective responsibility of humankind to change its behaviour before all is irreversibly lost.

4. Ecology and politics: Global responses

Ecology as a political issue is a relatively new phenomenon. Now, when the Internet makes it possible for more people to be involved in politics, it seems only natural that more poets should express their stance on environmental issues. Indeed, there are plenty of sites where "nature poems" are posted. However, many of these texts are written by amateurs and, although passionate, lack literary merit. Does it mean that renowned poets stay aside from environmental issues? In 2015, Carol Ann Duffy, the then-Poet Laureate acted as a curator for the project *Keep it in the Ground* (<https://www.theguardian.com/environment/series/keep-it-in-the-ground-a-poem-a-day>), launched by *The Guardian*. Twenty recognized British poets contributed poems to the project. Don Paterson's *Nostalgia* could also serve as a motto of the majority of the poems contributed to the project. Most poems can be called Wordsworthian – the feeling of loss and regret permeates these texts. The words *miss, cede, (not) remember, and gone*, remind us of the beauty that was lost. Even references to capitalism in several poems of the project do not differ substantially from the "utilitarian lure" in Wordsworth's poem.

Although we by no means say that we have studied all the ecopoems written in the UK in the last three decades, it seems that poets who can and do write on many political issues (Carol Ann Duffy or Paul Muldoon to name but a few) are so bland on the topic of ecology. Although the UK is known for its tough eco-stance, its concern with climate change, its plans to build more windmill farms and other numerous environmental projects, its poets sound dreamy and nostalgic. The call for action is heard from other parts of the world.

One of the reasons for this can be something that a Russian poet and translator Grigory Kruzhkov [25. P. 31] said when speaking about British poetry: "many things are expected from (British) poetry these days. It is required to be political, social, gender-related... It is not required to remain poetic." With these words, he described the contemporary tendencies in British poetry in general – lack of structure, free verse, and amorphous texts. According to him, poetic merit has become secondary, which resulted in the appearance of many disconnected lines that can hardly be called poems. That is why many renowned poets may want to keep a balance between the form and the content. And, by doing so, they, unfortunately, fail to produce a text that will not be forgotten after another project is over. It seems that the fears expressed by Mahood [26. P. 6] have come true: ecocriticism has become "alarmingly prescriptive" and the boundaries of the literary canon are "redrawn on the grounds of ecological soundness" [27. P. 296]. Although Hansson [15, P. 7] hoped that such fears "overstate the problem", it looks the opposite now; hence, the general tendency to say that everything written in the form of broken lines is "poetry".

It does not mean, however, that it is impossible nowadays to create a poem in which its literary merit will be combined with a strong political appeal.

A Positively Violent Poem in Five Parts by Jayant Kashyap [28] from India is a good example of how a sophisticated structure can be combined with deep thought. The poem speaks about personal social responsibility – something we can do without waiting for the decision of politicians.

*a whale doesn't bother about capitalism
Racism but it worries about water*

The above lines from the poem underline the importance of personal awareness and personal responsibility. It is not necessary to make this matter political. However, the poet shows that not many people can get up from their chairs and go to the beach to clean it from plastic. The poet also underlines that your activeness or pro-activeness can raise discontent in other people, but if you keep doing what you do, there will be more followers.

*... And that evening we cleaned the beach
there were more people with us now than against*

It is worth mentioning that most poems calling for active behaviour are written mostly by young poets from all over the world who take part in a variety of poetic challenges. These poems do not urge the reader to protest outside government

buildings but learn to be "consistent with ecological wisdom', as Glotfelty [11. P. xix] put it.

5. Conclusion

The overview of the contemporary trends in eco-poetry enabled us to identify certain tendencies.

Eco-criticism, a quickly developing movement, addresses the political issues related to environmental protection and the role of man in the environment. Man is no longer seen as the centre of the eco-system. However, it seems that ecocriticism has gained more popularity in the USA rather than in the UK. British poets tend to continue the Wordsworthian tradition of lamenting the loss of the beautiful countryside and, in more general terms, the loss of the rural past of the country, almost idyllic in their description.

It can be explained from the literary point of view. British professional poets tend to avoid the political agenda in their texts and value the poetic merit of the literary text rather than its political eloquence and passion, as seen in American poetry and among amateur ecoactivists. However, one more explanation of this relative British eco poetic passivity offers itself. As Thwaites [29] indicates, the United States has fallen behind its European peers in climate change financing per capita. This may serve as an explanation for why American ecoactivists are more energetic and active and are keener to push their political views via poetry. As the UK government is among the world leaders in climate change financing, British poets may not feel the urgent need to express their views on the issue. Besides, environmental protection has ceased to be an issue in the most developed economies only. Therefore, we can observe the shift towards multilateralism in ecopoetry as well. Indian, Canadian and other English-speaking poets across the globe voice their attitudes towards ecological issues.

The discussed aspects make ecopoetry a tool of enlightenment and a teaching instrument. Ecopoetry demonstrates how to be proactive. At the same time, it steps away from ethnocentrism and enables us to have a look at ecological problems in parts of the world other than the UK and the USA.

References

1. Gladwin, D. (2019) Ecocriticism. *Oxford Bibliographies*. June 3. [Online] Available from: <https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780190221911/obo-9780190221911-0014.xml> (Accessed: 27.02.2023).
2. Rueckert, W. (1996) "Literature and Ecology: An Experiment in Ecocriticism". In: Glotfelty, C. & Fromm, H. (eds) *The Ecocriticism Reader: Landmarks in Literary Ecology*. Athens, GA: University of Georgia Press. pp. 105–123.
3. Barry, P. (2009) "Ecocriticism". *Beginning Theory: An Introduction to Literary and Cultural Theory*. 3rd ed. Manchester: Manchester UP.
4. Glotfelty, Ch. (1996) Introduction: Literary Studies in an Age of Environmental Crisis. In: *The Ecocriticism Reader: Landmarks in Literary Ecology*. Athens: University of Georgia. pp. xv–xxxvii.

5. Madsen, P. (2023) Madsen, P. (2023) *Deep ecology*. October 28. [Online]. Available from: <https://www.britannica.com/topic/deep-ecology> (Accessed: 15.10.2023).
6. WordSense. (2023) *Ecopoetry*. March 12. [Online] Available from <https://www.wordsense.eu/ecopoetry/> (Accessed: 27.04.2023).
7. Bate, J. (2000) What is Ecocriticism?: UK Perspectives. *Green Letters*. 1. 2000, pp. 17–24.
8. Fisher-Wirth, A., Street, L.-G. & Hass, R. (2013) *The Ecopoetry Anthology*. San Antonio, Texas: Trinity University Press.
9. Shoptaw, J. (2016) Why Ecopoetry? There's no Planet B. *Huffpost*. January 13. [Online] Available from: https://www.huffpost.com/entry/why-ecopoetry_b_8959218 (Accessed: 12.04.2023).
10. Clark, T. (2019) Ecopoetry. In: *The Value of Ecocriticism*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 57–77.
11. Grace. (2016) *Poetics: Ecopoetry*. dVerse. January 26. [Online] Available from: <https://dversepoets.com/2016/01/26/poeticsecopoetry/#:~:text=Within%20environmental%20poetry%2C%20ecopoetry%20explores,%E2%80%9Cwarning%E2%80%9D%20of%20some%20kind> (Accessed: 13.09.2023).
12. Buell, L. (2005) *The Future of Environmental Criticism: Environmental Criticism Crisis and Literary Imagination*. Oxford: Blackwell Publishing.
13. Wordsworth, W. (1844) *On the Projected Kendal and Windermere Railway*. TheinternetPoem.com [Online] Available from <https://internetpoem.com/william-wordsworth/on-the-projected-kendal-and-windermere-poem/> (Accessed: 15.04.2023).
14. Ackroyd, P. (2019) *Dominion: The History of England from the Battle of Waterloo to Victoria's Diamond Jubilee*. Pan Macmillan.
15. Hansson, H. (2014) Kinship: people and nature in Emily Lawless's poetry. *Nordic Journal of English Studies*. 13. pp. 6–22.
16. Larkin, Ph. (1972) Going, Going. *Poeticous* [Online] Available from <https://www.poeticous.com/philip-larkin/going-going> (Accessed: 15.04.2023).
17. Douglas, E. (2007) Portrait of a poet as eco warrior. *The Guardian*. November 5. [Online] Available from <https://www.theguardian.com/books/2007/nov/04/poetry.tedhughes> (Accessed: 28.04.2023).
18. Parini, J. (1993) Introduction. In: *Poems for a Small Planet: Contemporary American Nature Poetry* by R. Pack and J. Parini, Hanover, N.H: University Press of New England.
19. Parini, J. (1948) *Some Effects of Global Warming in Lackawanna County*. Poets.org [Online] Available from <https://poets.org/poem/some-effects-global-warming-lackawanna-county> (Accessed: 15.04.2023).
20. Hogan, L. (2014) *Dark Sweet*. Coffee House Press.
21. Hogan, L. (n.d.) *Song for the Turtles in the Gulf*. [Online] Available from: <https://poets.org/poem/song-turtles-gulf>
22. Robertson, C. & Krauss, C. (2010) Gulf Spill Is the Largest of Its Kind, Scientists Say. *The New York Times*. August 2 [Online] Available from: <https://www.nytimes.com/2010/08/03/us/03spill.html> (Accessed: 15.04.2023).
23. Wold, A. (2016) Environmental groups say ongoing effects of BP oil spill not always visible to the eye, but damage is continuing. *The Advocate*. February 20. [Online]. Available from: https://www.theadvocate.com/baton_rouge/news/article_e3512e28-8b5d-5b42-bded-5841e88cedef.html (Accessed: 15.04.2023).
24. Stults, S. (2015) *Warned*. Family Friends Poems. October 21. [Online] Available from <https://www.familyfriendpoems.com/poem/warned> (Accessed: 15.04.2023).
25. Kruzhkov, G. (2021). *Ispolinis voleyu moey ili kak zanovo napisat chuzhie stikhi*. [Do As I Bid... or How to Rewrite Other People's Poems]. Tsentr knigi Rudomino.
26. Mahood, M.M. (2008) *The Poet as Botanist*. University of Kent, Canterbury: Cambridge University Press.

27. Carroll, J.C. (2001) The Ecology of Victorian Fiction. *Philosophy and Literature*. 25. pp. 295–313.
28. Kashyap, J. (2021) *A Positively Violent Poem in Five Parts*. Poems. The Poetry society. [Online] Available from: <https://poems.poetrysociety.org.uk/poems/a-positively-violent-poem-in-five-parts/> (Accessed: 15.04.2023).
29. Thwaites, J. (2020) *2020 Budget Shows Progress on Climate Finance, But US Continues to Fall Behind Peers*. World Resources Institute. [Online] Available from <https://www.wri.org/insights/2020-budget-shows-progress-climate-finance-us-continues-fall-behind-peers> (Accessed: 15.04.2023).

Information about the authors:

E.V. Zimina, Cand. Sci. (Economics), associate professor, Kostroma State University (Kostroma, Russian Federation). E-mail: ezimina@rambler.ru

M.S. Sargsyan, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Yerevan State University (Yerevan, Republic of Armenia). E-mail: marianasargsyan@ysu.am

The author declares no conflicts of interests.

Информация об авторах:

Зимина Е.В. – канд. экон. наук, доцент, Костромской государственный университет (Кострома, Россия). E-mail: ezimina@rambler.ru

Саркисян М.С. – канд. филол. наук, доцент, Ереванский государственный университет, (Ереван, Республика Армения). E-mail: marianasargsyan@ysu.am

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

*The article was submitted 18.03.2024;
approved after reviewing 11.05.2024; accepted for publication 26.03.2025.*

*Статья поступила в редакцию 18.03.2024;
одобрена после рецензирования 11.05.2024; принята к публикации 26.03.2025.*

Научная статья
УДК 85.319
doi: 10.17223/19986645/94/13

Первая «Спящая красавица» на балетной сцене: мифолитературные корни и нарративные трансформации

Ольга Николаевна Патракова^{1,2}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

² Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ»

им. Д.Ф. Устинова, Санкт-Петербург, Россия

^{1,2} patrakova_o@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются трансформации фольклорно-литературного сюжета о «Спящей красавице» в либретто одноименного французского балета 1829 г. драматурга О.Э. Скриба, постановщика Ж.-П. Омера и композитора Л.-Ж.-Ф. Герольда. Выявляются связи балетного нарратива с предшествующей традицией бытования сказки. Анализируются функции, перешедшие в либретто из прецедентных текстов, и способы актуализации данных функций в контексте художественной системы нового произведения.

Ключевые слова: балет «Спящая красавица», ядро сюжета, либретто, литературные источники, «переписывание», романтизм, ирония, фантастическое, трансмедиальность

Для цитирования: Патракова О.Н. Первая «Спящая красавица» на балетной сцене: мифолитературные корни и нарративные трансформации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 94. С. 257–269. doi: 10.17223/19986645/94/13

Original article
doi: 10.17223/19986645/94/13

The first "Sleeping Beauty" in the ballet world: Mytholiterary origins and narrative transformations

Olga N. Patrakova^{1,2}

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

² Baltic State Technical University "VOENMEH" named after D.F. Ustinov,

Saint Petersburg, Russian Federation

^{1,2} patrakova_o@mail.ru

Abstract. The article discusses the transformations of the folktale and literary plot of "Sleeping Beauty" in the libretto of the French ballet of the 1829, titled *La Belle au Bois Dormant* by J.-P. Aumer, L.-J.-F. Hérold and Au.Eu. Scribe. The following sources were used in addition to the libretto text: the French folktale "Sleeping Beauty" (Fr. *La Belle endormie*), early literary versions of the story from the 14th century, such as the French chivalric medieval novel *Perceforest* and the Occitan novel *Brother Joy and Sister Fun* (Fr. *Frère-de-joie et Sœur-de-plaisir*), the Italian fairy tale "Sun, Moon

and Talia" (It. *Sole, Luna e Talia*) written by G. Basile (1634–36), Ch. Perrault's famous fairy tale "La Belle au bois dormant" (1697), and the libretto for the opera of the same title by M.E. Carafa di Colobrano (1825). During the research, the methods of functional and comparative analysis were used to reveal the connections between the ballet narrative and the previous folkloric, literary, and scenic traditions of fairy tale storytelling. The functions that were transferred from previous texts to the libretto were analysed, and ways to actualize these functions within the artistic system of the new work were explored. The new version of the well-known plot is superimposed on the ideas already existing and is based on a certain semantic shift, the emergence of new meanings in the game of the old and the new. The classic plot of "Sleeping Beauty" in ballet becomes a kind of a "constructor" that brings together functional, semantic, and stylistic models from different paradigms. Key plot-defining motifs and functions are transferred from precedent texts to the libretto, while traditional motivations often fade into the background and are reinterpreted through the expansion of the plot. The reasons for the shift in plot patterns are largely due to the influence of Romanticism, a major artistic trend of the time that experienced a state of crisis in the 1830s, as it reassessed its own philosophical foundations. In addition, a number of plot transformations can be attributed to factors associated with the adaptation of the verbal narrative to the language of ballet. This is especially evident in the use of concepts such as mixing and layering, which create a sense of contrast between the fantastic and the real, as well as the interweaving of dramatic and comedic elements. It is difficult to determine which level of interpretation is ultimately decisive. Different perspectives are constantly interwoven and superimposed, reflecting the ballet creators' desire to explore the complexities of human existence and the instability of the world through the juxtaposition of archaic and modern, fantastic and everyday, dramatic and comic elements. The resolution to these dualities lies in the final act of the ballet, which appeals to the timeless ideals of love and good through the use of fairy tales as a source of inspiration.

Keywords: ballet "The Sleeping Beauty", core of plot, libretto, literary sources, rewriting, Romanticism, irony, elements of fantastic, transmediality

For citation: Patrakova, O.N. (2025) The first "Sleeping Beauty" in the ballet world: Mytholiterary origins and narrative transformations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 94. pp. 257–269. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/94/13

Введение

Фольклорный сюжет о «Спящей красавице», широко распространенный не только в народных сказках и мифологических преданиях многих народов, но и в художественной литературе различных стран и эпох, с начала XIX в. начинает активно проникать в синтетические виды искусства, прежде всего – в оперу и балет. Первым хореографическим спектаклем, авторы которого в качестве нарративной основы выбирают сюжет о заснувшей на сто лет девушке, стал балет-пантомима-феерия О.Э. Скриба¹, Ж.-П. Омера² и

¹ Augustin Eugène Scribe (1791–1861) – французский драматург, прозаик и либреттист.

² Jean-Pierre Aumer (1774–1833) – французский артист балета и балетмейстер.

Л.-Ж.-Ф. Герольда¹ «Спящая красавица» (фр. «La Belle au bois dormant»). Его премьера состоялась 27 апреля 1829 г. на сцене Парижской оперы и стала знаковым культурным событием французской столицы. Спектакль поражал публику красотой декораций и масштабом машинерии, в постановке были задействованы знаменитые артисты балета того времени – роль Спящей красавицы исполняла известная балерина начала века Л. Нобле², а партию одной из наяд воплощала М. Тальони³, центральная фигура в балете периода романтизма.

В настоящее время балет невозможно реконструировать, а значит, и анализировать полностью, во всей совокупности его интермедиальных элементов – рисунки танца, хореографический текст, особенности пантомимы утеряны безвозвратно. Как отмечал французский хореограф и теоретик балета Ж.-Ж. Новерр еще в первые годы XIX в., «если бы эти великие сочинители, не будучи в состоянии передать потомкам свои мимолетные картины, передали нам хотя бы свои мысли и начала своего искусства, если бы они записали правила того жанра, творцами которого явились, то их имена и сочинения пережили бы безмерность веков, и они не принесли бы в жертву минутной славе своих трудов и стараний» [1. С. 139]. Слава балета, действительно, оказалась недолгой, однако до наших дней сохранились такие ключевые составляющие спектакля, как нотная партитура и текст либретто, обращение к которому и позволяет проследить, каким образом фольклорно-литературный сюжет о «Спящей красавице» трансформировался при переходе в искусство балета.

Структура и источники сюжета

Большинство теоретиков, исследующих основные принципы концепта «переписывания», отмечают одну важную особенность любого ремейка. Так, М. Домино пишет о важности «изменений, которые вносятся в текст при переписывании, в отличие от копирования» [2], Ж.-К. Байи делает акцент на «новизне, заключенной в сдвигах в вечной игре смыслов» [3]. Согласно Женетту гипертекст «накладывается на предшествующий ему гипотекст, но не как простой комментарий». Он может не цитировать напрямую гипотекст, но вытекать из него через операцию «трансформации» и таким образом явно напоминать читателю о предшествующем тексте, без которого он не мог бы существовать [4. Р. 13]. В любом случае новая версия известного произведения накладывается в сознании автора и реципиентов на их представления и воспоминания об уже существующем «оригинале» и строится на некотором семантическом сдвиге. Самым очевидным гипотекстом по отношению к либретто Скриба является сказка 1697 г. Ш. Перро [5], с названием которой совпадает и оригинальное название балета. Помимо

¹ Louis-Joseph-Ferdinand Hérold (1791–1833) – французский композитор.

² Lise Noblet (1801–1852) – французская балетная танцовщица.

³ Maria Taglioni (1804–1884) – артистка балета и балетный педагог.

этого, богатая традиция бытования сюжета позволяет рассмотреть взаимосвязь сюжета балета с фольклорной сказкой, с самыми ранними литературными фиксациями сюжета XIV в. – французской вставной новеллой из рыцарского романа «Персефорест» (фр. «Perceforest») [6] и окситанской новеллой «Братец-радость и Сестрица-забава» (фр. «Frère-de-joie et Sœur-de-plaisir») [7], а также с итальянской сказкой «Солнце, Луна и Талия» (итал. «Sole, Luna e Talia»), опубликованной в сборнике Дж. Базиле 1634–1636 гг. «Сказка сказок, или Забава для малых ребят» (ит. «Lo cunto de li cunti overo lo trattenimento de peccerille»), известном под названием «Пентамерон» (итал. «Pentamerone») [8].

Анализируя либретто балета из перспективы трансмедиального¹ появления одного и того же нарратива в разных искусствах, можно рассмотреть, какие традиционные функции сюжета переходят в балет из прецедентных народных и литературных сказок, как меняются мотивировки этих функций, отдаляя сюжет от фольклорной традиции, и какими дополнительными семантическими, структурными и стилистическими элементами наполняется текст, приобретая иные смыслы в игре старого и нового.

Так, действие балета начинается с подготовки свадьбы главной героини Изольды, которая должна обручиться с принцем Ганеллором, будучи влюбленной в своего пажа Артура. Не желая выходить замуж за нелюбимого, Изольда смертельно ранит себя, однако фея Набот, которую забыли пригласить на праздник и, как в сказке Ш. Перро, не подготовили для нее отдельного прибора, все-таки спасает принцессу, заменив смерть долгим сном. Спустя сто лет фея отправляет сельского юношу Жерара на спасение Изольды, тогда как сам Жерар уже влюблена, причем не в Спящую красавицу, а в сельскую девушку Маргерит. Пройдя ряд препятствий, Жерар все же пробуждает героиню и весь замок. Набот настаивает на свадьбе Жерара и Спящей красавицы, но тем удается обмануть колдунью, подменив Изольду на Маргерит. Набот стремится наказать героя за неповинование, но в тот момент на сцене появляется Любовь, «божество, стоящее выше феи Набот» [10. Р. 37–38]², отнимает у феи волшебную палочку и берет под свое покровительство обе пары.

В либретто балета находит отражение древнее ядро архаического фольклорного сюжета, обобщенное резюме которого в аналитическом каталоге Ю.Е. Березкина и Е.Н. Дувакина выглядит следующим образом: «(Из-за козней антагонистки) девушка впадает в глубокий обморок, но нетленна. Мужской персонаж высокого статуса (это брачный партнер или кровный род-

¹ Под трансмедиальностью мы понимаем переход сюжета из одного медиа в другие. Подробнее о различии терминов «трансмедиальность» и «интермедиальность» см., к примеру: А.А. Хаминова, Н.Н. Зильберман. Теория интермедиальности в контексте современной гуманитарной науки // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 38–45 [9].

² Здесь и далее перевод цитат из либретто автора статьи.

ственник девушки) ее оживляет» [11]. Данное смысловое ядро связано, с одной стороны, с древним ритуалом инициации, где сон символизирует временную смерть, необходимую для перехода посвящаемого в иной социальный статус, а с другой – с мифологическими концепциями о круговом времени, согласно которым сон и пробуждение героини являются персонификацией смены календарных дней, времен года или лет. Иными словами, в фольклорной сказке происходит осмысление процессов умирания и воскрешения, постоянного обновления жизненных и природных циклов¹. Балет сохраняет такие элементы фольклорного двоемирия, связанные с ритуальной природой сюжета, как водная преграда, которую должен пересечь Жерар в поисках Изольды, или волшебный лес, скрывающий замок Спящей красавицы². Указанные символы могут не восприниматься зрителем эпохи как сакральные, но само их присутствие напоминает о связи балета с мифологической основой. По выражению К.А. Воротынцевой и Е.В. Маликова, сакральность балета может рассматриваться «вне фабулы, в глубинах балетного действия, на уровне кордебалетных построений, симметрии; утраченных, но угадываемых смыслов при бездумном (обрядовом) повторении форм, когда сама форма остается единственной священной частью действия (копируемый узор при полном забвении смысла)» [15. С. 65].

Структурной константой сказки на протяжении всей традиции ее существования являются следующие обрамляющие ядро сюжета фольклорные функции, находящие свое отражение в том числе и в либретто Скриба: вредительство (волшебное погружение героини в сон), недостача (стремление мужского персонажа найти героиню), поиски героини, ликвидация начальной беды и недостачи (обнаружение Спящей красавицы и ее пробуждение). Нетипичное для народной сказки дублирование функции VIII³ (в сюжете одновременно встречаются и вредительство и недостача) приводит к поочередному сосредоточению нарратории на двух героях, сначала на жертве, затем на искателе, и последующей ликвидации беды и недостачи. Данные функции присутствуют в народных сказках на сюжет о «Спящей красавице» (в том числе во французской сказке, записанной в конце XIX в. фольклористом

¹ Подробнее о мифологических и инициатических корнях сюжета см.: [12. С. 258–262].

² Такой сюжетный компонент, как нахождение спящей героини в отдаленном месте, окруженном густым лесом и населенным опасными обитателями, встречается практически во всех упомянутых выше прецедентных текстах. Во французской народной сказке «заброшенный замок окружен непроходимыми зарослями кустарника», лес населяют ящерицы, змеи и совы [13. Р. 34]; в «Персефоресте» героиня находится в труднодоступной высокой башне, проникнуть в которую герою удается только с помощью богов; в окситанской новелле родители помещают заснувшую девушку в высокой башне в саду, окруженном рекой, которую возможно пересечь лишь по волшебному стеклянному мосту; в сказке «Солнце, Луна и Талия» героиня остается в покинутом всеми замке; наконец, у Перро «вокруг парка выросло столько деревьев, больших и маленьких, столько колючего кустарника и терновника, которые переплелись друг с другом, что ни зверю, ни человеку не было прохода» [15. С. 47].

³ По классификации В.Я. Проппа.

Л. Дарди [13]), а затем переходят в письменную традицию бытования сюжета и встречаются во всех отмеченных выше литературных текстах. Остальные сюжетные элементы могут варьироваться от произведения к произведению, наполняя сказку новыми мотивировками, национальным или историческим колоритом.

В первых средневековых письменных фиксациях сказки ядро сюжета приобретает знакомую современному читателю и зрителю атрибутику, которая частично представлена в либретто Скриба. Так, уже в «Персефоресте» присутствуют такие элементы, как обида злой феи, которой забыли подать нож на празднике в честь рождения принцессы, месть феи, последующее «смягчение» заклятия, погружение героини в глубокий сон из-за укола пальца веретеном. В тексте Перро¹ появляется уточнение, что сон героини будет длиться сто лет, до тех пор, пока сын короля не придет разбудить принцессу, – эта романтическая мотивировка также появляется в либретто. Кроме того, в балете, как и в сказке Перро, героиня засыпает не одна, а вместе со всеми приближенными, во время ее сна замок окружен тайной, жители окрестностей страшатся приближаться к нему, а герой, отправившийся на поиски, попав в замок, в первые минуты испытывает ужас, поскольку ему кажется, что все обитатели замка мертвые.

В либретто балета есть ряд мотивов, отсутствующих в литературно обработанной сказке Перро, но имеющих место в сказке народной. К примеру, во французской устной народной сказке [13] встречается мотив отказа героиней нежеланному жениху и последующего ее наказания за этот отказ. В балете, как и в народной сказке, присутствует лишь одна фея, что является следом более ранней фольклорной традиции, связанной с образом мачехи. Еще один отголосок фольклора – прохождение мужским персонажем ряда испытаний, прежде чем проникнуть в замок Спящей красавицы. Так, во французской народной сказке охотник, чтобы получить право попасть в замок, соглашается ночевать в крестьянской лачуге и ужинать простыми блюдами (функции XII–XV по классификации В.Я. Проппа [17]). В балете эти функции еще более детализируются, герою вручается волшебная валторна, благодаря которой ему удается пройти все испытания.

Актуализация сюжета

Сохраняя ряд упомянутых ключевых сюжетных функций, ритуальных, фольклорных символов и элементов, дополнивших сюжет на этапе его перехода в литературную сказку, автор либретто существенно трансформирует историю. Т. Бенжеллун, марокканский писатель, автор книги «Мои сказки Перро» (фр. «Mes contes de Perrault», 2014), в предисловии к своему сборнику формулирует цель создания новых версий известных сказок следующим образом: «Вот, что меня увлекло: дать скелету тело и дух иной темпоральности, иного мира, помещенного в неопределенную, но так или иначе

¹ Подробнее о трансформациях сюжета в сказке Перро см., к примеру, [16].

связанную с нами эпоху» [18. Р. 9]. «Скелет» — это традиционные и стабильно повторяющиеся от прочтения к прочтению функции сюжета, необходимые для его идентификации и имеющие, как правило, мифологические или ритуальные, хотя зачастую и стершиеся мотивировки. «Тело и дух» — это перемещение сюжета в иную эпоху, иной мир, мифотворчество авторов, национальный колорит и новые мотивировки, позволяющие обращаться к актуальной для той или иной эпохи проблематике. Сходную мысль высказывает исследователь Х. Пэрну: «Народное произведение с его вневременными кодами входит в современность и приобретает *цвета времени*» [19. Р. 9]. Эти «цвета времени» не стирают прежних кодов прочтения старых сюжетов, а скорее накладываются на них ввиду «пористой структуры» сказки. По мнению Х. Пэрну, новая версия часто строится на антитезе к самому известному варианту сюжета, именно встреча известного и оригинального обновляет «волшебное», позволяет показать знакомую историю в совершенно новом свете [19. Р. 16–17].

В упомянутых выше литературных вариациях сказки фольклорные законы жизни сюжета отходят на второй план по сравнению со сказкой народной; персонажи из функций, действующих по заданной схеме, превращаются в героев со своими характерами и устремлениями. История каждый раз обновляется, и эта актуализация выражается в целом комплексе факторов, будь то выражение авторской интенции, интеграция сюжета в культурную парадигму эпохи, переосмысление стершихся мотивировок, философское осмысление актуальных концептов, стилистическая игра. Эти факторы присутствуют уже в средневековых вариациях сюжета, играют значимую роль в сказке Перро, а затем применяются и в исследуемом либретто. Между тем если в классических литературных текстах «скелет» традиционного нарратива функционально и семантически остается глобально неизменным, то в либретто Скриба трансформации затрагивают сюжет на более глубоком уровне. Формально сохранив сюжетное ядро, но расширив обрамляющий это ядро семантический контекст, добавив в повествование новых персонажей и новые сюжетные линии, авторы балета наделяют традиционный каркас фольклорных функций совершенно иным смыслом.

Так, «коzни антагонистки» Набот становятся в итоге спасением Изольды от нежеланного брака, а в дальнейшем — от смерти; Жерар спасает Спящую красавицу не ради нее самой, а для того, чтобы получить разрешение на брак с его собственной возлюбленной от отца последней, который надеется, что в замке принцессы герой найдет богатство и славу. Проснувшаяся героиня тоже не стремится соединиться со своим спасителем, она все еще влюблена в пажа, который все эти годы спал в сундуке в ее комнате. Подобные трансформации, с одной стороны, ведут к большей психологизации героев, отражают их личные переживания и стремления, а с другой стороны, усиливают иронический оттенок повествования путем наложения новой истории на классическую.

Какие основные «цвета времени» окрашивают первую балетную версию «Спящей красавицы»? Прежде всего, необходимо вспомнить, что либретто

было написано в эпоху романтизма, а одним из важных концептов у романтиков была фантастика, посредством которой нередко осмыслились нестабильность, непостоянство мира и человека в нем. Как пишет Р. Лахманн, «Протагонисты фантастических повествований постоянно находятся в эксцентрическом состоянии духа, их одолевают галлюцинации, страх, бред,очные кошмары или фатальное любопытство» [20. С. 8]. Сюжет, где изначально присутствует темный лес, заброшенный замок и не то мертвая, не то спящая девушка в нем, становится благодатной почвой для новых фантастических наслорий, устремляющих сознание зрителя в иные реальности. И если мифологические и ритуальные корни сюжета могли в XIX в. уже не считываться зрителями балета, то фантастика задавала новую рамку восприятия нарратива, становилась антитезой к миру реальной повседневности.

Одним из наиболее драматически напряженных моментов развития действия либретто становится описание пути Жерара по волшебному лесу: «В этот момент он видит над своей головой крылатых драконов, изрыгающих пламя; он оборачивается и видит слева от себя эльфов, вооруженных пылающими мечами; он хочет затрубить в валторну, но чувствует, что его схватили за правую руку: это огромная зеленая обезьяна. <...> В это время театр наполняется злыми духами, монстрами, гигантами, вампирами. Они направляют на Жерара свои булавы, кинжалы, огненных змей» [10. Р. 24]. Лексическое поле, связанное с мотивами страха, опасности и огня, свидетельствует о том, что лес здесь оказывается не только местом на границе мира живых и мертвых, но и той областью, где встречаются реальная обыденность и фантастический вымысел. Медиальная специфичность балета позволяет усилить семантику недоступного, опасного места: «Сцена представляет собой лес, покрытый густой мглой. Гремит гром, молнии пронзают облака» [10. Р. 24]. Топос фантастического двоемирья поддерживается присутствием в балете «волшебных» персонажей – летающих монстров, злых духов, наяд.

Однако фантастическое зачастую оказывается функционально нестабильным элементом повествования, оно периодически и внезапно растворяется в обыденном, повседневном, рассеивается ироническим пафосом. Постановщик балета Ж.-П. Омер был учеником Ж. Добервала¹, создателя комедийного балета, и продолжал развитие его приемов, связанных с изображением на балетной сцене жизни обычных людей с их страстями и недостатками. К примеру, сцена встречи Жерара с нимфами на берегу лесного озера содержит в себе явный элемент эротизации: мифические создания пытаются помешать герою сесть в лодку, а одна из нимф особенно привлекает внимание героя «сладострастными позами и шагами» [10. Р. 25–26]. Персонажу удается устоять перед обаянием волшебниц, только лишь вовремя заметив шарф, подаренный его возлюбленной. Еще один сюжетный элемент,

¹ Jean Dauberval (1742–1806) – французский танцовщик и балетмейстер.

переносящий зрителя в ироническую тональность, связан с описанием момента вручения Жерару волшебной валторны, средства, с помощью которого он сможет добраться до замка. Фольклорная семантика здесь одновременно и усиливается, благодаря троекратному повтору и детальному описанию испытаний героя, и лишается своей сакральности, поскольку волшебное средство оказывается не наградой герою за его смелость и изобретательность, а средством против трусости, без которого он вовсе не решился бы на прохождение испытаний. «Возьми эту волшебную валторну», – говорит Набот Жерару. «Каждый раз, когда ты будешь встречать какое-либо препятствие, тебе нужно только начать играть на ней, и все преграды исчезнут. – Значит, смелость мне больше не нужна? – Абсолютно не нужна» [10. Р. 22].

«Хотя романтические тексты опираются на общефантастическую традицию, они обладают значительно большим потенциалом авторефлексии, потому что фантастическое в таких повествованиях постоянно подвергается мнимой или действительной критике», – отмечает Р. Лахманн [20. С. 14]. Эта романтическая самокритика выражается в фарсовых приемах, в водевильном построении сюжета, комических перипетиях, которые встраиваются в каркас классического сюжета и дополняют последний нетипичными для сказочного сюжета деталями. Так, Набот, подслушивая разговор фрейлины и пажа, случайно чихает за ширмой, поскольку до этого курила табак. Еще один фарсовый элемент – по совету фрейлины Артур прячется в сундуке, в котором находились подарки Ганеллора, и таким образом проникает в спальню принцессы. К типичным приемам водевильного повествования относится и подмена одного персонажа другим – во время финальной свадебной церемонии Артуру приходит на ум спасительная идея заменить Изольду, лицо которой скрыто под фатой, на Маргерит, благодаря чему Жерар, сам того не подозревая, женится на своей возлюбленной, а Изольда воссоединяется с Артуром.

Элементы иронии присутствуют и в литературных версиях сюжета, в том числе в сказке Перро, что особенно ярко проявляется в финальных моралите, однако в исследуемом балете комическое становится одним из главных ключей прочтения истории. Двунаправленность балета как в сферу волшебно-фантастического, так и в область реального, обыденного поддерживается также на уровне действующих лиц: с одной стороны – герцог, принц, принцесса, фрейлина, сенешаль, метрдотель, придворные, врач, аптекарь, горожане, солдаты, слуги, торговцы, музыканты, с другой – фея и ее свита, астролог, предсказатели, злые духи, летающий монстр, нимфы, добрый дух. Подобная полифония персонажей вписывается в традицию сюжета: античные боги помогали рыцарю Троилусу в «Персефоресте», на страницах окситанской новеллы встречались и служители церкви, и говорящие птицы, волшебные феи и сказочные персонажи приходили в королевский замок у Перро. Если гетерогенность персонажей уходит корнями в долгую литературную традицию, то их количество и разнообразие их функций – новшество, ставшее возможным при переходе верbalного нарратива в сцениче-

ское искусство. Создатели балета, вероятнее всего, опирались на пример одноименной оперы 1825 г. М.Э. Карафа ди Колобрано¹, действующими лицами которой были придворные, селяне, пастухи и пастушки, феи, гении, военные, карлики, гномы [21]. Из данной оперы балет почерпнул и некоторые другие элементы – имя главной антагонистки (в опере – *Nabotte*, в балете – *Nabote*²), функциональные мотивы двойничества и подмены персонажа, соблазнения героя на пути к замку, финального спасения от высшего существа (в опере роль *deus ex machina* принадлежит Королеве фей, в балете – богу Любви), а также хронотоп, отсылающий зрителя ко временам рыцарской Франции.

Рыцарское средневековье становится тем контекстом, на фоне которого развивается весь сюжет балета. Элементы, связанные со средневековым хронотопом, присутствуют в описании декораций (готический зал, витражные двери), отражаются в костюмах, прочитываются в списке действующих лиц. К примеру, сенешаль – это должность X–XII вв. во Франкском государстве, метрдотель – средневековый «распорядитель» при дворе короля или знатного вельможи. К традиции важных для эстетики романтизма рыцарских романов отсылают и имена главных героев. Изольда и Артур – известные герои рыцарского эпоса, расцвет которого во Франции пришелся на XII–XIII вв. Интересен в балете мотив «чудесного напитка», который то и дело отпивает из своей фляжки Жерар на пути к Изольде. В этом элементе можно рассмотреть скрытую ироническую метафору, намек на любовный напиток из цикла романов о Тристане и Изольде. Наконец, сам сюжет о «Спящей красавице» в его письменной литературной форме зародился именно в эпоху Средневековья, в традициях рыцарской литературы и первый спаситель героини (Троилус) был рыцарем. Но если автор «Персефореста» закономерно переносит сказочный сюжет в современную ему эпоху, то с какой целью авторы XIX в. обращаются к традиции прошлых веков?

«Романтиков привлекало представление о средневековье как о гармонической цельной эпохе, лишенной социальных противоречий, где личность может достигнуть вершин своего духовного совершенства», – отмечает А.С. Дмитриев, рассуждая о раннем, йенском романтизме [22]. Конечно, к 1830-м гг. эта вера в духовную цельность уже постепенно утрачивает свою непреложность, но сквозь фарсовую, комедийную рамку сюжета, сквозь его фантастическую атмосферу все же просвечивают определенные акценты на морально-нравственных элементах – верности, самопожертвовании, всепобеждающей любви. Изольда, чтобы спасти от смерти любимого, но не стать женой Ганнелора, обручиввшись с последним, бросается на его кинжал: «Я сдержала мои клятвы, я ваша, а теперь я должна сдержать те клятвы, которые я дала своей любви» [10. Р. 14]. Семантика душевных переживаний тесно связана и с образом Артура. При описании его действий преобладает лексика, выражающая различные оттенки чувств, он

¹ Michele Enrico Carafa di Colobrano (1787–1872) – итальянско-французский композитор и музыкальный педагог.

² В переводе – «карлик», «уродец».

смотрит на свою возлюбленную «с тоской», «выражает свою боль», свадьба Изольды и Ганнелора «приводит его в отчаяние», он тоже «предпочитает умереть» [10. Р. 13–14], чем получить свободу ценой несчастья Изольды.

Заключение

Таким образом, *réécriture* классического сюжета о «Спящей красавице» в балете оказывается своеобразным «конструктором», где соединяются воедино функциональные, семантические и стилистические модели разных парадигм. Ключевые сюжетоопределяющие мотивы и функции переходят в либретто из прецедентных текстов (фольклорных, литературных, сценических), но их традиционные мотивировки подчас уходят на второй план, переосмысливаются путем расширения сюжета. Причины изменения сюжета-паттерна обусловлены преимущественно влиянием эстетики романтизма, ключевого художественного направления эпохи, которое в 30-е гг. XIX в. переживает состояние кризиса, переоценки собственных философских оснований. Кроме того, ряд сюжетных трансформаций может быть обусловлен трансмедиальными факторами, связанными с переложением вербального нарратива на язык балета, что особенно ярко проявляется в обращении к концепции смешения, многослойности, где фантастическое вдруг уступает место реальному, а драматические эпизоды переплетаются с фарсовый, комедийной событийностью. Сложно сказать, какой из уровней восприятия является в итоге определяющим, разные точки зрения постоянно перемежаются, накладываются одна на другую, что отражает стремление авторов балета художественно осмыслить мотивы быстротечности мира и человеческого существования посредством поиска границ между архаическим и новаторским, фантастическим и обыденным, драматическим и комедийным. Выход из этих двойственных оппозиций все же находится в финальном апофеозе балета – в обращении к сказке как источнику веры в духовную победу вечных идеалов любви и добра.

Список источников

1. Новерр Ж.-Ж. Письма о танце / пер. с фр. под ред. А.А. Гвоздева. Л. : Academia, 1927. 315 с.
2. Domino M. La réécriture du texte littéraire Mythe et Réécriture. URL: <https://journals.openedition.org/semen/5383?&id=5383> (дата обращения: 11.01.2024).
3. Bailly J.-C. Reprise, répétition, réécriture. URL: <https://books.openedition.org/pur/35002> (дата обращения: 11.01.2024).
4. Genette G. Palimpsestes: La littérature au second degré. Paris : Editions du Seuil, 1982. 468 p.
5. Perrault Ch. La Belle au Bois dormant // Contes (Introduction, Notices et Notes de Catherine Magnien, Illustrations de Gustave Doré). Paris : Librairie Générale Française, 2006. P. 185–200.
6. Les pièces lyriques du roman de Perceforest. Genève, Droz : éd. Jeanne Lods, 1953. 110 p.
7. Frayre de joy et Sor de Plaser : nouvelle d'oc du XIVe siècle. Ed. Suzanne Méjean-Thiolier. Paris : Presses de l'Université de Paris-Sorbonne, 1996. P. 206–259.

8. Basile G. *Le Conte des contes ou Le Divertissement des petits enfants* (Le Pentamerone). Trad. de l'italien par Françoise Decroisette. Strasbourg : Circé, 1995. 478 p.
9. Хаминова А.А., Зильberman Н.Н. Теория интермедиальности в контексте современной гуманитарной науки // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 38–45.
10. Scribe Eu. *La Belle au Bois dormant*. Ballet-pantomime-féerie en 4 actes. Paris : Bezou, 1829. 38 p.
11. Березкин Ю.Е., Дувакин Е.Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения: 17.04.2024).
12. Патракова О.Н. Генезис сюжета о «Спящей красавице» в европейской фольклорной и литературной традиции // Язык и культура в глобальном мире. СПб., 2023. С. 258–262.
13. Dardy L. *La Belle endormie* // Anthologie Populaire de l'Albret. Vol. 2: Contes populaires. Agen : J. Michel et Médan, 1891. Р. 33–35.
14. Перро Ш. Настоящие сказки Шарля Перро / пер. с фр.; под ред. М.А. Петровского. М. : Алгоритм, 2023. 400 с.
15. Воротынцева К.А., Маликов Е.В. Миф и повествование в балете // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 29. С. 63–73.
16. Soriano M. *Les contes de Perrault*. Culture savante et traditions populaires. Paris : Gallimard, 1968. 525 p.
17. Пронн В. Я. Морфология сказки. Л. : Academia, 1928. 152 с.
18. Ben Jelloun T. *Mes contes de Perrault*. Paris : Éditions du Seuil, 2014. 191 p.
19. Pernoud H. Les Couleurs du temps : réécritures et transpositions des contes dans la modernité » // Le Conte dans tous ses états : fragmenter et réenchanter le merveilleux au XXe siècle. Rennes : Presses Universitaires de Rennes, 2018. Р. 9–26.
20. Лахманн Р. Дискурсы фантастического. М. : Новое литературное обозрение, 2009. 384 с.
21. Planard Eu. *La belle au bois dormant*, opéra en 3 actes. Paris : Roulet, 1825. 40 p.
22. Дмитриев А.С. Проблемы юнского романтизма. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1975. 264 с.

References

1. Noverre, J.-G. (1927) *Pis'ma o tantse* [Letters on dance]. Translated from French by A.A. Gvozdev. Leningrad: Academia.
2. Domino, M. (n.d.) *La réécriture du texte littéraire Mythe et Réécriture*. [Online] Available from: <https://journals.openedition.org/semen/5383?&id=5383> (Accessed: 11.01.2024).
3. Bailly, J.-C. (n.d.) *Reprise, répétition, réécriture*. [Online] Available from: <https://books.openedition.org/pur/35002> (Accessed: 11.01.2024).
4. Genette, G. (1982) *Palimpsestes: La littérature au second degré*. Paris: Editions du Seuil.
5. Perrault, Ch. (2006) *La Belle au Bois dormant*. In: *Contes*. Paris: Librairie Générale Française. pp. 185–200.
6. Lods, J. (Ed.). (1953) *Les pièces lyriques du roman de Perceforest*. Genève: Droz.
7. Méjean-Thiolier, S. (ed.) (1996) *Frayre de joy et Sor de Plaser: nouvelle d'oc du XIVe siècle*. Paris: Presses de l'Université de Paris-Sorbonne. pp. 206–259.
8. Basile, G. (1995) *Le Conte des contes ou Le Divertissement des petits enfants* (Le Pentamerone). Strasbourg: Circé.
9. Khaminova, A.A. & Zilberman, N.N. (2014) The theory of intermediality in the context of modern humanities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 389. pp. 38–45. (In Russian).

10. Scribe, Eu. (1829) *La Belle au Bois dormant. Ballet-pantomime-féerie en 4 actes.* Paris: Bezou.
11. Berezkin, Yu.E. & Duvakin, E.N. (n.d.) *Tematicheskaia klassifikatsiia i raspredelenie fol'klorno-mifologicheskikh motivov po arealam. Analiticheskii katalog* [Thematic classification and distribution of folklore-mythological motifs by region. Analytical catalog]. [Online] Available from: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (Accessed: 17.04.2024).
12. Patrakova, O.N. (2023) Genezis siuzheta o "Spiashei krasavitse" v evropeiskoi fol'klornoi i literaturnoi traditsii [The genesis of the "Sleeping Beauty" plot in European folklore and literary tradition]. In: *Iazyk i kul'tura v global'nom mire* [Language and Culture in a Global World]. Saint Petersburg, pp. 258–262.
13. Dardy, L. (1891) La Belle endormie. In: *Anthologie Populaire de l'Albret.* Vol. 2: Contes populaire. Agen: J. Michel et Médan. pp. 33–35.
14. Perrault, Ch. (2023) *Nastoiaschie skazki Sharlia Perro* [The real fairy tales of Charles Perrault]. Translated from French by M.A. Petrovskiy. Moscow: Algoritm.
15. Vorotynseva, K.A. & Malikov, E.V. (2018) Myth and narrative in ballet. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiia i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History.* 29. pp. 63–73. (In Russian). doi: 10.17223/22220836/29/5
16. Soriano, M. (1968) *Les contes de Perrault. Culture savante et traditions populaires.* Paris: Gallimard.
17. Propp, V.Ia. (1928) *Morfologija skazki* [Morphology of the folktale]. Leningrad: Academia.
18. Ben Jelloun, T. (2014) *Mes contes de Perrault.* Paris: Éditions du Seuil.
19. Pernoud, H. (2018) Les Couleurs du temps: réécritures et transpositions des contes dans la modernité. In: *Le Conte dans tous ses états: fragmenter et réenchanter le merveilleux au XXe siècle.* Rennes: Presses Universitaires de Rennes. pp. 9–26.
20. Lachmann, R. (2009) *Diskursy fantasticheskogo* [Discourses fantastic]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
21. Planard, Eu. (1825) *La belle au bois dormant, opéra en 3 actes.* Paris: Roullet.
22. Dmitriev, A.S. (1975) *Problemy ienskogo romantizma* [Problems of Jena Romanticism]. Moscow: Moscow State University.

Информация об авторе:

Патракова О.Н. – аспирант кафедры истории зарубежных литератур Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия), преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: patrakova_o@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.N. Patrakova, postgraduate student, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation); lecturer? Baltic State Technical University "VOENMEH" named after D.F. Ustinov (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: patrakova_o@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.02.2024;
одобрена после рецензирования 26.05.2024; принята к публикации 26.03.2025.

The article was submitted 29.02.2024;
approved after reviewing 26.05.2024; accepted for publication 26.03.2025.

Научная статья
УДК 82.0
doi: 10.17223/19986645/94/14

Выбор есть всегда: повествовательные альтернативы как теоретическая проблема

Дина Владимировна Шулятьева¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, dshulyatyeva@hse.ru

Аннотация. Рассмотрены механизмы функционирования повествовательных альтернатив. Они могут быть предъявлены как героям, так и нарратором, а также проигрываться в читательском воображении; могут иметь и разный «объем». В зависимости от этих критерииов выделяются следующие механизмы: встроенные нарративы, виртуальные события, дизнаррация, денаррация, контрфактуальные нарративы, реплоттинг и вероятностное моделирование. Они рассмотрены на конкретных литературных и кинематографических примерах.

Ключевые слова: повествовательные альтернативы, виртуальный нарратив, виртуальный голос, дизнаррация, денаррация, контрфактуальный нарратив, реплоттинг, альтернативные возможные миры

Для цитирования: Шулятьева Д.В. Выбор есть всегда: повествовательные альтернативы как теоретическая проблема // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 94. С. 270–289. doi: 10.17223/19986645/94/14

Original article
doi: 10.17223/19986645/94/14

There is always a choice: Alternative possible events in the narrative as a theoretical problem

Dina V. Shulyatyeva¹

¹ HSE University, Moscow, Russian Federation, dshulyatyeva@hse.ru

Abstract. Fictional narrative is traditionally considered by narratologists from the point of view of events that actually occurred within the storyworld, but at the same time includes events that could only happen. In other words, it assumes the existence of alternative possible scenarios. Classical narratologists (Tzv. Todorov, K. Bremond, R. Barthes) have also paid attention to this feature of narrative logic, but this type of eventfulness in the narrative has been studied much less often. The article examines the mechanisms of functioning of alternative versions of events in the narrative. Thus, alternatives can be presented by the narrator, the hero, or fall to the share of the reader's imagination. They can also have a different narrative scope: they can be omitted, implicit, explicit, or even expanded into a separate storyline. Depending on these criteria, different mechanisms of functioning of alternatives are distinguished: embedded narratives (describing desires, intentions, fantasies, etc. of heroes), virtual

events ("still possible" events), disnarration (indications of events on behalf of the narrator or hero that could only have happened, but did not happen), denarration (events that occurred, but then refuted), alternarration (events presented according to the principle of "either, or"), counterfactual narratives (alternatives deployed in separate storylines). Alternative scenarios can be included in the structure of the narrative, but they can also function at the level of reader interaction with it: in this case, we can talk about "replotting" (playing alternatives in the reader's imagination), about stimulating counterfactual and optional thinking of the reader. Each of the mechanisms in the article is considered on separate literary and cinematic examples, but this does not exhaust the problem of the functioning of alternatives in the narrative. On the contrary, the mechanisms considered allow us to raise new questions: whether such events can be included in the fabula and under what conditions; how the functioning of alternatives in literary narratives of different eras changes; whether it is possible to talk about the media specificity of such events – whether their functioning in literature differs from other types of narratives, for example, cinematic. Consideration of alternative scenarios makes it possible to present the narrative progression in a different way in the narrative and to reconsider the reader's complicit interaction with it.

Keywords: narrative alternatives, virtual narrative, virtual voice, disnarration, denarration, counterfactual narrative, replotting, alternate possible worlds

For citation: Shulyatyeva, D.V. (2025) There is always a choice: Alternative possible events in the narrative as a theoretical problem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 94. pp. 270–289. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/94/14

Альтернативные варианты развития событий и нарративная логика

Фикциональное повествование может рассматриваться с точки зрения событий, действительно произошедших в повествовательном мире, но предполагает и иной взгляд – с фокусом на тех событиях, которые не произошли, но только могли бы. Такие альтернативные варианты развития событий исследуются значительно реже, хотя они тоже включены в нарративную прогрессию, позволяют описывать читательский опыт при взаимодействии с нарративом, его эмоциональный отклик на происходящее.

Актуальность этой проблематики поддерживается и современным повествовательным контекстом: в последние десятилетия распространение получают нарративы, открыто предъявляющие читателю несколько версий одних и тех же событий. Подобные примеры мы встречаем в литературе («4321» П. Остера, «Хвали день к вечеру» Дж. Эрпенбек, «Три версии нас» Л. Барнетт и др.) и в кино («Беги, Лола, беги» Т. Тыквера, «Все везде и сразу» Д. Шайнерт, Д. Кван и др.). «Несущей конструкцией» такой нарративной формы становится последовательная экспликация альтернативных вариантов развития событий, ни один из которых не маркируется в повествовании как «истинный», в действительности произошедший. Повествовательные альтернативы в такой нарративной форме потому «теснят» актуальные, в действительности произошедшие события.

Распространение таких нарративов и их востребованность позволяет поставить вопрос о том, каким образом альтернативные варианты развития событий были представлены в нарративах предшествующих эпох, на какие механизмы опирается их функционирование, при помощи каких приемов они могут быть включены в повествование и как на структурном уровне относятся с тем опытом, который теперь предложен читателю.

Внимание к альтернативным вариантам развития событий в повествовании предопределяется самой нарративной логикой: на эту ее особенность указывал еще К. Бремон. В «Логике повествовательных возможностей» он подвергает пересмотру функции действующих лиц, предложенные В. Проппом, критикует их телеологичность и предлагает рассматривать повествование не как последовательность произошедших событий, но как совокупность возможностей, открывающихся перед нарратором и перед героем, из которых выбирается лишь одна, — она и оказывается представленной в истории [1]. По выражению Барта, такой подход позволяет раскрыть «энергетическую логику сюжета» [2. С. 402], поскольку рассматривает персонажей в момент их выбора, предполагающего, конечно, сразу несколько возможностей развития событий. Получается, что произошедшие события, взятые в фокус вне окружающих их «возможностей», сами по себе мало сообщают нам о действительной нарративной динамике и, главное, о специфике того интереса, который она представляет для читателя. Фактически Бремон касается таким образом проблемы “tellability”, т.е. того свойства истории, которое делает ее «достойной рассказа»: он подчеркивает роль «альтернатив» (пусть и имплицированных) в моделировании и поддержании такого интереса.

Цв. Тодоров в «Грамматике Декамерона» тоже выделяет, наряду с фактуальными функциями, иные, гипотетические: функции намерения, прогнозирования, условия и обязательства [3]. Все они не описывают в действительности произошедшее в повествовательном мире, но каждая из них указывает на иные возможности развития событий в нем.

Развивая идеи Бремона и Тодорова, Р. Барт описывал структуру повествовательных текстов, выделяя в ней так называемые «кардиналные» (или ядерные) функции. Такие функции обязательно предполагают «наличие альтернативной возможности», становятся «моментами риска», предполагают «альтернативный выбор» (для героя или нарратора) — этим они отличаются от иных функций в повествовании, которые Барт называет функциями-катализаторами. Функции-катализаторы располагаются между кардиналными функциями, они могут быть обильно представлены, детализировать происходящее, но от этого, подчеркивает Барт, кардиналные функции «не утрачивают своей альтернативной природы» [2. С. 398].

Кардиналные функции фиксируют момент выбора — поворотный момент (он впоследствии так и будет назван Фр. Моретти), в который выбор мог быть совершен иначе, и событие (как следствие) было бы иным. В таком

случае альтернативные версии развития событий имеют решающее значение для понимания нарративной прогрессии, но остаются имплицитированными.

Определения повествовательного события, предложенные другими исследователями, тоже указывают на необходимость рассмотрения «альтернатив» как сущностного свойства события и нарративной логики. Так, П. Рикер определяет событие как то, что «могло произойти иначе» [4. С. 313]. А Г. Морсон отмечает, что событийность возможна только тогда, когда предъявлены альтернативы; что события формируются только в том мире, в котором существует множество возможностей, из которых одни могут быть реализованы, а другие – нет [5. Р. 22].

В рассмотрении фикционального повествования потому важно учитывать не только то, что непосредственно в нем происходит, но и всю совокупность альтернатив – они тоже участвуют в нарративной прогрессии, определяют читательское взаимодействие с повествованием и потому нуждаются в исследовательском внимании и осмысливании.

Альтернативные варианты развития событий могут функционировать на разных уровнях повествования: они могут быть представлены нарратором, могут быть представлены героем или приходиться на долю читательского воображения при взаимодействии с историей. При этом может разниться и степень эксплицированности альтернативных версий событий: они могут быть как лакунированными (вовсе не представленными), так и имплицитными, и эксплицитными, и даже развернутыми в отдельную сюжетную линию.

В зависимости от этих параметров исследователи выделяют разные способы предъявления альтернатив читателю. Мы рассмотрим их последовательно.

Встроенные нарративы и виртуальные события

Так, М.-Л. Райан предлагает говорить о «встроенных нарративах», при этом понимая их иным образом, чем было принято в нарратологии до нее. Нарратологи чаще определяют «встроенные нарративы» как истории, рассказанные самими персонажами. Для Райан значимым остается принадлежность таких нарративов к миру героев (а не нарратора, например), но при этом в ее понимании меняется статус событий, которые могут быть отнесены к встроенным нарративам. Встроенные нарративы, по Райан, всегда описывают альтернативные возможные миры в повествовании, отличные от актуального мира в нем. Они могут быть очень разнородными, т.е. включать самые разные типы «возможного», их она перечисляет сама: «...мечты, вымыслы, фантазии, но и <...> планы, пассивные проекции, желания, представления...» [6. Р. 156] – все, что отличает, иными словами, лишь возможные события от тех, что непосредственно происходят в истории. Встроенные нарративы, по Райан, включаются в нарративную прогрессию и даже более того: без них она представляется невозможной, неполноценной, не

позволяет читателю понять развитие героя и отличить его представление о событийности от того, которое описывается нарратором. Встроенные нарративы при этом позволяют не только реконструировать альтернативные варианты событий в соответствии с представлениями каждого из героев, но и запустить встречное движение в воображении читателя. Об этом Райан пишет меньше, но эта сторона нарративной прогрессии тоже нуждается в обсуждении. Встроенные нарративы потому имеют значение не только для описания сюжетной динамики и для переопределения повествования с точки зрения одновременного функционирования множественных миров внутри него; они позволяют пересмотреть и читательское интерсубъективное взаимодействие с повествованием, в котором значение имеет не только происходящее непосредственно с героями, но и то, что с ними могло бы произойти, при этом может свершиться в процессе развертывания истории или не свершиться.

Встроенные нарративы, по Райан, специфичны и тем, что они необязательно указывают только на то, что в нем не произойдет. Мечты могут сбыться, планы – реализоваться, ожидания – оправдаться. В таком случае встроенные нарративы не будут указывать на альтернативные варианты развития событий, они будут воплощать «лишь возможное», превратившееся в процессе развертывания истории в «свершившееся». В случае же, если эти мечты, намерения, планы разойдутся с актуальными событиями, встроенные нарративы окажутся инструментом для воплощения альтернативных версий произошедшего.

Так происходит, например, в новелле «Возвращение Чорба» В. Набокова, сюжетно построенной на мифе об Орфее. У главного героя – Чорба – погибает жена, но принять ее смерть он не может: в его возможном мире ее еще можно вернуть, можно вызволить из мира мертвых так, как это казалось возможным Орфею. Новелла потому построена на соотнесении актуального нарратива и встроенного, принадлежащего герою. Но представления героя (его намерения, мечты) в тексте имплицированы, при этом без их реконструкции читатель не может до конца понять происходящее. Представления Чорба альтернативны реальным, показанным в рассказе, на это указывают отдельные элементы повествования: его жена погибает в свадебном путешествии, но на похороны он не приходит (как будто не признавая «окончательность» ее смерти); затем он приезжает к ее родителям, но сообщить о смерти не может и направляется в ту же гостиницу, в которой когда-то провел с женой первую брачную ночь. Его путь после смерти жены в точности повторяет их совместный – так он пытается «вернуть» ее к жизни, воссоздав в деталях все, что происходило прежде, полностью собрав ее образ и даже придав ему плоть (для этого в гостиничный номер он приглашает другую женщину). Намерения Чорба, хоть и имплицированы, но могут быть реконструированы. Они указывают не только на иное представление о реальности (для него жена еще жива), но и на возможный иной вариант развития событий: ее еще можно «воскресить», пусть не буквально, но сохранить, воссоздать ее образ, тем самым обретя утешение. Но это «еще возможное» для

героя не выдерживает столкновения с реальностью: подобно Орфею, он бросает взгляд на, казалось бы, уже воссозданную жену (женщину, приглашенную в номер), на миг (кажется) узнает ее, а затем осознает невозможность воплощения собственной фантазии. В этот момент в рассказе у Набокова мы впервые видим Чорба: с безумным горящим глазом, с голой волосатой ногой, нелепо закутанного в простыню. «Еще возможное» (его желания, намерения) превращается для него в «несвершившееся», а «искус», читаем мы в новелле, оказывается «кончен». Подмена (на которую надеялся Чорб) в мире Набокова бессмысленна, возможность не торжествует над реальностью и один мир (реальный) побеждает иной (фантазийный, потенциальный). Нarrативная динамика в рассказе при этом строится на соотнесении встроенного нарратива героя и всего того, что происходит с ним в реальности повествовательного мира, и именно встроенный нарратив (и альтернативный вариант развития события, стоящий за ним) становится для читателя ключом к пониманию происходящего.

Дизнarrация, денаррация, альтернаrrация

Если Райан говорила прежде всего о возможных событиях в их принадлежности к миру персонажей, то Дж. Принс переключил внимание на весь объем событий в повествовании, которые только могли бы произойти, но не случились. Такие события он предложил называть дизнarrацией [7]. От концепции Райан его отличает смещение фокуса с героями на другие уровни повествования, которые тоже могут открывать «несвершившееся». Отличает его подход и то, что он описывает только те события, которые не произошли (и не произойдут) в пределах повествовательного мира; ключевой в таком случае становится потенциальность таких событий, выводящая воображение читателя за пределы актуального мира нарратива.

Дизнarrация, по Принсу, реализует себя в повествовании при помощи указателей на иной возможный ход событий: эти указатели могут быть даны от лица нарратора, от лица персонажей. Они по-прежнему не составляют развернутой сюжетной линии, в большей степени перекладывая заботу эксплицирования этих альтернатив на читателя. Но они все-таки становятся значимой частью сюжетной динамики, поскольку, как утверждает Принс, позволяют представить произошедшее событие в более объемном множестве окружающих его альтернатив, тем самым, например, укрепив правдоподобие произошедшего [7]. Дизнarrация, по Принсу, наделяется и иными функциями (среди которых, например, замедление нарративной скорости), но ключевая ее особенность – в дополнительном, служебном значении по отношению к актуальным событиям.

Именно поэтому дизнarrация, утверждает Принс, в большей степени востребована в реалистической прозе и получает (на его взгляд) меньшее распространение в постмодернистской литературе второй половины XX в. Эффект реальности перестает иметь принципиальное значение для такой прозы, а вместе с ним, по Принсу, утрачивает свое значение и дизнarrация.

Принс фиксирует такие функции дизнarrации в реалистической прозе: она позволяет выявить «иррациональные ожидания, экстравагантные фантазии, неосуществившиеся планы» персонажей, сделать очевидными их заблуждения, иллюзии, травматические переживания [7]. Она позволяет охарактеризовать и нарратора, и его отношение к отдельным персонажам. Она становится инструментом для укрепления правдоподобия, поскольку имплицитно указывают читателю, что «история могла бы быть рассказана по-другому, не так для него интересно» [7], и указывает на сложившуюся в повествовательном мире норму (подвергая сравнению то, «как события происходят обычно» [7] и как они произошли в конкретном случае).

Он обращает явно большее внимание на распространение дизнarrации в реализме (в том числе за пределами XIX в.), но она оказывается востребованной и в литературных произведениях других направлений, не становясь потому исторически-специфичным феноменом. Так, например, дизнarrация активно используется в ранней прозе П. Остера, которого традиционно считают писателем-постмодернистом. В прозе Остера дизнarrация позволяет указать на потенциальное соседство нескольких возможных миров внутри повествовательного мира, поставить вопросы о механизмах производства события: о выборе, о случае, о причинах и следствиях. Не случайно потому исследовательница С. Чаудери называет такой способ рассказывания «риторика выбора» [8. Р. 15]: при помощи дизнarrации проблематизируется выбор, сделанный нарратором, выбор, который совершает герой, но и выбор, предложенный читателю. Дизнarrация получает распространение и в фактуальных (не фикциональных) нарративах: об этом подробно пишет М. Лэмбrou [9]. Она же указывает на востребованность дизнarrации и в других типах нарративов, например в кинематографических. Лэмбrou приводит пример из недавнего фильма Д. Шазелла «Ла-ла-лэнд» [10], который и заканчивается такой эксплицированной развилкой: герои уже сделали выбор, первая развилка для них уже оказалась пройденной, они расстались, предпочтя любовным отношениям профессиональную реализацию, но в finale фильма мы видим краткое воспроизведение упущенной ими возможности, краткое представление невыбранного пути, тех событий, которые могли бы произойти, но все-таки не случились. Можно привести и иной пример дизнarrации в современных кинонарративах. Так, в фильме «Оппенгеймер» К. Нолана последовательно выстраивается сюжетная линия с видениями главного героя, которые сопровождают его на протяжении всей жизни. Они лишь дополнение к событиям, которые с ним действительно происходят; они, кроме того, не являются сюжетно развернутыми: это лишь «вспышки», неожиданно возникающие на экране, оттеняющие все происходящее и не перекрывающие актуальных событий. Но тем не менее именно таким очередным видением и заканчивается фильм: в нем мы видим ядерный взрыв, в результате которого рушится весь мир. Это событие не является актуальным ни для повествовательного мира, ни для реальности за его пределами (фильм биографический, т.е. так или иначе отсылает зрителя к событиям, действительно происходившим в истории XX в.). Взрыв в

фильме – пример дизнаррации, указание на то, что могло бы произойти в прошлом и что еще может произойти в будущем. Такое использование дизнаррации – не размыщение об упущенной возможности или иначе сделанном выборе, но о том, к чему уже сделанный выбор может привести впоследствии и что, по-видимому, уже нельзя изменить (или изменить очень сложно). Потому в фильме финал поддерживается и словесно: мы возвращаемся к диалогу Оппенгеймера и Эйнштейна (он начался еще в первой части фильма) и слышим его окончание. «Может быть, мы сделали открытие, которое разрушит мир?» – спрашивает Оппенгеймер и получает ответ: «Думаю, это уже произошло». Дизнаррация не столько обращает наше внимание на прошлое, сколько устремляет взгляд зрителя (вслед за взглядом героя) в будущее: и потому дизнаррация проблематизирует не столько сделанный или не сделанный выбор как таковой, но те последствия, к которым он может привести и которые теперь выходят из-под контроля героя, этот выбор совершившего.

Наряду с дизнаррацией как способом указания на альтернативные варианты развития событий Принс предлагает говорить и о «денаррации» [11] – это понятие впоследствии будет подробнее рассмотрено и представителем неестественной нарратологии Б. Ричардсоном [12]. Денаррация отличается от дизнаррации: такой способ рассказа предполагает, что в процессе развертывания истории те или иные события в ней опровергаются нарратором («этого не было», прямо или косвенно говорит он). События, таким образом, сначала подаются как актуальные, а затем меняют свой статус, будучи опровергнутыми, и превращаются в «только возможные». Этот способ предъявления читателю альтернатив показывает, как события (с точки зрения их отнесения к актуальному или виртуальному) в нарративе могут быть подвижными, менять свой статус, тем самым проблематизируя и читательское взаимодействие с ними. В связи с таким способом рассказывания возникает и вопрос о возможности или невозможности включения таких (опровергнутых) событий в фабулу, но и о том, как переживаются эти события читателем: имеет ли значение для читательского опыта последующее («запоздалое») опровержение уже произошедшего, если прежде оно было пережито им как «действительно случившееся»? Ричардсон в качестве примера приводит роман И. Макьюена, в котором нарратор в конце обнаруживает вымышенность прежде изложенных событий, тем самым превращая все произошедшее лишь в альтернативную версию событий. Так происходит не только в литературных нарративах, но и, например, в кино: в российском фильме «Лето», рассказывающем о музыкальной группе В. Цоя, на экране появляются надписи (принадлежащие перу нарратора) «Всего этого не было». Такой способ рассказывания не только противопоставляет мир героев и мир нарратора, он подчеркивает свойство вымысла (функционального повествования) – быть альтернативной версией реальности и при этом переживаться (читателем, читателем) как происходящее здесь и сейчас.

Виртуальные события и нарративы

Вслед за Райан и Принсом исследователи-нарратологи уделяли большее внимание всему тому, что не произошло в пределах повествовательного мира, но могло произойти; тому, что можно отнести к возможному, тому, что представляет альтернативу по отношению к фабульным событиям.

Все «возможное», но не произошедшее в повествовании Райан предлагает называть «виртуальными событиями»: они тоже происходят, но не в действительности, а в воображении героев, поэтому они нуждаются во внимании при описании нарративной прогрессии.

Виртуальные события, по Райан, те, что могли бы произойти, но остались не актуализированными в нарративе. Сам нарратив в таком случае может быть определен как «путь, проходящий через многие развилики (forking points), на которых героям открываются разные тропы» [13. Р. 340]. Райан предлагает говорить о двух типах виртуальных событий, одно из которых имеет отношение к «будущему», другое – к «прошлому», уже произошедшему в нарративе. Первый тип – «только возможное» – указывает на те варианты, которые еще могут актуализоваться в истории. Второй – «несвершившееся» – на возможности, уже упущеные, на дороги, уже не пройденные [13].

Виртуальные события, по Райан, прежде всего способствуют вовлечению читателя в историю: они рассматриваются ею с точки зрения нарратологического понятия «tellability» – того свойства повествования, которое дает историю «достойной рассказа», интересной для читателя. Райан утверждает: именно виртуальные события способны создавать контраст (по отношению к актуальным), необходимый для нарративной динамики и для нарушения читательских ожиданий [13]. Без такого нарушения, без такой непредсказуемости и неопределенности вовлечение читателя невозможно, как невозможна и нарративная динамика. Виртуальные события потому (если говорить о реалистической прозе) могут становиться нарративным «фоном», на котором различается и становится значимой «фигура» (актуальные события). Виртуальные события – если продолжать размышление Райан – способствуют и производству такой нарративной эмоции, как удивление, которая тоже становится двигателем читательского взаимодействия с нарративом. В связи со значимостью виртуальных событий для развертывания нарратива возникает и вопрос, могут ли и должны ли быть такие события включены в фабулу. В классическом определении фабула включает в себя те события, которые произошли в пределах повествовательного мира, т.е., если перефразировать это определение, те события, которые относятся к актуальному миру нарратива. При этом определение фабулы явным образом не учитывает участие виртуальных событий в нарративной прогрессии, а потому может быть пересмотрено: особенно в контексте развития повествовательных форм уже за пределами реалистической прозы, когда виртуальные события обретают все большую повествовательную эксплицитность и наращивают повествовательный объем, составляют теперь уже отдельные

сюжетные линии и – если говорить о прозе второй половины XX в. и тем более XXI в. – нередко вытесняют актуальные события.

Райан связывает виртуальные события с миром героев, а Х. Данненберг предлагает понимать их шире: как то, что могло бы произойти с точки зрения героев, но и то, что охватывает мир нарратора. Виртуальные события, по Данненберг, могут быть как имплицитными (скрытая возможность развития событий, не представленная в нарративе), так и эксплицитными [14]. Виртуальные события могут не только «чредоваться» с актуальными, но и перекрывать их. Так нередко происходит в модернистской прозе, в которой виртуальные события могут выходить на первый план, а актуальные – становиться скрытыми. Показателен пример с ненадежным нарратором (как в «Отчаянии» В. Набокова, в котором все события представлены Германом Карловичем, полуబезумным убийцей): в таком случае читателю оказываются доступны лишь виртуальные события, существенно разнящиеся с актуальными, а последние предстоит реконструировать читателю с опорой на повествовательные указатели и на собственные представления о «норме» того вымышленного мира, с которым он взаимодействует. Ненадежный нарратор не дает читателю полного доступа к актуальному плану повествовательного мира, зато требует от него больших усилий (нередко тщетных) для реконструкции актуальных событий.

Развивает идеи Данненберг сербская исследовательница С. Милич, говоря теперь не только о виртуальных событиях, но и о виртуальных нарративах: они относятся, по Милич, и к плану героя, и к плану нарратора, и поддаются в ее исследовании типологизации с точки зрения степени участия в нарративной динамике, с точки зрения соотношения с актуальными событиями, с точки зрения их эксплицитности [15].

Исследовательница М. Гришакова иначе смотрит на функционирование виртуальных событий в повествовании, противопоставляя идею виртуальных нарративов Райан собственную концепцию «виртуальных голосов» [16]. Она подчеркивает, что виртуальные нарративы, по Райан, позволяют в большей степени описывать повествования, предполагающие контраст между физическими действиями героев и их «ментальным ландшафтом» (если пользоваться термином Брунера [17]). В случае же, когда большая часть событий приходится как раз только на «ментальный ландшафт», такой контраст исчезает. Гришакова предлагает говорить о разных типах виртуальных голосов, но среди них обнаруживается и тот тип, который позволяет указывать на альтернативные варианты развития событий: так происходит, например, в «Психо» А. Хичкока, в котором главный герой Норман сталкивается с собственным акустическим двойником. Этот голос, воображаемый, вымышенный им самим, создает «двойного» персонажа, но и «двойное» развитие событий: за действиями, которые совершает сам герой, следует тень его акустического двойника, предполагающая иной вариант развития событий (иной способ действовать).

Контрафактуальные нарративы

Среди виртуальных нарративов можно выделить особые – контрафактуальные. Они предлагают читателю альтернативные варианты развития событий в эксплицированном виде: в отдельных сюжетных ситуациях, эпизодах или даже целых сюжетных линиях. На такие способы предъявления читателю «альтернатив» обращает внимание исследовательница Х. Данненберг, продолжая размышление, начатое Райан и Принсом. Контрафактуальные нарративы варьируют события, произошедшие в повествовательном мире, вступают с ними в противоречие [18. Р. 119]. Контрафактуальные нарративы, как показывает Данненберг, получают распространение и в прозе XIX, и в прозе XX в., но меняют свои функции. За каждым контрафактуальным нарративом в пределах повествования стоит отдельный альтернативный возможный мир, необязательно (как было у Райан) закрепленный за отдельным героем. В отличие от Райан, Данненберг рассматривает только те событийные линии, которые противоречат актуальным событиям в повествовании, которые оказываются с ними не совместимыми. При этом некоторые из них могут восприниматься читателем как актуальные, а затем менять свой статус (в процессе развертывания истории). Контрафактуальные нарративы вместе с этим наделяются различными функциями в реалистической прозе (XIX в.) и в более поздней постмодернистской. Различия эти связаны, прежде всего, с динамикой контрафактуальных событий внутри повествования. Если в реалистической прозе они обязательно обнаруживают себя как «не произошедшие», тем самым противопоставляя себя актуальным событиям, и поддерживают, укрепляют эффект правдоподобия, то в более поздней постмодернистской прозе этот контраст исчезает. В результате альтернативные варианты развития событий выходят на первый план, перестают дополнять актуальные события, превращают множественность миров, прежде скрытую в прозе XIX в., в эксплицированную. Такую множественность миров можно называть «онтологической», поскольку эти альтернативы теперь предъявляют читателю сразу несколько миров, несовместимых друг с другом.

Это различие в функционировании альтернатив в прозе XIX и XX вв. хорошо заметно при сравнении, например, «Рождественской песни» Ч. Диккенса и новеллы «Бебиситтер» Р. Кувера.

И в том и в другом случае мы имеем дело с несколькими сюжетными линиями, в которых представлены разные варианты развития событий. В случае с Диккенсом предъявление альтернатив происходит при помощи изображения снов главного героя Скруджа. Ему являются духи, последовательно описывая разные сюжеты из его жизни. Сначала он видит себя алчным, предающим свою возлюбленную в прошлом; затем видит, как о нем неодобрительно отзываются другие, не желая разделить с ним веселье Рождства, и только его племянник еще сохраняет надежду на последующее исправление героя; наконец, он видит, что умрет в одиночестве и никем не будет оплакан. «Бебиситтер» на первый взгляд построен похожим образом:

перед нами череда вариантов развития событий, последовательно предъявляемых читателю. Их значительно больше, чем в «Рождественской песни» Диккенса, но разница скрыта, конечно, не только в количестве. Структурно эти два нарратива похожи: и в первом и во втором случае эксплицитно развернуты разные варианты событий, предлагающие и герою и читателю «выбор», который еще можно совершить. Разница заключена в динамике таких нарративов в пределах каждого из повествований: у Диккенса за предъявлением вариантов следует изменение главного героя – он осознает свою ошибку, решает измениться, и в конце концов один из вариантов актуализируется, превращаясь в «свершившееся». Одна из возможностей, таким образом, становится в повествовании актуализированной, в действительности произошедшей с героем. Иначе обстоит дело у Кувера, у которого ни один из вариантов не становится актуальным: все они остаются «возможными», все сохраняют потому онтологическую множественность миров внутри заявленной истории. Выбор актуальной линии, по-видимому, передается из рук нарратора в руки читателю: реконструкция актуальной событийной линии теперь его забота.

Функционирование альтернативных возможных миров в постмодернистской прозе демонстрирует преобладание альтернатив над актуальными событиями и изменение в их соотношении. Альтернативы больше не подчиняются актуальным событиям, не оттеняют их, перестают быть служебными. Речь в таком случае не может идти о том, чтобы описывать подобные нарративные конструкции как «дизнarrацию», о которой писал Принс. Подобное соотношение актуальных и виртуальных миров потребовало и иного нарратологического описания – и оно его получило.

Для описания нарративной формы, в которой ни одна из альтернатив не получает преимуществ перед другими и ни одна из них при этом не становится актуальной в пределах повествовательного мира, Дж. Принс предложил понятие «альтернаррация» [19, 20]: такая повествовательная ситуация может быть описана при помощи конструкции «либо/либо». Фактически при помощи альтернаррации можно описать современные разветвленные формы, предполагающие одновременное сосуществование нескольких возможных миров и нескольких версий событий, ни одна из которых не получает преимущества перед другими. Альтернаррация – один из наименее изученных механизмов предъявления альтернатив в повествовании.

Реплottинг, вероятностное моделирование, контрфактуальное мышление

Альтернативные варианты событий в повествовании выявляются не только на его структурном уровне, но и на стороне читателя. На такое – прагматическое – направление функционирования альтернатив указывал и Дж. Принс в завершение своего размышления о дизнarrации [21. Р. 7]. Еще Генри Джеймс отмечал, что ни один художественный мир не может быть

описан в тексте до конца, а это значит, что читательское соучастие в достраивании этого мира – на самых разных его уровнях – является необходимым условием развертывания этого мира и событий, происходящих в нем. На эту сторону функционирования повествования традиционно обращают внимание многие исследователи, в том числе представители рецептивной эстетики, энактивисты и др. Эта соучаственная активность читателя разнообразна, но включает в себя и последовательное развертывание событий, альтернативных представленным непосредственно в рассказываемой истории. Не случайно потому В. Изер называет чтение «процессом постоянного выбора» для читателя [22], а развивает его наблюдение Р. Герриг, экспериментально подтверждая значение альтернатив для взаимодействия читателя с историей [23]. Он рассматривает читательский опыт с этой точки зрения: не только повествование непосредственно может в более или менее эксплицитном виде предлагать читателю альтернативы представленных событий, но и читатель при взаимодействии с историей моделирует эти альтернативы, делая это моделирование значимой частью собственного читательского опыта. Моделирование альтернатив поэтому рассматривается в соотношении с нарративной прогрессией: альтернативы проигрываются читателем в воображении, варьируя то, что уже произошло в истории, но моделируются и в виде «антicipаций» (ожиданий) – варьируя, соответственно, то, что только может произойти, но пока неизвестно, произойдет ли. Такой процесс взаимодействия читателя с историей описывается Герригом при помощи понятия «реплottинг» и поддерживается более поздней исследовательской традицией [23. Р. 91]. К исследованию конструирования альтернатив подключаются и нарратологи, рассматривающие иную сторону читательского опыта: его эмоциональный отклик на происходящее. Моделирование нарративных эмоций в истории тоже связано, как имплицитно указывают М. Стернберг, С. Кин и М.-Л. Райан, с продумыванием альтернатив: по большому счету, без моделирования альтернатив невозможно движение читателя по истории, на них строится переживание напряженного ожидания, тревоги, страха, на них строится и ревизия уже представленного в истории (уже произошедшего) [24]. Моделирование альтернатив с этой точки зрения (в том, как они позволяют создавать такие нарративные эмоции, как саспенс и любопытство) рассматривает нарратолог Р. Барони при помощи понятия «нарративного напряжения» (*la tension narrative*) [25].

Моделирование альтернатив читателем сопоставимо с функционированием лакун (в том числе нарративных), без заполнения которых подключение читателя к вымышленному миру было бы невозможно. Потому неудивительно, что такой «невидимый» в повествовании процесс (приходящийся на долю читателя) все-таки получает экспликацию и вербальное выражение в отдельных случаях: феномен фанфикши (истории, которые пишутся поклонниками того или иного художественного произведения) с этой точки зрения может быть рассмотрен как экспликация реплottинга, его вербальное предъявление читателем. Он, хоть и не является обязательным, по-видимому, подтверждает значимость альтернатив для соучастного достраивания вымышленного мира.

Исследование читательского опыта с точки зрения моделирования альтернативных вариантов развития событий только продолжается в последние годы: так, исследовательница-когнитивист К. Кукконен предлагает говорить о «вероятностном моделировании» [26], которое позволяет описывать процесс взаимодействия читателя с повествованием. Такая читательская активность, по Кукконен, стимулируется прежде всего событиями, не произошедшими в повествовательном мире или произошедшими, но не представленными в нем. Так, по Кукконен, в моделировании вероятностей участвуют как те нарративные лакуны, которые указывают на то, что произошло, но осталось нерассказанным, так и те, которые направляют читательское воображение в сторону «только возможного». Но Кукконен предлагает рассматривать моделирование альтернатив и в иной, энактивистской перспективе, показывая, как моделирование альтернатив участвует в процессе «вдействования» и «вчувствования» в повествовательный мир. Поэтому для описания этих процессов она привлекает такие понятия, как «эффект присутствия», «эффект потока», «воплощенное чтение» – характерные для описания чтения в его экспериенциальном измерении. Кукконен отмечает, что моделирование вероятностей, ожиданий, прогнозов в читательском воображении стимулируется особыми текстовыми указателями, обращающими внимание читателя на физические передвижения и реакции героя. «Глаголы движения, телесные описания (описания тела), указатели, обозначающие направление движения» [26. Р. 62] — все это позволяет читателю моделировать дальнейшее развитие событий, продумывать его варианты, но теперь уже не только с опорой на повествовательные события, но и посредством отклика на телесную презентацию героев. И даже более того: эффект присутствия, создаваемый в фикциональном повествовании, Кукконен тоже связывает со стимуляцией контрафактурного мышления читателя (она приходит к таким выводам, опираясь на исследования нейрофизиологов) [26].

Подобная читательская активность стимулируется и теми повествовательными механизмами, что были описаны прежде, но и иными указателями, превращающими чтение в процесс развернутого ответа на вопрос «что было бы, если». Так, например, происходит в финальной сцене рассказа «Хорошо ловится рыбка-бананка» Дж. Сэлинджера: он заканчивается самоубийством героя, но о нем мы узнаем только из последних слов рассказа («...и пустил себе пулю в правый висок»). Это событие в рассказе читателю предсказать довольно сложно, хотя бы потому что весь рассказ построен на нарративных умолчаниях. О прошлом героя — его военном опыте, связанной с ним травмой, предыдущими попытками суицида — можно узнать, лишь прибегая к читательской реконструкции: об этом не рассказывается в нарративе, на это лишь указывается в нем, и подобная повышенная имплицитность не позволяет читателю строить конкретные ожидания того, что с героем произойдет. Из рассказа мы скорее узнаем о возможном (неявном) конфликте с женой: в рассказе они ни разу не разговаривают, разделены и композиционно (в первой части показана жена, во второй — он сам), на проблемы указывает и мать геройни в разговоре с ней. Такой конфликт —

наиболее очевидный в новелле. «Встречаются» с женой они лишь в последней сцене, когда герой поднимается в гостиничный номер, где в это время спит жена. Нам подробно описывают действия героя: он открывает дверь ключом, смотрит на жену, открывает чемодан, перебирает вещи, лежащие в нем. Упоминание жены запускает моделирование читателем вариантов дальнейших событий: они, по-видимому, должны быть связаны с ней. Следующее действие героя только усиливает это ожидание: среди груды вещей он находит трофеиный пистолет и достает его. Появление «ружья», которое должно выстрелить, вновь направляет читательское внимание к тому варианту развития событий, который бы связал это «ружье» и жену, упомянутую прежде. Тем более что она снова упоминается: герой садится на кровать напротив жены, вновь смотрит на нее. Читательское моделирование дальнейших событий в таком случае предполагает два возможных варианта: герой выстрелит либо в жену, либо в себя (больше в комнате никого нет). Повествовательные указатели направляют читателя в сторону «варианта» с женой, тем самым создавая напряжение, и до последних слов в рассказе эту неопределенность не разрешают: в оригинальном тексте тот, в кого в конце концов выстреливает главный герой, описан только в последних трех словах предложения и всего рассказа (*«and fired a bullet through his right temple»* вместо *«и пустил себе пулю в правый висок»*: в русском переводе «себе» появляется раньше и потому раньше сообщает читателю о том, в кого все-таки произведен выстрел). До этого контрольного и финального момента два варианта возможных событий существуют в читательском воображении на равных, и тот и другой представляется возможным, и только один – в результате осуществленным.

Моделирование альтернатив в читательском воображении может управляться и другими повествовательными приемами – более эксплицитными. Так происходит, например, в фильме «Криминальное чтиво» К. Тарантино. Для Тарантино в целом характерно размыщление о (кино)повествовании как об альтернативной реальности: свидетельством тому служат его фильм «Бесславные ублюдки» (в котором «переиначиваются» события Второй мировой войны, реки истории оборачиваются вспять) или «Однажды в Голливуде...» (в котором в живых остается жена Р. Полански, в реальности погибшая). В «Криминальном чтиве» речь не идет об эксплицитном варьировании исторических событий или об эксплицитном предъявлении зрителю альтернативных версий событий вымышленных, но читательское воображение направляется именно в эту сторону. Такое моделирование оказывается возможным благодаря подчеркнутой нелинейности фильма: фильм состоит из нескольких частей (глав), представленных читателю в нехронологическом порядке. Главные герои фильма – гангстеры, которые (поэтому) могут погибнуть в любой момент. Заряженные в фильме Тарантино «ружья» стреляют, но не всегда попадают в цель: таким образом смерти избегает гангстер Джулс. Другому – Винсенту – везет меньше, и в одном из эпизодов фильма его все-таки убивают. Но финальная сцена, фабульно предшествующая эпизоду с убийством, показывает его еще живым, тем самым предлагая зрителю

на выбор два варианта: «доверять» фабуле (герой погибает) или тому порядку событий, который представлен в фильме; предлагает ему в процессе просмотра фильма воображаемо пережить возможность «воскресения» героя (в конце фильма, но не его фабулы, он по-прежнему жив).

Для читательского опыта в целом, по-видимому, характерно контрафактуальное мышление, сопоставимое с тем, что исследователи-психологи называют «ментальным путешествием по времени» [27] (прогнозированием будущих событий или, наоборот, ревизией уже произошедших). Альтернативные варианты развития событий, лакунированные, имплицитные или эксплицитные, только стимулируют такую читательскую активность, превращая потому чтение в процесс проживания «альтернатив», даря читателю доступ к чужим (вымышленным) сознаниям, отличным от его собственных, к событиям, которые с ним не происходили, но могли бы или которые только могут произойти. Альтернативные варианты развития событий поэтому становятся не только инструментом для укрепления нарративной интриги, создания нарративной динамики, моделирования нарративных эмоций. Они метарефлексивно осмысляют и сам процесс чтения (взаимодействия читателя с рассказываемой ему историей), при котором, если перефразировать Барта, эти истории приключаются уже в воображении читателя, в их множественном, вариативном, альтернативном виде.

Заключение

Рассмотрение повествовательных альтернатив, таким образом, представляется значимым для понимания нарративной прогрессии в повествовании и даже в большей степени – для переопределения соучастного взаимодействия читателя с ним. Предъявленные в повествовании «альтернативы» позволяют соотнести мир нарратора и мир отдельных персонажей, актуальные и виртуальные события в нарративе, проследить их динамику и соотношение. Они участвуют в моделировании нарративных эмоций читателя, переключают его внимание со сферы «происшедшего» на сферу «несвершившегося» и того, что еще только может произойти, стимулируя тем самым контрафактуальное мышление читателя.

Механизмы функционирования альтернатив в повествовании, рассмотренные прежде, позволяют поставить и новые вопросы, открытые дальнейшим исследованиям: об исторической специфике функционирования альтернатив в литературных нарративах разных эпох, о медиаспецифике этого функционирования (в литературе и, например, в кино), о связи этого функционирования с культурным контекстом (в том числе современным, с его пересмотром понятия «виртуального» в цифровой среде). Внимание к «альтернативам» в повествовании позволяет подвергнуть пересмотру и некоторые базовые понятия нарратологии: могут ли альтернативные варианты развития событий быть включенными в фабулу и на каких условиях. Наконец, выявление «альтернатив» на структурном уровне ставит вопрос и о специфике читательского взаимодействия с ними: как соотношение актуального

и виртуального может быть рассмотрено не только на структурном уровне, но и на уровне читательского восприятия – значимо ли это структурное различие для читательского опыта или виртуальное (как и актуальное) переживается им в процессе взаимодействия с историей как тоже происходящее здесь и сейчас.

Альтернативные варианты развития событий в повествовании как теоретическая проблема позволяют поставить даже более общий вопрос, связанный теперь с фикциональностью как свойством такого типа нарративов. С этой точки зрения фикциональное повествование может быть само по себе рассмотрено как альтернативное жизни и представляющее читателю иной возможный вариант его собственной жизни (в том или ином ее аспекте). Не случайно исследовательница-нарратолог М. Флудерник так определяет фикциональность в целом: «<...> принятие решения о том, что считать фикциональностью, а что – нет (или литературностью в данном случае), требует обращения к трем вопросам: является ли история конструкцией (*fictio*), являются ли описываемые события выдуманными (*fictum*) и является ли объект или ситуация виртуальными (*suppositio*)» [28. Р. 60]. В этом свойстве повествования она выделяет несколько составляющих, среди которых оказывается и «виртуальность», и это его свойство само по себе указывает на «альтернативность» как примету любого фикционального повествования. С этой точки зрения, говоря об альтернативах как о теоретико-литературной проблематике, мы возвращаемся к задаче литературы (поэзии), определенной еще Аристотелем: «...говорить не о том, что было, но о том, что только могло бы быть» [29. С. 126].

Список источников

1. Бремон К. Логика повествовательных возможностей // Семиотика и искусствоведение. М., 1972. С. 108–135.
2. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX—XX вв.: трактаты, статьи, эссе. М., 1987. С. 387–422.
3. Ryan M.-L. Possible Worlds // The living handbook of narratology. Hamburg : Hamburg University, 2019. URL: <http://www.lhn.uni-hamburg.de/article/possible-worlds> (дата обращения: 15.05.2024).
4. Рикер П. Время и рассказ. М. ; СПб. : Университетская книга, 1998. Т. 1. 313 с.
5. Morson G. Narrative and Freedom: the Shadows of Time. New York ; London : Yale University Press, 1996. 336 p.
6. Ryan M.-L. Possible worlds, artificial intelligence, and narrative theory. Bloomington : Indiana University Press, 1991. 291 p.
7. Prince G. Disnarré / Disnarrated // Glossaire du RéNaFio 2018. URL: <https://wp.unil.ch/narratologie/2018/12/disnarre-disnarrated/> (дата обращения: 15.05.2024).
8. Chaudhuri S. The Rhetoric of Choice // Disnarration: The Unsaid Matters. Hyderabad : Orient Blackswan, 2016. 188 p.
9. Lambrou M. Disnarration and the Unmentioned in Fact and Fiction. London : Palgrave Pivot London, 2019. 126 p.
10. Lambrou M. La La Land: Counterfactuality, Disnarration and the Forked (Motorway) Path // Rethinking Language, Text and Context: Interdisciplinary Research in Stylistics in Honour of Michael Toolan. London : Routledge, 2018. P. 29–42.

11. Prince G. Remarques sur le *topos* et sur le *dénarré* // *La Naissance du roman en France*. Paris-Seattle-Tübingen : Biblio 17, Papers on Seventeenth Century Literature, 1990. P. 113–122.
12. Richardson B. Denarration in Fiction: Erasing the Story in Beckett and Others // *Narrative*. 2001. Vol. 9, № 2. P. 168–175.
13. Ryan M.-L. *Virtuality* // *Critical Terms in Futures Studies*. Cham : Palgrave Macmillan, 2019. P. 335–341.
14. Dannenberg H. *Virtuality in Narrative Fiction* // Diss. Sense. Zeitschrift fur Literatur und Philosophy, 1998. URL: <http://www.dissense.de/vi/dannenberg.html> (дата обращения: 15.05.2024).
15. Милич С.М. Виртуальный нарратив как повествовательная альтернатива // *Narratorium*. 2017. № 1 (10). URL: [https://narratorium.ru/2018/04/03/%D1%81%D0%BD%D0%82%D0%91%D0%BD%D0%90%D0%91%D0%BC%D0%90%D0%91%D0%BB%D0%BE%D1%81%D0%90%D0%91%D0%92%D0%90%D0%91%D0%95%D0%90%D0%91%D0%92%D0%90%D0%91%D0%97/](https://narratorium.ru/2018/04/03/%D1%81%D0%BD%D0%82%D0%91%D0%BD%D0%90%D0%91%D0%BC%D0%90%D0%91%D0%BB%D0%BE%D1%81%D0%90%D0%91%D0%92%D0%90%D0%91%D0%95%D0%90%D0%91%D0%92%D0%90%D0%91%D0%97%D0%90%D0%91%D0%98%D0%91%D0%92%D0%90%D0%91%D0%97/) (дата обращения: 15.05. 2024).
16. Grishakova M. *Interface Ontologies: On the Possible, Virtual, and Hypothetical in Fiction* // *Possible Worlds Theory and Contemporary Narratology*. Lincoln: University of Nebraska Press, 2019. P. 88–110.
17. Bruner J. *Actual Minds, Possible Worlds*. Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press, 1986. 222 p.
18. Dannenberg H. *Coincidence and Counterfactuality: Plotting Time and Space in Narrative Fiction*. Lincoln : University Of Nebraska Press, 2008. 304 p.
19. Prince G. L'Alternarré // *Strumenti Critici*. 1989. № 4. P. 223–231.
20. Frank W. «Alternarré», «dénarré», «disnarré» : réflexions à partir d'exemples contemporains // *Cahiers de Narratologie*. 2020. URL: <http://journals.openedition.org/narratologie/10641>.
21. Prince G. The Disnarrated // *Style*. 1988. Vol. 22, № 1. P. 1–8.
22. Изэр В. Процесс чтения: феноменологический подход // Современная литературная теория: антология / сост. И.В. Кабанова. М., 2004. С. 201–224.
23. Gerrig R.J. *Experiencing Narrative Worlds: On the Psychological Activities of Reading*. New Haven ; London : Yale University Press, 1993. 273 p.
24. Sternberg M. Universals of Narrative and Their Cognitivist Fortunes (I) // *Poetics Today*. 2003. Vol. 24, № 2. P. 297–395.
25. Baroni R. *La Tension narrative. Suspense, curiosité et surprise*. Paris : Seuil, 2007. 456 p.
26. Kukkonen K. *Probability Designs: Literature and Predictive Processing*. New York : Oxford University Press, 2020. 225 p.
27. Suddendorf T., Corballis M. Mental time travel across the disciplines: The future looks bright // *Behavioral and Brain Sciences*. 2007. Vol. 30, № 3. P. 335–345.
28. Fludernik M. *An Introduction to Narratology*. London : Routledge, 2009. 200 p.
29. Аристотель и античная литература / под ред. М.Л. Гаспарова. М. : Наука, 1978. 230 c.

References

1. Bremond, K. (1972) Logika povestvovatel'nykh vozmozhnostey [Logic of narrative possibilities]. In: Lotman, Yu.M. & Petrov, V.M. (eds) *Semiotika i iskusstvometriya* [Semiotics and artometry]. Moscow: Mir. pp. 108–135.
2. Barthes, R. (1987) Vvedenie v strukturnyy analiz povestvovatel'nykh tekstov [An Introduction to the Structural Analysis of Narrative]. In: *Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury XIX—XX vv.: traktaty, stat'i, esse* [Foreign aesthetics and theory of literature of the XIX—XX centuries: treatises, articles, essays]. Moscow. pp. 387–422.

3. Ryan, M.-L. (2019) Possible Worlds. In: Hühn, P. et al. (eds) *The living handbook of narratology*. Hamburg: Hamburg University. [Online] Available from: <http://www.lhn.uni-hamburg.de/article/possible-worlds>
4. Ricoeur, P. (1998) Vremya i rasskaz [Time and story]. Vol. 1. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga.
5. Morson, G. (1996) *Narrative and Freedom: the Shadows of Time*. New York, London: Yale University Press.
6. Ryan, M.-L. (1991) *Possible worlds, artificial intelligence, and narrative theory*. Bloomington: Indiana University Press.
7. Prince, G. (2018) Disnarré / Disnarrated. *Glossaire du RéNaF*. [Online] Available from: <https://wp.unil.ch/narratologie/2018/12/disnarrer-disnarrated/>
8. Chaudhuri, S. (2016) The Rhetoric of Choice. In Shastri, S. (dir.) *Disnarration: The Unsaid Matters*. Hyderabad: Orient Blackswan.
9. Lambrou, M. (2019) *Disnarration and the Unmentioned in Fact and Fiction*. London: Palgrave Pivot London.
10. Lambrou, M. (2018) La La Land: Counterfactuality, Disnarration and the Forked (Motorway) Path. In Page, B. et al. (eds) *Rethinking Language, Text and Context: Interdisciplinary Research in Stylistics in Honour of Michael Toolan*. London: Routledge. pp. 29–42.
11. Prince, G. (1990) Remarques sur le *topos* et sur le *dénarré*. In Bourcier, N. & Trott, D. (eds) *La Naissance du roman en France*. Paris-Seattle-Tübingen: Biblio 17, Papers on Seventeenth Century Literature. pp. 113–122.
12. Richardson, B. (2001) Denarration in Fiction: Erasing the Story in Beckett and Others. *Narrative*. 2001. 9:2. pp. 168–75.
13. Ryan, M.-L. (2019) Virtuality. In: Paul, H. (ed.) *Critical Terms in Futures Studies*. Cham: Palgrave Macmillan. pp. 335–341.
14. Dannenberg, H. (1998) Virtuality in Narrative Fiction. *Diss. Sense. Zeitschrift für Literatur und Philosophie*. [Online] Available from: <http://www.dissense.de/vi/dannenberg.html>
15. Milić, S.M. (2017) Virtual Narrative as Narrative Alternative. *Narratorium*. 1. [Online] Available from: [https://narratorium.ru/2018/04/03/%D1%81%D0%BD%D0%B5%D0%B6%D0%B0%D0%BD%D0%BC%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D1%81%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%BC%D0%87-](https://narratorium.ru/2018/04/03/%D1%81%D0%BD%D0%B5%D0%B6%D0%B0%D0%BD%D0%BC%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D1%81%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%BC%D0%87-%D0%BC%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D1%87/)
16. Grishakova, M. (2019) Interface Ontologies: On the Possible, Virtual, and Hypothetical in Fiction. In: Bell, A. & Ryan, M.-L. *Possible Worlds Theory and Contemporary Narratology*. Lincoln: University of Nebraska Press. pp. 88–110.
17. Bruner, J. (1986) *Actual Minds, Possible Worlds*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
18. Dannenberg, H. (2008) *Coincidence and Counterfactuality: Plotting Time and Space in Narrative Fiction*. Lincoln: University Of Nebraska Press.
19. Prince, G. (1989) L'Alternarré. *Strumenti Critici*. 4. pp. 223–231.
20. Frank, W. "Alternarré", "dénarré", "disnarré": réflexions à partir d'exemples contemporains. *Cahiers de Narratologie*. 2020. [Online] Available from: <http://journals.openedition.org/narratologie/10641>
21. Prince, G. (1988) The Disnarrated. *Style*. 22:1. pp. 1–8.
22. Izer, V. (2004) Protsess chteniiia: fenomenologicheskii podkhod [The Reading Process: A Phenomenological Approach]. In *Sovremennaiia literaturnaia teoriia. Antologiia*. [Modern literary theory. An anthology] Moscow: Flinta, Nauka. pp. 201–224.
23. Gerrig, R.J. (1993) *Experiencing Narrative Worlds: On the Psychological Activities of Reading*. New Haven, London: Yale University Press.

24. Sternberg, M. (2003) Universals of Narrative and Their Cognitivist Fortunes (I). *Poetics Today*. 24:2. pp. 297–395.
25. Baroni, R. (2007) *La Tension narrative. Suspense, curiosité et surprise*. Paris: Seuil.
26. Kukkonen, K. (2020) *Probability Designs: Literature and Predictive Processing*. New York: Oxford University Press.
27. Suddendorf, T. & Corballis, M. (2007) Mental time travel across the disciplines: The future looks bright. *Behavioral and Brain Sciences*. 30:3. pp.335–345.
28. Fludernik, M. (2009) *An introduction to narratology*. London: Routledge.
29. Gasparov, M. (ed) (1978) *Aristotel' i antichnaya literatura* [Aristotle and Ancient Literature]. Moscow: Nauka.

Информация об авторе:

Шулятьева Д.В. – канд. филол. наук, доцент Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: dshulyatyeva@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.V. Shulyatyeva, Cand. Sci. (Philology), associate professor, HSE University (Moscow, Russian Federation). E-mail: dshulyatyeva@hse.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.05.2024;
одобрена после рецензирования 26.06.2024; принята к публикации 26.03.2025.*

*The article was submitted 24.05.2024;
approved after reviewing 26.06.2024; accepted for publication 26.03.2025.*

ЖУРНАЛИСТИКА

Научная статья
УДК 654.197
doi: 10.17223/19986645/94/15

Специфика программирования популярных провинциальных телеканалов КНР

Юлия Игоревна Долгова¹, Ин Чжан²

^{1, 2} Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

¹ yidolgova@gmail.com

² tchjanin@yandex.ru

Аннотация. Исследуются стратегии программирования популярных провинциальных телеканалов КНР: «Хунань ТВ», «Чжэцзян ТВ», «Цзянсу ТВ». Предлагается уникальная матрица для анализа жанрово-форматной структуры телеканалов, а также сегментирование дня на тайм-слоты согласно ритму жизни телезрителей КНР. Общими форматами для трех телевизионных вещателей оказались лишь телевизионные сериалы и новости. Не все из анализируемых каналов ориентировались на смену ритма жизни аудитории в течение недели.

Ключевые слова: китайское телевидение, развлекательное телевидение, форматы телевидения, тайм-слот, программируемое телевидение, телевидение КНР, жанрово-форматная структура телевидения, ритм жизни телезрителей

Для цитирования: Долгова Ю.И., Чжан И. Специфика программирования популярных провинциальных телеканалов КНР // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 94. С. 290–309. doi: 10.17223/19986645/94/15

Original article
doi: 10.17223/19986645/94/15

Daily and weekly dynamics of programming of Hunan TV, Zhejiang TV and Jiangsu TV channels

Yulia I. Dolgova¹, Ying Zhang²

^{1, 2} Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

¹ yidolgova@gmail.com

² tchjanin@yandex.ru

Abstract. This article is the result of a complex study on programming strategies of three popular Chinese TV channels: Hunan TV, Zhejiang TV, Jiangsu TV. The relevance of the study is related to the low level of knowledge of this topic. In addition, the selected TV channels are the market leaders and have been competing over the past 10 years. The study was conducted using a unique methodology. A matrix was proposed for analyzing the genre-format structure of TV channels and segmenting the day into time slots, according to features of the daily life of Chinese viewers. The authors

monitored TV programs during the period of 9–15 January 2023. The research showed that only television series and news were common formats for three television broadcasters; the channels were scheduled different ways, which indicates the relevance of the counter-programming strategy. Their content strategies were based on programs traditionally understood as entertainment: shows, reality shows, talk shows, which explains the perception of studied general interest broadcasters as entertainment ones, used for recreation and entertainment. Unlike Russian regional and local TV channels, Chinese audiovisual media of this type are aimed at the widest audience across the country, offering them a popular (and traditionally expensive to produce) TV programs. Not all the analyzed TV channels were aimed at following the rhythm of everyday life on weekdays and weekends. The leading Chinese satellite television channel Hunan TV had a more coherent programming strategy, but focusing on the rhythm of the audience's life was typical only for prime time and post-prime. Zhejiang TV and Jiangsu TV channels were characterized by a more chaotic schedule, especially during the early morning and late night periods. The analysis showed that commercial television in China did not always follow the programming strategies proposed by Western researchers and tested by Russian TV producers. The weekly dynamics of programming was unclear, it was difficult to identify priority formats for a certain time slot. As a result, Chinese local television has shown itself to be more diverse and distinctive. All time slots featured programs that focused not only on entertaining the audience, but also on informing and educating. Even in prime time, in addition to entertainment programs, all three TV channels broadcast socially significant ones. For example, the Hunan TV channel produced a docudrama about Chinese culture, and the Zhejiang TV channel showed a social reality show. Such formats are not found on Russian television.

Keywords: Chinese television, entertainment TV, television formats, timeslots, TV programming, television genre and format structure, daily life of TV viewers

For citation: Dolgova, Yu.I. & Zhang Ying (2025) Daily and weekly dynamics of programming of Hunan TV, Zhejiang TV and Jiangsu TV channels. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 94. pp. 290–309. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/94/15

Актуальность

В условиях глобальных трансформационных процессов, затрагивающих современное телевизионное пространство, возросшей конкуренции телевизионных вещателей и новых медиа значимость исследования актуальных и перспективных контент-стратегий вырастает в разы [1–3]. Актуальность исследования также связана и с интенсификацией отношений между Россией и Китаем в сложной внешнеполитической обстановке, ростом интереса к китайской культуре и образу мыслей. В КНР все телевидение принадлежит и контролируется государством и в значительной степени регламентировано. С точки зрения территориального признака оно разделено на четыре ступени: центральное, провинциальное, городское, уездное. Правительство Китая оказывает большую поддержку именно центральным телеканалам CCTV, тогда как провинциальные государственные телеканалы, в том числе такие популярные телевещатели, как «Хунань ТВ», «Чжэцзян ТВ» и «Цзянсу ТВ», должны искать также альтернативные способы финансирования. Доходы от рекламы становятся все более важным источником доходов в последние

годы. Одновременно стоит отметить, что региональные спутниковые телевещатели, выбрав в качестве способа распространения спутниковые технологии, оказываются доступными по всей территории КНР, а вследствие большей ориентации на рейтинг и меньшего контроля со стороны центральной власти оказываются более популярными среди молодой аудитории.

В данной работе исследуется специфика программирования трех самых популярных спутниковых провинциальных телеканалов КНР, «Хунань ТВ», «Чжэцзян ТВ» и «Цзянсу ТВ» [4]. Телестанция «Хунань ТВ» была создана в 1970 г., как провинциальный спутниковый телеканал «Хунань ТВ» вещает с 1997 г. В программе передач много развлекательных проектов, самыми известными из которых являются «Счастливый лагерь» («Happy Camp», 快乐大本营) и «День за днем» («Day Day up», 天天向上). Телестанция «Чжэцзян ТВ» одна из самых старых в Китае, основана в 1960 г., а с 1994 г. «Чжэцзян ТВ» вещает как спутниковый провинциальный канал, на котором демонстрируется разнообразный контент: документальные фильмы, культурные передачи, а также реалити-шоу (последние пользуются особой популярностью у зрителей). Телестанция «Цзянсу ТВ» также была основана в 1960 г., провинциальный спутниковый канал «Цзянсу ТВ» вещает с 1997 г. «Цзянсу ТВ» привлекает молодежную аудиторию развлекательными проектами, самые популярные из которых шоу-программы, посвященные свиданиям и браку. С 2009 по 2020 г. «Хунань ТВ» был лидером среди спутниковых телевещателей, уступив первое место лишь трижды: в 2018, 2021 и 2022 гг. «Чжэцзян ТВ» также в этот период обычно занимал одно из первых мест, в 2021 и 2022 гг. ему удалось опередить «Хунань ТВ». «Цзянсу ТВ» с 2009 по 2015 г. был вторым в рейтинге; с 2016 по 2020 г. находился в пятерке, а в 2021 и 2022 гг. занял третье место, уступив телеканалам «Чжэцзян ТВ» и «Хунань ТВ». Таким образом, последние десять лет можно было наблюдать напряженную борьбу между этими телевизионными вещателями. Именно поэтому особенно интересно сравнить их контент-политику, а также жанрово-форматную специфику в различные тайм-слоты.

Выбор контента, его размещение в программной сетке является одним из значимых слагаемых успеха любого телевизионного вещателя [5–7], поэтому важно изучение практики программирования телевизионных каналов-лидеров. Подобный анализ, на наш взгляд, будет иметь научно-практическое значение не только для исследователей из Китая, но и российских ученых. Телеканалы КНР стараются сохранить социальную значимость телевизионных проектов и их воспитательно-образовательный потенциал даже в условиях ориентации телевизионной индустрии на рейтинговые показатели [8–9].

Обзор литературы и разработка концепции

Исследование программирования тайм-слотов показало, что их таргетирование по-прежнему остается актуальной стратегией для российского телевидения [10]. Анализ сетки локальных телеканалов продемонстрировал ориентацию данных типов вещателей на малозатратное телевизионное производство, направленное на удовлетворение интересов местной аудитории

[11, С. 313]. Мы предполагаем, что создание программы передач провинциальных телеканалов КНР значительно отличается от российской практики: «Хунань ТВ», «Чжэцзян ТВ» и «Цзянсу ТВ» можно принимать на всей территории КНР, это одни из самых популярных телеканалов Китая.

Российские авторы редко обращались к исследованию медиа Поднебесной вследствие сложности обработки материала, тогда как ученые КНР неоднократно выбирали предметом анализа именно современное телевидение Китая, пытаясь концептуализировать и систематизировать изменения, происходящие в телевизионном пространстве: ориентацию на рейтинги, масштабное производство развлекательных телепрограмм и мн. др. [12–14]. Китайские ученые изучали различные аспекты программирования и продюсирования телеканалов «Хунань ТВ», «Чжэцзян ТВ» и «Цзянсу ТВ», программы которых вошли в эмпирическую базу данной работы. Дай Сяоцзюнь подробно проанализировал систему и ключевые технологии продюсирования программ спутникового телеканала «Цзянсу ТВ» [15]. Ши Хаоцзюнь изучал контент-стратегию и программирование этого телевизионного канала и пришел к выводу, что его контент-стратегия зависит от ритма жизни аудитории, а успех обусловлен юмором и уникальным стилем ведения популярных программ. [16]. К исследованию другого высокорейтингового телеканала, «Чжэцзян ТВ», обращался Гао Я, который рассматривал развлекательные программы и проблемы, с которыми сталкивался вещатель [17]. Хан Дунсюэ исследовал факторы популярности телеканала «Хунань ТВ», в частности проанализировал характеристики его шести самых востребованных программ в 2011 г. и выявил, что стратегия программирования должна учитывать потребности аудитории и особенности тайм-слотов [18]. Многие авторы пытались исследовать специфику программирования телевидения. Большинство сделанных выводов схожи. Ученые отмечали, что содержание программы и стратегия программирования влияют на рейтинги, а рейтинги связаны с ритмом жизни аудитории, передачи должны быть инновационными и отвечать потребностям зрителей и т.д. [19–22]. Однако китайские исследователи еще не обращались к сравнению программных стратегий выбранных телеканалов.

В ходе данного исследования мы стремились показать, какие телевизионные форматы были одинаково востребованы у каждого из выбранных вещателей в тот или иной тайм-слот: есть ли общие черты в программировании у трех ведущих спутниковых телевизионных каналов, можно ли говорить о стратегии таргетирования тайм-слотов применительно к телевидению КНР. Телеканалы «Хунань ТВ», «Чжэцзян ТВ» и «Цзянсу ТВ» ориентируются на широкую аудиторию, предлагая им разнообразный контент, однако благодаря значительному количеству развлекательных передач в программной верстке они часто оцениваются как развлекательные [23]. Для нас также было важно выявить, является ли контент, который показывают в эфире указанные телеканалы, исключительно развлекательным.

Методология

Для решения поставленных задач было проведено исследование, в ходе которого все передачи систематизировались согласно формату и таймслоту, в которой они транслировались. В эмпирическую базу вошли телевизионные программы, вышедшие в эфир с 9 по 15 января 2023 г.

В ходе изучения теоретических работ и пилотного исследования было выделено 15 видов жанрово-форматной классификации, которые были найдены на изучаемых телеканалах [24. С. 148; 25. С. 577–578]:

- *документальный фильм*;
- *реалити-шоу* – передачи, отличительной особенностью которых является длительное наблюдение за сценарно-организованным взаимодействием героев;
- *шоу* – представление, яркая развлекательная программа;
- *новости* – передача, рассказывающая о важных событиях в стране и мире;
- *информационно-аналитическая передача* – программа, не только рассказывающая последние новости, но и предлагающая их анализ;
- *ток-шоу* – передача, организованная вокруг разговора в студии, который ведет хорошо известный ведущий, выступающий в амплуа шоумена, часто ток-шоу сопровождается дополнительными видеоматериалами, в студии могут находиться зрители, задающие вопросы гостям;
- *конкурс* – соревнование в телевизионном эфире, заканчивающееся объявлением победителя;
- *тревел-шоу* – экранные произведения, рассказывающие о путешествии ведущих проекта, а также создающее образ того, места, где они находятся;
- *документальная драма* – экранные произведения, созданное на документальном материале, но с использованием средств выразительности художественного кинематографа;
- *литературный комментарий* – жанр аналитической публицистики, представляющий собой комментирование литературного произведения;
- *спортивная трансляция* – трансляция спортивного состязания.

Нежурналистские передачи:

- *телевизионный сериал* – многосерийные фильмы от четырех серий;
- *концерт* – выступление артистов с музыкальными и другими номерами согласно определенной последовательности;
- *мультифильмы*;
- *прогноз погоды*.

Некоторые выделенные виды программ были слишком различны по тематике, поэтому в итоговый классификатор для ток-шоу, конкурсов и шоу была также добавлена тематическая классификация.

Были разделены *шоу* (передачи, направленные только на развлечение аудитории) и *кулинарное шоу*.

Конкурсы разделены на *кулинарный конкурс*, *литературный конкурс*, *танцевальный конкурс*.

Ток-шоу на ток шоу о здоровье, научно-популярные ток-шоу, политическое ток-шоу, ток-шоу о любви¹.

Все виды передач систематизировались по тайм-слотам, которые были выделены согласно ритму жизни телевизионной аудитории КНР: с 05.00 до 08.00 – раннее утро; с 08.00 до 10.00 – позднее утро; с 10.00 до 16.00, – день; с 16.00 до 19.00 – предпрайм; с 19.00 до 23.00 – прайм-тайм; с 23.00–02.00 – постпрайм и с 02.00–05.00 – ночь [9].

В ходе исследования обращалось внимание на приоритетные форматы для каждого тайм-слота, наличие схожих форматов для одного тайм-слота на каналах-конкурентах, что могло рассматриваться как ориентация на стратегию «притупления» при программировании в противоположность стратегии «контрпрограммирования» [6]. В ходе анализа мы также обращали внимание на размещение экранного продукта в программной сетке согласно известным приемам программирования, используемым в России и отражающим ориентацию телевидения на ритм жизни человека [10].

Горизонтальное программирование (каждый день в одно и то же время) обычно используется для будних дней, когда ритм жизни телевизионного зрителя унифицирован.

Вертикальное программирование (один раз в неделю) можно наблюдать в выходной день.

Шахматное программирование (чередование похожих передач, размещение через день) используется в случае недостаточного количества определенной программы для программирования горизонтальным способом в течение недели.

Результаты исследования

Все три телевизионных канала при составлении программной сетки использовали шесть популярных форматов: телесериалы, новости, реалити-шоу, документальные фильмы, прогнозы погоды и различные тематические виды ток-шоу, причем телевизионные сериалы оказались самым востребованным для программирования форматом у всех трех телевизионных вещателей. Выявлено, что спектр форматов программ, которые выходили на канале «Цзянсу ТВ», характеризовался наибольшим разнообразием. Кроме развлекательных передач «Хунань ТВ», «Чжэцзян ТВ» и «Цзянсу ТВ» также выпускали в эфир развлекательно-познавательные, информационные и публицистические.

Общим форматом раннего утра для всех телеканалов оказались новости. Ясную стратегию для этого тайм-слота показал только «Хунань ТВ», который ориентировался на информирование зрителей и в будние и в выходные дни, что одновременно свидетельствует об отсутствии ориентации на ритм жизни аудитории. На телеканале «Чжэцзян ТВ» раннее утро программировалось при помощи документальных фильмов, новостей и мультфильмов,

¹ Тематических видов формата ток-шоу могло бы быть больше, например политические или исторические ток-шоу, однако в данный период на выбранных телеканалах были найдены именно эти.

которые выходили не каждый день. О последовательной ориентации на ритм жизни аудитории не приходится говорить, однако в субботний день уменьшалось количество документальных фильмов, увеличивался хронометраж информационных передач, в программной сетке появлялось научно-популярное ток-шоу. Для телеканала «Цзянсу ТВ» ранним утром было характерно разнообразие форматов: встречались новости, сериалы, мультфильмы, ток-шоу, часто это были повторы программ. Здесь можно наблюдать некоторую недельную динамику: ряд передач выходили в эфир только в будние дни, например сериалы, другие, например политическое ток-шоу, только в выходные, таким образом, канал в определенной степени демонстрировал ориентацию на ритм жизни аудитории. Появление некоторых форматов в сетке вещания кажется случайным: в частности, реалити-шоу было в верстке только во вторник и среду, а спортивная трансляция – в четверг (табл. 1–3).

Таблица 1

Раннее утро (5:00 – 8:00) «Хунань ТВ», мин

Формат / тайм-слот	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота	Воскресенье
Новости	174	174	177	174	173	174	174
Ток-шоу о здоровье	6	6	–	–	–	–	–

Таблица 2

Ранее утро (5:00 – 8:00) «Чжэцзян ТВ», мин

Формат / тайм-слот	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота	Воскресенье
Документальные фильмы	141	111	104	104	111	13	120
Новости	34	61	66	66	59	87	60
Мультфильмы	–	8	10	10	10	–	–
Научно-популярные ток-шоу	–	–	–	–	–	80	–
Прогноз погоды	3	–	–	–	–	–	–

Таблица 3

Раннее утро (5:00 – 8:00) «Цзянсу ТВ», мин

Формат / тайм-слот	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота	Воскресенье
Сериалы	30	30	30	38	37	–	–
Новости	20	20	20	22	23	48	21
Документальные фильмы	98	92	64	33	93	83	31

Формат / тайм-слот	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота	Воскресенье
Ток-шоу о здоровье	31	—	27	33	27	37	38
Реалити-шоу	—	37	38	—	—	—	—
Политическое ток-шоу	—	—	—	—	—	12	90
Спортивная трансляция	—	—	—	54	—	—	—

Данные показывают, что общий формат, который выходил в эфир на всех трех телеканалах поздним утром, – это телевизионные сериалы. Ориентация на ритм жизни аудитории не всегда была характерна для этого временного периода. Каналы не придерживались единой стратегии в течение будних дней. Например, «Хунань ТВ» и «Чжэцзян ТВ» ежедневно выпускали в эфир только сериалы и мультипликационные фильмы, тогда как другие форматы расставлялись в сетке хаотично. Кулинарное шоу на телеканале «Хунань ТВ» выходило по понедельникам и вторникам, а телевизионный концерт – по пятницам. «Чжэцзян ТВ» и «Цзянсу ТВ» в большей степени следовали ритму жизни аудитории: со вторника по пятницу на «Чжэцзян ТВ» транслировались документальные фильмы, а в выходные дни – новости. На «Цзянсу ТВ» литературный конкурс был в верстке с понедельника по пятницу, тогда как политическое ток-шоу – в воскресенье. Похожая тенденция наблюдалась и в количестве сериального продукта. Сериалы и мультфильмы на канале «Хунань ТВ» транслировались почти в равном объеме в будние и выходные, тогда как общий хронометраж сериалов и мультфильмов на канале «Чжэцзян ТВ» в пятницу и субботу значительно увеличивался, что обусловливалось изменением ритма жизни детской аудитории. На телеканале «Цзянсу ТВ» в выходные дни количество сериальной продукции также повышалось (табл. 4–6).

Таблица 4
Позднее утро (8:00 – 10:00) «Хунань ТВ», мин

Формат / тайм-слот	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота	Воскресенье
Документальные фильмы	—	—	25	34	—	34	35
Сериалы	35	46	34	34	34	34	34
Кулинарное шоу	31	31	—	—	—	—	—
Мультфильмы	54	43	58	51	36	52	51
Концерт	—	—	—	—	50	—	—

Таблица 5
Позднее утро (8:00 – 10:00) «Чжэцзян ТВ», мин

Формат / тайм-слот	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота	Воскресенье
Документальные фильмы		22	21	21	20	–	–
Сериалы	81	60	63	64	39	63	88
Новости	–	–	–	–	–	5	10
Мультфильмы	30	38	36	35	61	52	22

Таблица 6
Позднее утро (8:00 – 10:00) «Цзянсу ТВ», мин

Формат / тайм-слот	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота	Воскресенье
Сериалы	69	68	62	71	74	99	90
Новости	–	–	–	–	–	21	–
Литературный конкурс	51	52	58	49	46	–	–
Политическое ток-шоу	–	–	–	–	–	–	30

Общими форматами, транслируемыми на «Хунань ТВ», «Чжэцзян ТВ» и «Цзянсу ТВ» днем, оказались телевизионные сериалы.

Стоит отметить, что политика программирования выбранных вещателей в данный период различалась. Так же как в предыдущие тайм-слоты, расстановка в сетке трех основных форматов на канале «Хунань ТВ» в будни была практически неотличима от выходных дней. Здесь помимо сериалов показывались реалити-шоу и ток-шоу о здоровье. На телеканале «Чжэцзян ТВ» помимо сериалов выходили реалити-шоу и шоу. Программирование канала в будние и выходные дни несколько отличалось. Например, время трансляции телесериалов в субботу было меньше, чем в будние дни, новости отсутствовали, эфирное время передач формата «шоу», напротив, увеличивалось.

Основным форматом вещания на канале «Цзянсу ТВ» днем оказались ток-шоу о любви. Разница в программировании выходных дней и будних была незначительной. Ток-шоу о любви и телесериалы транслировались в воскресенье немного дольше, чем в остальные дни, в то время как новости не выходили в эфир в воскресенье (табл. 7–9).

Общими форматами в предпрайм на трех каналах оказались телевизионные сериалы и новости. «Хунань ТВ» выпускал в эфир также ток-шоу о здоровье и прогноз погоды. Все три вида экранного продукта выходили в эфир и в будни и в выходные: недельная цикличность ритма жизни не учитывалась.

Таблица 7

День (10:00 – 16:00) «Хунань ТВ», мин

Формат / тайм-слот	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота	Воскресенье
Реалити-шоу	115	116	123	124	123	123	123
Сериалы	203	244	195	194	195	195	195
Ток-шоу о здоровье	42		42	42	42	42	42

Таблица 8

День (10:00 – 16:00) «Чжэцзян ТВ», мин

Формат / тайм-слот	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота	Воскресенье
Реалити-шоу	–	134	118	94	–	–	2
Шоу	–	73	92	113	–	258	263
Сериалы	331	120	120	120	331	102	95
Новости	29	33	30	33	29	–	–

Таблица 9

День (10:00 – 16:00) «Цзянсу ТВ», мин

Формат / тайм-слот	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота	Воскресенье
Сериалы	120	120	120	120	120	120	138
Новости	35	35	34	34	34	33	–
Документальные фильмы	–	–	–	–	–	–	8
Ток-шоу о любви	205	205	206	206	206	207	214

Помимо горизонтально стоящих в эфирной сетке новостей и прогноза погоды на «Чжэцзян ТВ» чередовались реалити-шоу и телевизионные сериалы, они размещались без учета недельной динамики ритма жизни. Форматы программ канала «Цзянсу ТВ» оказались самыми разнообразными, и политика программирования в воскресенье значительно отличалась от эфира будних дней. Например, время трансляции новостей и телесериалов в воскресенье сокращалось, появлялись два новых формата, которые выходили в эфир один раз в неделю.

По сравнению с двумя другими каналами, прогноз погоды транслировался в фиксированном объеме на «Цзянсу ТВ» ежедневно (табл. 10–12).

Таблица 10

Предпрайм (16:00 – 19:00) «Хунань ТВ», мин

Формат / тайм-слот	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота	Воскресенье
Сериалы	82	120	80	80	80	80	80
Новости	57	60	58	58	57	57	58
Ток-шоу о здоровье	38	–	40	40	40	40	40
Прогноз погоды	3	–	2	2	2	2	2

Таблица 11
Предпрайм (16:00 – 19:00) «Чжэцзян ТВ», мин

Формат / тайм-слот	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота	Воскресенье
Реалити-шоу	–	119	119	119		119	120
Сериалы	117	–	–	–	119	–	–
Новости	56	58	58	58	58	50	56
Прогноз погоды	7	3	3	3	3	11	4

Таблица 12
Предпрайм (16:00 – 19:00) «Цзянсу ТВ», мин

Формат / тайм-слот	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота	Воскресенье
Сериалы	90	94	90	83	84	89	20
Новости	52	52	52	52	52	52	38
Документальные фильмы	–	–	–	13	14		11
Ток-шоу о любви	30	26	27	24	23	31	–
Прогноз погоды	8	8	8	8	8	8	8
Информационно-аналитическая программа	–	–	–	–	–	–	27
Спортивная трансляция	–	–	–	–	–	–	76

Основными форматами программ этих трех каналов в «прайм-тайм» вновь оказались телевизионные сериалы и новости, они программировались горизонтальным способом в течение всей недели, однако существовали некоторые различия. Исследование показало, что нет значительной разницы в стратегиях размещения новостей на телеканале «Хунань ТВ» в прайм-тайм в будние и выходные дни, а время трансляции телесериалов в пятницу и выходные значительно сокращалось. Данная практика могла быть обусловлена увеличением хронометража реалити-шоу и шоу в пятницу и выходные. Вечер пятницы как мост к выходным, самое ожидаемое время недели, именно в этот период количество реалити-шоу самое значительное. Форматы передач в выходные более разнообразные, добавляются познавательные передачи.

На телеканале «Чжэцзян ТВ» можно наблюдать недельную динамику программирования, меняются самые востребованные форматы. С понедельника по четверг прайм-тайм состоял преимущественно из телевизионных сериалов и новостей, тогда как в пятницу и субботу к ним добавились другие передачи, которые мы условно можем назвать развлекательными: шоу, реалити-шоу, а также кулинарный конкурс. В воскресенье можно было посмотреть познавательный контент, документальную драму о китайской культуре.

На «Цзянсу ТВ» также наблюдалась недельная динамика телевизионного программирования, только новости выходили каждый день примерно в равном объеме. Количество телевизионных сериалов уменьшалось в пятницу и субботу, это эфирное время отдавалось ток-шоу про любовь. В будние дни на экране также присутствовало политическое ток-шоу, а в воскресенье – танцевальный конкурс и реалити-шоу (табл. 13–15).

Прайм-тайм (19:00 – 23:00) «Хунань ТВ», мин

Таблица 13

Формат / тайм-слот	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота	Воскресенье
Документальные фильмы	–	33		41	–	–	–
Реалити-шоу	–	–	–	–	94		65
Шоу	–	–	–	–	–	68	–
Сериал	160	160	166	162	112	113	111
Новости	41	47	34	37	34	35	34
Кулинарное шоу	–	–	–	–	–	24	–
Ток-шоу о здоровье	39	–	40	–	–	–	–
Документальная драма о китайской культуре	–	–	–	–	–	–	30

Прайм-тайм (19:00 – 23:00) «Чжэцзян ТВ», мин

Таблица 14

Формат / тайм-слот	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота	Воскресенье
Документальные фильмы	52	–	–	–	–	–	–
Реалити-шоу	–	–	–	52	103	–	–
Шоу	–	–	–	–	–	162	–
Сериалы	129	176	176	121	45	46	103
Новости	44	44	44	42	32	32	32
Кулинарный конкурс	–	–	–	–	60	–	–
Трэвел-шоу о китайской культуре	–	–	–	–	–	–	105

Прайм-тайм (19:00 – 23:00) «Цзянсу ТВ», мин

Таблица 15

Формат / тайм-слот	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота	Воскресенье
Сериалы	109	109	100	108	97	55	109
Новости	31	41	37	45	31	32	31
Реалити-шоу	–	–	–	–	–	–	81

Формат / тайм-слот	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота	Воскресенье
Ток-шоу любви	43	34	103	–	112	153	–
Политическое ток-шоу	57	56	–	87	–	–	–
Танцевальный конкурс	–	–	–	–	–	–	19

Анализ периода «постпрайм» показал, что из трех каналов только «Хунань ТВ», как и в большинстве других тайм-слотов, придерживался стратегии горизонтального программирования: в течение всех дней недели ставились в эфир новости, сериалы, прогноз погоды, документальные фильмы (последние кроме субботы), однако их эфирное время несколько отличалось. Например, информационная программа имела самый небольшой хронометраж в субботу, зато прогноз погоды занимал в этот день недели целых 24 минуты: продолжительность документальных фильмов сокращалась в пятницу, а в субботу они отсутствовали в программной сетке; в эти дни недели на экране можно было посмотреть реалити-шоу. В постпрайм также наблюдалось таргетирование, отмечаемое в предыдущем тайм-слоте: воскресенье для более серьезных программ, суббота – для более легких.

Форматы передач в сетке вещания каналов «Чжэцзян ТВ» и «Цзянсу ТВ» разнообразны. В период «постпрайм» аудитория постепенно выключала телевизор и ложилась спать, рейтинги снижались. Большинство транслируемых телепрограмм являлись повторами (табл. 16–18).

Таблица 16
Постпрайм (23:00 – 02:00) «Хунань ТВ», мин

Формат / тайм-слот	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота	Воскресенье
Документальные фильмы	56	61	52	45	21		62
Реалити-шоу	–	–	–	–	67	46	–
Сериалы	57	46	86	108	49	46	50
Новости	15	40	40	24	41	6	30
Кулинарное шоу	–	–	–	–	–	58	–
Прогноз погоды	6	2	2	2	2	24	6
Документальная драма о китайской культуре	–	–	–	–	–	–	32

Таблица 17
Постпрайм (23:00 – 02:00) «Чжэцзян ТВ», мин

Формат / тайм-слот	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота	Воскресенье
Документальные фильмы	36	144		128		23	64
Реалити-шоу	–	–	38	–	163	157	88
Шоу	–	–	123	–	–	–	–
Сериалы	141	–	19	19	–	–	–
Новости	–	32	–	33	–	–	23
Кулинарный конкурс	–	–	–	–	17	–	–
Прогноз погоды	3	4	–	–	–	–	3

Таблица 18
Постпрайм (23:00 – 02:00) «Цзянсу ТВ», мин

Формат / тайм-слот	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота	Воскресенье
Сериалы	64	91	66	–	–	–	–
Новости	58		35	4	2		20
Документальные фильмы	–	–	–	97	69	74	70
Реалити-шоу	–	–	59	64	109	91	–
Ток-шоу о любви	58	72	–	–	–	15	–
Политическое ток-шоу	–	17	–	15	–	–	–
Информационно-аналитическая программа	–	–	19	–	–	–	–
Танцевальный конкурс	–	–	–	–	–	–	90

«Ночь» – это период с самыми низкими рейтингами, и большинство программ являлись повторами. Среди трех каналов «Хунань ТВ» имел самую последовательную политику программирования, основными передачами этого тайм-слота были телесериалы. «Чжэцзян ТВ» и «Цзянсу ТВ» повторяли программный продукт разнообразных форматов (табл. 19–21).

Таблица 19
Ночь (02:00 – 05:00) «Хунань ТВ», мин

Формат / тайм-слот	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота	Воскресенье
Реалити-шоу	96	–	–	–	–	–	–
Сериалы	51	150	180	180	180	180	180
Ток-шоу о здоровье	33	30	–	–	–	–	–

Таблица 20

Ночь (02:00 – 05:00) «Чжэцзян ТВ», мин

Формат / тайм-слот	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота	Воскресенье
Документальные фильмы	180	135	89	180	62	131	180
Реалити-шоу	–	–	58	–	56	20	–
Новости	–	–	33	–	34	27	–
Научно-популярные ток-шоу	–	26	–	–	28	–	–
Прогноз погоды	–	–	–	–	–	2	–
Литературные комментарии	–	19	–	–	–	–	–

Таблица 21

Ночь (02:00 – 05:00) «Цзянсу ТВ», мин

Формат / тайм-слот	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота	Воскресенье
Сериалы	27	–	25	–	–	–	–
Новости	14	–	–	–	–	–	–
Документальные фильмы	139	162	126	179	180	180	155
Информационно-аналитическая программа	–	–	–	–	–	–	25
Политическое ток-шоу	–	–	29	–	–	–	–
Спортивная трансляция	–	–	–	1	–	–	–

Дискуссия и выводы

Исследование позволило выделить незначительное количество общих тенденций программирования для самых популярных спутниковых телеканалов КНР. Однаковыми форматами для всех тайм-слотов оказались только сериалы и новости, в остальном вещатели программирували эфир при помощи различных передач. Контент-стратегия основывалась на программах, традиционно понимаемых как развлекательные: шоу, реалити-шоу, ток-шоу, что объясняет восприятие изучаемых универсальных телевизионных вещателей как ориентированных на реализацию потребности в отдыхе и развлечении [23. С. 109]. В отличие от российских региональных и локальных телеканалов, китайские аудиовизуальные медиа этого типа направлены на самую широкую аудиторию зрителей по всей стране, предлагая ей популярный (и традиционно дорогой в производстве) экранный продукт.

Нам не удалось выделить общих приоритетных форматов для отдельных тайм-слотов. Например, день на телеканале «Хунань ТВ» программировался при помощи сериалов, реалити-шоу и ток-шоу о здоровье, на телеканале «Чжэцзян ТВ» помимо сериалов и новостей большее внимание уделялось шоу и новостям; «Цзянсу ТВ» выпускал в эфир новости, сериалы и ток-шоу о любви. Следует отметить и разницу в тематике передач, что позволяет говорить о наличии стратегии контрпрограммирования у данных вещателей. Контент-политика спутниковых телеканалов КНР отличается от привычной практики программирования и национальных вещателей в России. Например, в утреннем эфире в Китае отсутствовал традиционный для западного и российского вещания формат информационно-развлекательной передачи [10]. Одновременно на телевидении КНР были найдены познавательно-развлекательные форматы, не использующиеся на российском телевидении: например, документальная драма о китайской культуре и др.

Рассматривая различия в программировании телеканалов, стоит отметить, что «Хунань ТВ» стремился использовать унифицированную программную сетку во все дни недели для всех тайм-слотом, кроме прайм-тайма и постпрайма, где можно было наблюдать недельную динамику и постановку в эфир различных передач в будние и в выходные дни. Программная верстка «Чжэцзян ТВ» и Цзянсу ТВ» менее единообразная, в различные тайм-слоты программирование будних дней и выходных несколько отличалось, что свидетельствует об ориентации телевизионных каналов на изменение ритма жизни аудитории, однако было найдено много случайного программирования, выражавшегося в эпизодическом появлении определенного вида телевизионного продукта в один из дней недели или, напротив, его отсутствие в эфире. Для телеканала «Цзянсу ТВ» характерно самое разнообразное и хаотичное программирование.

Во всех тайм-слотах присутствовали программы, которые ориентировались не только на развлечение аудитории, но и на информирование и пропаганду. Например, на телеканале «Хунань ТВ» в прайм-тайм помимо реалити-шоу выходили документальные фильмы и ток-шоу о здоровье, а в воскресенье документальная драма о китайской культуре. «Чжэцзян ТВ» помимо реалити-шоу и шоу показывал информационные передачи и значительное количество документальных фильмов, «Цзянсу ТВ» – политическое ток-шоу.

Анализ показал, что коммерческое телевидение КНР не в полной мере следует стратегиям программирования, предложенным западными исследователями и апробированным российскими практиками. Недельная динамика программирования прослеживается нечетко, сложно выделить приоритетные форматы для определенного тайм-слота, что делает телевидение КНР более разнообразным и самобытным. Однако можно прогнозировать, что тот телеканал, который в большей степени начнет следовать известным стратегиям расстановки передач в сетке вещания, займет приоритетное место в конкурентной борьбе провинциальных спутниковых телеканалов.

Список источников

1. Волкова И.И., Проскурнова Е.Л., Чан Тхи Тхуи Зунг. О перспективах новостного телевидения: материалы глубинных интервью // Научный диалог. 2021. № 3. С. 157–170. doi: 10.24224/2227-1295-2021-3-157-170
2. Полухтова И.А. Медиапотребление различных возрастных групп // Социологические исследования. 2023. № 11. С. 127–132. doi: 10.31857/S013216250028539-5
3. Ellis J. Seeing things: Television in the age of uncertainty. London, IB : Tauris, 2000. 193 р.
4. Рейтинги телевидения в Китае // Официальный сайт исследовательской компании «CSM»: <http://www.csm.com.cn>. (дата обращения: 10.08.2023). (на кит. яз.).
5. Могилевская В.С. Трансформация программной стратегии нишевого развлекательного телеканала в условиях конкурентной медиасреды (на примере СТС и ТНТ) // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10, № 4. С. 775–791.
6. Eastman S.T., Ferguson D.A. Media Programming: Strategies and Practices. 9th ed. Australia : Thomson/Wadsworth, 2012. P. 271–302.
7. Perebinosoff P., Gross B., Gross L.S. Programming for TV, radio, and the Internet: strategy, development, and evaluation. London : Taylor & Francis, 2005. 324 р.
8. Долгова Ю.И., Цао Ю. Специфика реализации воспитательно-образовательной функции детским телевидением Китая // Вопросы теории и практики журналистики. 2020. Т. 9, № 3. С. 543–553.
9. Долгова Ю.И., Чжан И. Суточная и недельная динамика программирования телеканала «Хунань» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2023. № 4. С. 97–103.
10. Долгова Ю.И., Перипечина Г.В., Тихонова О.В. Программирование тайм-слотов телеканалов «большой тройки»: эфир будних дней // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 69. С. 321–339.
11. Долгова Ю.И. Локальное телевидение: программирование и контент-стратегии в цифровую эпоху // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 73. С. 311–333.
12. Цзоу Сюй. Анализ проблем безопасности и контрмер системы управления радио- и телерадиовещанием // Мир цифровых коммуникаций. 2021. № 3. С. 283–284. 邹旭. 分析广播电视播控系统安全问题及对策研究 [J]. 数字通信世界, 2021(03): 283–284. (на кит. яз.).
13. Цзяо Пинбин. Исследование технологического развития радио- и телениженерии в эпоху интегрированных медиа // Западное радио и телевидение. 2022. № 12. С. 215–217. 焦萍萍. 融媒体时代广播电视工程技术发展研究 [J]. 西部广播电视台, 2022(12): 215–217. (на кит. яз.).
14. Чжан Сүцзин, Фэн Чжифэн, Чжао Сян. Исследование и применение радио- и телевизионных систем, основанных на сетевых технологиях // Технологическое видение. 2017. № 12 (7). С. 38–41. 张素静, 冯志峰, 赵翔. 基于网络技术的广播电视系统的研究与应用 [J]. 科技视界, 2017, 12(7): 38–41. (на кит. яз.).
15. Дай Сяоцзюнь. Знакомство с системой продюсирования программ спутникового телеканала «Цзянсу» и ключевыми программными технологиями // Радио- и телевизионные технологии. 2012. С. 28–30. 戴晓俊. 江苏卫视频道节目制作系统及节目关键技术介绍. 广播电视技术, 2012: 28–30. (на кит. яз.).
16. Ши Гаоцзюнь. Стратегия развития спутникового телевидения Цзянсу с точки зрения программирования и вещания // Китайский журнал радиовещания и телевидения. 2013. № 6. С. 53–55. 侍浩军. 从编播看江苏卫视的发展策略 // 中国广播影视学刊, 2013年第6期, 第 53–55 页. (на кит. яз.).
17. Гао Я. Краткий анализ тенденций развития развлекательных программ спутникового телевидения «Чжэцзян» // Китайский журнал радиовещания и телевидения. 2017.

- № 8. С. 43–45. 高雅. 浙江卫视综艺节目发展走向浅析. 中国广播电视台学刊, 2017 (8): 43–45. (на кит. яз.).
18. *Хан Дунсюэ*. Анализ стратегии программирования телевизионных программ – на примере спутникового телевидения Хунань // пресс Шэнъчжоу. 2011. С. 190–191. 韩东雪. 电视节目的编排实例分析—浅谈湖南卫视的节目编排 / 神州. 2011, 第 190–191 页. (на кит. яз.).
19. *Ван Хайбо*. Влияние контент-стратегии телеканалов на рейтинги – на примере общественного телеканала Чанша // Сиджин Медиа. 2011. №10. С. 85–86. 王海波. 电视节目编排对收视率的影响-以长沙电视台公共频道为例. 四今传媒, 2011(10): 85–86. (на кит. яз.).
20. *Сюй Ин*. Анализ приемов программирования и инновационных стратегий телевизионных программ в новую эпоху // Колыбель репортеров. 2021. № 8. С.137–138. 许颖. 新时期电视节目编排技巧与创新策略分析/ 记者摇篮. 2021 (8): 137–138. (на кит. яз.).
21. *Чай Ян*. Инновационные стратегии программирования телевизионных программ в условиях мультимедийности // Колыбель репортеров. 2020. № 8. С. 122–123. 柴艳. 多媒体时代背景下电视节目编排创新策略. 记者摇篮. 2020 (08): 122–123. (на кит. яз.).
22. *Шэнь Шуньчжэнь*. Краткий обзор инновационных идей в контент-стратегии телепрограмм // Журнал Хуанхэского университета науки и техники. 2008. № 6. С. 91–93. 沈顺珍. 浅议广播电视台节目编排中的创新理念. 黄河科技大学学报. 2008 (6): 91–93. (на кит. яз.).
23. *Чэн Ханьхан*. Анализ пути развития развлекательных шоу с точки зрения коммуникации с общественным мнением // Западное радио и телевидение. 2017. № 12. С. 109–110. 陈晗航. 舆论传播视角下电视综艺节目发展路径分析 [J]. 西部广播电视台, 2017 (12): 109–110. (на кит. яз.).
24. *У Мин*. Исследование навыков и стратегий программирования телепрограмм в эпоху конкуренции каналов // Западное вещание и телевидение. 2019. № 8. С. 144–148. 吴敏. 频道竞争时代电视节目编排技巧和策略探究 [J]. 西部广播电视台. 2019 (8): 144–148. (на кит. яз.).
25. *Долгова Ю.И., Ерилов Н.О., Чан Т.З.* Жанрово-форматные особенности развлекательного телевидения // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27, № 3. С. 573–589.

References

1. Volkova, I.I., Proskurnova, E.L. & Tran Thi Thuy Dung. (2021) Prospects of News Television: Materials of In-Depth Interviews. *Nauchnyi dialog – Scientific Dialogue*. 3. pp. 157–170. (In Russian). doi: 10.24224/2227-1295-2021-3-157-170.
2. Poluekhtova, I.A. (2023) Media consumption of different age groups. *Sociologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 11. pp. 127–132. (In Russian). doi: 10.31857/S013216250028539-5
3. Ellis J. *Seeing things: Television in the age of uncertainty*. London, IB. Tauris, 2000. 193 p.
4. CSM. (2023) *Ratings of television in China*. [Online] Available from: <http://www.csm.com.cn>. (Accessed: 10.08.2023). (In Chinese).
5. Mogilevskaya, V.S. (2021) Transformation of the Program Strategy of a Niche Entertainment TV Channel under Conditions of a Competitive Media Environment (on the Example of STS and TNT). *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistik – Theoretical and Practical Issues of Journalism*. 10 (4). pp. 775–791. (In Russian). doi: 10.17150/2308-6203.2021.10 (4).775–791
6. Eastman, S.T. & Ferguson, D.A. (2012) *Media Programming: Strategies and Practices*. 9th edition. Australia: Thomson/Wadsworth. pp. 271–302.

7. Perebinossoff, P., Gross, B. & Gross, L.S. *Programming for TV, radio, and the Internet: strategy, development, and evaluation*. London: Taylor & Francis.
8. Dolgova, Y.I. & Cao Yu. (2020) Pedagogic and Educational Function of China's TV for Children and Peculiarities of Its Implementation. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki – Theoretical and Practical Issues of Journalism*. 9 (3). pp. 543–553. (In Russian). doi: 10.17150/2308-6203.2020.9 (3).543–553
9. Dolgova, Y.I. & Ying Zhang. (2023) Daily and weekly dynamics of "Hunan TV" Channel programing. *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika – Bulletin of the VSU. Series: Philology. Journalism*. 4. pp. 97–103. (In Russian).
10. Dolgova, Y.I., Peripechina, G.V. & Tikhonova, O.V. (2021). Programming of time slots of the Big Three TV channels: Weekday broadcast. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 69. pp. 321–339. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/69/16.
11. Dolgova, Y.I. (2021) Local television: Programming and content strategies in the digital age. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 73. pp. 311–333. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/73/17. (In Russ.).
12. Zou Xu. (2021) Analyze the safety issues and countermeasures of radio and television broadcast control system. *Digital Communication World*. 03. pp. 283–284. (In Chinese).
13. Jiao Pingping. (2022) Research on the technological Development of Radio and Television Engineering in the era of Integrated media [J]. *Western Radio and Television*. 12. pp. 215–217. (In Chinese).
14. Zhang Sujing, Feng Zhifeng, & Zhao Xiang. (2017) Research and application of radio and television system based on network technology [J]. *Technology Vision*. 12 (7). pp. 38–41. (In Chinese).
15. Dai Xiaojun. (2012) Introduction to Jiangsu Satellite TV channel program production system and key program technologies. *Radio and Television Technology*. pp. 28–30. (In Chinese).
16. Shi Haojun. (2013) The development strategy of Jiangsu Satellite TV from the perspective of editing and broadcasting. *China Journal of Radio and Television*. 6. pp. 53–55. (In Chinese).
17. Gao Ya. (2017) A brief analysis of the trends in the development of entertainment programs of Zhejiang satellite television. *Chinese Journal of Radio Broadcasting and Television*. 8. pp. 43–45. (In Chinese).
18. Han Dongxue. (2011) Analysis of the programming strategy of television programs – Take Hunan TV as an example. Shenzhou. pp. 190–191. (In Chinese).
19. Wang Haibo. (2011) The influence of the content strategy of TV programs on ratings - Taking Public Channel "Changsha" as an example. *Sijin Media*. 10. pp. 85–86. (In Chinese).
20. Xu Ying. (2021) Analysis of programming techniques and innovative strategies of television programs in the new era. *Cradle of Reporters*. 8. pp. 137–138. (In Chinese).
21. Chai Yan. (2020) Innovative strategies of programming television programs in the context of the multimedia. *Cradle of Journalists*. 8. pp. 122–123. (In Chinese).
22. Shen Shunzhen. (2008) A brief overview of innovative ideas in the content strategy of TV programs. *Journal of Huanghe University of Science and Technology*. 6. pp. 91–93. (In Chinese).
23. Chen Hanhang. (2017) Analysis of the development path of television variety shows from the perspective of public opinion communication. *Western Radio and Television*. 12. pp. 109–110. (In Chinese).
24. Wu Min. (2019) Exploration on TV program arrangement skills and strategies in the era of channel competition. *Western Broadcasting and Television*. 8. pp. 144–148. (In Chinese).
25. Dolgova, Y.I., Ershov, N.O. & Chan, T.Z. (2022) Genre and format features of entertainment television. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filologiya. Journalism*. 4. pp. 97–103. (In Russian).

Literaturovedenie, zhurnalistika – RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism. 27 (3). pp. 573–589. (In Russian).

Информация об авторах:

Долгова Ю.И. – канд. филол. наук, доцент кафедры телевидения и радиовещания факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: yidolgova@gmail.com

Чжан И. – аспирант кафедры телевидения и радиовещания факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: tchjanin@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Yu.I. Dolgova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: yidolgova@gmail.com

Ying Zhang, postgraduate student, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: tchjanin@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.04.2024; одобрена после рецензирования 26.06.2024; принята к публикации 26.03.2025.

The article was submitted 06.04.2024; approved after reviewing 26.06.2024; accepted for publication 26.03.2025.

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номерserialного издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит 6 раз в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 44041 в объединенном каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Редакция не вступает с авторами в переписку по методике написания и оформлению научных статей и не занимается доведением статей до необходимого для публикации уровня.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Ответственный секретарь редакции журнала – М.М. Угрюмова.

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ФИЛОЛОГИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2025. № 94

Редактор Т.В. Зелева

Редактор-переводчик В.В. Кашпур

Оригинал-макет А.И. Лелоюр

Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 24.04.2025 г. Формат 70×100 $\frac{1}{16}$.

Печ. л. 19,5; усл. печ. л. 25,3. Цена свободная.

Тираж 50 экз. Заказ № 6307.

Дата выхода в свет 10.07.2025 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании Издательства ТГУ
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru